2913 2.

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ

Сборникъ статей
по военнымъ и общественнымъ
вопросамъ

КНИГА ВТОРАЯ

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, КУДРИНСКАЯ САДОВАЯ, ДОМЪ № 6, КВ. № 6.

ТИПОГРАФІЯ П. П. РЯБУШИНСКАГО.
МОСКВА.

Цѣна 2 р.

29132

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ

36453

Сборникъ статей
по военнымъ и общественнымъ
вопросамъ

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
Редакторъ-издатель В. П. Рябушинскій

Библиотека НКФ СССР
39

86536

СОДЕРЖАНІЕ:

		стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ		5
W.	Воздушный флотъ	9
Л. М. БОЛХОВИТИНОВЪ.	Священный долгъ	23
С. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ.	Русская внѣшняя политика и національныя задачи	43
БОБРОВЪ.	Возстановленіе силы	67
Л. Н. ЯСНОПОЛЬСКІЙ.	Финансы Россіи и ихъ подготовленность къ войнѣ	89
	Записка о мѣрахъ, необходимыхъ для ускоренія и удешевленія кораблестроенія, представленная въ комиссію инженеръ-генерала Рерберга членами Гос. Думы А. Ф. Бобянскимъ, Н. Н. Львовымъ, М. В. Челноковымъ и А. А. Федоровымъ	123
П. Б. СТРУВЕ.	Экономическая проблема «Великой Россіи».	143
* * *	Основы подготовки командnаго состава арміи	155
УРАЛЕЦЪ.	Почему обѣднѣли казаки	175
П. А. Т.	Желѣзно-дорожный вопросъ въ Персіи и Великій Индійскій путь. (Съ картой).	243
БРУТЪ.	Слѣпые	283
КН. Г. Н. ТРУБЕЦКОЙ.	Нѣкоторые итоги русской внѣшней политики	323

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Европейскому миру сейчасъ, въ началѣ XX столѣтія, болѣе всего угрожаютъ два обстоятельства. На первомъ мѣстѣ стоитъ поколебленная увѣренность мірового общественнаго мнѣнія въ военномъ могуществѣ Франціи, въ ея возможности противостоять Германіи; вторая причина, это—крушеніе военнаго престижа Россіи. Всѣ думаютъ, что Россія воевать и не можетъ, и не захочетъ. Только поддержка Англіи удержала осенью 1911 года Германію отъ нападенія на Францію; Россіи какъ-будто не существовало,—ее игнорируютъ.

Въ послѣднее время дѣлается много усилій для распространенія идеи пасифизма въ Россіи; въ основаніи этого движенія лежатъ высокія и благородныя побужденія, но наше международное положеніе стало такимъ, что успѣхъ пасифизма въ Россіи явился бы большимъ общественнымъ зломъ и, какъ это ни звучитъ парадоксомъ, ослабляя боевую готовность нашей родины, нанесъ бы сильный ударъ дѣлу мира.

Россіи нуженъ сейчасъ здоровый милитаризмъ; подъ нимъ, конечно, слѣдуетъ подразумѣвать не заносчивость драчуна и забіяки, а серьезное и вдумчивое отношеніе къ военному дѣлу, внесеніе во взгляды общества на него того элемента дѣловитости, который такъ властно требуется характеромъ современной войны,—войны не забавы, не дуэли, не лихой авантюры, а тяжелаго всенароднаго дѣла.

Какіе-то удушливые, взрывчатые газы скапливаются опять въ жизни человѣчества. Наступленіе катастрофы отсрочивается не столько изъ чувства человѣколюбія, сколько изъ-за страха непоправимыхъ экономическихъ потрясеній.

Вопросы военно-экономическіе привлекаютъ къ себѣ все больше и больше вниманіе. Можетъ-быть-это и цинично, но нужно сознаться, что мысль европейца работаетъ въ томъ направленіи, какъ бы устроиться, чтобы экономика не мѣшала войнѣ.

Осенью 1911 года мы видѣли первую финансовую мобилизацію: ее произвела Германія, готовясь къ столкновенію съ Франціей. Результаты были не особенно удовлетворительными для Германіи, и, между прочимъ, часть расходовъ пришлось оплатить намъ. Осенью же этого года, по поводу войны Италіи съ Турціей, Россіи былъ данъ показательный урокъ экономическаго значенія для нея Босфора и Дарданеллъ.

Всѣ эти обстоятельства заставили удѣлить во второй книгѣ «Великой Россіи» много мѣста вопросамъ военно-экономическимъ. Но важнѣе матеріальной, является идейная подготовка страны къ борьбѣ. Пробужденіе инстинкта государственности, которое не разъ спасало наше отечество раньше въ трудныя времена, при теперешнемъ состояніи военнаго дѣла можетъ оказаться запоздалымъ средствомъ. Инстинктъ долженъ быть замѣненъ народнымъ сознаніемъ: первый является лишь въ минуту опасности, сознаніе ее предвидитъ за долгіе годы впередъ. Слава Богу, у насъ нѣтъ сейчасъ опредѣленнаго врага, но нападеніе Италіи на Турцію лишній разъ, у всѣхъ на глазахъ, показало, какъ опасно быть слабымъ. Эту мысль нужно внѣдрить въ народное сознаніе.

Мы и тутъ отстали отъ Европы. Можно осуждать самый фактъ объявленія Италіей войны Турціи, но нельзя отрицать, что Италія дала примѣръ образцовой идейной подготовки страны къ войнѣ. Навѣрное не ниже, а еще выше—въ смыслѣ яснаго пониманія задачъ своей родины,— стоятъ два противника Германія и Англія. Это отражается на постановкѣ тамъ военнаго дѣла.

И удивляешься, и завидуешь той атмосферѣ дѣловитости, которою дышутъ германская и британская арміи. Всѣмъ извѣстно, какъ нѣмцы любятъ плацпарадный блескъ — даже его начинаютъ приносить въ жертву, если онъ вредитъ настоящему дѣлу.

Чувствуется прогрессъ и въ Россіи, но какъ медленно, медленно идемъ мы впередъ; все еще вмѣсто настоящихъ

сооруженій часто видишь декораціи, главная цѣль которыхъ скрывать трамплины для прыжковъ впередъ по дорогѣ житейскаго успѣха.

Желѣзная рука войны отъ времени до времени безпощадно разрушаетъ эти декораціи, ломаетъ трамплины и заставляетъ различать, что настоящее золото и что мишура; но заключаютъ миръ, проходятъ годы и наступаетъ опять пышный расцвѣтъ бутафоріи, на почвѣ недобросовѣстности однихъ, равнодушія и злорадства другихъ.

Декабрь 1911 года. *В. П. Рябушинскій.*

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТЪ.

Какъ извѣстно, покореніе воздуха осуществляется сейчасъ двумя путями: аппаратами тяжелѣе воздуха — аэропланами и дирижаблями. Что касается послѣднихъ, то для военнаго дѣла они начинаютъ отходить на второй планъ. Послѣ первыхъ успѣховъ Цеппелина, нѣмцы въ родѣ какъ бы объявили дирижабли германской національной формой воздухоплаванія, а аэропланы французской. Нуженъ былъ цѣлый рядъ неудачъ, чтобы заставить нашихъ сосѣдей обратить серьезное вниманіе на аэропланы, но пока французы все таки далеко впереди.

Вопросъ о введеніи аэроплановъ въ постоянный составъ современныхъ армій уже вышелъ изъ стадіи опытовъ и пробъ. Очередной задачей является выясненіе минимальнаго количества аппаратовъ. необходимаго для обслуживанія арміи. Для этого нужно имѣть въ виду, что наименьшей тактической единицей должна быть признана пара машинъ; организмъ аэроплановъ и ихъ двигателей еще чрезвычайно хрупокъ и капризенъ, поломки часты; только наличность двухъ аппаратовъ будетъ гарантировать, и то относительно, правильность и непрерывность службы въ извѣстной точкѣ. Если считать, что такой парой должна быть снабжена каждая пѣхотная и кавалерійская дивизія, а также артиллерія и штабъ корпуса, то на корпусъ въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи и вспомогательныхъ войскъ, придется завести 10 машинъ. Командующіе арміями должны также имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи отряды аэроплановъ. Кадромъ

для послѣднихъ въ мирное время могутъ служить аппараты окружныхъ штабовъ. Такимъ образомъ, русская армія потребуетъ не менѣе 400 аэропланов. Для ихъ обслуживанія понадобится около 800 офицеровъ-пилотовъ и не менѣе 400 механиковъ, затѣмъ около 4000 нижнихъ чиновъ, считая по 10 человѣкъ на аэропланъ; и 300 шофферовъ. Послѣдніе вызываются необходимостью имѣть по меньшей мѣрѣ для каждой пары аэропланов подвижную базу въ видѣ одного автомобиля; на немъ ѣдетъ механикъ, перевозится масло, бензинъ, запасныя части, наконецъ автомобиль тащитъ аэропланъ на буксирѣ,—производитъ рекогносцировки для выбора мѣста спуска и путей перелетовъ въ предѣлахъ своей арміи. Кромѣ легкихъ машинъ придется имѣть нѣсколько спеціальныхъ автомобилей для прожекторовъ и для искроваго телеграфа. Понадобятся также грузовики для перевозки ангаровъ, запасныхъ двигателей, большихъ запасовъ бензина и масла и т. д. Оборудованіе такого воздухоплавательнаго корпуса первокласснымъ матеріаломъ вызоветъ слѣдующій единовременный расходъ:

400 аэропланов	6,400,000 р.
250 автомобилей	2,000,000 р.
400 постоянныхъ ангаровъ	1,000,000 р.

Брезентные ангары для походовъ, гаражи для автомобилей, казармы, ремонтныя мастерскія, запасныя части, приборы, непредвидѣнные расходы,—всего не менѣе 4,000,000 р.

Итого потребуется около 13,400,000 рублей. Въ нашей смѣтѣ стоимость аэроплана опредѣлена въ 16,000 рублей, что, приблизительно, соотвѣтствуетъ 40,000 франкамъ, т.-е. суммѣ, которую французское правительство согласно платить за машины, которыя будутъ премированы на конкурсѣ въ Реймсѣ.

Помимо единовременной затраты, содержаніе воздушнаго флота вызоветъ ежегодный расходъ въ 12,500,000 рублей. Разсчетъ таковъ: возобновленіе матеріальной части, считая службу аэроплана въ 2 года, а автомобиля въ 4—потребуетъ 4,200,000 р.; кромѣ того на зданія придется тратить не менѣе 300,000 рублей. На содержаніе личнаго состава: офи-

церовъ, механиковъ, шоффероvъ, нижнихъ чиновъ и т. д. нужно ассигновать 5,000,000 рублей. Наконецъ на ремонтъ, бензинъ, масло, шины и т. д., при условіи частыхъ полетовъ и постоянныхъ упражненій, потребуется не менѣе 3,000,000 рублей. Итого ежегодный расходъ достигнетъ суммы 12,500,000 рублей. Слѣдовательно, устройство воздушнаго флота и содержаніе его въ теченіе четырехъ лѣтъ потребуетъ около 65,000,000 рублей — цѣну двухъ дредноутовъ.

Переходя теперь къ вопросу о созданіи кадра летчиковъ имѣемъ въ виду слѣдующее. Каждый инструкторъ получаетъ въ свое распоряженіе 2 аппарата. Этимъ обезпечивается непрерывность обученія, несмотря на поломки, которыя непремѣнно будутъ. Два аэроплана, даже съ моторами Гномъ, которые быстро изнашиваются, дадутъ не менѣе 200 часовъ полетовъ или 1200 десяти-минутныхъ уроковъ. Въ среднемъ маломальски способный ученикъ дѣлается летчикомъ въ 20—25 уроковъ, такъ что теоретически можно было бы разсчитывать на 45—60 молодыхъ пилотовъ къ концу сезона. Но, конечно, не всѣ окончатъ курсъ; чтобы быть осторожнымъ, предположимъ, что по тѣмъ или инымъ причинамъ лишь одна треть выдержитъ экзаменъ на летчика—тогда инструкторъ съ двумя машинами дастъ 15 летчиковъ, слѣдовательно, чтобы черезъ годъ, т. е. осенью 1912 года, имѣть не менѣе 400 летчиковъ, а черезъ 2 года 800, необходимо мобилизовать около 30 инструкторовъ и 60 учебныхъ аппаратовъ. Такое количество авіаторовъ и аэроплановъ въ Россіи найдется. Затрудненія возникаютъ съ другой стороны: какъ отвлечь отъ своихъ прямыхъ обязанностей сразу нѣсколько сотъ молодыхъ офицеровъ при томъ некомплектѣ, отъ котораго страдаетъ наша армія. Но опытъ Московской школы показалъ, что при доброй волѣ со стороны учениковъ, они, хотя и съ трудомъ, могутъ и нести службу, и обучаться авіаціи. Конечно, это возможно лишь тогда, если школа находится въ томъ же городѣ, гдѣ стоитъ полкъ офицера — будущаго летчика. Поэтому авіаціонныя военныя школы нужно раскидать по всей Россіи, начавъ ихъ устройство по климатическимъ условіямъ съ южныхъ городовъ, и именно съ тѣхъ, гдѣ существуютъ воздухоплавательныя общества. Послѣднія несомнѣнно окажутъ большія услуги при организаціи школъ.

Что касается до постройки такого большого количества аэропланов для будущихъ молодыхъ пилотовъ, то задержка едва ли будетъ; аэропланы строятся быстро.

Чрезвычайно важнымъ вопросомъ является производство аппаратовъ и двигателей къ нимъ у себя дома. Первая половина задачи, до извѣстной степени, рѣшена. Аэропланы въ Россіи, можетъ быть пока и не совсѣмъ безукоризненные, но уже строятся. Одно слѣдуетъ посовѣтовать русскимъ заводамъ: это — не заниматься сразу усовершенствованіями, а копировать точно иностранные образцы, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе на выборъ матеріала (напримѣръ, сухого лѣса) и педантичную тщательность исполненія. При соблюденіи этихъ условій можно не сомнѣваться, что въ самомъ непродолжительномъ времени и у насъ появятся первоклассные аэропланы своего производства. Вопросъ о двигателяхъ много сложнѣе. Россія почти не производитъ легкихъ двигателей. Попытки въ этомъ направленіи дѣлаются лишь въ послѣднее время. Государство должно поддерживать и поощрять эти попытки, не останавливаясь передъ жертвами. Для начала не нужно спрашивать, сколько стоитъ моторъ русскаго производства, можно завѣдомо переплачивать, нужно только требовать, чтобы двигатель былъ не хуже заграничныхъ.

Теперь начинаютъ говорить о созданіи «русскаго аэроплана». Подъ этимъ, очевидно, нужно подразумѣвать аэропланъ, снабженный усовершенствованіями, являющимися плодомъ творчества русскихъ людей.

Всѣ эти разговоры безплодны; русскихъ изобрѣтеній не будетъ до тѣхъ поръ, пока у насъ не начнутъ строить, и много строить, летательныхъ машинъ и двигателей къ нимъ, Изобрѣтенія и усовершенствованія создаются на практической работѣ. Въ предисловіи къ извѣстной книгѣ Гюльднера о двигателяхъ внутренняго сгоранія («Entwerfen und Berechnen der Verbrennungsmotoren» von Hugo Güldner) встрѣчается очень полезный совѣтъ молодымъ инженерамъ: поменьше изобрѣтать, побольше конструировать. Русскому воздухоплаванію слѣдовало бы эти слова особенно принять къ свѣдѣнію и постепенно къ исполненію. Дѣйствительно, часто самыя геніальныя идеи разбиваются объ упорство матеріи; чтобы изъ тысячи геніальныхъ идей выбрать ту, которая пройдетъ, не наткнувшись въ лаби-

ринтѣ стальныхъ тросовъ, полотна, дерева, законовъ воздуха и вѣтра, нужно жить между этой сталью, воздухомъ и полотномъ. Соединеніе кабинета инженера, мастерской завода и поля аэродрома создастъ «русскій аэропланъ», а не залы засѣданій ученыхъ и спортивныхъ обществъ.

Возвращаясь къ вопросу о военномъ примѣненіи аэроплановъ, видимъ, что главная польза, которую армія извлекаетъ изъ нихъ, это, употребляя ихъ для развѣдки стратегической, тактической и артиллерійской. При этомъ для передачи свѣдѣній воздушныя машины могутъ и не спускаться всякій разъ, а сбрасывать донесенія на небольшихъ, ярко окрашенныхъ и далеко видныхъ парашютикахъ своимъ разъѣздамъ, автомобилямъ, мотоциклеткамъ. Не нужно однако, забывать, что аэропланъ—не универсальное средство развѣдки, что пѣхоту и конницу онъ дополняетъ, но не замѣняетъ.

Въ характерѣ русскаго народа лежитъ любовь къ универсальнымъ средствамъ, но такихъ нигдѣ, ни для какихъ случаевъ не бываетъ. Сейчасъ многіе возлагаютъ на аэропланы преувеличенныя ожиданія; а при первыхъ же, даже частичныхъ неудачахъ, начнутъ кричать, что аэропланы никуда не годны. Между тѣмъ они представляютъ могучее средство развѣдки, но при извѣстныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, зависимость отъ погоды: вѣтра, дождя, снѣга. Искусство пилота смягчаетъ эту зависимость. Въ настоящее время хорошіе авіаторы летаютъ при вѣтрѣ въ 10—15 метровъ въ секунду, что раньше считалось почти невозможнымъ. Но безопасность полета зависитъ, кромѣ силы вѣтра, еще и отъ его характера. Иногда приходится видѣть, какъ при вѣтрѣ въ 10 метровъ, если онъ ровенъ и постояненъ, пилотъ летитъ сравнительно плавно, и его же швыряетъ, какъ щепку, при вѣтрѣ въ 4—5 метровъ, если онъ дуетъ порывами и если приходится летѣть надъ пересѣченной мѣстностью, лѣсами, оврагами, прудами. Чрезвычайно интересно было бы, хотя предположительно, знать количество дней въ которые возможны полеты. Богатый матеріалъ для такихъ сужденій собранъ въ книгѣ Ассмана «Вѣтры въ Германіи» (Richard Assmann—«Die Winde in Deutschland»). На основаніи многочисленныхъ наблюденій авторъ приходитъ къ выводу, что у поверхности земли—не выше 100—200 метровъ господствуютъ слабые вѣтры. Ассманъ выражаетъ

это въ %. На вѣтры болѣе 10 метровъ въ секунду при высотѣ до 200 метровъ приходится 9%, а на слабые вѣтры и на штиль—91% времени. На высотѣ 500 метровъ отношеніе другое — характеристика слабыхъ вѣтровъ 68%, а сильныхъ 32%; на высотѣ 1000 метровъ еще безпокойнѣе—коэффиціенты вѣтровъ менѣе 10 метровъ въ секунду и болѣе 10 метровъ равны — 50%. Еще выше—еще хуже. Эти цифры среднія годовыя, онѣ мѣняются въ зависимости отъ времени года, отъ мѣстности и т. д. Наконецъ извѣстно, что вѣтеръ тише утромъ и особенно вечеромъ при закатѣ солнца, а сильнѣе всего, обыкновенно, около полудня. Изъ данныхъ Ассмана можно сдѣлать выводъ, что независимо отъ снѣга и дождя, по причинѣ только сильнаго вѣтра, въ среднемъ, изъ трехъ дней—въ одинъ день летать нельзя. Слѣдовательно, шансы на возможность летать равны 50 — 70%; лѣтомъ они больше, зимой, конечно, меньше, даже въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ.

На послѣднихъ осеннихъ маневрахъ 7-го корпуса въ Восточной Франціи зависимость летчиковъ отъ погоды выразилась такъ. Всѣ участвовавшія машины были разбиты на 4 группы. Первый отрядъ былъ приданъ Западной Арміи и имѣлъ паркъ въ Везулѣ (Vesoul), второй отрядъ входилъ въ составъ Восточной арміи съ паркомъ въ Эрикурѣ (Héricourt), наконецъ, третья группа, находившаяся въ распоряженіи посредниковъ, имѣла паркъ въ Виллесеселлѣ (Villersexel), что же касается четвертой, подвижной группы, предназначавшейся для артиллеріи, то она не имѣла опредѣленной базы.

Въ первый день большихъ маневровъ, 11 сентября новаго стиля, по случаю непогоды дѣятельность летчиковъ была очень незначительной; 12 сентября, на другой день, летали великолѣпно. 13 сентября военный министръ смотрѣлъ всѣхъ летчиковъ въ Эрикурѣ, при чемъ летчики изъ Везуля не могли прилетѣть къ мѣсту смотра по причинѣ сильнаго вѣтра. Но зато вечеромъ того же дня всѣ машины прилетѣли въ Бельфоръ, находящійся приблизительно въ 10 километровъ отъ Эрикура. Было предположеніе, что пилоты отправятся домой по воздуху, но плохая погода сдѣлала осуществленіе этого плана невозможнымъ. Изъ сказаннаго видно, что участіе летчиковъ въ маневрахъ не превысило 70% всего времени маневровъ. Но не одинъ вѣтеръ и непогода мѣшаютъ воздушной развѣдкѣ. Практика показываетъ, что

есть много случаевъ, когда она не приводитъ къ цѣли. Напримѣръ, съ аэроплана не видно даже сравнительно крупныхъ частей войскъ, находящихся въ лѣсу; мгла, туманъ, даже легкій, тоже сильно затрудняютъ наблюденія. Если аэропланъ будетъ летѣть низко, не выше 100 метровъ, то, при благопріятныхъ условіяхъ, изъ-за лѣса онъ можетъ налетѣть внезапно, но на небольшой высотѣ его легко разстрѣлять изъ ружей и пулеметовъ, особенно, если онъ идетъ въ лобъ. Вообще, возможно, что ружья и пулеметы окажутся для аэроплановъ болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ пушки. Если же летчикъ пойдетъ высоко, не ниже 1000 метровъ, то онъ будетъ въ безопасности отъ огня, но его замѣтятъ много раньше, чѣмъ онъ увидитъ противника и послѣдній успѣетъ спрятаться. Такіе случаи бывали на маневрахъ. Это относится, конечно, до сравнительно мелкихъ частей, не болѣе полка, и при благопріятныхъ условіяхъ. Крупныя части, само собой разумѣется, не успѣютъ скрыться. Серьезной боевой практики у аэроплановъ пока не было, но кое-что даютъ и маневры; послѣдніе позволяютъ сдѣлать выводъ, что воздухоплавательные аппараты болѣе пригодны для стратегической развѣдки, чѣмъ для тактической; а относительно деталей работы выясняется, что безъ помощи пѣхоты и конницы авіаторамъ не обойтись. Чтобы наглядно убѣдиться въ этой зависимости, достаточно взглянуть на французскіе иллюстрированные журналы. Тамъ видно, какъ пилотъ, сойдя съ аэроплана, садится на лошадь, съ цѣлью скорѣе доставить начальствующимъ лицамъ свѣдѣнія, добытыя имъ въ воздухѣ. Къ отрядамъ аэроплановъ необходимо будетъ всегда прикомандировывать и конныхъ ординарцевъ, и велосипедистовъ, и мотоциклетки.

Но воздушные корабли не только могутъ развѣдывать, они могутъ и нападать, съ нихъ могутъ метать снаряды. На эту стороны примѣненія аэроплановъ до сихъ поръ обращали сравнительно мало вниманія и многіе военные писатели, напримѣръ генералъ Роне, относятся къ ней скептически; между тѣмъ. опыты, происходившіе не только на глазахъ спеціалистовъ, но и во время публичныхъ зрѣлищъ, были весьма многозначительны.

Напримѣръ, въ маѣ 1911 года, въ Англіи, на аэродромѣ въ Хендонѣ (Hendon) въ присутствіи министровъ воен-

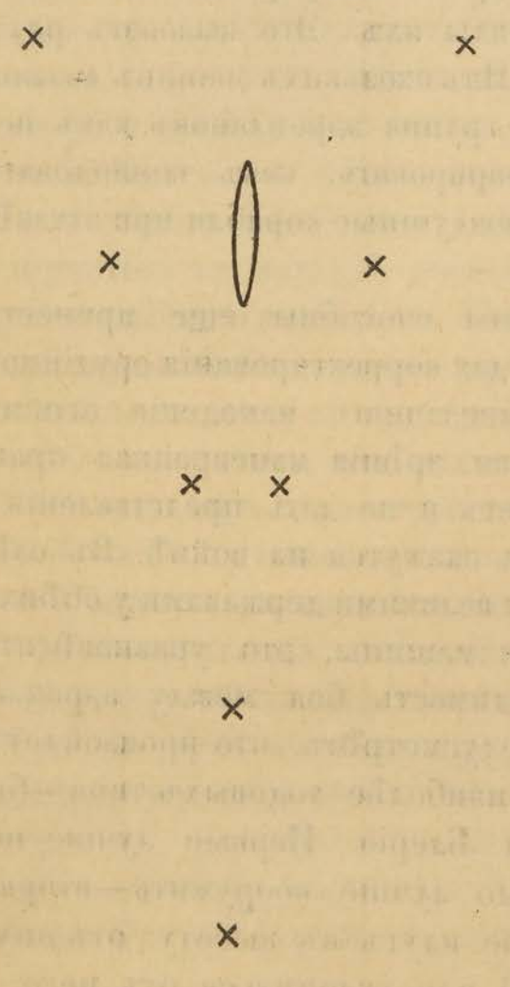
наго и морского, фельдмаршала Робертса и многихъ членовъ парламента производились испытанія по метанію съ воздушныхъ кораблей бомбъ (роль послѣднихъ исполняли мѣшки съ гипсомъ). На землѣ были сдѣланы очертанія дредноута и кромѣ того круглая цѣль. Участвовали Грэхэмъ Уайтъ (Graham White) и Патерсонъ. Знаменитый авіаторъ, двигаясь со скоростью 60—70 верстъ въ часъ и бросая снаряды съ большой мѣткостью, попадалъ въ средину цѣли съ высоты 500—600 фут. (150—180 метровъ), причемъ два снаряда вѣсили по 50 англійскихъ фунтовъ, т. е. почти по $1^1/_2$ пуда каждый. Патерсонъ дѣйствовалъ не такъ удачно, но всетаки попадалъ въ цѣль съ высоты въ 1000 футъ—300 метровъ. При большой высотѣ мѣткость уменьшается, но зато пока сбрасываютъ бомбы на глазъ и отъ руки, а скоро, безъ сомнѣнія, изобрѣтутъ приборы и таблицы, и тогда точность сильно возрастетъ. Въ Франціи, идущей впереди всѣхъ странъ во всемъ, что касается авіаціи, необходимыя таблицы уже появились; онѣ конечно очень сложны, такъ какъ приходится принимать во вниманіе много данныхъ: высоту аппарата въ воздухѣ, скорость его движенія, силу вѣтра, скорость цѣли, если она движется и многое другое. Можно думать, что метаніе снарядовъ съ эскадры аэропланов будетъ напоминать стрѣльбу батарей съ ея пристрѣлкой, при чемъ корректировать огонь будутъ, вмѣсто перелетовъ и недолетовъ, по паданіямъ справа и слѣва отъ цѣли, спереди и сзади ея.

Кромѣ Хендона метаніе снарядовъ съ аэропланов происходило и въ Германіи, и во Франціи, а въ Россіи въ Петербургѣ и въ Москвѣ; у насъ результаты могутъ быть названы удачными.

Эти опыты нужно повторять и расширять; ихъ успѣхъ будетъ имѣть огромное значеніе для Россіи. Центръ тяжести такихъ экспериментовъ лежитъ не въ возможности бомбардировать съ воздуха крѣпости, населенные пункты занятые непріятельскими войсками и колонны войскъ, хотя и это очень важно, а въ перспективѣ борьбы воздушнаго флота съ флотомъ на водѣ. Замѣнить наступательный флотъ въ морѣ воздушныя машины не могутъ, но, такъ какъ мы въ настоящее время, особенно въ Балтійскомъ морѣ, преслѣдуемъ оборонительныя задачи, то воз-

можность отразить непріятельское нашествіе не дорогими дредноутами, для созданія которыхъ кромѣ денегъ нужно еще время, а дешевыми аэропланами, которые можно построить въ годъ или два—эта возможность такъ важна для Россіи, что нужно немедленно приступить къ ея выясненію, и не только бросаніемъ апельсиновъ на авіаціонныхъ недѣляхъ, а разгромомъ настоящими бомбами съ тысячеметровой высоты, хотя бы тѣхъ старыхъ судовъ, которыя продаются съ аукціона. Для двухъ государствъ эти опыты особенно важны—для Англіи и для Россіи: не даромъ и въ Хендонѣ, и въ Москвѣ метали условныя бомбы не въ какую-либо другую цѣль, а въ контуры броненосцевъ, въ натуральную величину, обозначенные на землѣ. Но эти пробы, несмотря на ихъ удачу, не вполнѣ убѣдительны, такъ какъ аэропланы шли на сравнительно небольшой высотѣ. А между тѣмъ, при аттакѣ воздушными машинами кораблей въ условіяхъ военнаго времени, первымъ придется метать бомбы съ высоты не менѣе 1000 метровъ; только тогда аэропланы будутъ въ безопасности отъ ружейнаго огня и отъ спеціальной артиллеріи, которую, конечно, введутъ во флотъ послѣ первыхъ-же опытовъ бомбометанія, если они будутъ маломальски удачными. Однако при высотѣ въ 1000 метровъ вѣроятность попаданія въ корабль не велика, если будетъ нападать одинъ аэропланъ; придется аттаковать каждый отдѣльный броненосецъ цѣлой эскадрой аэроплановъ. Можно рисовать себѣ такую картину нападенія.

86536

На прилагаемомъ чертежѣ крестиками обозначены аэропланы; передовыя машины идутъ на разстояніи 500 метровъ другъ отъ друга; въ этотъ растворъ берется корабль, слѣдующія пары идутъ все ближе и ближе, на 300,

наконецъ, на 100 метровъ, но съ тѣмъ, чтобы корабль все время попадалъ въ средину. Свое положеніе въ воздухѣ аэропланы проэктируютъ въ морѣ, бросая бомбы; столбы воды отъ взрывовъ справа и слѣва отъ корабля, все къ нему приближающіеся, указываютъ послѣдующимъ аэропланамъ, что направленіе взято вѣрно. При уменьшеніи раствора до ста метровъ дальнѣйшіе аэропланы уже идутъ въ кильватерной колоннѣ и переходятъ на пораженіе. Ширина современнаго дредноута около 25 метровъ; нацѣлъ въ растворъ въ 100 метровъ облегчитъ попаданіе въ цѣль, занимающую четверть раствора. Полагая, что дредноутъ идетъ со скоростью 20 узловъ, т. е. приблизительно 35 километровъ въ часъ, а аэропланъ со скоростью 80—100 километровъ въ часъ, видимъ, что прохожденіе машины надъ кораблемъ (160—170 метровъ съ относительною скоростью 45—65 километровъ въ часъ) займетъ 10—13 секундъ; въ это время можно успѣть сбросить не менѣе двухъ бомбъ. При неудачѣ первой аттаки, она должна быть повторена. Опыты могутъ выяснить непригодность данной схемы, но зато они вызовутъ въ жизнь другіе планы аттаки. Ясно одно, что не далекъ тотъ часъ, когда будутъ маневрировать не отдѣльные аэропланы, а цѣлые отряды ихъ. Это вызоветъ рядъ новыхъ вопросовъ и задачъ. Изъ сколькихъ машинъ должна будетъ состоять наименьшая группа аэроплановъ, какъ передавать сигналы, какъ маневрировать, какъ командовать отрядомъ, какъ располагать воздушные корабли при аттакѣ, въ походѣ и т. д.

Большую пользу аэропланы способны еще принести при артиллерійской развѣдкѣ, для корректированія орудійной стрѣльбы и наконецъ для внезапнаго нападенія огнемъ (Feuerüberfall). Съ этой точки зрѣнія маневренная практика съ ея условностью можетъ и не дать представленія о тѣхъ возможностяхъ, которыя окажутся на войнѣ. Въ слѣдующемъ столкновеніи между великими державами у обѣихъ сторонъ окажутся воздушныя машины, это уравновѣситъ шансы, но вызоветъ необходимость боя между аэропланами. Тутъ очень трудно предусмотрѣть, что произойдетъ. Для сравненія возьмемъ два наиболѣе ходовыхъ типа—бипланы Фармана и монопланы Блеріо. Первые лучше несутъ вѣсъ, ихъ поэтому можно лучше вооружить—вторые быстрѣе, поворотливѣе, скорѣе идутъ въ высоту; отъ нихъ будетъ зависѣть: принять бой или уклониться отъ него.

Если же начнется воздушная дуэль, то возможно, что она будетъ вестись на небольшой высотѣ, въ особенности если столкнется Фарманъ съ Блеріо. Послѣдній плохо видитъ внизъ, а бипланъ хорошо и вверхъ и внизъ; поэтому онъ будетъ стараться держаться подъ Блеріо, чтобы тотъ не могъ ни стрѣлять, ни бросать снаряды мѣтко. Но все это гаданія; пока не произойдетъ дѣйствительнаго столкновенія на войнѣ, трудно себѣ представить картину воздушнаго боя.

Кстати сказать, публичныя зрѣлища иногда служатъ основаніемъ для самыхъ неправильныхъ заключеній. Напримѣръ, очень популярнымъ номеромъ на авіаціонныхъ недѣляхъ является преслѣдованіе шара аэропланами, они летаютъ вокругъ шара и подъ нимъ, иногда надъ нимъ; публика думаетъ, бѣдный шаръ, какой онъ безпомощный, что захотятъ аэропланы, то съ нимъ и сдѣлаютъ а между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ; эффектное круженіе вокругъ шара и надъ нимъ возможно только съ согласія и даже при содѣйствіи пилота на шарѣ. Если же пилотъ не захочетъ и у него достаточно балласта, то онъ въ самое короткое время уйдетъ отъ аэроплана вверхъ, и найдя быстрое воздушное теченіе скроется изъ виду. Для шара подняться на 1000 метровъ и больше, вопросъ минутъ, иногда секундъ, для воздушныхъ машинъ,—это вопросъ десятковъ минутъ. Далѣе, даже много пуль, попавшихъ въ шаръ, его не посадятъ на землю, а для аэроплана всякая попавшая пуля можетъ быть очень опасна; наконецъ, шаръ можетъ держаться въ воздухѣ десятки часовъ, аэропланы же многомного нѣсколько часовъ. Конечно, для развѣдки шары непригодны, но блокировать аэропланами осажденную крѣпость, мѣшать шарамъ съ курьерами вылетать изъ нея, если бы это понадобилось, эта задача аэропланамъ не по силамъ. Зато есть еще одна сторона военнаго дѣла, гдѣ аэропланы, особенно грузоподъемные, могутъ принести иногда неоцѣнимую пользу—это быстрое доставленіе пулеметовъ и горной артиллеріи въ критическія и въ то же время трудно доступныя мѣста. Къ современному боевому аэроплану во Франціи предъявляется требованіе нести не менѣе 300 килограммовъ, т. е. около 18 пудовъ полезнаго груза; такимъ образомъ, для перевозки одного горнаго орудія съ прислугой и съ патронами понадобится не болѣе семи аэропла новъ. Въ результатѣ въ теченіе полчаса батарея въ четыре

горныхъ орудія при наличіи 28 воздушныхъ кораблей можетъ быть переброшена за 20—30 верстъ на любую высоту при полномъ отсутствіи дорогъ. Можетъ быть надобность въ этомъ и не часто представится, можетъ быть чаще окажется необходимость быстро доставить куда-нибудь пулеметы—тутъ воздушные корабли окажутся незамѣнимыми: каждый легко подыметъ пулеметъ съ значительнымъ количествомъ патроновъ. Съ отрядомъ изъ шести фармановъ и сейчасъ, въ четверть часа возможно перебросить 6 пулеметовъ за 15 верстъ.

Обсуждая употребленіе аэроплановъ, не нужно однако забывать, что маневры съ ними должны быть, такъ сказать, двухсторонними, т. е. не только аэропланы должны упражняться на войскахъ, пріобрѣтая снаровку въ развѣдываніи и т. д., а должно быть и обратное—войска должны въ свою очередь упражняться на аэропланахъ, какъ прятаться отъ нихъ, какъ вводить въ заблужденіе, какъ внезапно встрѣчать ихъ огнемъ. Можетъ быть почти невозможно попасть на 1000 метровъ въ аэропланъ, идущій перпендикулярно къ направленію стрѣльбы, но гораздо больше шансовъ снять машину, идущую въ лобъ на притаившуюся въ лѣсу роту. Въ мирное время, конечно, аэропланы разстрѣливать нельзя, но ихъ до извѣстной степени можно замѣнять змѣями и маленькими монгольфьерами, идущими на буксирѣ автомобилей. Скорости 60—100 верстъ на стрѣльбищныхъ поляхъ едва ли достигнешь, но 30—50 верстъ приноровившись, вѣроятно, достигнуть можно. Для начала и этого будетъ достаточно.

Чтобы рѣшить всѣ эти вопросы нужно имѣть много воздушныхъ кораблей и летать на нихъ часто и долго, не жалѣя бензина и масла, непрестанно производя опыты и твердо помня, что изъ ста опытовъ только одинъ увѣнчивается успѣхомъ.

Хотѣлось бы, чтобы воздухоплаваніе, дѣло новое, вступило въ жизнь и въ новыхъ формахъ, безъ связи съ старыми учрежденіями. Невольно кажется, что вмѣстѣ съ старыми формами къ воздухоплаванію прилипнутъ и старые недостатки. Однако похоже на то, что инженерное вѣдомство уже хочетъ превратить военное воздухоплаваніе въ Россіи въ свою вотчину. Послѣднее распоряженіе, стѣсняющее поступленіе въ воздухоплавательныя школы офицеровъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Помимо ничѣмъ неоправдываемой несправедливости по отношенію къ основнымъ родамъ оружія, это распоряженіе еще опасно тѣмъ, что будетъ способствовать образованію касты или цеха летчиковъ. Не нужно забывать, что современный бой, это пьеса разыгрываемая оркестромъ, а не солистами, какъ бы хороши они ни были въ отдѣльности. Нельзя воспитывать какой-либо родъ оружія отдѣльно отъ другихъ, все время нужно обучать координированію дѣйствій. Можетъ быть уже трудно, даже невозможно вывести ту рознь, которая существуетъ между старыми родами оружія, но зато не нужно давать зарождаться чувству обособленности въ летчикахъ. По началу это будетъ не трудно, рознь не такъ легко появится, если корпусъ воздухоплавателей будетъ пополняться изъ всѣхъ родовъ оружія.

Наша родина самой природой приспособлена для воздушнаго плаванія. Другія страны съ ихъ горами, небольшими размѣрами и близостью моря, являются воздушными озерами, много-много морями, а часто и прудами въ сравненіи съ тѣмъ воздушнымъ океаномъ, который представляетъ собою равнина Европейской Россіи. Очевидно, всѣ условія налицо, чтобы у насъ появились многочисленные, смѣлые и искусные воздухоплаватели.

Можно только пожалѣть, что въ Россіи не всегда умѣютъ и хотятъ пользоваться естественными преимуществами. Разительнымъ доказательствомъ этого является Москва съ ея Ходынскимъ полемъ, однимъ изъ лучшихъ природныхъ аэродромовъ Европы; вѣдь не простая случайность, что въ Москвѣ до сихъ поръ не было ни одного несчастья. Однако военное вѣдомство, насаждая воздухопланіе на берегахъ Чернаго моря и Финскаго залива, упорно игнорируетъ Москву.

W.

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГЪ.

Пережитыя нашей родиной и арміей тяжелыя боевыя испытанія въ 1904—1905 гг. являются достояніемъ исторіи, но подъ вліяніемъ уязвленнаго и оскорбленнаго народнаго самолюбія, еще во время кампаніи, страстно обсуждались причины понесенныхъ нами неудачъ: одни находили ихъ въ явленіяхъ общаго характера, другіе винили отдѣльныхъ лицъ, но было не мало и такихъ голосовъ, которые громко заявляли, что «душа народная пошла на убыль», что «армія не оказалась способной проявить былую доблесть» и т. д.; болѣе того, нашлись и такіе, которые не устыдились упрековъ, выраженныхъ въ самой грубой формѣ: напримѣръ, «армія глупая, дурацкая, никуда не годная» *).

Однако исторія уже нынѣ, въ полномъ величіи правды, указываетъ на массу фактовъ удивительной самоотверженности и высокой военной доблести, проявленныхъ во многихъ бояхъ русскими офицерами и русскими солдатами; эти элементы нашей арміи, и на поляхъ далекой, чуждой Маньчжуріи, въ общемъ, остались вѣрными своимъ историческимъ традиціямъ, какъ и въ иные, болѣе славные для русскаго оружія дни, подъ командой Великаго Петра, Суворова, Скобелева.

Оскорбленное народное самолюбіе можетъ находить нѣкоторое утѣшеніе въ сознаніи, что, въ болѣе чѣмъ тысячелѣтней исторической жизни нашей родины, она переживала несравненно болѣе тяжелыя испытанія, подвергалась несравненно болѣе грознымъ опасностямъ и въ концѣ-концовъ выходила изъ борьбы обновленной, съ новыми силами, съ большей мощью.

Хочется вѣрить, что и въ данномъ случаѣ исторія повторится; залогомъ этой увѣренности служитъ нелицепріят-

*) См. Сборникъ «Великая Россія», кн. 1-я стр. 15.

ное свидѣтельство исторіи о томъ, на какую борьбу оказалась способной русская армія при самыхъ тяжелыхъ, почти безнадежныхъ условіяхъ; сколько подвиговъ было совершено даже въ неудачную войну, когда масса честно и самоотверженно исполнила свой долгъ; если же усилія арміи не увѣнчались успѣхомъ, если она не внесла новыхъ побѣдныхъ и блестящихъ страницъ въ военную исторію Державы Россійской, то причины этого грустнаго факта находятся внѣ постоянныхъ историческихъ качествъ и свойствъ этой арміи.

Дѣйствительно, припомнимъ въ общихъ чертахъ при какихъ условіяхъ происходила борьба. Вотъ схема положенія сторонъ.

База Японіи была въ трехъ дняхъ пути, средства для переброски силъ на материкъ—огромны, пользованіе ими почти безпрепятственно.

Наша база за 8 тысячъ верстъ, на разстояніи болѣе мѣсяца пути; средства для переброски (въ началѣ кампаніи)—одноколейная, недостроенная и неустроенная желѣзная дорога, съ перерывомъ на Байкалѣ, съ тремя парами поѣздовъ въ сутки. Вотъ какъ обрисовываетъ положеніе извѣстный англійскій генералъ Гамильтонъ, прикомандированный въ качествѣ военнаго агента къ японской арміи: «Одна армія примыкаетъ къ своей базѣ, другая какъ бы виситъ, подобно мыльному пузырю, на концѣ одноколейной желѣзной дороги въ тысячи миль длиною».

Армія Японіи стояла мобилизованная и готовая къ бою, тогда какъ полсотни баталіоновъ нашихъ восточно-сибирскихъ стрѣлковъ и крѣпостныхъ частей, къ началу военныхъ дѣйствій, оказались разбросанными отъ Байкала до Владивостока и отъ Николаевска на Амурѣ до П.-Артура.

Мы никогда не могли похвастаться особенно тщательной подготовкой къ войнѣ, но въ минувшую кампанію эта неготовность оказалась исключительной: не говоря ужъ о неготовности арміи (неудачная система мобилизаціи, спѣшное перевооруженіе полевой артиллеріи при самомъ отправленіи частей изъ Европейской Россіи, отсутствіе горной артиллеріи въ началѣ кампаніи, отсутствіе вьючнаго обоза, неприспособленность снаряженія къ климату и къ горнымъ районамъ театра войны и т. д.), не говоря объ инженерной подготовкѣ района сосредоточенія, наличіи сѣти маневренныхъ путей, сосредоточенія запасовъ и т. д., нашъ

главный оплотъ—Квантунскій плацдармъ съ крѣпостью П.-Артуромъ—оказался совершенно не готовымъ.

Достигнувъ незамерзающаго открытаго моря, мы разрѣшили одну изъ великихъ проблемъ своей исторической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ заняли очень важную міровую позицію; оставалось только закрѣпить ее за собой, но этого-то мы сдѣлать, къ великому прискорбію, не сумѣли: не назначивъ достаточной для закрѣпленія новыхъ пріобрѣтеній вооруженной силы, мы послали зато въ количествѣ, превышающемъ всякую потребность, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, вступившихъ немедленно въ жестокую междувѣдомственную брань; благодаря этому, осуществленіе задачъ велось безъ опредѣленной программы, въ разбродъ, «безъ руля и безъ вѣтрилъ»

Въ результатѣ, даже П.-Артуръ оказался плачевно неготовымъ. Что изъ себя представляла эта крѣпость къ началу военныхъ дѣйствій, въ какой степени готовности она находилась, пусть скажетъ намъ журналъ совѣта обороны отъ 9 августа 1904 года.

«Недостатки крѣпости Портъ-Артуръ къ началу военныхъ дѣйствій: лишь незначительная часть фортификаціонныхъ сооруженій крѣпости была закончена; въ наиболѣе законченномъ видѣ находился приморскій фронтъ, но и здѣсь только часть батарей была долговременнаго типа, а остальныя—временныя. На сухопутномъ фронтѣ изъ долговременныхъ сооруженій были закончены: 1 фортъ, 3 батареи и 1 укрѣпленіе; остальныя сооруженія не были закончены, а нѣкоторыя даже не были начаты. Такимъ образомъ, крѣпость пришлось создавать уже послѣ объявленія войны, возводя во многихъ пунктахъ вмѣсто долговременныхъ, укрѣпленія временнаго и даже полевого типа. Форты расположены слишкомъ близко къ порту и городу, почему не защищаютъ ихъ отъ бомбардированія даже полевыми орудіями. Казематированныхъ помѣщеній внутри крѣпости совершенно не имѣется. Крѣпость подвержена обстрѣлу какъ съ суши, такъ и моря, и лишь небольшая часть морского фронта защищена морскими батареями. Впереди крѣпости находятся высоты, дающія возможность противнику скрытно ставить батареи и передвигать войска. Голова водопровода находится впереди линіи фортовъ на одну версту и прикрыта только полевымъ укрѣпленіемъ, возведеннымъ

во время войны. Опрѣснитель также не защищенъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ съ суши. Благодаря условіямъ мѣстности, форты поставлены въ одну линію и вся оборонительная позиція слишкомъ тонка и легко можетъ быть прорвана. Крѣпостныя позиціи совершенно не имѣютъ тыла. Всѣ орудія на сухопутномъ фронтѣ поставлены открыто, у противника же орудія укрыты, почему опредѣленіе мѣстъ расположенія непріятельскихъ батарей весьма затруднительно; наши орудія легко подбиваются; такимъ образомъ, борьба выходитъ неравная и очень для насъ тяжелая. Къ началу войны батареи сухопутнаго фронта не были вооружены, результатомъ чего явилось большое количество утомительныхъ и сложныхъ работъ по вооруженію. Оборона рвовъ очень слабая, исключительно ружейная. Число орудій, опредѣленныхъ для крѣпости нормальной табелью, совершенно недостаточно, а калибръ и система орудій совершенно не отвѣчаютъ условіямъ современнаго боя. Боевыми припасами крѣпость снабжена недостаточно: для производства болѣе интенсивной стрѣльбы приходится для нѣкоторыхъ орудій просить снаряды у флота, который самъ въ нихъ нуждается. Воздухоплавательнаго парка нѣтъ, что сильно затрудняетъ опредѣленіе расположенія батарей противника и корректированіе стрѣльбы по закрытой цѣли; у противника имѣются воздушные шары. Крѣпостной желѣзной дороги нѣтъ, грунтовыя очень кружны; круговой дороги нѣтъ. Все это сильно затрудняетъ сообщеніе между фортами и доставку орудій на форты. Телеграфнаго сообщенія между фортами нѣтъ. Телеграфная сѣть проводилась во время войны, почему имѣетъ воздушные проводы, которые рвутся при каждой бомбардировкѣ. Часто въ самый критическій моментъ телефоны перестаютъ дѣйствовать, экстренныя приказанія приходится разсылать съ конными посыльными. При длинѣ сухопутнаго фронта въ 21 версту, а морского въ $8^1/_2$ и при той слабости фортификаціонныхъ сооруженій, о которой было упомянуто выше, гарнизонъ въ двѣ дивизіи надо считать недостаточнымъ. Почти полное отсутствіе резерва не даетъ возможности дѣйствовать активно, чѣмъ сильно облегчается борьба противнику съ крѣпостью и ослабляется обороноспособность ея. Большинство фортовъ плохо примѣнено къ мѣстности, будучи лишено обстрѣла ближайшихъ подступовъ».

Ужъ если въ такомъ плачевномъ видѣ оказался П.-Артуръ, то что же можно сказать объ остальной подготовкѣ?

Отсюда прямой выводъ: всѣ эти вопіющія прорѣхи и недочеты, вся эта классическая неготовность, неизбѣжно должны были лечь добавочнымъ тяжкимъ бременемъ на плечи арміи, которая и расплатилась за нихъ обильно пролитой кровью.

Но можетъ быть искусное, талантливое управленіе и командованіе облегчили задачу войскъ?

Печальный эпилогъ Артура всѣмъ извѣстенъ; на Маньчжурскомъ же театрѣ войны произошло три генеральныхъ сраженія: подъ Ляояномъ, на р. Шахэ и подъ Мукденомъ.

Въ первыхъ двухъ сраженіяхъ шансы, благопріятствующіе побѣдѣ, были скорѣй на сторонѣ русскихъ, чѣмъ японцевъ.

Дѣйствительно, изъ-за стратегической ошибки, допущенной послѣдними, сразу поставившими себѣ двѣ цѣли—овладѣніе Артуромъ и нанесеніе удара Маньчжурской арміи въ полѣ,—и подъ Ляояномъ, и на Шахэ мы находились въ благопріятной обстановкѣ, какъ по соотношенію силъ, такъ и по ихъ стратегическому положенію; поэтому въ продолженіе обоихъ сраженій участь японскихъ армій, оперировавшихъ противъ нашей Маньчжурской арміи, не разъ висѣла на волоскѣ.

Такъ, въ рѣшительную минуту, на рѣшительномъ пунктѣ Ляоянскаго сраженія соотношеніе силъ было таково *): Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ: — 93 баталіона, 332 орудія, $84^1/_2$ сотни и эскадрона, 4 саперныхъ баталіона; Маршалъ Куроки: $27^1/_4$ баталіоновъ, 62 орудія, 6 эскадроновъ.

Казалось бы, что такое превосходство нашихъ силъ должно было обезпечить намъ полную побѣду, но... Маньчжурская армія получила приказаніе отступать!!!

Еще болѣе счастье улыбнулось намъ въ концѣ сентября 1904 года, когда талантливая и самоотверженная дѣятельность доблестнаго генерала Кондратенка разрушила всѣ усилія сильнаго врага подъ Артуромъ, а Маньчжурская армія занесла рѣшительный ударъ надъ правымъ флангомъ японскихъ армій, въ направленіи отъ Фушуна на

---

*) Картограф. прил. № 45 къ т. III Русско-Японской войны. Трудъ В. Истор. Комиссіи. изд. 1910 г.

Бенсиху. Несмотря на то, что для нанесенія удара было сосредоточено подавляющее превосходство силъ, что сюда были двинуты самыя обстрѣленныя и опытныя войска—восточно-сибирскіе стрѣлки—особенная несостоятельность командованія и выполненія боевыхъ задачъ нѣкоторыми частными начальниками, державшими непосредственно въ своихъ рукахъ рѣшеніе участи боя, свели, блестяще начатое дѣло въ концѣ-концовъ, къ пассивному сопротивленію вмѣсто того, чтобы разить врага самимъ.

Тысячи убитыхъ, десятки тысячъ раненыхъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что войска дрались самоотверженно.

Одинъ изъ выдающихся иностранныхъ военныхъ авторитетовъ даетъ слѣдующія любопытныя цифры, характеризующія стойкость русской арміи въ войну 1904—1905 гг. по сравненію съ германцами въ кампанію 1870—71 гг.

Убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ полевыхъ сраженіяхъ: германцевъ—3,1%, русскихъ—3,9%; включая осады: первыхъ—4,4%, вторыхъ—5,8%.

Раненыхъ въ полѣ: германцевъ—13,1%, русскихъ—20,8%; включая осады: первыхъ—15,3%, вторыхъ—24%.

На тысячу сражавшихся у германцевъ было 28 офицеровъ, у русскихъ—19; изъ этихъ чиселъ потери: у первыхъ—7 человѣкъ, у вторыхъ—9.

Общее число убитыхъ, раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти по отношенію къ численности войскъ, фактически принимавшихъ участіе въ полевыхъ сраженіяхъ: у германцевъ—16,3% у русскихъ—30,6%; включая осады: у первыхъ—около 20%, у вторыхъ—35,3%!

При относительно слабомъ среднемъ боевомъ составѣ пяти съ половиною корпусовъ (а именно: до 100 т. штыковъ, при 2200 офицерахъ), входившихъ въ составъ собственно Маньчжурской арміи, по 1 марта 1905 года, потери составляли: офицеровъ убитыми—395, ранеными—1733; нижнихъ чиновъ убитыми—10.435, ранеными—56.350, что составляетъ убыль въ бояхъ убитыми и ранеными: офицеровъ—91% и нижнихъ чиновъ—67%.

Особенно самоотверженное поведеніе офицеровъ въ бою видно изъ того, что процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ значительно выше, чѣмъ нижнихъ чиновъ.

Отдѣльныя части войскъ доказали, что даже послѣ потери половины состава и болѣе въ одномъ бою, онѣ славно

дрались и отступали лишь по приказанію: такъ, I. В. С. Стрѣлковый Его Величества полкъ въ бою подъ Мукденомъ потерялъ 61%, З. В. С. стрѣлковый полкъ подъ Сандепу—66%, Бугульминскій полкъ подъ Мукденомъ 81% офицеровъ и 76% нижнихъ чиновъ и т. д.

Всѣ эти данныя вполнѣ подтверждаютъ слова Маньчжурской лѣтописи:

«Окончѣнъ безсловно нашъ подвигъ кровавый.
Разбиты надежды, разбиты мечты...
Сказать невозможно, гдѣ правый, неправый...
Лишь вѣрно одно: невиновны бойцы»!

«Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго. Мужское населеніе безъ различія состоянія подлежитъ воинской повинности»—такъ говоритъ законъ.

Въ теоріи, конечно, эти положенія справедливы и не могутъ вызвать возраженій, но не то на дѣлѣ: начать съ того, что далеко не всѣ русскіе подданные могутъ быть призваны и призываются фактически нести эту священную обязанность даже въ случаѣ крайней опасности, а потому законъ, въ своемъ примѣненіи, не одинаково справедливъ по отношенію ко всѣмъ русскимъ подданнымъ.

Тѣ изъ нихъ, которымъ выпала высокая, но и тяжелая обязанность отстаивать честь родины съ оружіемъ въ рукахъ, во время войны, несутъ усиленные труды, подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ, болѣзнямъ, ранамъ, увѣчьямъ, смерти; они несутъ матеріальный ущербъ иногда до полнато разоренія хозяйства въ то время, какъ оставшіеся дома часто только усиленно наживаются, вслѣдствіе уменьшенія рабочихъ рукъ.

По окончаніи войны, даже уцѣлѣвшій герой, честно исполнившій свою священную обязанность, возвращается домой сплошь и рядомъ съ надорванными силами, на разстроенное хозяйство, къ голодающей семьѣ, а сидѣвшій дома, не исполнявшій этой священной обязанности, нерѣдко живетъ зажиточнѣе прежняго.

Такъ законъ, справедливый въ теоріи, несправедливъ въ жизни.

Кто видѣлъ во время кампаніи бородачей-запасныхъ при полученіи ими писемъ изъ дома, при извѣстіяхъ о

томъ, что все, добытое многолѣтнимъ, упорнымъ трудомъ, разваливается, идетъ прахомъ, при предстоящей перспективѣ, возвратившись домой, начинать все сначала, а можетъ быть и протягивать руку за милостыней, тому было понятно ихъ суровое, холодное и мрачное отчаяніе, ихъ пассивная готовность умирать, ихъ страхъ передъ ранами, бо́льшій смерти: лишь бы не остаться увѣчнымъ калѣкой, не стать обузой и безъ того матеріально потерпѣвшей семьи.

Если невозможно, если нѣтъ и нужды фактически призывать нести налогъ крови все мужское населеніе, безъ различія состоянія, то всѣмъ, кто былъ призванъ и вѣрно несъ этотъ налогъ въ годину бѣдствій и испытаній, должно, за счетъ освобождаемыхъ отъ этого налога, по возможности, возмѣстить матеріальныя потери: этого требуетъ элементарная справедливость.

Только при соблюденіи этого условія можно требовать беззавѣтной готовности жертвовать собой.

Удивившіе міръ своимъ самоотверженіемъ японцы, по окончаніи войны, выдали каждому уцѣлѣвшему солдату солидную сумму, до ста рублей, если не ошибаюсь, на наши деньги, не говоря уже о надлежащемъ призрѣніи инвалидовъ и обезпеченіи осиротѣвшихъ семей.

Какъ обезпечены наши инвалиды, объ этомъ больно говорить: со страницъ повременной печати не сходятъ эти грустныя темы; такъ, еще недавно одинъ изъ лучшихъ военныхъ публицистовъ *) горячо обращалъ вниманіе общества на горькую участь героевъ-калѣкъ. «Вереницей бѣгутъ, говоритъ онъ будничные дни и понемногу смываютъ самыя яркія впечатлѣнія; отзвуки недавней борьбы уже заглохли; нельзя жить постояннымъ подъемомъ духа и нервовъ — обычное оправданіе тому эгоистическому равнодушію обывателя, съ какимъ онъ уходитъ отъ всего, что сейчасъ непосредственно не трогаетъ его маленькаго мірка«.

Можетъ быть времена измѣнились и русскіе люди стали уже не тѣ, но ни въ страдные дни минувшей кампаніи, ни теперь русское общество, строго говоря, ни разу не отвѣтило широкимъ душевнымъ порывомъ къ несчастію пострадавшихъ, буквально выброшенныхъ на улицу тысячей искалѣченныхъ солдатъ.

---

*) Эль-Эсъ Н. Вр. № 12,468.

Какія мытарства испытываютъ эти несчастные, когда обращаются въ разныя учрежденія, какъ они мыкаются по канцелярскимъ стогнамъ—все это хорошо извѣстно.

Больно и унизительно видѣть, какъ безрукіе или безногіе воины, нерѣдко украшенные знаками отличія Военнаго Ордена, до сихъ поръ вынуждены робко и благодарно принимать подачку и милостыню; что жъ имъ иначе дѣлать? Умирать съ голоду на глазахъ толпы? Но вѣдь и калѣки жить хотятъ.

Окаменѣлое безучастіе тѣхъ, за кого въ свое время дрались эти искалѣченные вояки, принесшіе въ жертву всѣ свои силы, здоровье и радости жизни, а нынѣ нуждающіеся въ сущности въ очень маломъ, весьма наглядно и доказательно убѣждаетъ подростающее поколѣніе, что родина забываетъ своихъ защитниковъ въ дни ихъ горя и нужды.

На что имъ разсчитывать какъ не на отзывчивость общества, которому давнымъ-давно пора встряхнуться и придти на помощь; «пусть всѣ, чье сердце болѣло въ то время, когда въ борьбѣ гибло все намъ близкое, дорогое: гордость родины, ея мощь и слава, вѣра въ себя, поймутъ и почувствуютъ, какъ много они должны тѣмъ, кого въ эти дни не сумѣли поддержать. Немного сочувствія, немного сознанія своего нравственнаго обязательства передъ своими защитниками и какъ скоро создастся та необходимая помощь, которая дастъ возможность не бросать на произволъ судьбы тысячей искалѣченныхъ людей и не оставлять ихъ умирать съ горькимъ послѣднимъ сознаніемъ—забытый!!!».

А что сказать про далекія заброшенныя могилы русскихъ воиновъ, разсѣянныя по всей Маньчжуріи? Что можно сказать про увѣковѣченіе памяти «во брани убіенныхъ», положившихъ душу свою за други своя на далекой чужбинѣ?

Увѣковѣченіе памяти павшихъ на полѣ брани имѣетъ огромное воспитательное значеніе и составляетъ священный долгъ родины.

Культъ павшихъ въ бою воиновъ особенно развитъ въ Японіи.

Національная религія японцевъ—Синто—признаетъ три культа: любовь къ родинѣ (патріотизмъ); любовь къ императору (вѣрноподданство); благоговѣйное почитаніе пред-

ковъ. (Не праховъ ихъ, а благородныхъ поступковъ, военныхъ подвиговъ, которыми почившіе принесли пользу отечеству и потому удостоились обожествленія).

Синто, будучи религіей патріотизма, проявляетъ свою активную дѣятельность, въ цѣляхъ укрѣпленія основныхъ добродѣтелей, главнымъ образомъ, въ обставленныхъ извѣстными церемоніями служеніяхъ своимъ божествамъ.

Изъ этихъ служеній на первое мѣсто слѣдуетъ поставить обрядъ поклоненія павшимъ въ бою воинамъ: въ этихъ случаяхъ церковь освящаетъ въ глазахъ народа идею жертвы за отечество, придавая ей значеніе высшаго счастья, а не печали. Японецъ «молится» не столько объ упокоеніи душъ павшихъ за отечество на полѣ брани воиновъ, сколько о томъ, чтобы тѣ высокія и благородныя чувства, которыя вдохновляли, въ свое время, героевъ на ратные подвиги, такъ сказать, переселились бы въ потомковъ, вдохновили бы и послѣднихъ совершить не менѣе славныя дѣла.

Дни поминовенія являются всенародными праздниками; въ этихъ торжествахъ участвуютъ не только войска, но и многотысячныя народныя массы, а также школьники—эта надежда націи.

По ученію Синто служеніе родинѣ и потомку боговъ—императору—истолковывается, какъ божественное служеніе; послѣднее же, въ свою очередь, отождествляется съ представленіемъ необходимости безпощадной борьбы съ врагами отечества. Національная религія поддерживаетъ воинственный духъ народа; павшій въ бою за отечество,—по ея ученію,—обожествляется, и, такимъ образомъ, въ душу народа внѣдряется сознаніе, что смерть въ бою—высшее благо.

Этотъ взглядъ находитъ реальное выраженіе въ постройкѣ по всей странѣ, сейчасъ же по окончаніи каждой войны, особыхъ храмовъ, посвященныхъ новымъ богамъ—павшимъ на полѣ брани воинамъ. Подвиги послѣднихъ опоэтизировываются въ повѣстяхъ, пѣсняхъ и драмахъ, служатъ темами для произведеній искусства; имена героевъ произносятся въ назиданіе другимъ; павшихъ въ бою не оплакиваютъ; наоборотъ, завидуютъ ихъ славной смерти; имъ приносятся жертвы въ присутствіи самого императора, что, по словамъ японцевъ, «приводитъ простыхъ смертныхъ

въ благоговѣйный страхъ и трепетъ: если ихъ можетъ постигнуть такая судьба, то есть смыслъ въ рожденіи на свѣтъ человѣка».

Что въ дѣйствительности переживаетъ японецъ въ бою, конечно, неизвѣстно: для этого, какъ говорится, надо побывать въ его шкурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли возможно утверждать, чтобы установленный религіей взглядъ на смерть на полѣ брани, установленное поминовеніе героевъ имѣли лишь только теоретическое значеніе и были бы лишены всякаго практическаго значенія: открыто поступиться этими взглядами, вѣроятно, осмѣлится не всякій, хотя бы изъ-за одного страха стыда.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, при очерченномъ отношеніи къ памяти павшихъ въ бою воиновъ, японцы тотчасъ же послѣ окончанія войны принялись за сооруженіе приличествующихъ памятниковъ на поляхъ большихъ сраженій минувшей кампаніи. Эти памятники въ настоящее время высятся и въ П. Артурѣ (въ видѣ маяка, сооруженнаго на средства, собранныя путемъ всенароднаго пожертвованія) и на высотахъ Цзиньчжоу, Тюренчена, и на поляхъ Ляояна, Мукдена, Шахэ.

Болѣе того, японцы не забыли и своихъ враговъ, доблестно павшихъ при защитѣ П. Артура: красиво и торжественно, на поученіе другимъ, тамъ былъ открытъ сооруженный по распоряженію японскаго правительства величественный монументъ, который, какъ говоритъ надпись, «да послужитъ надолго высшею почестью душамъ павшихъ воиновъ и прославитъ на вѣки ихъ самоотверженную храбрость».

Даже этотъ урокъ, этотъ ударъ по нашему притупленному самолюбію ничему насъ не научилъ, такъ какъ въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ кости павшихъ въ бою нашихъ воиновъ растаскивались и обгладывались собаками, валялись по проѣзжимъ дорогамъ, хрустѣли подъ колесами арбъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока, по частному почину, не былъ организованъ Комитетъ по увѣковѣченію памяти воиновъ сухопутной арміи, павшихъ въ кампанію 1904—1905 гг.

Вполнѣ естественно, что первой неотложной задачей этого Комитета было озаботиться отысканіемъ кладбищъ и могилъ во брани убіеннымъ и приведенія мѣстъ погребенія въ приличествующій имъ видъ.

Для осмотра полей сраженій съ цѣлью установленія мѣстъ скопленія могилъ, опредѣленія пунктовъ, гдѣ можно было бы устроить центральныя кладбища, опредѣленія размѣра участковъ, занятыхъ послѣдними, порядка отчужденія земли въ собственность Россіи, выясненія предстоящихъ расходовъ и т. д. въ Маньчжурію, осенью 1909 года, были командированы особыя лица.

Задача послѣднихъ, естественно, расчленялась на двѣ: а) осмотръ существующихъ кладбищъ въ районѣ русскаго вліянія и въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги; б) осмотръ полей сраженія, а равно и кладбищъ въ сферѣ японскаго вліянія и полосы отчужденія японскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Можно было бы разсчитывать, что въ первомъ случаѣ кладбища, какъ находящіяся подъ непосредственнымъ нашимъ наблюденіемъ, окажутся, въ общемъ, благоустроенными. Но увы... это-то какъ разъ и не оказалось: въ большинствѣ именно эти кладбища, несмотря даже на сосѣдство съ нашей желѣзной дорогой и желѣзнодорожными центрами, найдены совершенно безпризорными, запущенными, заросшими сорными травами, съ поломанными или расхищенными оградами, крестами и памятниками... Наоборотъ, кладбища, находившіяся въ сферѣ японскаго вліянія, оказались несравненно болѣе благоустроенными и тщательно оберегаемыми отъ поруганія.

Особенно возмутительное равнодушіе было проявлено по отношенію слѣдующихъ кладбищъ.

Въ Хайларѣ, во время безпорядковъ 1900 года, было похоронено 27 праховъ; съ тѣхъ поръ это кладбище вошло въ раіонъ китайской усадьбы и послужило мѣстомъ для загона скота; изъ-за опасенія осложненій китайскія мѣстныя власти и владѣлецъ усадьбы болѣе года тщетно осаждали русскія власти съ просьбами о переносѣ праховъ: у Китайской Восточной желѣзной дороги не нашлось свободныхъ средствъ для пріобрѣтенія 27 гробовъ для праховъ русскихъ воиновъ, сложившихъ свои головы, защищая эту же самую дорогу.

Далѣе, въ Харбинѣ, гдѣ сконцентрированы всякія власти, гдѣ не менѣе двухъ третей населенія направляется по стезѣ доброй гражданственности циркулярами и приказами многочисленныхъ начальниковъ, кладбище оказалось весьма за-

пущеннымъ: церковь начата, но недостроена; канавы, окружающія кладбище, заплыли; сторожа не было; на самомъ кладбищѣ хозяйничали китайцы: они собирали высокую засохшую сорную траву на топливо, укладывали ее на арбы; эти неуклюжія повозки, двигаясь между могилами, попутно сокрушали и ограды, и памятники...

Затѣмъ, въ Мукденѣ и Инкоу сохранились обширныя кладбища, обнесенныя оградами, устроенныя еще до войны; при этихъ кладбищахъ имѣются сторожки и живутъ сторожа китайцы. Несмотря на это, кладбища совершенно ограблены: разворовано рѣшительно все до послѣдней щепки, куска жести, гвоздя; лишь на Инкоускомъ кладбищѣ сохранились кирпичи, которыми облицованы могилы.

Мало того: сторожа-китайцы использовали площади этихъ кладбищъ подъ огороды и посадили, на потребу себѣ, лукъ, чеснокъ, капусту и т. д. Ясное дѣло, что изъ чиновъ имѣющихся въ этихъ городахъ русскихъ консульствъ никто никогда не заглядывалъ сюда; иначе какъ же объяснить все это безобразіе и безчинство сторожей?!

Въ иномъ видѣ было найдено кладбище въ Ляоянѣ: памятники цѣлы, ограда исправна, могилы въ порядкѣ; хотя тамъ и не было особаго сторожа, за то ключъ отъ воротъ хранился у японскаго консула.

Православные храмы въ Дальнемъ и въ Артурѣ находятся въ вѣдѣніи русской Пекинской духовной миссіи и содержатся такъ, что производятъ жуткое, удручающее впечатлѣніе, особенно храмъ въ Артурѣ.

Посланныя Комитетомъ лица разыскали на поляхъ сраженій болѣе сотни кладбищъ и, въ предѣлахъ возможнаго, привели ихъ въ относительный порядокъ; далѣе Комитетъ призналъ соотвѣтственнымъ, въ цѣляхъ облегченія надзора и ухода за мѣстами погребенія и совершенія тамъ церковныхъ требъ, сосредоточить останки павшихъ въ бояхъ воиновъ въ наименьшемъ, по возможности, числѣ кладбищъ; для этого признается необходимымъ перенести останки изъ отдѣльныхъ могилъ и малыхъ кладбищъ въ нѣкоторыя заранѣе опредѣленныя мѣста; такихъ мѣстъ намѣчено пятнадцать. При этомъ на поляхъ большихъ сраженій будутъ воздвигнуты въ раіонѣ кладбищъ памятники-часовни, гдѣ можно было бы совершать богослуженія, размѣстить иконы, памятныя доски, вѣнки и т. п., самыя кладбища будутъ

обнесены прочными стѣнками; здѣсь же будутъ построены сторожки. Въ прочихъ мѣстахъ значительнаго скопленія останковъ будутъ воздвигнуты общіе памятники ровно какъ и на братскихъ могилахъ.

Во всѣхъ случаяхъ переноса праховъ переносятся поставленные ранѣе и уцѣлѣвшіе памятники и иные знаки; сохранившіяся же надписи воспроизводятся полностью на новыхъ памятникахъ.

Несмотря на исключительно сильные и затяжные дожди лѣта 1910 года, вызвавшіе мѣстами наводненія и значительно тормозившіе выполненіе программы, за минувшій рабочій періодъ, удалось устроить кладбища, поставить общіе памятники и перенести прахи, начиная съ сѣвера до Мукдена. Съ ранней весны настоящаго года работы должны продолжаться; успѣхъ ихъ, когда дѣло на мѣстѣ организовано, имѣются подрядчики и матеріалы заготовлены, долженъ быть болѣе значительный, если этому не помѣшаетъ свирѣпствующая въ Маньчжуріи чума.

Комитетъ при выполненіи намѣченныхъ имъ задачъ по увѣковѣченію памяти воиновъ, пользуется средствами, собираемыми путемъ пожертвованій, и можетъ разсчитывать лишь на поддержку и сочувствіе общества. Но уже въ настоящее время приходится отмѣтить такіе характерные факты, которые указываютъ, что и въ этомъ случаѣ сочувствіе проявляется далеко не единодушно.

Такъ, когда Комитетъ обратился съ соотвѣтствующимъ воззваніемъ, то нѣкоторыя общественныя организаціи совсѣмъ не дали никакого отвѣта, нашлись и такія, которыя не устыдились отвѣтить, что на это дѣло у нихъ нѣтъ средствъ и они отклоняютъ просьбу Комитета.

Посланнымъ осенью 1909 года въ Маньчжурію лицамъ было поручено также отыскать прахъ рядового Василія Рябова и отправить его въ Россію.

Прибывъ въ Харбинъ, эти лица получили въ свои руки такія данныя, которыя не оставляли ни малѣйшей тѣни сомнѣнія въ томъ, что могила Рябова найдена (недалеко отъ Янтайскихъ каменоугольныхъ копей, между Мукденомъ и Ляояномъ) и прахъ героя цѣлъ. Въ виду этого было немедленно возбуждено, по телеграфу, ходатайство о безплатномъ и приличествующемъ перевезеніи въ Россію праха, когда его извлекутъ и доставятъ въ Харбинъ. Памятуя, что

телеграмма должна прогуляться по разнымъ инстанціямъ, вѣдомствамъ и канцеляріямъ прежде, чѣмъ послѣдуетъ рѣшеніе по ней, это сношеніе изъ Харбина было сдѣлано весьма заблаговременно.

Прошло болѣе двухъ недѣль; несмотря на рядъ повторныхъ запросовъ, изъ Петербурга не было получено—ни отвѣта, ни привѣта; тѣмъ временемъ, при содѣйствіи японскихъ властей, могила Рябова была найдена, прахъ извлеченъ, положенъ въ гробъ и доставленъ на ст. Янтай Южной Маньчжурской желѣзной дороги, гдѣ уже былъ приготовленъ японцами особый вагонъ, въ которомъ прахъ и былъ перевезенъ на станцію Чань-Чунь (Куанченцзы), гдѣ переданъ на русскую желѣзную дорогу.

Возникъ вопросъ, какъ расчитаться съ японцами за вагонъ? Когда объ этомъ зашла рѣчь, то уполномоченный японской желѣзной дороги былъ такъ удивленъ сдѣланнымъ предложеніемъ, что долго не могъ понять, чего собственно отъ него добиваются: японскій культъ павшаго въ бою воина, да еще такого, который погибъ славною смертью героя, естественно, исключалъ возможность принять плату за вагонъ; поэтому предложеніе было отклонено самымъ категорическимъ и рѣшительнымъ образомъ; русскіе же оказались съ другими взглядами и за перевозку праха, хотя бы и героя, взыскали около 750 рублей!!!

Правда, когда дѣло получило огласку, то эти деньги, послѣ долгой переписки, кажется, были возвращены, но какъ изъ пѣсни нельзя выкинуть слова, такъ и сдѣлать небывшимъ то, что было.

Для устройства кладбища русскихъ воиновъ, скончавшихся въ плѣну въ Нагасаки, въ распоряженіе нашего посольства въ Японіи, переведено было шесть тысячъ рублей; изъ этой суммы осталось двѣ тысячи; и вотъ посольство входитъ съ предложеніемъ — раздѣлить оставшіяся деньги на двѣ части: 1400 рублей положить въ банкъ, и проценты съ нихъ расходовать на поддержаніе благолѣпія кладбища, а 600 рублей выдать въ качествѣ наградныхъ русскому военному агенту въ Японіи за содѣйствіе по устройству кладбища!!!

Противъ первой части этого предложенія, конечно, ничего возразить нельзя, но что касается второй, т. е. выдачи наградныхъ, то здѣсь приходится не столько возму-

щаться, сколько удивляться отсутствію элементарнаго чутья къ тому, что деньги, собранныя по грошамъ, на такое исключительное дѣло, какъ увѣковѣченіе памяти павшихъ воиновъ, само собою разумѣется, отнюдь не могутъ служить источникомъ какого-нибудь заработка или награды!

Когда потребовались подрядчики для выполненія работъ по благоустройству кладбищъ и постановкѣ памятниковъ въ Маньчжуріи, то казалось, что проще всего, естественнѣе всего было искать ихъ среди русскихъ же подданныхъ, проживающихъ въ Маньчжуріи, напримѣръ, въ Харбинѣ. Дѣйствительно, такіе подрядчики тамъ оказались, но цѣны, назначенныя ими, превосходили всякое вѣроятіе, превышая нормальныя мѣстныя цѣны въ десять и болѣе разъ. Очевидно, соотечественники рѣшили «воспользоваться случаемъ» и хорошо заработать на этомъ дѣлѣ.

Между многими проектами по увѣковѣченію павшихъ воиновъ былъ и такой: выяснивъ, въ какихъ селеніяхъ проживали павшіе до войны, соорудить особыя памятныя доски съ именами этихъ воиновъ, прикрѣпить эти доски къ иконамъ и поставить ихъ въ тѣхъ храмахъ, гдѣ убіенные были прихожанами, съ тѣмъ, чтобы въ извѣстные дни производилось поминовеніе. Но едва этотъ прекрасный проектъ былъ предложенъ, какъ пошли разговоры о желательности спеціальныхъ «вложеній» «на поминъ душъ».

Можно было бы продолжать эти грустные примѣры еще очень долго, но мнѣ кажется, что и сказаннаго достаточно, чтобы спросить: гдѣ искать поддержки, гдѣ искать сочувствія?!

Въ 1910 году закончено изданіе офиціальной исторіи кампаніи; матеріалы, послужившіе для составленія этого труда, какъ использованные, будутъ сданы въ архивъ и тамъ уже къ нимъ прикоснется лишь рука рѣдкихъ изслѣдователей отдѣльныхъ періодовъ войны, полковыхъ исторіографовъ и т. п. Между тѣмъ въ этихъ матеріалахъ заключаются богатѣйшія данныя о подвигахъ многихъ, многихъ воиновъ.

Офиціальная исторія, обусловленная рамками извѣстной программы, конечно, не могла ихъ использовать во всей полнотѣ, во всемъ богатствѣ, блескѣ и разнообразіи содержанія.

О многихъ ли геройхъ минувшей войны знаетъ родина?

Имена ихъ считаются единицами, а подвиговъ было совершено такъ много! Имѣя полную возможность извлечь ихъ на свѣтъ Божій, сдѣлать предметомъ общаго достоянія, неужели мы и въ этомъ случаѣ останемся обычно равнодушными?

Краткія описанія подвиговъ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, изданныхъ для самаго широкаго пользованія, при минимальной стоимости, чрезвычайно полезно въ воспитательномъ отношеніи: пусть знаютъ объ этихъ подвигахъ прежде всего и гордятся ими дѣти героевъ, пусть прочтутъ эти брошюры въ арміи и въ школѣ.

Конечно, описанія подвиговъ должны быть строго правдивы, чужды утрировки, такъ какъ хорошее дѣло говоритъ само за себя.

Нація, столь чтущая своихъ героевъ, какъ японская, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы память о нихъ надолго сохранилась въ народѣ. Японскій мальчикъ, лишь только научится ходить, получаетъ обыкновенно въ подарокъ куклу, изображающую какого-нибудь извѣстнаго самурая, и съ этимъ подаркомъ не разстается. Если подойти къ японской дѣтской толпѣ и попросить какого-нибудь мальчугана разсказать, кто такой и чѣмъ знаменитъ тотъ самурай, котораго изображаетъ его кукла, то онъ сейчасъ же разскажетъ легенду о своемъ героѣ и о десяткѣ другихъ.

Если прислушаться, что разсказываетъ въ часы досуга японская мать своимъ дѣтямъ, то можно обыкновенно услышать одно изъ многочисленныхъ повѣствованій изъ японской военной исторіи съ значительной примѣсью поэтической фантазіи. Въ богатыхъ домахъ Японіи нянекъ нанимаютъ не иначе, какъ послѣ своеобразнаго испытанія ихъ въ знаніи различныхъ назидательныхъ исторій и въ умѣньи передавать ихъ дѣтямъ.

Всѣ эти обстоятельства въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ выработкѣ того героическаго міросозерцанія, съ которымъ приходитъ японская молодежь въ ряды арміи, куда она приноситъ задатки такихъ нравственныхъ качествъ, на дальнѣйшемъ развитіи которыхъ зиждется истинная мощь японской арміи.

У насъ на эту сторону, къ сожалѣнію, все менѣе и менѣе обращаютъ вниманіе: если имя какого-либо героя

становится извѣстнымъ, то въ большинствѣ это дѣло случая: истинные герои скромны, о своихъ подвигахъ не кричатъ и признаютъ свои славныя дѣла, лишь за простую обязанность.

Вотъ что разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ докторъ Шумковъ. *)

Рядовой 35 пѣхотнаго Брянскаго полка Иванъ Ющенко, въ бою 6 іюля 1904 года былъ окруженъ вмѣстѣ съ другими товарищами японцами; попытка пробиться съ оружіемъ въ рукахъ — не удалась; приходилось сдаваться въ плѣнъ; чтобы избѣгнуть позора, Ющенко бросился впередъ, куда глаза глядятъ, но былъ настигнутъ японцами, получилъ ударъ прикладомъ въ бокъ, пойманъ, приведенъ въ лагерь и помѣщенъ въ палаткѣ.

«Лучше умереть, чѣмъ жить въ плѣну»,—такъ рѣшилъ Ющенко, но караульные зорко за нимъ слѣдили и не сводили глазъ съ плѣнника; тѣмъ не менѣе послѣдній рѣшилъ бѣжать во чтобы то ни стало. На вторую ночь, отбросивъ караульнаго въ сторону, Ющенко бросился безъ оглядки въ ночную тьму; переправился черезъ рѣку, взбѣжалъ на сопку, забился въ траву, ноги зарылъ землей, а голову засунулъ межъ кореньевъ. Въ такомъ положеніи онъ лежалъ день, другой, третій, боясь поднять голову, такъ какъ кругомъ все время ходили японцы и искали. Ѣсть пока не хотѣлось... но пить... пить хотѣлось ужасно...

По утру, когда была роса, Ющенко робко ловилъ мокрые листья и сосалъ ихъ, но днемъ солнце палило невыносимо; дабы сколько-нибудь утолить жажду, попробовалъ пить свою мочу...

На четвертый день страданія стали невыносимыми, рѣшилъ рискнуть, итти далѣе, по направленію къ своимъ; не столько шелъ, сколько ползъ, пріостанавливаясь при малѣйшемъ шумѣ и шорохѣ; передвигался больше ночью, а днемъ отлеживался; плелся долго, сколько дней не помнитъ: можетъ быть десять, а можетъ быть и больше; голодъ мучилъ ужасно; пришлось питаться корнями травъ, но корешки были то горькіе, то кислые—противные до рвоты.

Пить и ѣсть хотѣлось нестерпимо... Ющенко отощалъ, итти и ползти не стало силъ, одежда оказалась вся изод-

---

*) В. Сборникъ 1911 г., № 2.

ранной, тѣло исцарапано колючками и острыми камешками, изъѣдено комарами и мошкой; на ногахъ и колѣнахъ ссадины...

Въ глазахъ стало туманить, на уши началъ глохнуть, сталъ готовиться къ смерти... Но на счастье къ нему приблизился нашъ разъѣздъ; Ющенко собралъ послѣднія силы и бросился впередъ, но не добѣжалъ, споткнулся, упалъ, силился вновь подняться и не могъ. Худой, весь голый, исцарапанный, глаза на выкатъ... лежалъ и что-то бормоталъ.

Разъѣздъ подобралъ его и доставилъ въ госпиталь. Послѣ того, какъ Ющенко немного поправился, его отправили на родину...

«Искренность, простота, отсутствіе рисовки, подтвержденіе разсказа лицами, нашедшими Ющенко, наконецъ, сама болѣзнь, истощеніе организма не оставляютъ сомнѣнія,— говоритъ докторъ Шумковъ,—въ правдивости случившагося».

Ющенко уѣхалъ домой скромно и незамѣтно; сколько такихъ героевъ остается въ неизвѣстности. Думаютъ ли они, что ихъ имя достойно исторіи?!

Итакъ, пора встряхнуться, пора исполнить священный долгъ: вниманіе къ забытымъ, они ждутъ...

Л. Болховитиновъ.

РУССКАЯ ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА
и
НАЦІОНАЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ.

Надъ русской внѣшней политикой издавна тяготѣетъ обвиненіе въ отсутствіи опредѣленнаго и яркаго пониманія національныхъ задачъ. Нашей дипломатіи приписывается тотъ салонно-бюрократическій пошибъ, который отрываетъ ее отъ подлинныхъ и органическихъ потребностей народнаго самосохраненія и народнаго роста. По распространенному взгляду дѣятельность этой дипломатіи долгое время была отравлена особымъ вѣдомственнымъ сепаратизмомъ и размѣнивалась на мелкую игру чиновныхъ самолюбій. Указывали далѣе, что эти обычные недостатки русской внѣшней политики не являются исконными ея грѣхами. До конца XVIII вѣка, напротивъ того, направляютъ политику цѣли, поставленныя желѣзной государственной необходимостью и лишь съ этого времени начинается расточеніе народныхъ средствъ и силъ на предпріятія, по существу чуждыя кровнымъ русскимъ интересамъ. «Здоровый эгоизмъ» смѣняется нездоровой готовностью служить чужому благополучію.

Эти вопросы пріобрѣтаютъ въ настоящее время особый интересъ въ связи съ реформой государственнаго строя Россіи, реформой, которая затрагиваетъ и веденіе нашей иностранной политики. Правда, русскіе Основные Законы не предоставляютъ Государственной Думѣ и Государственному Совѣту никакого непосредственнаго воздѣйствія на эту политику. Министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ никогда не появляться въ стѣнахъ Таврическаго и Маріинскаго дворца, ему не нужно отвѣчать на обращаемые къ нему запросы. Заключеніе международныхъ договоровъ точно также совершенно изъято изъ вѣдѣнія законодательныхъ учрежденій. И однако и здѣсь нельзя измѣрять важности совершившихся перемѣнъ буквой Основныхъ Законовъ или

Положеній о Государственной Думѣ и о Государственномъ Совѣтѣ. Какъ бы ни ограничено было наше бюджетное право, введенное въ рамки правилъ 8 марта 1906 г., оно даетъ возможность законодательнымъ органамъ разсматривать смѣту Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и самую его дѣятельность. Но еще важнѣе то новое пониманіе различныхъ государственныхъ функцій, которое образуется при самомъ элементарномъ конституціонализмѣ, образуется помимо воли руководителей новаго государственнаго аппарата и вообще тѣхъ, кто связанъ съ его работой. Какъ бы слабо ни проводилось въ текстѣ закона начало отвѣтственности, и какъ бы легко оно ни нарушилось оно начинаетъ становиться постулатомъ политической нравственности, чѣмъ-то не подлежащимъ оспариванью. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ неизбѣжно испытываетъ потребность опираться на общественное мнѣніе. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно характерны выступленія А. П. Извольскаго въ 1908 г. передъ Государственной Думой. Руководитель внѣшней политики русскаго государства не только формально осудилъ безотвѣтственный авантюризмъ съ его недавними роковыми послѣдствіями, онъ торжественно заявилъ, что время подобной безотвѣтственности прошло навсегда.

Русское общественное мнѣніе уже становится силой, отъ которой зависитъ въ извѣстной мѣрѣ направленіе нашей внѣшней политики и это налагаетъ на общество новую обязанность, новую отвѣтственность. Оно слишкомъ долго жило въ полной оторванности отъ созидательной государственной стихіи, принужденное довольствоваться лишь критикой и отрицаніемъ. Мы чувствовали себя иностранцами въ собственной странѣ, и это наложило роковой отпечатокъ на всѣ наши мысли и настроенія. И какъ бы мало ни измѣнились условія внѣшней жизни, во внутреннемъ сознаніи уже произошелъ глубокій переломъ. Поняли, что новую Россію нельзя строить изъ однихъ отвлеченныхъ формулъ, что она должна принять на себя все положительное національно-государственное наслѣдіе прошлаго. Этотъ темный инстинктъ, въ которомъ отпечатлѣлась тяжкая борьба за созиданіе русскаго государства, не долженъ быть заглушенъ: онъ долженъ быть лишь освѣщенъ нашими культурно-политическими идеалами.

При свѣтѣ ихъ, каковыми представляются задачи современной международной политики Россіи? Въ чемъ раскрывается ея подлинное національное призваніе? Вотъ вопросы, которые, очевидно, далеко выходятъ за предѣлы исключительнаго вѣдѣнія профессіональныхъ политиковъ и дипломатовъ.

Перелистывая бѣглымъ взглядомъ историческій атласъ, мы сразу получаемъ впечатлѣніе одного контраста между русскимъ государствомъ и государствомъ западно-европейскимъ. Мы видимъ, что созданіе территоріальнаго базиса занимаетъ въ исторіи перваго гораздо большее мѣсто, чѣмъ въ исторіи вторыхъ. Всего явственнѣе бросается въ глаза этотъ контрастъ съ расширеніемъ Англіи: ея современныя графства остались въ границахъ, установленныхъ въ англосаксонскій періодъ, и область, надъ которой царствовалъ Вильгельмъ Завоеватель, почти совпадаетъ съ предѣлами современной Англіи. Шотландія не была въ точномъ смыслѣ завоевана англичанами, и актъ 1707 года, объединяющій ее и Англію, явился естественнымъ завершеніемъ долгой эволюціи.

Упорнѣе и кровопролитнѣе велась борьба съ Ирландіей, и ея ассимиляція оказалась не подъ силу даже политическому генію британской націи. Но все же это вовсе не была борьба, продиктованная инстинктомъ самосохраненія: ни въ одну минуту исторіи Ирландія не угрожаетъ существованію англійскаго государства, не имѣетъ какихъ-либо замысловъ расширенія. Сложность ирландскаго вопроса связана гораздо болѣе съ господствомъ опредѣленныхъ классовъ англійскаго общества, съ гегемоніей лэндлордовъ, съ вѣковыми, наконецъ, традиціями враждебности и недовѣрія противъ католической церкви, такъ долго задержавшими торжество религіозной свободы въ Англіи, чѣмъ съ потребностями государственной обороны; ирландцы могли быть лишь врагами внутренними.

Съ другой стороны, новѣйшее колоніальное расширеніе Англіи точно также далеко выходитъ за предѣлы «собиранія земель», необходимаго, чтобы обезпечить внѣшнюю безопасность. Намъ трудно представить современную Англію безъ британской Остъ-Индіи, обладаніе этою послѣднею налагаетъ слишкомъ сильный отпечатокъ и на внутреннюю и на внѣшнюю политику Соединеннаго королевства, и мы

знаемъ, какъ, несмотря на всю широту политической автономіи, которой пользуется Канада и Австралія, связь ихъ съ метрополіей отражается на этой послѣдней. И, однако, Англія не только эпохи Елизаветы, но и временъ билля о правѣ и второй революціи этихъ колоній не имѣла, и вопросъ о ея колоніальной гегемоніи вообще оставался открытымъ, и этотъ вопросъ разрѣшился въ результатѣ борьбы, которая красной нитью проходитъ черезъ случайныя и капризныя дипломатическія комбинаціи XVIII вѣка. Прежде, чѣмъ Англія утвердилась въ долинѣ Ганга и къ сѣверу отъ Великихъ Озеръ, она имѣла не только Ньютона и Шекспира, который въ глазахъ Карлейля до сихъ поръ остается болѣе важнымъ залогомъ ея мірового значенія, чѣмъ обладаніе Индіей, и не только тотъ представительный строй, который служилъ образцомъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, идущихъ по пути политической свободы. Въ политической и религіозной борьбѣ внутренней и внѣшней, въ борьбѣ съ посягательствами Стюартовъ и съ притязаніями католической Европы создался тотъ укладъ мысли и чувства, формировался тотъ человѣческій матеріалъ, безъ котораго Англія не получила бы ни торговаго первенства, ни колоніальнаго верховенства. Въ этомъ сравнительно позднемъ выступленіи на сцену міровой борьбы не заключается ли одна изъ тайнъ этихъ сказочныхъ тріумфовъ, которыми отмѣчена новѣйшая исторія народовъ англо-саксонской расы?

Если мы обратимся на другую сторону Ламанша, то здѣсь на первый взглядъ болѣе бросаются въ глаза черты различія, чѣмъ сходства съ Англіей. Процессъ собиранія земель играетъ здѣсь какъ будто гораздо большую роль и остается такъ и незаконченнымъ. Идея «естественныхъ границъ», до которыхъ должна была бы достигнуть Франція—по Рейну, Альпамъ, Средиземному морю, Пиринеямъ, и Атлантическому океану—идея, которую находили еще въ изображеніи древней Галліи у Страбона, не была осуществлена, если не считать мимолетнаго торжества Наполеона. На нее ссылалась французская дипломатія стараго порядка, который оставилъ ее въ наслѣдство и великой революціи. Когда дѣятели этой революціи перешли съ языка отвлеченныхъ принциповъ и декларацій на языкъ государственнаго интереса, — единственно возможный при сношеніяхъ

со старой Европой,— они опять-таки въ округленіи французской территоріи до указанныхъ естественныхъ границъ увидѣли основную реальную задачу и это выражалось прежде всего признаніемъ необходимости раздвинуть Францію до Рейна. Обстоятельства слагались такъ, что, пріобрѣтая эти естественныя границы, приходилось идти дальше и расширять завоеванія,—но во всякомъ случаѣ мысль о естественной, такъ сказать, территоріи Франціи была совершенно ясна дѣятелямъ конвента и директоріи. И даже тогда, когда союзныя войска сдѣлались нападающей стороной, а Наполеонъ съ остатками великой арміи—обороняющейся, когда приближалось полное крушеніе имперіи,—въ дипломатическихъ переговорахъ Франціи и союзниковъ постоянно упоминаются эти естественныя границы, въ которыя должна вернуться Франція, отказавшись отъ своихъ завоеваній.

Если мы теперь разсмотримъ исторію территоріальнаго роста Франціи, то увидимъ, какъ мало сравнительно измѣнились ея границы со временъ эпохи столѣтней войны и присоединенія Аквитаніи (середина XV в.) и присоединенія Бретани (1532). Въ сравненіи съ этими приращеніями дальнѣйшія приращенія—Наварра, Эльзасъ, Франшъ-Контэ,— успѣхи «короля солнца» и блестящей плеяды военныхъ талантовъ, которыми располагала Франція XVII вѣка—кажутся второстепенными. Еще не былъ разрѣшенъ вопросъ, останутся ли французы вѣрны католицизму или они пойдутъ на зовъ учениковъ Кальвина, а ихъ страна уже почти вошла въ ея современные предѣлы. Самые трудные шаги по пути собиранія земель и превращенія маленькаго домена капетингскихъ королей во Францію были пройдены, когда въ XIII вѣкѣ сѣверные феодалы, осѣненные благословеніемъ церкви, не только защищая единство вѣры, но и созидая единство государства, побѣдили провансальскихъ горожанъ и тѣмъ болѣе, когда изгнаніе англичанъ въ XV вѣкѣ окончательно соединило Западную и Восточную Францію.

Германія находилась въ состояніи вѣковой раздробленности и эта раздробленность затемняетъ процессъ земельнаго расширенія. Новѣйшей германской имперіи суждено было создаться желѣзомъ и кровью, но эта кровь была пролита для того, чтобы разрѣшить внутренній германскій конфликтъ двухъ возможныхъ центровъ объединенія и погасить наслѣдственныя притязанія Франціи на рейнскую

границу. Это было національное дѣло, которое потребовало величайшаго напряженія силъ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ, но именно въ силу послѣдняго оно стоитъ въ неразрывной связи со всей культурной работой нѣмецкаго народа. Національное дѣло не растворялось ни въ стихійномъ инстинктѣ массы, ни въ свободномъ замыслѣ неограниченныхъ распорядителей судьбами нѣмецкой государственной жизни. И какимъ бы перевѣсомъ силъ не пользовалась здѣсь Пруссія, какъ бы не запечатлѣна была новая имперія прусскимъ верховенствомъ, объединеніе не можетъ быть разсматриваемо, какъ насильственное подчиненіе Пруссіи самостоятельныхъ нѣмецкихъ государствъ. Собираніе земель мы должны искать раньше—въ исторіи отдѣльныхъ областей и владѣній—особенно Австріи и Пруссіи. И если ростъ Австріи былъ въ меньшей мѣрѣ обязанъ военнымъ успѣхамъ, чѣмъ династическимъ удачамъ Габсбурговъ—съ ихъ наслѣдственнымъ искусствомъ заключать счастливые и видные браки,—то исторія Пруссіи по тому значенію, которое въ ней получаетъ борьба за территорію, представляетъ нѣкоторыя точки сходства съ исторіей Россіи. Чтобы занять первенствующее положеніе въ Сѣверной Германіи, для Пруссіи было жизненной необходимостью устранить черезполосность, раздѣляющую двѣ исконныя области, вокругъ которыхъ сложилась современная Пруссія—прусское герцогство Тевтонскаго ордена и Бранденбургъ,—и укрѣпить территорію государства на Балтійскомъ побережьѣ и на границѣ съ Австріей пріобрѣтеніемъ Помераніи и Силезіи. Несомнѣнно и на всей исторіи Пруссіи напряженность этой борьбы оставила глубокій слѣдъ. Военные и неразрывно съ ними связанные фискальные мотивы господствуютъ надъ всѣми другими соображеніями; все государственное устройство къ нимъ приспособляется. Заслуга прусскихъ монарховъ лежитъ прежде всего въ подготовкѣ той арміи, которая могла выдержать семилѣтнюю войну, войну на три фронта, съ могущественнѣйшими государствами континентальной Европы. Историческая критика разрушила много благочестивыхъ легендъ, связанныхъ съ реформаторской дѣятельностью Фридриха Великаго и его предковъ, но она оставляетъ за ними въ неприкосновенности титулъ созидателей прусской государственной территоріи, заключенный въ предѣлъ, необходимый для выполненія объединяющей

миссіи. Слова современнаго историка, что въ Пруссіи была скорѣе страна при арміи, чѣмъ армія при странѣ, подтверждаются хотя бы въ характеристикѣ, данной прусской монархіи конца XVIII вѣка въ сочиненіи такого краснорѣчиваго и убѣжденнаго защитника ея, какъ Мирабо.

Но и Пруссія, если разсматривать всѣ жертвы, принесенныя дѣлу территоріальнаго завершенія прусскаго государства, не можетъ быть сопоставляема съ Россіей. Мы, не считаясь съ исключительно острыми потребностями государственной обороны, никогда не будемъ въ состояніи понять, почему ядромъ будущей Россіи являлась не кіевская и не галичская земля, а лѣса и болота суздальскаго края. Не поймемъ мы и успѣховъ единодержавія, которому Византія дала только внѣшнюю оболочку форму и ритуалъ «Московское государство»,—говоритъ В. О. Ключевскій,—«и было народнымъ лагеремъ, образовавшимся изъ боевой Великороссіи, Оки и Верхней Волги и боровшимся на пути фронта: восточной, южной и западной. Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Калиты. Военное по происхожденію, оно и устроилось по военному». Отсюда наша помѣстная система служилаго землевладѣнія, опредѣлившая и политику государства, относительно закрѣпощенія крестьянства. Отсюда вообще то прикрѣпленіе общественныхъ классовъ къ государственной службѣ, государственному тяглу, которое вноситъ въ жизнь Московской Руси такъ много принужденія. Съ какой заботливостью Уложеніе Алексѣя Михайловича проводитъ загородки, раздѣляющія людей, предназначенныхъ въ той или иной формѣ отправлять эти повинности. Отсюда, съ другой стороны, такое ничтожное развитіе права отдѣльной личности, отдѣльнаго союза. Насъ удивляетъ, какъ мало преградъ на своемъ пути встрѣтилъ ростъ московскаго единодержавія, какъ мало изъ этого міра донеслось откликовъ политическихъ притязаній; мы искали бы болѣе отчетливой и яркой оппозиціи и въ Боярской Думѣ и на Земскомъ Соборѣ и мы постоянно наталкиваемся на эту удивительную скудость политическаго темперамента и юридической мысли, которая замѣняется обычаемъ и бытомъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя отрицать извѣстнаго контраста между Западомъ и Восто-

*) Боярская Дума, 306.

комъ. Современная русская историческая литература уже не держится традиціоннаго взгляда, будто въ старой Руси единственной творческой силой было государство, что здѣсь все шло сверху, что въ низахъ было полное отсутствіе самостоятельности, господство инерціи и пассивности. «Западныя государства»,—писалъ Б. И. Чичеринъ,—«стремились къ уничтоженію слишкомъ большой самостоятельности мелкихъ союзовъ. Московскіе государи, напротивъ того, должны были прекратить слишкомъ большое обособленіе личностей и образовать союзы, которые могли бы служить орудіемъ государственной власти. То, что на Западѣ образовалось само собой, вслѣдствіе господства союзнаго духа, то у насъ учреждено правительствомъ на основаніи государственныхъ потребностей» [1]). Мы знаемъ въ настоящее время, что и Московской Руси были не чужды нѣкоторые элементы самоуправленія, что и здѣсь союзы не всегда вызывались къ жизни исключительно властнымъ приказомъ государства, что вообще это государство вовсе не заполняетъ до такой степени исторіи Московской Руси,—и все-таки безспорно эти проявленія общественной самодѣятельности кажутся мало значительными, мимо нихъ легко пройти. Люди Московской Руси имѣли передъ собой стихійно поставленныя задачи, и разрѣшеніе потребовало всей ихъ энергіи. Отдѣльная личность неизбѣжно здѣсь пропадала. Дѣло не измѣнялось отъ того, что общественная дисциплина охранялась въ гораздо меньшей степени опредѣленными юридическими нормами, чѣмъ силою быта. Послѣднее относится, какъ извѣстно, даже къ царской власти, которая, при всей своей обширности, удивлявшей иностранцевъ, какъ Герберштейнъ и Флетчеръ, никогда не могла получить опредѣленнаго юридическаго облика. Но отсутствіе нормъ отнюдь не оставляло больше простору общественному или личному почину.

Роковое значеніе этой борьбы за государственное существованіе, борьбы, которая только безмѣрно изнуряла народныя силы и понижала производительность народнаго труда, можетъ быть прослѣжена и въ послѣ-московскій періодъ. В. О. Ключевскій устанавливаетъ въ качествѣ нѣкотораго обобщенія русской исторіи, что до половины XIX вѣка внѣш-

---

[1]) Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, с. 36.

нее территоріальное расширеніе идетъ въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ развитію внутренней свободы народа *). Въ этомъ ключъ къ пониманію противорѣчій въ реформахъ Петра, такъ затрудняющихъ объективно установить ихъ историческое мѣсто. Военныя и фискальныя цѣли являлись для Петра основными; прочія преобразованія легко обращались въ простыя средства. Въ монографіи М. М. Богословскаго, посвященной областной реформѣ Петра, мы ясно видимъ, какъ и она, отражая на первый взглядъ нѣкоторую политическую теорію, въ дѣйствительности была связана съ потребностями военнаго оборудованія государства. Отсюда энергичное проведеніе приказнаго начала, которымъ всецѣло запечатлѣваются и петровскія коллегіи, готовность подкрѣплять эти приказы жестокими репрессіями и карами, не находящимися какъ будто ни въ какомъ соотношеніи съ тяжестью совершеннаго проступка. Отсюда новыя требованія, предъявленныя къ личнымъ и платежнымъ силамъ подданныхъ, стремленіе подвести ихъ подъ единообразную мѣрку въ несеніи государственныхъ тягостей,— стремленіе, особенно сказавшееся въ подушной подати. Отсюда это странное сочетаніе у Петра восточнаго деспотизма и геніальнаго инстинкта, подсказывающаго, что нельзя медлить съ вступленіемъ Россіи на обще-европейскій путь.

Если мы, однако, возьмемъ дѣло съ другой стороны и разсмотримъ территоріальное расширеніе Россіи, мы должны будемъ признать его совершенную государственную неизбѣжность. Конечно, не всѣ войны, которыя вела Россія въ XVIII вѣкѣ, вызывались этой необходимостью. Такъ война съ Турціей 1735—1739 гг. даже въ глазахъ современниковъ была вовсе не нужна и объяснялась лишь желаніемъ занять армію и произвести впечатлѣніе, что завѣты Петра блюдутся неизмѣнно. Эта война, въ которой были блестящіе эпизоды вродѣ взятія Очакова и побѣда при Ставучанахъ, стоила, однако, Россіи 100,000 солдатъ и принесла ей лишь кусокъ степи между Донцомъ и Бугомъ. Внѣшняя политика Елизаветы Петровны также отличалась случайнымъ характеромъ: извѣстно, какими мало значительными мотивами опредѣлилось участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ. Надо, однако, помнить, что такая случайность была вполнѣ въ

*) Курсъ русской исторіи, ч. III, стр. 4.

духѣ и западно-европейской дипломатіи XVIII вѣка, что и здѣсь постоянно давали тонъ чисто династическія и личныя соображенія и что вступленіе, напримѣръ, Франціи въ коалицію противъ Фридриха II, вступленіе, имѣвшее для нея роковыя послѣдствія и не мало содѣйствовавшее утратѣ французскихъ колоній, было продиктовано соображеніями въ еще меньшей степени государственными. Авантюризмъ и безотвѣтственность были столь же характерны для «стараго порядка» въ сферѣ внѣшней, какъ и въ сферѣ внутренней политики *). Но было бы совершенно неправильно давать подобную огульную характеристику всей русской внѣшней политикѣ XVIII вѣка. П. Н. Милюковъ могъ доказать въ своей книгѣ о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ, что цѣной подобнаго разоренія Россія была возведена въ рангъ первоклассной великой европейской державы, что великая сѣверная война наложили на плечи русскаго народа бремя, для нихъ совершенно непосильное. Но едва ли можно оспаривать жизненную необходимость этой борьбы за пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря: не утвердившись здѣсь, Россія вообще не могла войти въ кругъ европейскихъ державъ. То же самое приходится сказать и о главныхъ пріобрѣтеніяхъ Екатерины—Новороссіи и Западной Руси. Утвержденіе на Черномъ морѣ завершило многолѣтнюю борьбу Московскаго Государства на южномъ фронтѣ. Пріобрѣтеніе Западнаго края возвращало Россіи исконныя русскія земли. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ произошла роковая ошибка раздѣла Польши, уничтоженіе самостоятельности Польскаго государства, ошибка, послѣдствія которой такъ болѣзненно чувствуются и въ настоящее время. Но какъ бы мы ее не оплакивали, она не отнимаетъ національнаго значенія пріобрѣтенія, возстанавливающаго естественныя границы Россіи на Западѣ. И вообще, если бы мы хотѣли охарактеризовать дѣло Екатерины, мы могли бы назвать ее завершительницей въ томъ собираніи земель, которое неразрывно связывало Русь Московскую и Россійскую Имперію. Борьба за территорію, борьба за мѣсто подъ солнцемъ, стоившая такихъ неимовѣрныхъ усилій, оплаченная такими громадными народными лишеніями и мукой, заканчивается.

---

*) С. Котляревскій. «Правовое государство и внѣшняя политика», стр. 239.

Правда, не заканчивается территоріальное расширеніе Россіи. Но позднѣйшія пріобрѣтенія, какъ бы существенны они ни были, уже выходятъ за предѣлы поставленныхъ многовѣковыхъ историческихъ зданій. Это относится къ присоединенію Бессарабіи съ ея молдаванскимъ населеніемъ и еще болѣе къ присоединенію Финляндіи. Въ этой послѣдней сторонѣ мы встрѣтились съ опредѣленной культурой, совершенно чуждой намъ по своимъ корнямъ. Финляндія органически и не могла раствориться въ стихіи общерусской государственности. Ея значеніе чисто стратегическое,—значеніе страны, находящейся въ такой близости отъ столицы государства. Даруя Финляндіи конституцію и политическую автономію, Императоръ Александръ I вполнѣ сознавалъ это. Въ настоящее время условія государственной обороны стали иныя, соотвѣтственно измѣняется и роль Финляндіи въ общей защитѣ Имперіи,—но мысль о ея внутреннемъ сліяніи съ другими частями Имперіи остается столь же утопической. Точно также, какъ ни важны присоединенія Измаильскаго уѣзда, Карса, Батума и т. п., они не мѣняютъ въ общемъ того мірового удѣльнаго вѣса, который представляетъ Россіи въ силу своей территоріи.

Другое приходится сказать о нашемъ движеніи на Востокѣ, въ Средней Азіи, въ Сибири, о нашемъ утвержденіи на берегахъ Тихаго Океана. Эти районы могутъ имѣть огромное значеніе въ будущихъ судьбахъ нашей страны, но они носятъ характеръ колоніальныхъ территорій, оборудованіе которыхъ возможно лишь при избыткѣ силъ внутри и которыя долго обладаютъ лишь потенціальной цѣнностью. Во всякомъ случаѣ эти приращенія качественно, такъ сказать, отличаются отъ созданія коренной, въ историческомъ смыслѣ, государственной территоріи, которое завершается въ концѣ XVIII столѣтія.

Несомнѣнно здѣсь мы имѣемъ одну изъ важнѣйшихъ граней въ исторіи нашей дипломатіи и всей нашей внѣшней политики. Когда мы стараемся представить себѣ общій уровень просвѣщенія и гражданственности Россіи въ XVIII вѣкѣ, мы склонны удивляться выдающимся качествамъ представителей дипломатіи, отъ нихъ и мы готовы видѣть какой-то странный регрессъ, который совершился въ этомъ смыслѣ за XIX вѣкъ. Историкъ русской дипломатіи Татищевъ склоненъ объяснять это тѣмъ, что въ XVIII вѣкѣ

наша дипломатія преслѣдовала реальные интересы народа, а позднѣе она пошла по ложному пути отстаиванія отвлеченныхъ принциповъ, расточительно расходуя на нихъ русскую кровь и русскія деньги. Это очень неточное обозначеніе вѣрно подмѣченнаго факта, что наша дипломатія постепенно утрачиваетъ увѣренность и опредѣленность плана, что она полна колебаній и противорѣчій и что соотвѣтственно какъ-то мельчаютъ ея представители. Какъ же объяснить это?

Внѣшняя политика всегда должна быть національной, но въ чемъ долженъ состоять этотъ національный ея характеръ? Онъ не можетъ быть выраженъ ни въ какой застывшей формулѣ, онъ мѣняется по мѣрѣ роста народнаго самосознанія, по мѣрѣ того, какъ внутренняя и внѣшняя жизнь націи наполняется новымъ содержаніемъ. Многіе годы русская внѣшняя политика долго имѣла передъ собой задачу, совершенно ясную,—задачу образованія территоріи, которая бы сдѣлала Россію великой европейской державой и открыла бы ей доступъ къ морю. Здѣсь возможны были сомнѣнія въ выборѣ средствъ, въ послѣдовательности мѣръ, возможны были фантастическіе замыслы, отъ которыхъ оставались не свободны и программы екатерининской эпохи — программы панинскаго сѣвернаго аккорда и потемкинскаго греческаго проэкта,—но сама жизнь возвращала государственныхъ людей къ очереднымъ задачамъ государственнаго укрѣпленія, унаслѣдованнымъ отъ московской Руси. Но Россія устранила вѣковыя опасности на западномъ, сѣверномъ и южномъ фронтѣ: побѣдительница Швеціи, Польши и Турціи, властительница Сѣверной Азіи, она, наконецъ, имѣла свободныя руки и свободное время. Въ чемъ отнынѣ лежала національная миссія нашей внѣшней политики? «Руководствуясь чувствомъ чести»,—писалъ императоръ Павелъ въ письмѣ гр. Разумовскому, объясняя, почему онъ отозвалъ русскія войска съ театра военныхъ дѣйствій,—«поспѣшилъ я на помощь человѣческому роду и тысячи людей принесъ я въ жертву, чтобы облегчить его благосостояніе». Въ различныхъ перипетіяхъ борьбы Александра I съ Наполеономъ, смѣняющихся тильзитскимъ сближеніемъ, многіе современники также склонны были видѣть лишь служеніе человѣческому роду, весьма дорого оплаченное Россіей и невыгодное ея насущнымъ кровнымъ

интересамъ... Не лучше ли въ такомъ случаѣ вовсе отказаться отъ всякой внѣшней политики? Въ этомъ смыслѣ писалъ въ 1809 г. Александру I В. Каразинъ. По его словамъ, нужно отрѣзать Россію отъ всей остальной Европы, совершенно уничтожить всѣ въ началѣ прошлаго вѣка заведенныя, политическія связи, не только отказаться отъ пособій той или другой державѣ, но устранить себя отъ всякаго участія въ ихъ дѣлахъ, прекратить съ ними дипломатическія сношенія и не разрѣшать въѣздъ въ Россію иностраннымъ консуламъ *). Между тѣмъ исходъ войны съ Наполеономъ далъ въ значительной мѣрѣ Россіи рѣшающій голосъ въ переустройствѣ европейскаго порядка. Начинается время не отдѣленія Россіи отъ Европы, а постояннаго вмѣшательства въ дѣла послѣдней. Дѣло здѣсь было не въ риторикѣ актовъ Священнаго Союза, къ которой столь иронически относился Меттернихъ, а въ пониманіи національной миссіи Россіи—обезпечивать наличную власть и наличный государственный порядокъ въ Европѣ. Провести такое положеніе до конца со всей безпощадной прямолинейностью доктринеровъ оказывалось уже невозможнымъ, не подавляя инстинктивнаго сознанія подлинныхъ интересовъ Россіи. Создавалось безвыходное противорѣчіе, которое особенно ярко бросается въ глаза при изученіи политики Александра I въ греческомъ вопросѣ. Императоръ Николай I сумѣлъ побѣдить это противорѣчіе: не побоялся поколебать власть падишаха надъ его подданными и не остановился передъ совмѣстнымъ съ Франціей и Англіей вооруженными дѣйствіями. Однако этотъ здоровый реализмъ чередовался съ режимомъ защиты моральнаго равновѣсія, которое будто бы нарушалось всякими потрясеніями внутри европейскихъ государствъ даже тогда, когда подобная защита, какъ во время подавленія венгерскаго возстанія, несомнѣнно шла противъ государственныхъ интересовъ Россіи, отнюдь не требовавшихъ спасенья старой Австріи.

Надо быть справедливымъ и не разсматривать внѣшнюю политику Россіи XIX вѣка подъ какимъ-нибудь тенденціознымъ угломъ зрѣнія. Въ ея исторіи есть страницы, остающіяся драгоцѣннымъ національнымъ достояніемъ, свидѣтельствомъ духовной мощи Россіи. Въ войнѣ за освобожде-

*) С. А. Жигаревъ, Россія въ союзѣ европейскихъ народовъ, с. 13.

ніе Болгаріи мы можемъ отличить правду отъ легенды, безкорыстный порывъ общественнаго чувства и создавшуюся вокругъ него атмосферу авантюризма и безсовѣстной спекуляціи на это чувство. Всѣ послѣдующія безтактности и ошибки русской политики, всѣ пріемы вмѣшательства во внутреннюю жизнь освобожденной Болгаріи, всѣ даже внѣшнія неудачи и пораженія не разрушили драгоцѣннаго фонда довѣрія и авторитета, который былъ пріобрѣтенъ Россіей на Балканскомъ полуостровѣ. Съ другой стороны вліяніе, пріобрѣтенное Россіей въ Персіи утвержденіе ея въ Средней Азіи и движеніе къ Великому Океану—какъ бы и ни былъ искаженъ его смыслъ дальневосточнымъ авантюризмомъ — во всемъ этомъ заключалась здравая государственная идея. Наконецъ созданіе франко-русскаго союза при всѣхъ психологическихъ трудностяхъ, которыя вытекали изъ коренного различія въ государственномъ и общественномъ строѣ этихъ государствъ, является актомъ подлинной политической мудрости, и исторія оцѣнитъ заслугу Императора Александра III, не побоявшагося протянуть руку демократической республикѣ.

Но какое бы удовлетвореніе не оставляли въ насъ отдѣльныя страницы этой исторіи, въ цѣломъ совершенно недоставало одного—ясно сознанной національной задачи. Не трудно объяснить, почему внѣшняя политика въ этомъ отношеніи какъ бы пошла назадъ. Округленіе государственной территоріи являлось условіемъ государственнаго развитія, условіемъ необходимымъ, которое нужно было выполнить со всевозможными жертвами и лишеніями, но оно не предрѣшало самаго развитія. Много вѣковъ народныя силы направлялись главнымъ образомъ вширь, уходили на борьбу съ пространствомъ и за пространство, — и это накладывало особый отпечатокъ однообразія и повторенія на наше прошлое. Народъ создавалъ русскую государственность, но жизнь его отъ нея была отрѣзана и для нея онъ остался военнымъ и податнымъ матеріаломъ. Реформа 19 февраля 1861 г. вывела его на новый путь, но опутанный сѣтью противорѣчій хозяйственныхъ и правовыхъ, обременный тяжкимъ наслѣдіемъ приказно-крѣпостнической старины, онъ среди напряженнаго соперничества народовъ, среди назрѣвающихъ великихъ міровыхъ конфликтовъ казался неподготовленнымъ и невооруженнымъ. А рядомъ вся русская куль-

тура была поражена недугомъ раздвоенности: она стояла между оффиціальнымъ патріотизмомъ, во имя котораго бюрократы требовали признанія своего всевластія и расплывчатымъ космополитизмомъ, въ которомъ находило выходъ общество, протестующее противъ этого казеннаго исповѣданія вѣры,—между ними не создалась болѣе здоровая стихія. Права личности не примирялись съ велѣньями государственности, прогрессъ политическихъ и общественныхъ формъ — съ глубокимъ инстинктомъ національнаго самоутвержденія, надежда съ воспоминаніемъ. Мы особенно болѣзненно почувствовали отсутствіе этой стихіи, когда насъ захватилъ переломъ нашего государственнаго строя и когда мы увидѣли, крайнюю шаткость элементовъ подлиннаго либерализма и подлиннаго консерватизма, всего, что не можетъ и не хочетъ стать подъ знамя революціи, какъ и подъ знамя реакціи. Если въ этомъ смыслѣ все же переживается какая-то смѣна, то она сказывается пока болѣе въ неопредѣленныхъ настроеніяхъ, и наша задача— скорѣе научиться переводить ихъ на языкъ яснаго сознанія. Пользуясь этимъ послѣднимъ, какъ можемъ мы опредѣлить національныя задачи современной русской внѣшней политики?

Нужно здѣсь самымъ точнымъ образомъ различать средства и цѣли. Средства, которыми располагаетъ эта внѣшняя политика, совершенно измѣнчивы и относительны,—это неизбѣжно область крайняго оппортунизма, и какое бы то ни было доктринерство, какая бы то ни было предвзятость могутъ только исказить пониманіе, чего требуетъ въ данную минуту національный интересъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ судить, напримѣръ, тѣ или другія международныя комбинаціи съ точки зрѣнія нашихъ политическихъ симпатій—правыхъ и лѣвыхъ, и однако неправильно, напримѣръ, отстаивать союзъ Россіи съ Англіей потому, что въ Англіи существуетъ парламентаризмъ, и съ Германіей, потому что въ ней сохраняется сильная монархическая власть. Но этотъ неизбѣжный оппортунизмъ и гибкость дипломатической техники никакимъ образомъ не должны быть смѣшиваемы съ безпринципностью цѣлей, которыя составляютъ такъ часто коренной грѣхъ дипломатіи. Въ настоящее время для насъ важнѣе всего, какъ и въ другихъ областяхъ, правильная и ясно сознанная оріентировка внѣшне-политиче-

ской дѣятельности государства, опредѣленіе того, чего должны мы здѣсь искать.

Прежде всего въ настоящее время, кажется, признается единодушно, что образованіе государственной территоріи Россіи закончено. Если есть извѣстное нормальное отношеніе между пространствомъ и внутренними рессурсами, выходя за которые увеличенье площади ослабляетъ, а не усиливаетъ, то Россія несомнѣнно достигла такого отношенія. Наши помыслы и заботы должны направляться не вширь, а вглубь. Конечно, современныя культурныя государства не страдаютъ маніей территоріальныхъ расширеній, которыя еще въ XVIII вѣкѣ вовлекали монарховъ и народовъ Европы въ безчисленныя войны, но пережитки его сохраняются. Трудно иначе объяснить, зачѣмъ Австро-Венгріи потребовалась аннексія Босніи и Герцеговины вмѣсто оккупаціи. Для Россіи такой соблазнъ территоріальныхъ расширеній можетъ быть нами еще менѣе допустимъ. Само собою разумѣется, это не исключаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, потребности исправленія границъ, какъ это можетъ имѣть мѣсто между Россіей и Норвегіей у Варангеръ-фіорда и на границѣ съ Монголіей и Урянхая. Точно также это не исключаетъ пріобрѣтенія сферъ вліянія, когда онѣ оправдываются серьезными стратегическими или коммерческими интересами. Мы не имѣемъ никакихъ основаній стремиться къ присоединенію сѣверной Маньчжуріи, но мы не могли бы равнодушно смотрѣть, какъ этотъ связанный столькими жизненными нитями съ Пріамурьемъ край сдѣлался бы мѣстомъ враждебныхъ противъ Россіи приготовленій, и во имя этого, при всѣхъ неудобствахъ для насъ наличнаго режима въ районѣ восточно-китайской желѣзной дороги, мы могли бы отказаться здѣсь отъ нашего права лишь при условіи дѣйствительной и обезпеченной нейтрализаціи Маньчжуріи. Пріобрѣтеніе сферъ вліяній можетъ имѣть и чисто оборонительный характеръ, идя рядомъ съ полнымъ отсутствіемъ погони за территоріальными расширеніями. Въ общемъ же площадь русскаго государства представляетъ вполнѣ достаточную базу для него, какъ для великой державы.

Отсюда важное слѣдствіе: Россія особенно заинтересована въ охранѣ status quo, и это одно сообщаетъ ея политикѣ характеръ искренне миролюбивый. Въ этомъ отно-

шеніи бросается въ глаза различіе между ней и Германіей съ ея громаднымъ приростомъ, которому все труднѣе и труднѣе найти примѣненіе своимъ силамъ и который невольно толкаетъ Германію по пути имперіализма. Нѣтъ для насъ ни соблазна реванша, о которомъ можетъ думать Франція, надѣясь, что общеевропейскій кризисъ вернетъ ей Эльзасъ и Лотарингію. Нѣтъ у насъ зарубежныхъ русскихъ мѣстъ, къ возсоединенію которыхъ мы стремились бы, какъ стремилась Италія къ Тріесту. Нельзя въ этомъ отношеніи ссылаться на Восточную Галицію: присоединеніе этой страны, гдѣ украинство во всякомъ случаѣ пустило такіе глубокіе корни и гдѣ оно такъ ожесточенно борется съ чисто-русской культурой, — такое присоединеніе лишь увеличило бы число нашихъ окраинныхъ вопросовъ, быть можетъ поставило бы насъ вплотную передъ притязаніями украинофиловъ и во всякомъ случаѣ потребовало бы новыхъ затратъ и государственной энергіи и народныхъ средствъ. И хотя границы по Карпатамъ, иногда кажется, проведены самой природой, какъ граница Россіи, но совершенно реальнымъ интересамъ послѣдней въ гораздо большей мѣрѣ соотвѣтствуетъ сохраненіе древней Галицкой земли подъ скипетромъ Габсбурговъ. Выражая это въ общей формѣ, можно сказать, что для Россіи существенно прежде всего сохраненіе равновѣсія, и она имѣетъ мотивъ защищать его вполнѣ послѣдовательно и искренне. Это не предположеніе, разумѣется, одинаково отрицательнаго отношенія ко всякимъ международнымъ перемѣнамъ. Въ настоящее время въ современной международной исторіи господствуетъ фактъ глубокаго антагонизма Англіи и Германіи,—столь же бросающійся въ глаза, какъ антагонизмъ Англіи и Франціи въ XVIII вѣкѣ, антагонизмъ Англіи и Россіи въ XIX вѣкѣ. Исходъ этой возможной борьбы намъ не безразличенъ; побѣда Англіи будетъ сопровождаться гораздо меньшимъ нарушеніемъ равновѣсія, чѣмъ побѣда Германіи, которая создастъ ея міровую гегемонію. Мы вовсе не должны мечтать, чтобы Германская имперія была стерта съ лица земли, для насъ возможно въ наиболѣе важныхъ точкахъ, гдѣ встрѣчаются наши притязанія и интересы, ихъ размежевать, но не можемъ мы и уменьшать опасныхъ послѣдствій всего, что прямо или косвенно увеличиваетъ господствующее положеніе Германіи. Такъ разрѣшается и вопросъ о нашей

политикѣ въ дѣлѣ англо-германскаго антагонизма. Россія не имѣетъ достаточныхъ мотивовъ связывать себя въ настоящую минуту формальнымъ союзомъ съ Англіей, ибо такой союзъ, создавая опасность нашей войны съ Германіей, не усилилъ бы соотвѣтственно нашихъ военныхъ средствъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Англія не перейдетъ къ обязательной въ какой-либо формѣ воинской повинности. Но сохраняя за собою свободу дѣйствія, мы, конечно, не должны заранѣе обрекать себя на роль равнодушныхъ свидѣтелей имѣющаго совершиться: поскольку мы стремимся сохранить міровое равновѣсіе, для насъ вовсе не равноцѣнны побѣды той или другой стороны.

Тѣ же самые мотивы заставляютъ насъ относиться съ большимъ вниманіемъ къ положенію славянскихъ государствъ и народностей. Здѣсь существуютъ связи морально культурнаго характера, подлинныя и цѣнныя, но искать обоснованія на нихъ внѣшней политикѣ Россіи значило бы въ настоящую минуту предаваться предосудительнымъ и непростительнымъ утопіямъ, и разочарованія неославизма только лишній разъ это подчеркиваютъ. Въ дѣйствительности славянскій міръ остается раздробленнымъ, онъ полонъ своихъ внутреннихъ конфликтовъ. Какія непреодолимыя трудности стоятъ на пути объединенія хотя бы однѣхъ славянскихъ народностей Австро-Венгріи, или созданія солидарности между сербами и болгарами на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣрно только одно: интересы равновѣсія, интересы обезпеченія противовѣса германскому преобладанію требуютъ возможной сплоченности славянства, и это даетъ совершенно реальную задачу и русской политикѣ. Въ такой постановкѣ нѣтъ ничего общаго съ призракомъ панславизма, какъ въ настоящее время нѣтъ единаго общеславянскаго вопроса, а есть рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшаемы въ указываемомъ направленіи. Подходя, напримѣръ, къ македонскому кризису и поддерживая справедливыя притязанія болгарскаго населенія, Россія не можетъ игнорировать и права сербовъ. Если тѣмъ не менѣе опорой славянства на Балканахъ для насъ должна остаться Болгарія, то именно потому, что мы въ ней видимъ признаки наибольшей жизнеспособности и устойчивости, а съ другой стороны связь Россіи съ Болгаріей въ силу и географическаго положенія послѣдней и всего хода

событій на Балканскомъ полуостровѣ за послѣднюю четверть XIX вѣка стали гораздо болѣе тѣсной, чѣмъ связь наша съ Сербіей, поставленной въ такую фатальную зависимость отъ Австро-Венгріи.

Но защита равновѣсія сама по себѣ не есть ли цѣль скорѣе отрицательная, чѣмъ положительная, не указываетъ ли она скорѣе дѣйствій, которыя должны быть избѣгнуты чѣмъ дѣйствія, которыя должны быть предприняты? Мы можемъ назвать ее политикой разумнаго консерватизма,— то развѣ, хотя бы и разумный, консерватизмъ одинъ въ состояніи направлять дѣятельность руководителей государственнаго аппарата? Ей долженъ быть присущъ творческій элементъ, не боящійся прикоснуться къ неподвижной, застывшей формѣ. Если внѣшняя политика Россіи чужда авантюризма и завоевательныхъ притязаній, она отсюда еще не становится пассивной. Измѣнчивы отдѣльныя сцены міровой борьбы государствъ и народовъ, но она въ цѣломъ становится лишь болѣе напряженной и предъявляетъ къ этимъ государствамъ и народамъ новыя требованія. Огромныя жертвы, принесенныя русскими людьми дѣлу превращенія Россіи въ великую державу, возлагаетъ и на слѣдующія поколѣнія огромную отвѣтственность за сохраненіе этого историческаго достоянія. Въ идеѣ великой Россіи сочетается чувство этой отвѣтственности съ вѣрой въ способность Россіи устоять на этомъ международномъ состязаніи, съ вѣрой въ ея творческія, хотя бы непробужденныя силы.

Если бы захотѣли въ краткой формулѣ отмѣтить этотъ путь длительнаго укрѣпленія Россіи, поскольку онъ можетъ сказываться и во внѣшней политикѣ, мы могли бы, пользуясь словами, примѣняемыми къ хозяйственной сферѣ, сказать: Россія должна окончательно перейти отъ экстенсивнаго политическаго уклада къ интенсивному.

Государственная территорія есть лишь возможность примѣненія болѣе или менѣе плодотворнаго, болѣе или менѣе талантливаго народнаго труда. Интересы этого труда постепенно занимаютъ первенствующее положеніе въ современной внѣшней политикѣ. Англійскій и германскій имперіализмъ нашихъ дней въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ можетъ напоминать ту страсть къ захватамъ, которая была такъ характерна для предста-

вителей просвѣщеннаго и непросвѣщеннаго абсолютизма въ XVII и XVIII вѣкахъ,—но это лишь внѣшность. Этотъ имперіализмъ имѣетъ подъ собой не фантастическіе замыслы безотвѣтственныхъ политиковъ, а крѣпкій народнохозяйственный фундаментъ. Судьбы англійскаго имперіализма неразрывно связаны съ металлургической промышленностью Шеффильда и Бирмингама, какъ политика охраны мира и свободной торговли имѣетъ за себя прядильно-ткацкую промышленность Манчестера и Ланкашира. Міровая политика (Weltpolitik) Германіи, толкающая ее на путь напряженнаго судостроительства и ростущаго морского бюджета,—развѣ она мыслима была бы безъ опредѣленныхъ экономическихъ предпосылокъ: безъ прироста населенія, совершившагося за послѣднія 40 лѣтъ, безъ отлива изъ деревни въ городъ, безъ гигантскаго развитія германской крупной промышленности, которое такъ угрожаетъ Англіи. Признаніе этихъ интересовъ, питающихъ имперіализмъ, мы найдемъ у его принципіальныхъ противниковъ, поскольку послѣдніе оказываются способными сохранить объективность. Можно, напримѣръ, указать на отзывы нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, какъ Бернштейна и Кальвера, на отзывы такихъ авторитетныхъ истолкователей программы современнаго англійскаго либерализма, какъ Самюэль и его книгу о либерализмѣ, на представителей фабіанскаго настроенія и движенія. Можетъ быть, эти корни дѣлаютъ современный имперіализмъ тѣмъ большей угрозой равновѣсію и миру, чѣмъ меньше онъ можетъ быть сведенъ къ капризнымъ фантазіямъ его оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ вождей, можетъ быть онъ является тѣмъ большимъ препятствіемъ на пути торжества пастфистскихъ идеаловъ,—но фактъ остается.

И здѣсь бросается въ глаза различіе съ русской внѣшней политикой. Мы постоянно видимъ, насколько слабо у людей, ей въ той или иной формѣ причастныхъ, сознаніе ея необходимой связи съ экономическими интересами. Наглядно это сказалось хотя бы по поводу пресловутаго новаго великаго пути въ Индію. Здѣсь какъ будто совершенно забывалось, что Сѣверная Персія есть одинъ изъ немногихъ, не только возможныхъ, но и дѣйствительныхъ рынковъ для русскаго экспорта. Наоборотъ, въ Маньчжуріи наша дипломатія слишкомъ забывала, насколько ея коммерческое зна-

ченіе для Россіи ничтожно и насколько здѣсь русскій производитель безсиленъ бороться съ японской и американской конкурренціей. Несомнѣнно, оцѣнивая наши отношенія къ Германіи, мы всегда должны помнить, что неудачный для насъ торговый договоръ съ Германіей можетъ создавать настоящую контрибуцію, наложенную на русское земледѣліе и поражающую русскаго земледѣльца. А между тѣмъ, какъ мало вниманія этому важнѣйшему хозяйственному вопросу было посвящено нашей дипломатіей въ годы, предшествующіе заключенію послѣдняго договора.

Тутъ не должно быть мѣста недоразумѣніямъ. Основной рынокъ для продуктовъ русской промышленности есть нашъ внутренній рынокъ, и это создаетъ тѣснѣйшую связь нашей промышленности съ благосостояніемъ главнаго потребителя ея продуктовъ—крестьянина. Сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что Россіи нуженъ подъемъ ея производительныхъ силъ, а этотъ подъемъ требуетъ работы у корней. Русскій имперіализмъ, не имѣя того экономическаго базиса, которымъ сильны имперіализмъ германскій и англійскій, можетъ воплощаться лишь въ формѣ совершенно искусственныхъ предпріятій, за которыми стоятъ попавшіе въ случай аферисты. Но если это все такъ, тѣмъ сильнѣе должны мы дорожить районами, гдѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ у насъ образуется внѣшній рынокъ. Если наша промышленность такъ связана земледѣліемъ и урожаемъ, она болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, подвергается опасности кризисовъ и застоя въ дѣлахъ, и здѣсь эти внѣшніе рынки, не играя первенствующей роли въ хозяйственной жизни страны, могутъ являться чрезвычайно цѣннымъ подспорьемъ. Во всякомъ случаѣ ходячая мысль о ихъ совершенной невозможности и даже ненужности есть одинъ изъ многочисленныхъ экономическихъ предразсудковъ, распространенныхъ среди русской интеллигенціи. Предразсудокъ, отражающійся и на пониманіи внѣшней политики,—пониманіи, которое мы находимъ такъ часто у ея отвѣтственныхъ руководителей. Ихъ бюрократическіе навыки заставляютъ проходить мимо самыхъ несомнѣнныхъ и реальныхъ интересовъ. А мы недостаточно экономически сильны, чтобы позволить себѣ эту роскошь—не обращать вниманія на потери, которыя понесетъ народное производство при той или другой внѣшне-политической комбинаціи.

Въ еще большей степени это относится къ заключенію

международныхъ торговыхъ договоровъ. Ихъ мѣсто въ міровой экономикѣ становится все болѣе и болѣе важнымъ. «Все болѣе приходимъ мы къ убѣжденію»,—говорилъ въ германскомъ рейхстагѣ депутатъ Генель, еще въ 1883 г., —«что расцвѣтъ промышленности и торговли возможенъ, прежде всего, тогда, когда возможенъ опредѣленный, точный и постоянный разсчетъ въ нашихъ торговыхъ отношеніяхъ, который, конечно, вполнѣ вознаграждаетъ насъ за связанность нашихъ тарифовъ». Объективныя условія мірового оборота заставляютъ ограничивать формальное всемогущество государства, какъ и формальную правовую свободу дѣйствія каждаго отдѣльнаго предпринимателя. Если русскіе основные законы, вопреки не только западно-европейской практикѣ, но и самому смыслу бюджетныхъ правъ народнаго представительства, освобождаютъ торговые договоры отъ контроля со стороны этого представительства, если, напримѣръ, новый русско-германскій договоръ, со всѣми его послѣдствіями для нашего земледѣлія, можетъ быть созданъ чисто бюрократически,—тѣмъ необходимѣе ясно представить національное значеніе этихъ актовъ. Отстаивая пядь за пядью интересы русскаго народнаго труда, мы отстаиваемъ самостоятельность Россіи, ея міровое положеніе — будущее въ еще большей степени, чѣмъ настоящее.

Весьма обычный, хотя довольно грубый софизмъ подмѣниваетъ эти интересы производства односторонними интересами производителей опредѣленнаго класса и такимъ путемъ призывъ болѣе считаться во внѣшней политикѣ съ экономическими потребностями страны превращается въ приглашеніе подчинить эту внѣшнюю политику экономическимъ вождѣленіямъ покровительствуемой группы. Можетъ-быть, это удачный полемическій пріемъ, но онъ разсчитанъ на весьма неотчетливое мышленіе. Поскольку современное государство вообще способно освободиться отъ классовыхъ давленій, и внѣшняя политика не должна быть классовой, т. е. принимать интересы части за интересы цѣлаго,—не должна служить, ни аграріямъ, ни фабрикантамъ, ни коммерсантамъ. Дѣло не въ этихъ прописяхъ политической морали. Дѣло въ томъ, что подъемъ производительныхъ силъ есть цѣль въ истинномъ смыслѣ обще-національная, въ которой заинтересованы всѣ классы. Рѣчь идетъ объ увеличеніи національнаго дохода, а не о справедливѣй-

шемъ его распредѣленіи. Русское интеллигентное общество долгое время всецѣло было поглощено вопросами, связанными съ этимъ распредѣленіемъ, и оно недостаточно отдавало себѣ отчетъ, насколько необходимой предпосылкой соціальныхъ реформъ оказывается извѣстная высота уровня производительныхъ силъ. Объ этомъ довольно краснорѣчиво напомнили признаки глубокаго экономическаго безсилія и непрочности. Теперь мы находимся въ нѣсколько лучшемъ положеніи,—при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ нашъ экономическій прогрессъ неоспоримъ,—но находится ли онъ въ какомъ-нибудь соотвѣтствіи съ запросами и международнаго соперничества, съ ростомъ хозяйственной мощи другихъ великихъ государствъ? Нельзя создавать великой Россіи на постоянной голодовкѣ и безработицѣ, на трехпольѣ и безлошадьѣ, нельзя создавать ея, имѣя въ рукахъ наличный запасъ народнаго богатства. Эти мысли, медленно проходящія въ сознаніи русскаго общества, въ достаточной мѣрѣ чужды нашей оффиціальной средѣ, гдѣ иностранныя дѣла отграничиваются вѣдомственной стѣной отъ всего связаннаго съ государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ.

Мы знаемъ, конечно, что одними матеріальными средствами не можетъ быть осуществлено возрожденіе страны и народа. Оно требуетъ творческаго подъема, могущественныхъ мотивовъ, введенныхъ въ духовный оборотъ поколѣнія, поставленнаго исторіей передъ этой задачей; онъ требуетъ и устраненія юридическихъ и политическихъ преградъ, задерживающихъ этотъ подъемъ. Экономическій матеріализмъ, ложный въ теоріи, безплоденъ и въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ. Но не менѣе опасна вѣра въ чудодѣйственную силу общихъ формулъ, могущихъ воплощаться во всякомъ историческомъ матеріалѣ. Въ этомъ смыслѣ одинаково должны быть отвергнуты и отвлеченное утвержденіе великодержавной политики и отвлеченное ея отрицаніе. Современная русская внѣшняя политика не можетъ руководиться ни тѣмъ, ни другимъ. Территоріальное расширеніе русскаго государства закончено, мы живемъ въ эпоху культурно-техническаго его оборудованія, и наша международная дѣятельность должна явиться одной изъ частей системы этого оборудованія. Нашъ государственный строй оставляетъ эту политику какъ бы внѣ досягаемости для законодательныхъ учрежденій, но отсутствіе юридиче-

ской нормы даже и теперь, когда борьба за конституціонный строй еще такъ далека отъ своего естественнаго и неизбѣжнаго конца—даже и теперь можетъ быть восполнено растущимъ сознаніемъ отвѣтственности, которое одно способно побѣдить и старый вѣдомственный бюрократизмъ и старую отчужденность русскаго общества отъ стихіи созидательной государственности.

С. Котляревскій.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ СИЛЫ.

Война 1904—1905 гг. и послѣдующія событія не только значительно разстроили наши вооруженныя силы, но даже одну часть ихъ, флотъ, свели почти на нѣтъ. Насколько упала въ первое время послѣ войны вѣра въ себя, характернымъ показателемъ служитъ тотъ взглядъ, который много разъ высказывался едва ли не офиціально: «Россія разбита, Россія слаба, Россія воевать не можетъ» и т. п.

Минувшая кампанія обнаружила многіе недостатки въ устройствѣ нашихъ вооруженныхъ силъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, повелительно обязывало, при первой же возможности, со всей доступной намъ энергіей приняться за возстановленіе своей вооруженной силы, хотя бы по примѣру бывшаго нашего противника.

Послѣдній, какъ извѣстно, вышелъ изъ тяжкой борьбы съ значительно надорванными силами, съ разстроенными финансами, съ тяжелымъ внутреннимъ экономическимъ кризисомъ, и, тѣмъ не менѣе, можно сказать,—въ Японіи не было потеряно ни одного дня даромъ *): тотчасъ послѣ заключенія мира тамъ закипѣла работа по развитію вооруженныхъ силъ страны, по устраненію недостатковъ, обнаруженныхъ во время войны.

Весной 1906 года дважды собираются высшіе сановники имперіи для выработки программы; на этихъ совѣщаніяхъ бывшій начальникъ главнаго штаба японскихъ армій, маршалъ Кодама, говорилъ: «Хотя японская армія пользуется въ настоящее время всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, но, на основаніи опыта кампаніи, все-таки многое негодное нужно отбросить и замѣнить новымъ, лучшимъ. Хотя въ минувшую войну Японія выставила въ поле столько войскъ, сколько предполагалось, но окончательной цѣли—разгромить русскую армію—не удалось достигнуть; если

*) Н. Александровъ. Ростъ японской арміи, стр. 2.

мы побѣждали, то не потому, что русскіе были слабы (русскіе не слабы), а японцы сильны, а потому, что мы не начинали ни войны, ни отдѣльныхъ сраженій, не подготовившись къ этому возможно тщательно. Поэтому представляется совершенно необходимымъ въ предстоящій періодъ реформъ довести наши вооруженныя силы до наибольшаго совершенства».

Въ результатѣ этихъ совѣщаній была выработана обширная программа (такъ называемая post bellum program), предусматривающая цѣлый циклъ мѣропріятій по развитію вооруженныхъ силъ Японіи; вслѣдъ за тѣмъ японскія газеты запестрѣли извѣстіями о новыхъ формированіяхъ, о новыхъ заказахъ и т. д.

Прошло пять лѣтъ и за этотъ, сравнительно короткій, промежутокъ времени уже многое сдѣлано: японская постоянная армія увеличилась на половину, резервная—вдвое, наборъ увеличился также вдвое, ежегодно офицеровъ выпускается втрое болѣе, чѣмъ передъ войной; армія снабжена новѣйшимъ оружіемъ, снаряженіемъ и т. д. Что сдѣлано за то же время въ японскомъ флотѣ—сказано ниже.

Намъ, какъ потерпѣвшимъ, необходимо было развить не менѣе кипучую и продуманную работу; между тѣмъ у насъ пять лѣтъ прошло почти даромъ; существеннаго почти ничего не сдѣлано, ничего не доведено до конца, и весь этотъ періодъ есть ничто иное, какъ длительная заминка и застой.

Первые шаги по возстановленію силы, проведенные лицами, плохо освѣдомленными въ истинныхъ нуждахъ вооруженной силы, дѣйствовавшими безъ системы, безъ программъ, естественно, оказались очень неудачными, особенно во флотѣ, что всѣмъ хорошо извѣстно.

Да и въ сухопутной арміи дѣло обстояло не блестяще: не говоря о смѣхотворныхъ носовыхъ платкахъ, какъ предметѣ снабженія арміи, «ученомъ» питаніи ея и т. д., на спѣхъ, въ угоду времени, была проведена одна реформа, которая, безъ осуществленія сопутствующихъ ей другихъ крупныхъ мѣропріятій, несомнѣнно, оказалась болѣе вредной, чѣмъ полезной: я говорю о пониженіи срока дѣйствительной службы.

Въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, во флотѣ дѣла пошли

хуже, хуже и хуже [1]); въ сухопутной арміи реформы, повидимому, только теперь начинаютъ сдвигаться съ мертвой точки.

Такъ, въ «Новомъ Времени» недавно было напечатано [2]) слѣдующее: «Военный министръ вошелъ въ Совѣтъ Министровъ съ представленіемъ о новыхъ милліонныхъ ассигнованіяхъ на покупку участковъ земли для устройства полигоновъ, лагерей, стрѣльбищъ, тировъ и учебныхъ полей. Необходимость въ пріобрѣтеніи новыхъ, болѣе обширныхъ участковъ, вызвана измѣненіемъ дислокаціи арміи и увеличеніемъ дальнобойности современныхъ орудій. Военный министръ требовалъ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Совѣтъ Министровъ измѣнилъ это представленіе, предложивъ военному министру испрашивать кредиты каждый годъ въ смѣтномъ порядкѣ. Мотивы тѣ, что черезъ Государственную Думу еще не прошелъ крупный законопроектъ объ ассигнованіи на нужды обороны свыше милліарда рублей».

Если къ этому милліарду прибавить проектированныя ассигнованія на флотъ [3]), то получается колоссальная сумма— болѣе, чѣмъ $1^1/_2$ милліарда рублей!

Несомнѣнно, что эти огромныя деньги нужны не сразу, тѣмъ не менѣе источниковъ для ихъ полученія два: либо заемъ за границей, либо новое повышеніе налоговъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ результатъ, въ сущности, одинъ: въ силу структуры русскаго бюджета, этотъ расходъ понесутъ менѣе обезпеченные классы населенія.

Въ виду этого, можно надѣяться, что ассигнованія предполагается использовать не на выполненіе случайныхъ, совершенно второстепенныхъ, однако, относительно дорого стоющихъ мѣръ, въ родѣ переодѣванія арміи, но на удовлетвореніе дѣйствительныхъ, серьезнѣйшихъ и важнѣйшихъ нуждъ.

Останавливаясь на послѣднихъ, прежде всего необходимо отмѣтить извѣстное, присущее настоящему времени, соотношеніе между уровнемъ культурнаго развитія извѣстнаго народа, состояніемъ его промышленной дѣятельности и богатствомъ, съ одной стороны, и возможностью удовлетворенія разнообразныхъ нуждъ вооруженной силы—съ дру-

---

[1]) См. Великая Россія, кн. 1, статья г. Брута.

[2]) Новое Время, № 12544.

[3]) См. ст. г. Брута въ сб. „Великая Россія“, кн. 1.

гой. Эта зависимость понятна сама собой: существованіе арміи и флота, отвѣчающихъ современнымъ понятіямъ веденія войны и боя, немыслимо безъ траты огромныхъ денегъ, немыслимо безъ развитой промышленности, потому что иначе нельзя или крайне трудно установить и поддерживать многочисленныя техническія средства борьбы, совершенно необходимыя для каждой благоустроенной арміи и флота.

Народу культурному, народу промышленному, богатому естественно легче справляться съ подобными задачами, но такъ какъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ похвалиться ни первымъ, ни вторымъ, ни третьимъ, то намъ труднѣе тянуться за другими государствами, хотя по численности населенія мы значительно превосходимъ ихъ.

Сообразуясь съ этими данными, повелительно необходимо вести дѣло возстановленія силы такъ, чтобы каждая копѣйка расходовалась самымъ производительнымъ образомъ, шла на удовлетвореніе первѣйшихъ нуждъ, оставляя второстепенное на потомъ.

Изъ недавняго прошлаго можно привести поучительный примѣръ несоотвѣтственнаго расходованія средствъ на нашу государственную оборону: передъ прошлой войной, въ погонѣ за созданіемъ сильнаго современнаго флота, средства, которыми можно было въ то время располагать на нужды обороны, расходовались на флотъ за счетъ неудовлетворенія самыхъ неотложныхъ нуждъ арміи. Въ результатѣ, когда грянула война, армія оказалась неготовой, особенно въ техническомъ отношеніи, въ то же время вмѣсто флота мы получили лишь собраніе судовъ, потерпѣвшихъ полное пораженіе.

Въ настоящій моментъ поэтому представляется совершенно необходимымъ прежде всего опредѣлить, въ какую зависимость станетъ возстановленіе силы, съ точки зрѣнія потребныхъ для этого средствъ, отъ платежныхъ силъ населенія государства, отъ современнаго состоянія промышленности и т. д., не будетъ ли эта вооруженная сила многочисленна на бумагѣ и слаба по качеству; дѣйствительно ли она будетъ соорганизованная строевая и боевая сила, а не собраніе судовъ, не сборныя команды хлѣбопековъ, кашеваровъ, оружейниковъ, портныхъ и сапожниковъ,

изнемогающихъ въ неустанныхъ заботахъ и работахъ съ цѣлью прокормить и содержать самихъ себя?

Чтобы избѣжать повторенія печальной ошибки прошлаго, необходимо установить точное соотношеніе между задачами по оборонѣ страны, возлагаемыми на армію и на флотъ; въ зависимости отъ этого опредѣлятся и размѣры ассигнованій на тотъ и другой элементъ вооруженной силы; безъ этого разграниченія несомнѣнно повторится старая исторія, т.-е. одинъ элементъ будетъ развиваться за счетъ другого.

На мѣрахъ по возсозданію флота лежитъ до сихъ поръ печать какого-то заклятія: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; пренія въ Государственной Думѣ по запросу о случаѣ съ линейнымъ кораблемъ «Слава» нарисовали удручающую, убійственную картину современнаго состоянія нашего флота и порядковъ въ немъ; ежегодные обзоры печати о дѣятельности различныхъ министерствъ согласно отмѣчаютъ, что «морское министерство до сихъ поръ заботилось главнымъ образомъ о полученіи возможно большого количества денегъ; расходовало ихъ на покрытіе различныхъ недочетовъ своего хозяйства за прежніе годы, а все остальное, какъ постройка флота, такъ и подготовка его къ бою, являлось какимъ-то малозамѣтнымъ придаткомъ, мало интересующей министерство обузою».

Положеніе трагичное, въ особенности, если сопоставить съ тѣмъ, что сдѣлано за тѣ же пять лѣтъ бывшимъ нашимъ противникомъ.

При оцѣнкѣ дѣятельности послѣдняго необходимо имѣть въ виду, что до минувшей кампаніи Японія у себя дома могла строить только канонерскія лодки и малые крейсера; въ дѣлѣ судостроенія она находилась почти въ полной зависимости отъ иностранной промышленности.

Несмотря на блестящіе успѣхи на морѣ, японскій флотъ вышелъ изъ борьбы значительно ослабленнымъ: погибло два броненосца, а третій, лучшій (Микаса), былъ подорванъ и затонулъ въ Сасебо; машины и орудія износились; въ бояхъ суда получили поврежденія; взятыя у насъ суда необходимо было частью поднять и всѣ капитально отремонтировать и т. д.

Къ началу 1906 года японскій военный флотъ составляли: 3 линейныхъ корабля, 7 броненосныхъ крейсеровъ,

15 крейсеровъ 2 и 3-го классовъ, 28 истребителей и около 80 миноносцевъ разныхъ категорій, нѣсколько подводныхъ лодокъ и посыльныхъ судовъ.

Въ 1905 году впервые на японскихъ отечественныхъ верфяхъ закладываются первоклассныя суда; въ 1909 году приступаютъ къ самостоятельной постройкѣ дредноутовъ, а также истребителей съ турбинными двигателями; въ то же время достраиваются суда, заказанныя раньше за границей, и вступаютъ въ составъ дѣйствующаго флота отремонтированныя суда военной добычи.

Прошло пять лѣтъ; различные справочники и печать рисуютъ намъ слѣдующую поучительную картину развитія японскаго военнаго флота.

За это время японскій флотъ возросъ количественно и качественно болѣе, чѣмъ въ три раза, хотя программа далеко еще не исчерпана; первоклассныя суда получили артиллерію новѣйшихъ образцовъ (12 дм. орудія съ длиною канала въ 50 калибровъ) и болѣе совершенные типы снарядовъ; управленіе огнемъ, судя по опубликованнымъ результатамъ состязаній, далеко шагнуло впередъ; пушки, снаряды, броня, механизмы и пр. на новыхъ судахъ—исключительно отечественнаго производства, тогда какъ до войны Японіи все это приходилось пріобрѣтать почти цѣликомъ за границей. За эти пять лѣтъ созданы и оборудованы судостроительные, пушечные, бронепрокатные, сталелитейные, пороховые и другіе заводы настолько совершенно, что вполнѣ справляются съ самыми сложными техническими заданіями и удовлетворяютъ всѣ потребности флота.

Увеличеніе флота и размѣра военныхъ судовъ обусловило необходимость постройки новыхъ доковъ, оборудованія новыхъ портовъ, расширенія старыхъ и т. д.; со всѣми этими сложными задачами японцы справились вполнѣ благополучно.

Въ то же время, сообразно съ опытомъ войны, измѣнены начала обученія и подготовки личнаго состава, расширены спеціальныя школы, открыты новыя и т. д.

И на все это затрачено денегъ не болѣе, чѣмъ за тотъ же срокъ затратило наше морское министерство!

Послѣднее тратитъ огромныя суммы, а пользы не видно: флотъ лежитъ въ развалинахъ... Пренія въ Законодатель-

ныхъ Учрежденіяхъ по запросамъ, обращеннымъ къ морскому министерству, а также по его бюджету вполнѣ доказательно убѣждаютъ въ необходимости особой осторожности при разрѣшеніи кредитовъ на возстановленіе морской силы; тѣмъ менѣе можетъ быть допущено ассигнованіе денегъ на флотъ въ ущербъ арміи, потому что флотъ у насъ, не только въ прошломъ, настоящемъ, но и въ сравнительно далекомъ будущемъ фактически, по многимъ сложнымъ причинамъ историческимъ, политическимъ, географическимъ, будетъ лишь однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ борьбы.

Что касается мѣропріятій по возстановленію силы арміи, то въ этомъ случаѣ необходимо памятовать и руководствоваться одной элементарной истиной: человѣкъ всегда былъ и навсегда останется главнымъ орудіемъ войны.

Поэтому первѣйшей, важнѣйшей заботой должна быть подготовка къ войнѣ личнаго состава, особенно начальниковъ: совершенно понятно, что правильное разрѣшеніе этой задачи гораздо важнѣе постройки какой-нибудь крѣпости или стратегической дороги.

Нашъ уставъ о воинской повинности, дѣйствующій безъ измѣненій въ теченіе болѣе тридцати пяти лѣтъ (съ 1874 года) въ общемъ значительно устарѣлъ и во многомъ не отвѣчаетъ интересамъ арміи; въ настоящее время въ Законодательныя Учрежденія внесенъ проектъ новаго устава, въ которомъ, надо полагать, устранены, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія анахронизмы. Но при этомъ необходимо обратить вниманіе на одну весьма тревожную данную: отчеты военнаго министерства объ ежегодномъ исполненіи призыва новобранцевъ даютъ поражающую картину постепеннаго вырожденія нашего, когда-то самаго сильнаго въ Европѣ народа.

Тотъ русскій богатырь, про котораго поэтъ говоритъ: «Росту огромнаго, рука—что желѣзная, плечи—косая сажень», все рѣже и рѣже встрѣчается среди новобранцевъ. Тотъ солдатъ, котораго надо было во времена Фридриха Великаго, по словамъ послѣдняго, не только убить, но и повалить, тотъ солдатъ, который въ тяжеломъ и неудобномъ снаряженіи дѣлалъ шутя по пятидесяти и болѣе верстъ въ день и, придя на бивакъ, еще пѣлъ пѣсни и плясалъ, отходитъ въ область преданій: деревня даетъ все болѣе дряблаго

новобранца, слабаго, узкогрудаго, съ плохо развитой мускулатурой, а извѣстно, что паденіе физическихъ силъ сопровождается моральнымъ угнетеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ этого матеріала, въ теченіе короткаго срока службы подъ знаменами, необходимо подготовить надлежащимъ образомъ воспитаннаго и обученнаго бойца, подготовить его въ соотвѣтствіи съ современнымъ развитіемъ многочисленныхъ техническихъ средствъ борьбы; словомъ, обучить его военному дѣлу въ полномъ объемѣ требованій, обусловленныхъ современнымъ состояніемъ военнаго искусства,—задача, становящаяся съ каждымъ днемъ все болѣе непосильной для арміи; на это обстоятельство нельзя не обращать вниманія и закрывать глаза: если армія, по сути дѣла, не можетъ разрѣшить эту задачу сама вполнѣ удовлетворительно, то ясно, что необходимы такія мѣры, которыя позволили бы переложить часть работы на другія плечи; на это нужны средства, ихъ надо дать.

Затѣмъ, общеизвѣстно, что военная подготовка нашего нижняго чина ограничивается фактически первымъ полугодіемъ службы; далѣе же военнослужащій не только не совершенствуется въ своемъ дѣлѣ, но даже зачастую идетъ на пониженіе; при слабомъ составѣ рядовъ въ ротахъ армія, можно сказать, изнываетъ въ несеніи конвойной, караульной и другой второстепенной службы. Къ тому же срокъ послѣдней подъ знаменами сокращенъ, т. е. уменьшено время, въ теченіе котораго надлежитъ изъ деревенскаго парня или изъ фабричнаго подготовить воина-бойца. Въ концѣ концовъ нижній чинъ получаетъ лишь скороспѣлое обученіе; создается тотъ внѣшній декорумъ, ради котораго приходится прибѣгать къ всевозможнымъ уловкамъ, чтобы показать товаръ лицомъ, чтобы окончательно не провалиться на разныхъ смотрахъ.

Если послѣднее и удается въ мирное время, то на кровавомъ экзаменѣ, во время войны, несостоятельность такой системы подготовки рѣзко бросается въ глаза. При большой общей численности нашей арміи въ мирное время, кадры ея оказались вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ слабыми для того, чтобы быть въ состояніи придать надлежащую спайку и боеспособность частямъ, пополненнымъ запасными, получившими ранѣе, какъ оказалось, слишкомъ поверхностную,

слишкомъ недостаточную подготовку. Практика войны доказала, что нижніе чины, по увольненіи съ дѣйствительной службы, во время пребыванія въ запасѣ, въ массѣ, очень скоро утрачиваютъ все то, чему ихъ обучали въ арміи и почти ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые вовсе не были призваны къ отбытію воинской повинности.

Если при этомъ еще припомнить, что сборы запасныхъ и ратниковъ ополченія довольно часто отмѣнялись изъ-за экономіи средствъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему наши запасные, призванные подъ знамена во время минувшей кампаніи, оказались столь слабо подготовленными.

Отсюда ясно—ошибку не слѣдуетъ повторять. Съ признаніемъ трехлѣтняго срока службы въ пѣхотѣ (фактически изъ-за той же экономіи срокъ этотъ сокращается до 2 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ) сборы запасныхъ должны быть часты и продолжительны, на что должны быть даны средства въ первую же очередь.

Современные затяжные бои сопровождаются огромными потерями; само собой понятно, что та армія, которая имѣетъ запасныхъ, хорошо подготовленныхъ, прочно организованныхъ (японцы въ войну 1904—1905 г.), несомнѣнно окажется въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ борьбы передъ той арміей, въ которой этотъ вопросъ разрѣшается на основаніи принципа: «безъ расходовъ для казны».

Сокращеніе срока службы на годъ значительно усложнило разрѣшеніе унтеръ-офицерскаго вопроса: въ настоящее время едва ли есть фактическая возможность приготовить въ годъ съ небольшимъ изъ нашихъ сравнительно мало-культурныхъ новобранцевъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, не по названію только.

Затѣмъ, въ теченіе остальныхъ полутора лѣтъ срочнослужащій унтеръ-офицеръ, конечно, не успѣетъ пріобрѣсти ни надлежащаго авторитета, ни практики въ своихъ крайне отвѣтственныхъ и значительно усложнившихся обязанностяхъ; недоучкой онъ служитъ, недоучкой уходитъ въ запасъ. Число сверхсрочно-служащихъ, по сравненію съ другими арміями, у насъ весьма не велико; оставлять этотъ вопросъ открытымъ нельзя и, хотя удовлетворительное разрѣшеніе его требуетъ большихъ денегъ, послѣднія тѣмъ не менѣе надо дать: слишкомъ опасно промедленіе.

Во всякомъ случаѣ число сверхсрочно-служащихъ не можетъ быть менѣе шести на роту и эскадронъ (фельдфебель, 4 взводныхъ и каптенармусъ).

Важнѣйшимъ вопросомъ въ дѣлѣ подготовки личнаго состава является безспорно вопросъ офицерскій: корпусъ офицеровъ долженъ комплектоваться отборными элементами населенія. Само собою понятно, что это окажется возможнымъ тогда, когда военная служба въ строю будетъ пользоваться особымъ почетомъ (что, между прочимъ, обязываетъ рѣзко отграничить офицеровъ арміи отъ другихъ элементовъ, важныхъ и необходимыхъ для жизни государства, вродѣ полиціи, жандармовъ, конвойныхъ и проч., но не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу собственно боевой подготовки), когда военнослужащій будетъ достаточно обезпеченъ матеріально какъ на службѣ, такъ и въ отставкѣ, а равно послѣ полученныхъ ранъ и увѣчій; въ случаѣ же смерти—достаточное обезпеченіе должно распространяться на семью. Выдвиженіе впередъ должно быть дано только трудолюбивому, беззавѣтно отдающемуся дѣлу, совершенствующему свои познанія и свой опытъ.

Прохожденіе службы должно быть таково, чтобы предъ всякимъ высшимъ назначеніемъ имѣть возможность возобновить свои спеціальныя знанія, пополнить ихъ новыми свѣдѣніями.

Военное дѣло такъ быстро развивается, что всякая заминка въ подготовкѣ равносильна отсталости, т. е. фактической непригодности для своего дѣла. На помощь офицеру должны придти различные курсы, спеціальныя школы, прикомандированія къ другимъ родамъ войскъ, военная игра, полевыя поѣздки, маневры и т. д. Весь циклъ этой подготовки долженъ быть продуманъ, систематизированъ и на его осуществленіе должны быть даны соотвѣтствующія средства.

Управленіе боемъ все болѣе усложняется, между тѣмъ у насъ чѣмъ выше начальникъ (т. е. чѣмъ труднѣе его дѣятельность въ бою), тѣмъ онъ фактически имѣетъ менѣе возможности практиковаться въ своемъ дѣлѣ; серьезная подготовка обыкновенно кончается на должности командира полка, потому что нельзя же считать за систематичную подготовку рѣдкія выступленія генералитета въ качествѣ начальниковъ сторонъ въ теченіе нѣсколькихъ дней под-

вижныхъ сборовъ, производимыхъ къ тому же не каждый годъ.

Увеличеніе занятій въ полѣ неизбѣжно вызываетъ значительные расходы. Къ какимъ результатамъ приводитъ экономія въ этомъ дѣлѣ, показываетъ практика минувшей войны.

Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ кампаніи высказываетъ слѣдующія взгляды.

Мы проиграли войну, когда всѣ трудности веденія ея вдали отъ базы были успѣшно преодолѣны; нынѣ на всѣ лады твердятъ, что современный бой есть только бой ротныхъ командировъ; такъ оно, къ сожалѣнію, у насъ и было, но такъ оно не должно быть—это есть величайшій упадокъ военнаго искусства; доказательство на лицо: наши ротные командиры дрались великолѣпно, а побѣды не было!

Черезъ всю кампанію красной нитью проходитъ нашъ оборонительный образъ дѣйствій: мы наступали рѣдко, атаковали еще рѣже, и если атаковали, то вяло, нерѣшительно, разрозненно; при малѣйшей возможности переходили къ оборонѣ или отступали; часто не рѣшались атаковать, когда надо было атаковать; даже послѣ полученнаго категорическаго приказанія нерѣдко лишь симулировали атаку, потому что тѣ, кому надлежало управлять ею, инстинктивно чувствовали, что не владѣютъ искусствомъ управлять современной атакой.

Во всѣ времена побѣда принадлежала тому, кто умѣлъ наносить болѣе сильный ударъ, а для нанесенія послѣдняго надо умѣть дѣйствовать массами; управленіе же массой достигалось всегда соотвѣтствующей техникой строя сообразно свойствамъ оружія.

Современная масса войскъ, разомкнутая въ ширину и глубину, представляетъ несравненно бо́льшія трудности для управленія ею въ бою, чѣмъ прежде. Руководящія начала, на основаніи которыхъ воспитывались и готовились къ бою наши войска въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, оказались несостоятельными; въ то время вся забота начальниковъ на маневрахъ сводилась къ слѣпому достиженію одного принципа: въ рѣшительную минуту, въ рѣшительномъ пунктѣ быть численно сильнѣе противника; поэтому передъ пунктами атаки обыкновенно выростали густыя безконечныя толпы, лишенныя управленія.

Въ минувшую кампанію мы не атаковали значительными силами потому, что не умѣли управлять массами въ современномъ бою, а толпы, пригодныя для счета на маневрахъ, были непримѣнимы въ дѣйствительномъ бою.

Растянутая на много верстъ въ ширину и въ глубину, но управляемая единой волей масса явится могучимъ орудіемъ въ рукахъ начальника для нанесенія неотразимаго удара, а разъединенная на отдѣльныя роты или баталіоны, предоставленные частному почину своихъ ближайшихъ начальниковъ, несмотря на доблесть многихъ изъ нихъ, она въ состояніи будетъ вести лишь вялый, нерѣшительный бой, какимъ характеромъ отличались всѣ наши бои минувшей войны.

Надлежащая подготовка, какъ видно изъ приведеннаго представленія военнаго министра, по недостатку средствъ, до сихъ поръ встрѣчаетъ, между прочимъ, затрудненія въ отсутствіи достаточныхъ земельныхъ участковъ «для устройства полигоновъ, лагерей, стрѣльбищъ, тировъ, учебныхъ полей для маневрированія съ боевыми патронами».

Наконецъ, сроки, назначенные для полевыхъ занятій, коротки; высшіе начальники по прежнему имѣютъ совершенно ничтожную практику въ управленіи войсками. Для устраненія этихъ недостатковъ нужны большія средства, но ихъ необходимо дать; ради этого можно поступиться какой-нибудь крѣпостью, портомъ, дорогой...

Итакъ, главный элементъ вооруженной силы—сухопутная армія; флотъ имѣетъ и будетъ имѣть лишь второстепенное значеніе; сообразно съ этимъ и надо распредѣлить средства на государственную оборону; общій же размѣръ этихъ средствъ долженъ быть соображенъ съ платежными силами населенія, степенью его культурности, со средствами отечественной промышленности. Первая забота—подготовка личнаго состава, причемъ качеству должно быть отдано предпочтеніе передъ количествомъ: чрезмѣрное увеличеніе арміи мирнаго времени, при нашей сравнительной бѣдности, неизбѣжно повлечетъ съ собой пониженіе всей боевой подготовки; текущее довольствіе, поддержаніе существованія арміи будетъ поглощать бо́льшую часть средствъ, на дѣло же собственно боевой подготовки ихъ можетъ не хватить.

Объ этой опасной сторонѣ приходится говорить потому,

что тревожные симптомы уже обозначаются весьма доказательно.

Такъ, на страницахъ «Развѣдчика» *) былъ опубликованъ очень интересный документъ (приказаніе войскамъ Кіевскаго военнаго округа № 161), содержаніе котораго заключается въ слѣдующемъ:

«Въ главное интендантское управленіе въ настоящее время поступаютъ въ большомъ количествѣ требованія окружныхъ интендантовъ объ усиленіи ассигнованныхъ имъ кредитовъ на провіантское, приварочное и фуражное довольствія, на расходы по пріему новобранцевъ и на отпускъ путевого довольствія, а также жалобы со стороны поставщиковъ на задержку расчетовъ съ ними за продукты и теплыя вещи, поставленныя по сроку 1910 г., при чемъ окружные интенданты заявляютъ, что изъ-за недостатка въ кредитахъ не всѣ еще части удовлетворены до конца года приварочнымъ довольствіемъ и не всѣ воинскіе начальники получили авансы на расходы по пріему новобранцевъ въ требуемыхъ ими суммахъ».

«Удовлетворить требованія окружныхъ интендантовъ, а равно устранить причины, вызвавшія жалобы со стороны поставщиковъ, главное интендантское управленіе не имѣетъ никакой возможности, такъ какъ свободныхъ отъ назначенія средствъ въ его распоряженіи болѣе не осталось».

Далѣе разъясняется, что вопросъ о дополнительномъ ассигнованіи недостающихъ по текушей смѣтѣ денегъ будетъ разрѣшенъ законодательными учрежденіями не скоро, а потому:

«Въ устраненіе совершенно непроизводительной переписки какъ съ довольствующими учрежденіями, такъ и съ войсками и въ особенности съ контрагентами казны, приказано войскамъ поставить въ извѣстность всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, какъ о причинѣ задержки удовлетворенія ихъ требованій, такъ и о томъ, что всѣ жалобы, которыя будутъ поступать отъ нихъ, должны по необходимости и по причинамъ, совершенно независящимъ отъ интендантскаго вѣдомства, оставляются безъ удовлетворенія».

---

*) «Развѣдчикъ» № 1056, стр. 46.

Удивительный документъ даже для нашего времени: моя хата съ краю, знать ничего не знаю. Мудрый Эдипъ разрѣши: что дѣлать войскамъ, «неудовлетвореннымъ» воинскимъ начальникамъ, контрагентамъ казны? Объявить голодовку, или распустить новобранцевъ по домамъ или объявить войсковыя части несостоятельными должниками?! Такіе пассажи возможны были только въ старыхъ турецкой или китайской арміяхъ, а нынѣ возможны развѣ только въ Персіи.

Итакъ, денегъ не хватило даже на текущее существованіе; приведенная типичная канцелярская отписка можетъ свидѣтельствовать лишь о разстройствѣ вооруженной силы, но отнюдь не о ея возстановленіи.

Затѣмъ, вооруженная сила, естественно, должна быть надлежащимъ образомъ организована и снабжена всѣмъ необходимымъ для обученія, воспитанія, для веденія войны и боя.

До самаго послѣдняго времени организація нашей арміи отличалась большою сложностью и большимъ разнообразіемъ. Базируясь во многихъ случаяхъ на такія основанія, которыя не имѣли ничего общаго съ боевыми требованіями, эта организація, при разрѣшеніи вопросовъ боевой подготовки, ставила трудно преодолѣваемыя затрудненія и вносила путаницу въ дѣло.

Дѣйствительно, наше высшее тактическое соединеніе—корпусъ—являлся величиной очень разнообразной: такъ, имѣлись корпуса въ 3 дивизіи и въ 2 дивизіи, иногда включались въ ихъ составъ стрѣлковыя или резервныя бригады: одна или двѣ; были корпуса съ двумя дивизіями конницы, съ одной дивизіей, съ бригадой, съ полкомъ и, наконецъ, вовсе безъ конницы.

Если перейти къ отдѣльнымъ родамъ войскъ, то можно было найти пѣхотные и стрѣлковые полки въ 4 баталіона и въ 2 баталіона, кромѣ того существовали отдѣльные баталіоны; въ конницѣ—полки 4 эскадронные и 6-эскадронные; въ артиллеріи—дивизіоны 2 батарейные и 3 батарейные и т. д.

Многіе изъ этихъ недостатковъ за послѣднее время устранены, но многое еще остается; самое же главное у насъ нѣтъ до сихъ поръ вполнѣ опредѣленной самостоятельной тактической единицы, способной къ рѣшенію всѣхъ

задачъ, которыя ей могутъ быть поставлены на войнѣ: такъ, у насъ имѣются корпуса, въ которыхъ нѣтъ, напримѣръ, совсѣмъ конницы.

Само собою понятно, что обученіе и подготовка такого корпуса, съ приданіемъ конныхъ частей на нѣсколько дней лишь въ періодъ маневровъ, не можетъ идти нормально.

Въ составъ корпусовъ должны входить всѣ роды войскъ, такъ какъ только при соблюденіи этого условія войсковые начальники смогутъ выработать умѣнье пользоваться ими въ полномъ взаимодѣйствіи; конечно, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, корпуса, организація которыхъ теперь неполная, вѣроятно, не останутся безъ конницы, но тогда учиться уже поздно: умѣнье пользоваться съ наибольшей выгодой всѣми элементами вооруженной силы достигается лишь долгой практикой въ мирное время.

Изъ отдѣльныхъ родовъ войскъ большее вниманіе должно быть удѣлено пѣхотѣ, въ смыслѣ ея обученія, вооруженія, снабженія всѣмъ необходимымъ, такъ какъ она является первенствующимъ родомъ оружія.

Въ настоящее время много говорятъ о томъ, что роль конницы уменьшилась; можетъ быть это и такъ, но во всякомъ случаѣ всѣ конныя части должны быть одинаково подготовлены къ выполненію всѣхъ задачъ, которыя могутъ представиться для конницы во время войны.

Вслѣдствіе развитія техники значеніе артиллеріи очень возросло; численность ея не можетъ быть меньше 4—5 орудій на тысячу штыковъ; еще большее повышеніе численности весьма желательно; организація артиллеріи должна быть гибкая, приноровленная къ организаціи пѣхоты, съ которой артиллерія должна быть слита самымъ тѣснымъ образомъ; необходимо озаботиться также имѣть достаточное число гаубичныхъ батарей и горной артиллеріи, необходимо дать снаряды фугаснаго дѣйствія и т. д.

Особый недостатокъ у насъ чувствуется въ инженерныхъ войскахъ; ихъ у насъ совсѣмъ мало; развитіе этихъ войскъ настоятельно необходимо, а равно снабженіе ихъ всѣми новѣйшими техническими средствами.

Въ настоящее время появился новый видъ вооруженной силы—воздушный флотъ; не обращать на него должнаго вниманія—это значитъ сознательно создавать очень тяжелую

БИБЛІОТЕКА

обстановку для своей вооруженной силы при борьбѣ съ противникомъ, имѣющимъ этотъ флотъ на должной высотѣ; у насъ эта отрасль совершенно не налажена: то, что дѣлается по части созданія воздушнаго флота и службы его, свидѣтельствуетъ пока лишь объ отсутствіи программы и яснаго сознанія задачъ, которыя можетъ выполнить флотъ въ данное время.

Наконецъ, у насъ мало обращено вниманія на такъ называемыя войска сообщеній, т. е. войска, обслуживающія тылъ, войска обозныя, этапныя, санитарныя, желѣзнодорожныя и т. д. Отсутствіе этихъ войскъ или недостаточное ихъ развитіе ложится тяжелымъ бременемъ на строевой составъ: такъ, въ одинъ изъ періодовъ минувшей войны, въ одной изъ маньчжурскихъ армій числилось около 300 тыс. человѣкъ; изъ нихъ боевого элемента было только 206 тыс.; остальныя 94 тыс. составляли узаконенный расходъ строевыхъ, а именно: въ военно-врачебныя заведенія было командировано около 9 тыс., въ разные штабы и управленія около 10 тыс., въ управленія и заведенія тыла арміи 27 тыс. и т. д., т. е. въ общемъ изъ строя было вырвано цѣлыхъ два корпуса!

Снабженіе арміи должно стоять на должной высотѣ, и хотя техника все развивается, средства борьбы умножаются, совершенствуются, снабженіе удорожается, тѣмъ не менѣе слишкомъ отставать отъ другихъ крайне опасно: каждый изъянъ придется искупать цѣною обильно пролитой крови; прошлую кампанію мы начали безъ горной артиллеріи, безъ пулеметовъ, безъ достаточнаго числа телефоновъ, съ однимъ артиллерійскимъ снарядомъ и т. д. и за это здорово поплатились.

Съ другой стороны, при нашихъ ограниченныхъ средствахъ едва ли окажется возможнымъ упреждать другихъ, болѣе богатыхъ, болѣе культурныхъ, съ болѣе развитой промышленностью, поэтому будетъ уже значительнымъ успѣхомъ, если намъ удастся задѣлать наиболѣе видныя бреши и не отстать въ тревожной степени не только въ заведеніи новѣйшихъ, уже испытанныхъ средствъ атаки, разрушенія и обороны, но, самое главное, въ умѣньи пользоваться ими.

Итакъ, первѣйшими нуждами, удовлетворить которыя необходимо въ первую очередь, будутъ: подготовка личнаго

состава, организація, вооруженіе и снабженіе вооруженной силы.

Слѣдующей задачей явится подготовка средствъ для сосредоточенія этой силы въ намѣченные заранѣе районы; тотъ изъ противниковъ, который нынѣ сумѣетъ скорѣе мобилизовать свои силы, быстрѣе ихъ сосредоточить, захватываетъ иниціативу дѣйствій въ свои руки, подчиняетъ волю противника своей и, такимъ образомъ, имѣетъ много шансовъ съ меньшими по общей численности силами разбить по частямъ болѣе многочисленныя силы противной стороны.

Выдающійся знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла, генералъ фонъ-Вендрихъ говоритъ [1]):

«Правильно поставленная желѣзнодорожная сѣть—не только кормилецъ народа, но и главная основа его могущества».

Желѣзныя дороги, являются нынѣ, по существу, новымъ незамѣнимымъ родомъ оружія огромнаго значенія; созданіе одного гармоническаго цѣлаго въ эксплоатаціи путей сообщенія всѣхъ видовъ—непремѣнное условіе для могущества государства въ политическомъ, коммерческомъ, финансовомъ и военномъ отношеніяхъ.

Надлежащая подготовка путей сообщенія къ войнѣ безусловно неотложна въ виду громаднаго успѣха, достигнутаго у нашихъ сосѣдей: такъ, пропускная способность (паръ поѣздовъ) германскихъ жел. дорогъ развивалась слѣдующимъ образомъ:

	1 колея.	2 колеи.
1859 г.	8.	10.
1870 »	12.	18.
1904 »	30.	72; 144 и 207.

Въ зависимости отъ этого сроки окончанія сосредоточенія: въ 1859 году — 21 день, 1870 г. — 15 дней; въ 1904 году—4 дня [2]).

По окончаніи германскихъ большихъ маневровъ, въ 1909 году, на зимнія квартиры было перевезено, съ чрезвычайной быстротой, 110 тыс. человѣкъ, 16 тыс. лошадей, 1300 орудій и повозокъ и масса разнаго казеннаго имущества

[1]) См. его сообщеніе: «Неотложный стратегическій шагъ».

[2]) См. «Неотложный стратегическій шагъ».

желѣзныя дороги функціонировали безъ малѣйшихъ треній, съ выдающейся точностью, нисколько не задерживая обыкновеннаго пассажирскаго движенія, причемъ генеральному штабу пришлось въ самое короткое время, въ послѣдніе часы, въ зависимости отъ исхода маневровъ, измѣнить желѣзнодорожный графикъ!

Во Франціи, по заявленію г. Lanoir, очень озабочены принятіемъ мѣръ быстраго сосредоточенія большихъ массъ войскъ на востокъ для поддержанія своихъ передовыхъ частей: въ сутки каждая изъ семи линій будетъ работать 207 парами, т.-е. всего 1449 поѣздовъ, способныхъ поднять 1.450 тыс. бойцовъ; по даннымъ того же источника Германія, на второй день мобилизаціи, можетъ доставить на западъ 925 тыс. человѣкъ.

Вся сила, по выраженію нѣмцевъ, въ готовности: In Bereitschaft sein ist alles. Главное, на что слѣдуетъ обратить вниманіе: 1) чтобы развитіе конечныхъ, промежуточныхъ и въ особенности узловыхъ станцій отвѣчало общей задачѣ передвиженія по сѣти; 2) конечные пункты рекомендуется оборудовать петлями для избѣжанія маневровъ подвижного состава; 3) сосредоточить управленіе оборотомъ вагоновъ и ежедневное распредѣленіе всего вагоннаго парка по всей сѣти въ однѣхъ рукахъ; 4) не возлагать надежду всецѣло на графикъ: онъ представляетъ лишь смѣтное предположеніе; надо научиться быстро оріентироваться и умѣло, энергично исправлять ошибки; для этого личный составъ долженъ обладать особыми качествами: знаніемъ всѣхъ деталей дѣла не только теоретически, но и практически; энергіею, настойчивостью, выдержкою, т.-е. дисциплиною; профессіональною доблестью — сознаніемъ своего высокаго призванія служить благу родины.

Итакъ, иниціатива въ началѣ войны обезпечивается правильно организованными линіями сосредоточенія, маневренными и узловыми пунктами, при должномъ знаніи основныхъ началъ эксплоатаціи, умѣніи провести ихъ въ жизнь при ежедневной провѣркѣ на практикѣ коммерческаго движенія.

Изъ практики сосѣдей видно, что, напримѣръ, Германія съ величайшей настойчивостью стремится осуществить извѣстный Наполеоновскій принципъ: «Le secret de la guerre est dans le secret des communications».

Наша практика менѣе утѣшительна; такъ, во время минувшей кампаніи, при обиліи и нагроможденіи всякихъ властей, нашъ единственный коммуникаціонный путь оказался забитымъ вплотную отъ рѣки Шахэ до рѣки Волги.

Работа желѣзнодорожной сѣти въ мирное время служитъ вѣрнымъ показателемъ того, что отъ нея можно требовать въ военное время; обычная картина этой работы у насъ такова: когда грузы (напримѣръ, хлѣбъ) идутъ изъ года въ годъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, движеніе совершается относительно благополучно, но достаточно тѣмъ же грузамъ, по какимъ-нибудь причинамъ, измѣнить свое обычное направленіе (напримѣръ, для хлѣба во время голодовокъ), положеніе рѣзко мѣняется: дороги оказываются неприспособленными для такого маневра, узловыя и передаточныя станціи немедленно забиваются, пассажирское движеніе тормозится, отовсюду летятъ жалобы; изъ Петербурга посылаются комиссіи распутывать узлы, карать виновныхъ, выяснять размѣры убытковъ и т. д.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что утилизація у насъ подвижного состава, въ смыслѣ распредѣленія вагоннаго парка, крайне несовершенная.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, надлежащему оборудованію ж. д. сѣти, для массовыхъ перевозокъ военнаго времени должно быть удѣлено большое вниманіе; конечно, намъ не угнаться за сосѣдями, но важнѣйшія нужды сѣти должны быть удовлетворены вслѣдъ за удовлетвореніемъ нуждъ самой вооруженной силы.

Слѣдующей по важности мѣрой по подготовкѣ будетъ надлежащее оборудованіе тѣхъ районовъ, гдѣ предположено сосредоточивать войска; само собой разумѣется, что эти районы будутъ выбраны съ такимъ разсчетомъ, чтобы не быть предупрежденными здѣсь противникомъ.

Дѣятельность войскъ неразрывно связана съ движеніями, которыя совершаются по дорогамъ; въ недалекомъ прошломъ мы болѣе были склонны отыскивать позиціи и къ нимъ пріурочивать дѣйствія войскъ; минувшая война особенно богата примѣрами того, какое значеніе мы придавали позиціямъ; благодаря имъ, мы держались пассивнаго образа дѣйствій, обороняли ихъ даже при неблагопріятной обстановкѣ и терпѣли отдѣльныя пораженія.

Современное военное искусство требуетъ наступатель-

ной дѣятельности; въ этомъ направленіи должно воспитывать и войска, и начальниковъ; для маневренныхъ же движеній войскъ нужна свобода, нужны дороги.

Если для сосредоточенія служатъ, главнымъ образомъ, желѣзныя дороги, то для веденія самыхъ военныхъ операцій нужны хорошо оборудованные грунтовые пути; кромѣ того, разрѣшеніе вопроса о снабженіи современныхъ армій всѣмъ необходимымъ очень усложнилось: въ настоящее время какъ въ районахъ сосредоточенія, такъ и въ ближайшемъ тылу накапливаются огромные запасы: боевые, продовольственные, техническіе, санитарные и т. д.; для передвиженія этихъ запасовъ къ войскамъ и къ вывозу всего излишняго отъ войскъ также нужна сѣть оборудованныхъ грунтовыхъ путей; съ введеніемъ механической тяги значеніе послѣднихъ еще болѣе возрасло

Въ дѣлѣ постройки шоссейныхъ дорогъ мы значительно уступаемъ сосѣдямъ: въ то время какъ у насъ, къ началу XX столѣтія, на 100 квадратныхъ километровъ приходилось шоссе не многимъ болѣе полуверсты, въ Германіи—около 50 верстъ, въ Австріи—около 35. Сооруженіе шоссе у насъ шло скачками, безъ общаго плана и системы, мы построили нѣкоторые участки, которые скорѣе пригодны для нашихъ возможныхъ противниковъ и т. д. Ясно, что это дѣло должно быть упорядочено; въ основаніе его долженъ лечь хорошо продуманный и соотвѣтственно соображенный планъ.

Наконецъ, послѣдней по важности мѣрой надо признать инженерную подготовку районовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. сооруженіе крѣпостей, укрѣпленіе отдѣльныхъ пунктовъ, имѣющихъ важное военное значеніе и т. п.

Говоря о крѣпостяхъ, приходится имѣть въ виду слѣдующее: никакія крѣпости, кстати сказать, стоющія, при современномъ состояніи и сложности военной техники, каждая много милліоновъ рублей, не могутъ замѣнить своевременнаго подвоза въ угрожаемыя мѣстности живой силы—арміи.

Крѣпости сами по себѣ дѣла не дѣлаютъ: никакія оборонительныя средства не въ состояніи заставить противника снять осаду; разъ послѣдняя начата, все дѣло будетъ заключаться во времени, сколько крѣпость продержится; освободить послѣднюю можетъ только армія.

Весь смыслъ инженерной подготовки сводится къ тому, чтобы сковать дѣйствія противника въ одномъ районѣ съ тѣмъ, чтобы обрушиться на него въ другомъ мѣстѣ; для этого опять-таки прежде всего нужна живая сила—армія.

За послѣднее время, судя по отзывамъ повременной печати, взгляды на значеніе нашихъ крѣпостей мѣнялись нѣсколько разъ: то нѣкоторыя изъ нихъ упраздняли, то снова возстановляли; взгляды на роль и значеніе крѣпостей не установились; диспутъ, происходившій годъ назадъ въ Николаевской Инженерной Академіи, показалъ, что для крѣпостного дѣла наступаетъ какой-то переходный періодъ, что многое здѣсь темно, недостаточно разработано и обдумано, поэтому затрачивать огромныя суммы на созданіе такихъ оборонительныхъ сооруженій, которыя въ ближайшемъ будущемъ могутъ оказаться и слабыми, и устарѣлыми, не раціонально.

Еще менѣе было бы раціональнымъ заниматься крѣпостнымъ строительствомъ за счетъ неудовлетворенія существенныхъ нуждъ арміи.

Базируясь на примѣръ Либавы, приходится быть особенно осмотрительными въ выборѣ портовъ, долженствующихъ служить базой для флота. Мы едва ли можемъ разсчитывать въ недалекомъ будущемъ имѣть превосходство силъ во флотѣ передъ возможными противниками, а безъ этого превосходства нашъ флотъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, вынужденъ будетъ укрыться въ портахъ; для выручки же послѣднихъ придется неизбѣжно двинуть армію и тѣмъ, быть можетъ, ослабить общее положеніе на главныхъ театрахъ борьбы. Словомъ, вопросъ крѣпостного строительства очень сложный, его разрѣшеніе требуетъ самого обстоятельнаго изученія, самой тщательной разработки.

Время, когда одною беззавѣтною храбростью одерживались побѣды, прошло; нынѣ побѣда сопутствуетъ тому, кто болѣе готовъ къ войнѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Эта готовность требуетъ колоссальныхъ жертвъ, страшнаго напряженія платежныхъ силъ страны, что обязываетъ расходовать каждую копѣйку производительно, на удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ.

Положеніе слишкомъ серьезно, чтобы можно было и впредь руководствоваться нашими любимыми принципами: авось, небось и какъ-нибудь.

Весь циклъ мѢропріятій по возстановленію силы только тогда окажется гармоничнымъ и жизненнымъ, когда въ основу его будетъ положена опредѣленная, ясная программа, неуклонно проводимая въ жизнь, руководствуясь однимъ лозунгомъ: «помни войну» и памятуя стародавній завѣтъ Владиміра Мономаха: «Оружія не слагайте съ себя, ибо въ случаѣ тревоги человѣкъ погибаетъ; не для чего землю орати, коли ее не боронити: придетъ половчанинъ, убьетъ пахаря, возьметъ коня и землю».

Бобровъ.

ФИНАНСЫ РОССІИ И ИХЪ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ КЪ ВОЙНѢ.

Вопросъ о финансовой готовности государства къ войнѣ, поскольку онъ относится къ будущей гипотетической войнѣ, приводитъ, обыкновенно, къ попыткамъ условнаго рѣшенія воображаемой задачи съ очень многими неизвѣстными, рѣшенія, опирающагося на весьма недостаточныя данныя и на общія положенія, въ достаточной мѣрѣ произвольныя. Германскій полковникъ Renauld опредѣляетъ для 1912 г. возможное число германскихъ вооруженныхъ силъ въ 10,2 мил. человѣкъ и годовой расходъ на войну—въ 22 милліарда марокъ, [1]) тогда, какъ генералъ Liebert опредѣляетъ тѣ же величины въ 3 мил. людей и въ 7 милліардовъ марокъ [2]). Жонглировать милліардами здѣсь очень легко, но въ значительной мѣрѣ безполезно. «Статистика и исторія будущаго—по выраженію извѣстнаго нѣмецкаго ученаго К. Гельфериха—науки, которымъ еще никто не положилъ начала» [3]).

Болѣе поучительной и благодарной задачей является поэтому разсмотрѣніе фактовъ прошедшаго, а не будущаго, тѣмъ болѣе что въ частности для Россіи они относятся къ весьма недавнему времени, и опытъ русско-японской войны даетъ, несомнѣнно, серьезный матерьялъ для сужденія о томъ, въ какой степени наше отечество оказалось въ финансовомъ отношеніи подготовленнымъ къ веденію продолжительной и серіозной войны.

Издержки веденія новѣйшихъ крупныхъ войнъ таковы:

Франко-прусская война, съ 17 іюля 1870 г. по день

---

1) Oberst J. von Renauld. Die finanzielle Mobilmachung der deutschen Wehrkraft. Lpz. 1901, стр. 9 и 43. Въ позднѣйшей работѣ: Finanzielle Mobilmachung (Bank-Archiv, 1904 г. дек.) авторъ смягчаетъ этотъ невѣроятный разсчетъ.

2) Gen. Lieut. v. Liebert. Die finanzielle Mobilmachung. (Bank-Archiv, 1905, № 8).

3) Karl Helfferich. Das Geld im Russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1906 г., стр. 195.

ратификаціи франко-прусскаго мирнаго договора 18 мая 1871 г.:

Германія. . . . . 1750 мил. мар. [1])

Франція . . . . . 1912,6 мил. фр. [2])

Англо-бурская война, съ 11 октября 1899 г. по 31 мая 1902 г. (Англія) . . 211,3 мил. ф. ст. [3]).

Что касается Россіи, то для нея мы не находимъ разработанныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы опредѣлить цифры прямыхъ издержекъ на веденіе войнъ съ момента первой мобилизаціи до заключенія мирнаго договора.

Для русско-турецкой войны (12 апрѣля 1877 г.—19 февраля 1879 г.) сумма чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ 1876—1879 г. составила по оффиціальнымъ даннымъ 1020,6 мил. руб. [4]) Что касается Русско-японской войны, то K. Helfferich опредѣляетъ чрезвычайныя военныя издержки [5]) по конецъ августа (н. ст.) 1905 г. для Россіи въ 2873 мил. марокъ, для Японіи—въ 2424 мил. марокъ. По оффиціальнымъ даннымъ, дѣйствительные расходы нашего чрезвычайнаго военнаго бюджета за 1904 г. опредѣляются въ 509,7 м. р., за 1905 г.—въ 1092,4 м. р. Присоединяя сюда еще чрезвычайные расходы по сибирской и восточно-китайской ж. д. (1904 г.—66,9 м. р., 1905 г.—17,8 м. р.), 15,0 м. р. на погашеніе въ 1905 г. краткосрочныхъ обязательствъ Гос. Казначейства и 1,25 м. р. операціонныхъ расходовъ по займамъ 1904 и 1905 г.,—получимъ всего за 1904—1905 г. 1701,8 м. р.

Расходы послѣдующаго времени по ликвидаціи войны, вплоть до нашихъ дней таковы: [6])

---

[1]) W. von Blume. Militärpolitische Aufsätze. Berl. 1906 г.

[2]) Исчисленіе французскаго министра финансовъ Mathieu Bodet.

[3]) W. Hilsenbeck. Die Deckung der Kosten des Krieges in Süd-Afrika. Stuttg. 1904 г.

Всѣ вышеприведенныя цифры стоимости войнъ взяты нами у J. Riesser'a, Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung. Jena, 1909 г., стр. 6—8. Онѣ относятся лишь къ денежнымъ издержкамъ веденія войны въ тѣсномъ смыслѣ слова безъ оцѣнки натуральныхъ военныхъ повинностей, возстановленія военнаго имущества, уплаты контрибуціи (Франція) и общихъ потерь народнаго хозяйства.

[4]) По отчетамъ Гос. Контроля, см. И. Бліохъ. Финансы Россіи, т. IV. СПБ. 1882 г., стр. 107; его же, Будущая война, т. IV. СПБ. 1898, стр. 323; П. Мигулинъ. Русскій Гос. Кредитъ, т. 1. Харьковъ, 1899, стр. 466.

[5]) Op. cit., стр. 236.

[6]) По отчетамъ Гос. Контроля за 1904—1909 г.—взяты цифры дѣйствительныхъ расходовъ за отчетные годы и по заключеннымъ росписямъ прежнихъ лѣтъ. За 1910 г. цифры взяты изъ утвержденной росписи за 1911 г.—изъ проекта росписи.

1906 г.	—898,0 м. р. [1])	1909 г.	— 42,1 м. р. [2])
1907 »	—228,5 » »	1910 »	— 2,8 » »
1908 »	— 65,9 » »	1911 »	— 2,3 » »
		Итого:	1238,7 м. р.

Въ эти цифры не входятъ расходы военнаго и морского вѣдомства по обыкновенному бюджету, а только цифры бюджета чрезвычайнаго. Не входятъ также и крупныя чрезвычайныя ассигнованія послѣднихъ лѣтъ на хозяйственно-операціонные расходы военнаго вѣдомства [3]), включающія въ себя возстановленіе разрушеннаго войною военнаго имущества.

Мы не касаемся частностей приводимыхъ оффиціальныхъ цифръ, вопроса о правильности причисленія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ чрезвычайному бюджету, поднимавшагося въ Гос. Думѣ, и даже вообще къ расходамъ, до войны относящимся. Эти частности слишкомъ невелики сравнительно съ общими крупными цифрами.

Какъ мы видимъ, эти общія цифры достигаютъ 1,7 милліардовъ р. для періода военныхъ дѣйствій [4]) (точнѣе—за весь періодъ 1904—1905 г.) и 1,2 милліарда для періода ихъ ликвидаціи [5]).

Впрочемъ, логически очень трудно отдѣлить прямые расходы на веденіе войны отъ расходовъ по ея ликвидаціи, въ особенности въ первый годъ по окончаніи военныхъ дѣйствій, какъ разъ, когда эти расходы особенно велики.

Откуда взяла Россія средства для покрытія этихъ огромныхъ издержекъ?

Катастрофѣ 1904 г. предшествовалъ рядъ блестящихъ—далеко не только по внѣшности—финансовыхъ годовъ, дававшихъ крупные избытки по обыкновенному бюджету.

---

[1]) Въ томъ числѣ 444,9 м. р. на погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ.

[2]) Взята полная цифра, включая и кредиты, подлежащіе выдачѣ и продолженные.

[3]) Въ 1908 г.—52,1 м. р., въ 1909 г.—64,9, по росписи на 1910 г.—50 м. р. и по проекту росписи на 1911 г.—48,6 м. р., всего 215,5 м. р.

[4]) Надо упомянуть, что сверхъ того еще расходы обыкновеннаго бюджета составляли:

	1904 г.	1905 г.
М-во Военное	324,1	317,7
М-во Морское	88,6	80,1

Но въ какой долѣ эти расходы правильно было бы отнести къ издержкамъ войны съ Японіей, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для разсчета.

[5]) А включая расходы по возстановленію военнаго имущества, даже $1^1/_2$ милліарда.

Свободная наличность, составившая на 1 января 1904 г. 381,3 милліоновъ р., и была первымъ рессурсомъ для веденія войны.

Далѣе, предпринятъ былъ рядъ сокращеній обыкновенныхъ расходовъ росписи 1904 г. и предыдущихъ лѣтъ, давшихъ сбереженія всего на 148,3 м. р. [1]).

Въ 1904 и въ 1905 гг. были произведены нѣкоторыя повышенія налоговъ. Они по разсчетамъ Министерства Финансовъ должны были дать около 65 м. р. [2]).

Въ результатѣ этого сокращенія расходовъ и повышенія налоговъ исполненіе росписей 1904 и 1905 гг. дало такія цифры (въ мил. руб.) [3]):

	Доходы.	Расходы.	Избытокъ(+) или дефицитъ(—).
1904 г.			
Обыкновенные	2018,3	1906,8	+ 111,5
Чрезвычайные	3,3	86,9	— 85,6
	2021,6	1993,7	+ 27,9
1905 г.			
Обыкновенные	2024,5	1925,2	+ 99,3
Чрезвычайные	4,3	108,5	— 104,2
	2028,8	2033,7	— 4,9

[1]) Именно по Выс. утв. мнѣнію Государственнаго Совѣта 6 марта 1904 г. сокращено расходовъ росписи 1904 г. на 134.4 м. р.; по Выс. пов. 19 марта 1904 г. зачисленно въ рессурсы казны свободныхъ остатковъ отъ прежнихъ росписей 10 м. рублей; по Выс. пов. 19 февраля и 1 апрѣля сокращено на 1 м. р. ассигнованіе на Имп. Дворъ и отложена на 10 лѣтъ уплата 2,9 м. р. выкупныхъ платежей Удѣламъ изъ Государственнаго казначейства. (См. Всеподданнѣйшій докладъ Министра Финансовъ на 1905 годъ).

[2]) Законы: 22 XII 1904—о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ промысловомъ обложеніи (ок. 3 м. р.); 25 III 1905 г.—повышеніе налога съ городскихъ недвижимостей (ок. 3 м. р.); 13 IV 1905—повышеніе ряда акцизовъ, пошлины съ наслѣдствъ и пробирной и вычетовъ на пенсіи (18—21 м. р.); 14 IV 1905—измѣненіе нѣкоторыхъ статей таможеннаго тарифа по азіатской границѣ; 14 III и 16 IV 1905—нѣкоторыя мѣропріятія по почтовому вѣдомству. Кромѣ того, съ 1 января 1905 года была повышена цѣна на казенное вино (ок. 25 м. р.) и измѣнены пригородные пассажирскіе и нѣкоторые грузовые тарифы, что вмѣстѣ съ повышеніемъ гербового сбора должно было дать около 8 съ половиной милліоновъ руб. (см. Сводъ данныхъ о постепенномъ поступленіи обыкновенныхъ Гос. доходовъ съ 1900 г. по 1905 г., сост. въ Государственной Канцеляріи; также Helfferich, op. cit. стр. 105—106).

[3]) Изъ чрезвычайныхъ доходовъ отброшены поступленія по новымъ займамъ; изъ чрезвычайныхъ расходовъ, кромѣ прямыхъ военныхъ расходовъ, еще операціонные расходы по новымъ займамъ, расходы по Сибирской ж. д. и «ссуды частнымъ обществамъ жел. дорогъ», т. е. фактически—затраты по Восточно-Китайской жел. дор.

Такимъ образомъ, за эти два года получилось 23 милліона избытка по общему бюджету за вычетомъ изъ него новыхъ займовъ и подсчитанныхъ нами выше прямыхъ военныхъ издержекъ.

Такова была сумма военныхъ рессурсовъ 1904—1905 гг. помимо займовъ. Она, какъ мы видимъ, достигала около 404,3 м. р. т. е. составляла менѣе одной четвертой части того, что было потрачено въ 1904—1905 гг. на веденіе войны. Надо помнить при этомъ, что и эта сумма цѣликомъ почти относится на долю прежней свободной наличности, въ образованіи которой принимали участіе также займы. Отъ вновь же введенныхъ налоговъ получена была лишь ничтожная часть того, что потребовала война.

Остальное добыто было путемъ кредитныхъ операцій. Онѣ представляются въ такомъ видѣ [1]):

Внѣшніе займы.	Номинальная сумма.	Дѣйствительное поступленіе.	% платимый государствомъ.	Ежегодный платежъ.
5% обязательства Гос. Казн. (Парижъ, май 1904 г.)	300	282	6,2	15
4½% заемъ (Берлинъ и Амстердамъ, январь 1905 г.)	231,5	209,5 [2])	5,8	10,4
5% краткосрочныя обязательства Гос. Казнач. (май 1905 г., заграничная часть.) . . .	150	142,9	6,6	7,5 [3])
	681,5	634,4		32,9

[1]) См. Helfferich, стр. 119.

[2]) При выкупѣ черезъ 12 лѣтъ, а при выкупѣ черезъ 6 лѣтъ по требованію кредиторовъ % исчислялся бы въ 6,6%.

[3]) Обязательства были выпущены срокомъ на 9 мѣсяцевъ. Мы принимаемъ условно 5% годовыхъ. Гельферихъ опредѣляетъ годовой платежъ по нимъ въ 6,75 м. р., въ разсчетѣ, что по наступленіи срока они были бы замѣнены 4½% рентой. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, они были замѣнены въ 1906 г. 5½% краткосрочными обязательствами. Но эта операція относится уже ко времени послѣ окончанія войны и не входитъ въ наше разсмотрѣніе.

Внутренніе займы.	Номинальная сумма.	Дѣйствительное поступленіе.	% платимый государствомъ.	Ежегодный платежъ.
1) Первый 5 % внутренній заемъ (мартъ 1905 г.).	200	188	5,85	10
2) 5% краткосрочныя обязательства Гос. Казн. (май 1905 г., русская часть).	50	47,6	6,6	2,5 [1])
3) 3,6% серіи (августъ 1904 г.).	150	150	3,6	5,4
4) Второй 5% внутренній заемъ (августъ 1905 г.).	200	190	5,7 [2])	10
	600	575,6		27,9

Такимъ образомъ, за два военныхъ года путемъ займовъ получено было 1210 мил. р., номинально 1281,5 м. р., въ томъ числѣ въ Россіи 575,6 и за границей 634,4 м. р. съ ежегоднымъ платежемъ въ 60,8 м. р.

Но этимъ не ограничиваются наши кредитныя операціи 1904—1905 гг. Къ нимъ еще надо добавить выпуски кредитныхъ билетовъ. Они шли такимъ темпомъ:

На 1-е число:	Золото въ Гос. Банкѣ.	Золото заграницей и траты на заграницу.	Итого.	Кредитныхъ билетовъ въ обращеніи.
Январь 1904 г.	732,9	169,1	902,0	578,7
Апрѣль	771,5	76,2	847,7	634,6
Іюль	838,8	100,1	938,9	689,3
Октябрь . . .	837,1	147,4	984,5	823,8
Январь 1905 г.	878,2	147,9	1026,1	856,1
Апрѣль	907,2	140,6	1047,8	884,3
Іюль	919,0	179,7	1098,7	924,0
Октябрь . . .	893,4	272,7	1166,1	1095,6

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ начала войны къ моменту ратификаціи Портсмутскаго договора кредитное обращеніе возросло на 516,9 м. р. Однако ему соотвѣтство-

[1]) При погашеніи въ 1917 году.

[2]) См. прим. 4 на предыдущей страницѣ.

вало усиленіе золотого покрытія на 264,1 м. р. Такимъ образомъ, путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ государство обезпечило себѣ новыхъ рессурсовъ еще на 250 съ лишнимъ мил. р. [1])

Сводя вмѣстѣ сказанное, мы видимъ, что военные расходы 1904—1905 гг. (за невозможностью опредѣлить ихъ по день заключенія мира) составляли 1701,8 мил. руб.

Средства для ихъ покрытія:

	Мил. рублей.
Свободная наличность къ 1904 г. . . .	381,3
Избытокъ общихъ бюджетовъ 1904 и 1905 гг.	23,0
Внутренніе займы.	575,6
Внѣшніе »	634,4
Новые кредитные билеты.	252,8
	1,867,9

Такъ такъ, очевидно, къ прекращенію военныхъ дѣйствій истрачена была далеко еще не вся указанная сумма въ 1700 мил. р., то очевидно при Портсмутскихъ переговорахъ Россія имѣла возможность выступать не съ пустыми руками. Мало того, ея милліардный золотой фондъ въ банкѣ—крайній военный рессурсъ, который намъ окалось возможнымъ не только не трогать, а даже пріумножить за время войны—былъ еще другимъ существеннымъ аргументомъ, тяжесть котораго не позволила чашкѣ вѣсовъ во время переговоровъ чрезмѣрно склониться въ пользу Японіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія обладала огромнымъ перевѣсомъ въ своей финансовой подготовленности къ войнѣ сравнительно съ Японіей. Но эту подготовленность приходится понимать въ условномъ смыслѣ. Тотъ фактъ, что къ началу войны Россія располагала крупною свободною наличностью, надо признать случайнымъ. Только накопленіе золотого фонда въ Гос. Банкѣ является, еще со времени денежной реформы Витте, основаннымъ на сознательномъ разсчетѣ обезпеченіемъ государству *послѣдняго* крупнаго рессурса на случай военной крайности. Наоборотъ, нашу

---

[1]) Отчасти осенніе выпуски кредитныхъ билетовъ вызывались потребностями реализаціи урожая, но ихъ трудно выдѣлить изъ общей массы. Можно указать лишь, что въ первую половину 1906 г. изъято было кредитныхъ билетовъ на 100 милліоновъ рублей.

налоговую систему, какъ подробнѣе скажемъ ниже, нужно признать абсолютно неподготовленной къ условіямъ, требующимъ быстраго и крупнаго увеличенія поступленій. Въ нашей кредитной политикѣ также не видно признаковъ того, чтобы въ мирное время заключеніе гос. займовъ было соображаемо съ чрезвычайной и внезапной потребностью въ кредитѣ, которая всегда должна имѣться въ виду на случай объявленія войны. Мы не будемъ здѣсь касаться состоянія японскихъ финансовъ во время войны [1]) и попутно рѣшать проблематическій вопросъ: могла ли Россія, упорно продолжая непопулярную войну, взять Японію «измором». Какъ бы часто ни повторять ставшій банальнымъ афоризмъ о томъ, что для войны нужны лишь деньги, деньги и деньги,—рѣшающая роль все же остается за патріотичностью и обдуманностью общей государственной политики, организаціей военныхъ силъ и военной техникой, а военный успѣхъ открываетъ и возможность доставать деньги. Это блестяще доказала въ 1870—71 г. Пруссія, финансы и государственный кредитъ которой при началѣ войны были въ плачевномъ состояніи. [2]) Этотъ же выводъ можно сдѣлать и изъ фактовъ войны Россіи съ Японіей.

Въ дальнѣйшемъ намъ придется подвергнуть анализу условія, складывающіяся благопріятно для финансовой подготовленности нашего отечества къ войнѣ, и условія, ослабляющія эту подготовленность. [3])

---

[1]) Можно указать, кромѣ цитированной нами работы Helfferich'a, еще книгу H. Büchel. Die Finanzen Japan's. Essen. 1908 г.

[2]) Изъ новѣйшей литературы см. объ этомъ у B. Serrigny. Les conséquences économiques de la prochaine guerre. Paris. 1909 г.

[3]) Имѣется не мало литературныхъ работъ, посвященныхъ этой темѣ въ приложеніи къ Германіи. Мы можемъ указать, кромѣ упомянутыхъ книгъ Riesser'a и Renauld, еще на статью Ad. Wagner'a, Die Flottenverstärkung und unsere Finanzen въ сборникѣ Handels und Machtpolitik, B. II, Stuttg. 1900; на болѣе старую работу A. Schäffle, Der nächste Krieg in Zahlen. Ztschr. für die ges. Staatswissenschaft, 1887; на статью M. Ströll'я, Ueber das deutsche Geldwesen im Kriegsfall (Schmoller's Jahrbücher XXIII, Heft I и II (1899); на брошюру v. Flöckher'a, Ist Deutschland finanziell gerüstet, Berl. 1907 г.; на докладъ M. Warburg'a въ Verhandlungen des III deutschen Bankiertages, Berl. 1907 г. и на рецензіи на книгу Riesser'a въ журналѣ Die Bank. (1908 г., дек.) и на книгу Renauld (O. Gerlach'a, Schmoller's Jahrbücher N. F., XXVII, 1903 г.).

Для Россіи мы можемъ указать лишь на ст. проф. А. Гулевича. Война и народное хозяйство (Военный Сборникъ 1898 г.), на извѣстное изданіе И. Бліоха. Будущая война. СПБ. 1898. т. IV, на записку (не поступавшую въ продажу) проф. П. П. Мигулина. О финансовой готовности Россіи къ войнѣ. Харьковъ 1904 г. и (извлеченія изъ нея см. журналъ «Народное Хозяйство» 1904 г., № 3), на главу о «финансовой боевой готовности» въ книгѣ проф. М. И. Боголѣпова Государственный долгъ. СПБ. 1910 г., на сборникъ „Военная реформа", изд.

«Финансовая боевая готовность, по опредѣленію одного изъ нашихъ молодыхъ финансистовъ, томскаго профессора М. И. Боголѣпова, состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ возможность безъ особыхъ затрудненій и осложненій, не доводя государственные финансы до явнаго упадка и не разстраивая народныхъ хозяйственныхъ отношеній, найти сразу огромныя средства для мобилизаціи боевыхъ силъ страны и для покрытія военныхъ издержекъ» [1]).

Мы видѣли выше, насколько огромны эти средства, а въ предположеніи обще-европейской войны, которую обыкновенно имѣютъ въ виду при обсужденіи вопроса о финансовой готовности государства къ войнѣ, они грозятъ вырости до колоссальныхъ размѣровъ.

Приведенный выше разсчетъ Liebert'a для Германской арміи въ 3 м. чел. при расходахъ въ 6 марокъ въ день на человѣка (по разсчету Renauld, къ которому присоединяется и Riesser) даетъ расходъ для Германіи въ 18 мил. марокъ въ день, 540 мил. въ мѣсяцъ и 6 съ половиной милліардовъ въ годъ [2]). Для Россіи, въ Русско-Турецкую войну, по разсчету Бліоха [3]), расходъ на одного человѣка въ день опредѣляется въ 2 р. 50 к.=10 франковъ.

Для будущихъ войнъ, по соображеніямъ того же Бліоха, такой коэффиціентъ долженъ быть значительно повышенъ, въ виду большей интенсивности военной техники, вздорожанія цѣнъ и т. д. Для Русско-японской войны мы не имѣемъ данныхъ о средней численности нашихъ войскъ, мобилизованныхъ и находившихся на театрѣ войны [4]), да и отдаленность этого послѣдняго отъ метрополіи вліяла бы на разсчеты и давала бы несравнимыя съ другими войнами цифры.

По даннымъ Löbell's Jahresberichte за 1909 г. приблизительная численность русскихъ военныхъ силъ по военному положенію составляла:

„Военнаго Голоса". СПБ. 1906 г. и на статью А. В. Васильева: „Военный бюджетъ и реорганизація арміи" въ сборникѣ „Вопросы гос. хозяйства и бюджетнаго права". СПБ. 1907 г.

[1]) М. И. Боголѣповъ. Государственный долгъ. СПБ. 1910 г. стр. 163.

[2]) По разсчету ген. Андре для Франціи соотвѣтственный мѣсячный расходъ даетъ цифру около 500 мил. франковъ.

[3]) Будущая война, т. IV, стр. 358. См. также Renauld, op. cit., стр. 44—46.

[4]) Нѣкоторыя свѣдѣнія имѣются въ оффиціальномъ изданіи о Русско-Японской войнѣ: т. I, стр. 379, т. III, прил. № 2; т. VII, ч. 2, стр. 29, 54 и 129.

Европейская Россія	2 милліона
Средняя Азія	90 тысячъ
Восточная Азія	300 »
Крѣпостныя войска	260 »
Запасъ	300 »
Ополченіе	700 »

Отсюда можно было бы получить разсчеты стоимости для Россіи будущей войны, но всѣ эти разсчеты, какъ мы подчеркнули въ первыхъ строкахъ нашей статьи, до крайности проблематичны и мы не станемъ производить ихъ. Единственно непреложнымъ фактомъ является лишь колоссальность этихъ цифръ.

Коренной источникъ оплаты всѣхъ расходовъ военныхъ и невоенныхъ, получаемыхъ путемъ налоговъ и путемъ кредита внѣшняго и внутренняго, есть несомнѣнно народное хозяйство. Мощность, гибкость, энергія его жизнедѣятельности являются, конечно, альфой и омегой финансовой силы во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ. Врядъ ли можно признать правильнымъ пользующееся довольно широкой распространенностью мнѣніе, что низшій уровень хозяйственной культурности позволяетъ странѣ легче переносить хозяйственныя потрясенія, вызываемыя крупной войной. Можно напомнить, что уже Дж. Ст. Милль указывалъ, съ какой поразительной быстротою страны съ развитой торгово-промышленной жизнью оправлялись отъ финансовыхъ потрясеній, вызванныхъ войнами. Франція въ 70-хъ годахъ дала тому, кажется, достаточно убѣдительный примѣръ [1]). Но, оставляя въ сторонѣ выясненіе вопроса о вліяніи войны на народно-хозяйственныя отношенія на долю автора соотвѣтствующей статьи настоящаго сборника, остановимся лишь на финансовой сторонѣ вопроса. Народное хозяйство является основнымъ опредѣляющимъ моментомъ финан-

---

[1]) „Въ государствѣ съ преобладаніемъ натуральной формы хозяйства, съ незначительнымъ денежнымъ рынкомъ и съ слабымъ развитіемъ кредитныхъ операцій, имущественные и трудовые интересы населенія легче могутъ перенести тяжелую болѣзнь, вызываемую потрясеніемъ финансоваго строя государства. Въ этомъ отношеніи Россія при особомъ складѣ своего народнаго хозяйства является въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ прочія западно-европейскія государства, въ особенности чѣмъ тѣ, финансовая жизнь которыхъ достигла наибольшаго развитія и сложности, т. е. Великобританія, Германія и Франція» (А. Гулевичъ. Война и народное хозяйство, статья вторая. „Военный Сборникъ“ 1898 г., № 1, стр. 91—92).

совой готовности государства къ войнѣ, поскольку оно питаетъ его финансовую систему. Мощная финансовая система возможна лишь на почвѣ мощнаго народнаго хозяйства. И обратно—нерацiональная финансовая система можетъ создавать относительную слабость рессурсовъ фиска, не выбирая изъ финансоваго резервуара страны то, что онъ могъ бы дать государству, оставляя слабо затронутыми крупные источники платежныхъ средствъ и въ то же время неразумно угнетая населенiе и подрывая этимъ возможность укрѣпленiя и развитiя своихъ же собственныхъ рессурсовъ въ будущемъ.

Въ этой неравномѣрности скорѣе, чѣмъ въ абсолютной тягости налогового бремени, коренной порокъ отсталыхъ финансовыхъ системъ, въ странахъ, уже вышедшихъ изъ состоянiя натуральнаго хозяйства съ его элементарно неразвитыми производительными силами. Такова Россiя. И, если нѣкоторые авторы относятъ ее къ категорiи странъ съ «тягчайшими» налогами [1]), поглощающими свыше 20% дохода плательщиковъ, то это представленiе необходимо деталировать: его можно признать справедливымъ, но лишь по отношенiю къ извѣстнымъ группамъ плательщиковъ—русскому земледѣльческому населенiю, при томъ не ко всему, а лишь къ извѣстнымъ, хотя, быть можетъ, и преобладающимъ группамъ въ его средѣ, наконецъ не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ, хотя и въ весьма обширныхъ районахъ нашего отечества.

Наоборотъ, другiя группы русскаго населенiя даютъ государству далеко не все то, что онѣ могли бы дать безъ чрезмѣрнаго обремененiя себя и съ параллельнымъ облегченiемъ иныхъ переобремененныхъ категорiй плательщиковъ. Попытки интернацiональныхъ финансово - статистическихъ подсчетовъ налоговой тягости являются неудовлетворительными не только потому, что въ коэффицiенты, получаемые при этомъ, входитъ совершенно проблематическая величина: размѣръ нацiональнаго богатства или нацiональнаго дохода, но въ равной степени и потому, что онѣ приводятъ лишь къ среднимъ цифрамъ, стушевывающимъ всѣ неравномѣрности, кореняшiяся въ дѣйствующихъ налоговыхъ системахъ. Это замѣчанiе въ особенности не-

[1]) См. Ф. Ниттн. Основныя начала финансовой науки. Рус. пер. М. 1904, стр. 99.

обходимо имѣть въ виду при сужденіи о такихъ финансовыхъ системахъ, какъ дѣйствующая русская [1]).

Подробнѣе характеризовать нашу финансовую систему съ этой стороны мы считаемъ излишнимъ, ибо это обозначало бы повторять слишкомъ извѣстныя вещи. Для нашей цѣли достаточно указать, что неравномѣрность и отсутствіе эластичности русской финансовой системы являются крупнѣйшимъ отрицательнымъ факторомъ ея финансовой силы вообще, и на случай войны—въ частности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы должны ожидать, что въ системѣ военныхъ рессурсовъ роль повышенія налоговъ можетъ быть у насъ лишь второстепенной, совершенно обратно финансовому антиподу Россіи—Великобританіи и ея способу покрытія военныхъ расходовъ. [2])

И въ самомъ дѣлѣ, повышеніемъ поступленія налоговъ покрыта была въ 1904—1905 годахъ лишь ничтожная часть военныхъ расходовъ. Къ сожалѣнію, исключительныя событія 1905 и 1906 гг. не даютъ возможности достаточно опредѣленно судить о вліяніи фактора повышенія налоговъ на цифры ихъ дѣйствительнаго поступленія, даже если мы вмѣсто поступленій 1905 г. возьмемъ среднее изъ 2-хъ лѣтъ 1905—1906 гг., въ виду того, что большая доля гос. доходовъ 1905 г. поступила лишь въ 1906 г. Цифры таковы (по отчетамъ гос. контроля поступило въ мил. руб.):

	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Прямые налоги	134,9	126,9	163,2
Косвенные	418,6	408,7	494,2

---

[1]) F. Zahn (Die Finanzen der Grossmächte, Berl. 1908 г.) приводитъ такія цифры. Общая сумма налоговъ на 1 жителя въ маркахъ:

Великобританія	66,45
Франція	63,19
Германія	34,70
Россія	21,89
Японія	14,99

Сравненіе этихъ цифръ не имѣетъ никакого значенія для сужденія объ относительной тягости налоговой системы не только потому, что единица населенія въ указываемыхъ странахъ есть величина экономически совершенно неодинаковая, но и потому, что она сохраняетъ свою неоднородность и въ предѣлахъ одной и той же страны, притомъ въ совершенно различныхъ комбинаціяхъ для различныхъ странъ.

[2]) Изъ 211,3 мил. ф. стерл. расходовъ южно-американской войны (приблизительно 4 съ половиной милліарда марокъ) Англія покрыла займами около 3 млд., а $1^1/_2$ млд., т. е. одну треть расходовъ—налогами, въ томъ числѣ болѣе половины этой суммы (813,6 мил. марокъ) относится на долю повышенія подоходнаго налога (Hilsenbeck, op. cit. стр. 68; Riesser, стр. 76).

	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Пошлины	104,2	100,0	113,3
Винная монополія . . .	543,5	609,4	697,5
Выкупные платежи . .	81,6	55,4	35,0

	Среднее за 1905—1906 г.	Увеличеніе ср. съ 1904 г.
Прямые налоги . . .	145,0	+ 10,1
Косвенные	451,5	+ 32,9
Пошлины	106,7	+ 2,5
Винная монополія . .	653,5	+ 110,0
Выкупные платежи . .	45,2	— 36,4

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин.

Изъ этихъ цифръ однако трудно сдѣлать вполнѣ опредѣленные выводы. Не только прямые налоги и пошлины увеличились слабо, но сравнительно слабо возрасли и косвенные налоги, кромѣ питейнаго, который ненормально выросъ, вѣроятно, и за счетъ уменьшенія вдвое выкупныхъ платежей и за счетъ непоказаннаго въ этой таблицѣ неплатежа мѣстныхъ сборовъ [1]).

Ненормальное состояніе народной психологіи въ эти годы препятствуетъ необходимому для насъ цифровому подсчету, но одинъ фактъ остается не подлежащимъ сомнѣнію: финансовая система Россіи не даетъ возможности собрать быстро крупныя новыя средства путемъ нажатія налогового пресса. Единственнымъ видимымъ исключеніемъ является обложеніе спирта, но и ему несомнѣнно поставлены фактически предѣлы гораздо болѣе узкіе, чѣмъ тѣ, которые давала бы болѣе эластичная финансовая система. Фактическое увеличеніе доходовъ налогового и пошлиннаго характера за годъ войны составило всего около 130 милліоновъ рублей, т. е. менѣе 8% суммы военныхъ расходовъ этого періода. Такой ничтожный результатъ, полученный несмотря на то, что въ области повышенія налоговъ въ періодъ японской войны придумано было все, что здѣсь возможно было *ad hoc* придумать, наводитъ на тревожныя размышленія. Въ нашей налоговой политикѣ донынѣ отсутствуетъ идея необходимости созданія такой системы,

[1]) См. «Вѣстникъ финансовъ» 1910 г., № 32, статья А. Б—нъ. Поступленіе казенныхъ, земскихъ и общественныхъ окладныхъ сборовъ въ 1904—1906 гг. Недопоступленіе окладныхъ сборовъ въ 1904—1905 г. съ крестьянскихъ земель составило 124,3 милліона рублей; съ владѣльческихъ—35,3 милліона рублей.

которая сразу давала бы возможность крупнаго увеличенія поступленій. Донынѣ для нея характерны лишь «неожиданныя» и независимыя отъ воли министра финансовъ превышенія поступленій надъ росписями и рѣзкіе скачки отъ дефицитовъ къ избыткамъ въ связи съ результатами урожаевъ. Шаблоннымъ—притомъ вредоноснымъ—средствомъ для быстраго и болѣе крупнаго увеличенія доходовъ отъ налоговъ всегда являлось у насъ повышеніе акциза или цѣны на спиртъ. Обложеніе его, однако, доведено уже до почти чрезмѣрной высоты и на него въ дальнѣйшемъ сильно разсчитывать врядъ ли возможно.

Съ точки зрѣнія финансовой готовности къ войнѣ наша налоговая система является, такимъ образомъ, совершенно ненормальной. Въ этомъ направленіи нужно много поработать, чтобы обезпечить въ концѣ концовъ Россіи возможность въ случаѣ войны опираться не на одинъ лишь государственный кредитъ. Въ этомъ первое серіозное предостереженіе теперешнему положенію дѣлъ.

Все сказанное относится къ русскому доходному бюджету, къ нашей системѣ извлеченія государственныхъ доходовъ изъ плательщиковъ налоговъ. Что касается русскаго расходнаго бюджета, то общепризнанное преобладаніе въ немъ «непроизводительныхъ» расходовъ столь же несомнѣнно тормозитъ развитіе культурно-экономическихъ силъ Россіи, какъ и нераціональность ея налоговой системы. Нехозяйственность въ государственныхъ расходахъ и безсиліе государственнаго контроля еще болѣе прямо и невыгодно отражаются на финансовой готовности Россіи къ войнѣ, безъ необходимости увеличивая размѣры ея бюджета—въ частности военнаго бюджета—въ мирное время и непомѣрно удорожая стоимость веденія нами войнъ, сравнительно со странами, обладающими лучше организованнымъ государственнымъ и въ частности военнымъ хозяйствомъ. Было бы чрезвычайно интересной, но врядъ ли поддающейся статистическому изслѣдованію, темой изученіе относительной дороговизны веденія войнъ Россіей и другими странами: статистическія сравненія здѣсь совершенно недоказательны, благодаря разницѣ условій времени и экономики различныхъ странъ во время различныхъ войнъ.

Отъ этой задачи намъ очевидно приходится отказаться.

Трудно сравнивать также и относительные расходы на содержаніе армій въ мирное время въ виду разницы въ организаціи ихъ въ разныхъ странахъ, качественныхъ различій въ снабженіи арміи и въ особенности—разницы въ цѣнахъ матеріальныхъ заготовленій.

Бюджетъ государственной обороны по мирному времени составлялъ (въ мил. мар. [1]).

	Войско. (1908 г.)	Флотъ. (1906 г.)
Великобританія	560,2	690,1
Германія	853,7	273,2
Россія	935,6	229,0
Франція	623,7	307,4
Японія	225,6	83,0

Численность германской арміи (безъ флота) по мирному составу въ 1909 г. по даннымъ Löbell's Jahresberichte составляла: офицеровъ 25,560, нижнихъ чиновъ 584,636. Для Россіи то-же изданіе приводитъ, за отсутствіемъ иного источника, «по даннымъ, заявленнымъ въ Государственной Думѣ весною 1909 г. однимъ депутатомъ», включая и флотъ, (45 тысячъ человѣкъ) цифру въ 1.400.000 человѣкъ.

Если опираться на эту цифру, то содержаніе русской арміи окажется весьма дешевымъ. Но на самомъ дѣлѣ никакое сравненіе невозможно по несходству отмѣченныхъ выше условій. За отсутствіемъ возможности такого статистическаго сравненія, для сужденія о дороговизнѣ веденія Россіей войны и управленія ея военнымъ хозяйствомъ въ мирное время, приходится ограничиться лишь нѣсколькими отрывочными иллюстраціями. Трудно при этомъ отрѣшиться отъ впечатлѣній нашей интендантской практики, періодически обостряющихся послѣ каждой крупной войны. Но большее значеніе имѣютъ гораздо менѣе бьющіе въ глаза факты нашего военнаго хозяйства мирнаго времени. Журналъ «Интендантское дѣло» приводитъ, напримѣръ, такія краснорѣчивыя сопоставленія (1910 г., № 2, «Интендантская панама передъ судомъ Третьей Государственной Думы»).

---

[1]) Цифры взяты у Riesser'a.

Спб. Военный Округъ:	Мука ржаная	Крупа	Овесъ
Интенд. цѣны 1908 г.	1 р. 44 к.	1 р. 92 к.	1 р. 05 к.
Рыночныя цѣны (Спб. Сводъ товарныхъ цѣнъ) . .	обыкн. замоск. 1 р. 19 к.	ядрица 1 р. 71,5 к.	разл. сорта 81,3 к.—82,2 к.
	низовая 1 р. 21,8 к.	средняя 1 р. 46,8 к.	
Разность	23,2 к.—25 к.	20,5 к.—45,2 к.	22,8 к.—23,7 к.

Московскій Воен. Окр.			
Интенд. цѣны .	1 р. 40 к.	1 р. 86 к.	89 к.
Рыночныя цѣны . . .	простая ведр. 1 р. 19,3 к.	разл. сорта 1 р. 58,6 к.	разл. сорта 1 р. 68,5 к. 75,9 к.-83,4 к.
Разность	20,7 к.	17,5 к.—27,4 к.	5,6 к.—13,1 к.

Казанскій Воен. Окр.	Мука рж.	Крупа	Овесъ
Интенд. цѣны .	1 р. 24 к.	1 р. 66 к.	1 р. 04 к.
	обыкн.	ядрица	экономич.
Рыночныя . . .	99,5 к.	1 р. 53,9 к.	83,6 к.
			обыкн. сух. крест. 70,6 к.
Разность	24,5 к.	12,1 к.	20,4 к.—33,4 к.
	Интенд. цѣны.		Рыночныя. Разность.

Варшавскій Воен. Окр.	Мука ржаная	Рожь [1])	
	1 р. 53 к.	Варшава лучш.	—1 р. 07,8 к. 45,2 к.
		средн.	—1 р. 01,6 к. 51,4 к.
Кіевскій . .	1 р. 42 к.	Кіевъ	—1 р. 11,6 к. 30,4 к.
Виленскій .	1 р. 46 к.	Рига: русскій	—1 р. 14,9 к. 31,1 к.
		Либава	—1 р. 12,5 к. 33,5 к.

Приведенная разница пріобрѣтаетъ значеніе, если имѣть въ виду, что изъ года въ годъ интендантство пріобрѣтаетъ десятки милл. пудовъ продовольственныхъ запасовъ. Оно оправдывается тѣмъ, что за отсутствіемъ авансовыхъ кре-

[1]) На помолъ надо прибавить 3—5 к. съ пуда.

дитовъ должно дѣлать заготовленія въ наиболѣе дорогіе мѣсяцы года. Это правильно, но это—только объясненіе причины, а фактъ остается непоколебленнымъ.

Büchel, сравнивая японскій военный бюджетъ съ русскимъ, указываетъ на сравнительную дешевизну содержанія японской арміи, приписывая ее болѣе дешевымъ цѣнамъ продуктовъ, хотя денежное довольствіе нижнихъ чиновъ тамъ выше русскаго, именно: годовое денежное жалованье солдатъ I-го класса—18 іенъ [1]), II-го—14,40, III-го—10,80; тогда какъ въ Россіи оно составляетъ 3 рубля въ годъ. Тотъ же Büchel приводитъ сопоставленіе цифръ, обращавшихъ на себя вниманіе и у насъ при разсмотрѣніи росписей въ Гос. Думѣ и въ Гос. Совѣтѣ. «Замѣчательно,—говоритъ онъ—и производитъ почти анекдотическое впечатлѣніе, что японскій флотъ требуетъ 29 милл. іенъ расходовъ по обыкновенному бюджету, тогда какъ русскій, даже и послѣ его уничтоженія, обходится въ 104 милл. р., а въ 1905 г. онъ стоилъ даже 117 м. р.» (ibid, 97).

Эти отрывочныя иллюстраціи, конечно, и въ малой степени не могутъ замѣнить спеціальнаго изслѣдованія, но онѣ слишкомъ характерны, чтобы ихъ не привести.

Мы не будемъ ссылаться на другія фактическія указанія, достаточно извѣстныя изъ преній въ нашихъ законодательныхъ палатахъ при разсмотрѣніи военныхъ и морскихъ смѣтъ. Непропорціональная дороговизна веденія военнаго хозяйства, хотя бы и трудно было учесть степень ея, является, конечно, весьма серьезнымъ факторомъ отрицательнаго свойства для нашей военно-финансовой готовности, тѣмъ болѣе, что эта относительная дороговизна естественно стремится еще болѣе возрасти во время войны.

Таковы самыя элементарныя соображенія по поводу общаго вліянія системы нашего гос. хозяйства на финансовую готовность Россіи къ войнѣ. Россія велика и это даетъ ей возможность развивать абсолютно огромную финансовую силу. Мы не приводимъ проблематическихъ цифръ «народнаго богатства» или «народнаго дохода» Россіи. Какъ бы онъ ни былъ сравнительно незначителенъ на одного жителя, его

---

[1]) 1 іенъ—96 к. Büchel присоединяетъ указанія на обратное отношеніе въ вознагражденіи высшихъ военныхъ чиновъ: японскій главнокомандующій во время войны получалъ 6.000 іенъ, русскій—свыше 100 тысячъ рублей (Die Finanzen Japans, стр. 98).

приходится умножать на 160 милліоновъ; какъ бы экстенсивно и примитивно ни было хозяйство русскихъ народныхъ массъ, эти массы въ общемъ итогѣ даютъ казнѣ колоссальныя суммы изъ года въ годъ, естественно, безъ повышенія налоговъ, т. е. внѣ человѣческой воли, растущія на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Но нераціональность финансовой системы не позволяетъ въ нужный моментъ и по своей волѣ повысить эти поступленія въ достаточно крупныхъ размѣрахъ, чтобы опереться на эти рессурсы для покрытія значительной части военныхъ расходовъ, которые еще увеличиваются благодаря нераціональности военнаго хозяйства.

Но если отсталость нашей финансовой системы не позволяетъ быстро получить путемъ повышенія налоговъ очень крупныхъ рессурсовъ для веденія войны, то тѣмъ болѣе доминирующую роль въ дѣлѣ финансовой готовности Россіи къ войнѣ долженъ играть государственный кредитъ. Суммы, получаемыя во время войны отъ повышенія налоговъ, могутъ у насъ быть достаточными лишь для покрытія платежей по военнымъ займамъ. А такое исключительное преобладаніе кредита въ дѣлѣ обезпеченія военныхъ рессурсовъ таитъ въ себѣ чрезвычайно серіозную опасность.

Необходимо различать двѣ стороны вопроса: условія заключенія нашихъ государственныхъ займовъ и условія нашего кредитно-денежнаго обращенія въ связи съ организаціей русскаго Государственнаго Банка.

Выше мы приводили цифры нашихъ военныхъ займовъ и размѣры платимыхъ по нимъ %%. До войны наша 4% рента стояла около al pari и даже поднималась выше его. Четыре процента можно было считать нормальной ставкой для нашего государственнаго кредита, упроченнаго мѣропріятіями 90-хъ годовъ. Непопулярная и безславная война уронила престижъ его и, какъ мы видѣли выше, процентъ, платимый нами по военнымъ займамъ 1900—1905 гг., достигъ 5,7 и 5,8 и даже 6,6%, другими словами, государственный кредитъ сталъ дороже на 40—60%. Рядъ другихъ невыгодныхъ деталей можетъ характеризовать наши кредитныя операціи того времени. Два первыхъ нашихъ внѣшнихъ займа — 5% парижскій и 4½% берлинскій — заключены были въ видѣ краткосрочныхъ обязательствъ: первый на 5 лѣтъ, по второму кредиторамъ предоставлено

было право полученія нарицательнаго капитала черезъ 6 или черезъ 9 лѣтъ, тогда какъ русское правительство отказывалось отъ права выкупа или конверсіи на 12 лѣтъ.

Можно одобрить форму краткосрочнаго займа: правительство, заключающее заемъ подъ давленіемъ экстренныхъ военныхъ нуждъ, очевидно переплачиваетъ. Но оно должно разсчитывать на возможность улучшенія условій кредита послѣ окончанія войны и въ виду этого выговариваетъ для себя право выкупа черезъ сравнительно короткій промежутокъ времени.

Если увѣренностью въ успѣхѣ войны для Россіи, увѣренностью, раздѣлявшеюся всѣми, можно достаточно объяснить тотъ фактъ, что русское правительство при первомъ займѣ считало выгоднымъ не только оставить за собою право, но и принять на себя обязанность уплаты черезъ 5 лѣтъ [1]), то совершенно иначе необходимо отнестись къ условіямъ берлинскаго займа 1905 года. Заключенный непосредственно передъ паденіемъ Портъ-Артура по курсу 95 за сто, заемъ потребовалъ не только участія банковаго синдиката для своей реализаціи, но еще особаго консорціума, гарантировавшаго успѣхъ его [2]). Въ виду этого оказалось необходимымъ уплатить провизію въ двойномъ размѣрѣ, и чистая выручка займа составила всего 91,5 %.

Но этого мало: отказъ русскаго правительства отъ права выкупа или конверсіи на цѣлыхъ 12 лѣтъ былъ крупной, хотя, быть-можетъ, и вынужденной, ошибкой этой операціи. Вопреки мнѣнію Гельфериха (вообще склоннаго слишкомъ одобрительно относиться къ мудрости русской финансовой политики), надо признать, что правильнѣе было бы выговорить себѣ право уплаты въ короткій срокъ, а не наоборотъ—предоставлять это право кредиторамъ, а на свою долю оставлять лишь однѣ обязанности.

Характерною чертою политики японскаго правительства

---

[1]) Заемъ былъ заключенъ при содѣйствіи банковаго синдиката, во главѣ котораго стояли Banque de Paris et des Pays-Bas, Crédit Lyonnais и банкирскій домъ Hottinguer и С°. Синдикатъ взялъ на себя 400 милл. франковъ, остальные 400 милл. были покрыты публичной подпиской по курсу 99, но синдикатомъ весь заемъ былъ взятъ по 97½ и, кромѣ того, русское правительство должно было принять на себя расходъ по выпуску въ размѣрѣ 2% съ номинальной цифры займа. Все это вмѣстѣ при уплатѣ черезъ 5 лѣтъ al pari даетъ норму платежа въ 6,2% (Helfferich, 109).

[2]) Правда, фактически не понадобившагося (Helfferich, 109).

при заключеніи военныхъ займовъ было именно оставленіе за собой права выкупа займовъ въ любое время [1]), тѣмъ болѣе цѣнное, что японскіе военные займы были заключены на гораздо болѣе тяжкихъ условіяхъ, чѣмъ русскіе [2]). И этимъ правомъ Японія воспользовалась послѣ окончанія войны для облегченія своего чрезмѣрнаго финансоваго бремени, выпустивши два 4% займа,—въ ноябрѣ 1905 г. и въ апрѣлѣ 1907 г.—на 28 милл. ф. стерл. каждый, для погашенія: первый—части внутреннихъ военныхъ займовъ, второй—6%-ныхъ обязательствъ казначейства, гарантированныхъ доходами таможенъ и табачной монополіи.

Высота процента, который пришлось платить Японіи по своимъ военнымъ займамъ, несомнѣнно указываетъ на финансовую слабость ея по сравненію съ Россіей. Обычное утвержденіе, будто несравнимы процентныя ставки для странъ, столь различныхъ по всѣмъ своимъ хозяйственнымъ условіямъ,—неправильно. Низшая финансовая сила, а слѣдовательно и болѣе слабая финансовая готовность къ войнѣ, несомнѣнно характеризуются и уровнемъ «нормальнаго» процента въ странѣ. Характерно, что и военные успѣхи не понизили норму платежей по японскимъ займамъ. Къ концу войны, видимо, все труднѣе было находить деньги внутри страны, внѣшніе же кредиторы съ охотою давали деньги, но хорошо понимали, что̀ Японія ставила на карту, и устанавливали драконовскія условія. При такомъ положеніи дѣлъ достиженіе права выкупа займовъ во всякое время было одной изъ существеннѣйшихъ удачныхъ чертъ японской финансовой политики, въ отличіе отъ русской. Высота платимой провизіи—второе изъ обстоятельствъ, въ которомъ нужно упрекнуть русскую кредитную политику военнаго времени. Мы привели примѣръ этого—при заключеніи берлинскаго займа 1905 г. Можно прибавить, что при заключеніи огромнаго 5% займа 1906 г. размѣръ банкирскаго вознагражденія былъ еще выше. Эта расточительность, которую, впрочемъ, весьма одобряютъ банкиры [3]), является одною изъ характерныхъ чертъ рус-

[1]) Serrigny, op. cit., стр. 152 и 156. Примѣры такого же рода политики французскаго правительства времени франко-прусской войны см. въ книгѣ Serrigny, стр. 130—133.

[2]) Отъ 6,3 до 9,1 %.

[3]) Гельферихъ также одобрительно отзывается объ этой „традиціи русской финансовой политики, которая умѣетъ цѣною временныхъ жертвъ обезпечивать себѣ длительныя преимущества“.

ской финансовой политики. Россія богата, и какихъ-нибудь нѣсколько милліоновъ лишнихъ ей ничего не стоятъ. Не даромъ «Neue Freie Presse» [1]) приводитъ отзывъ руководителя одного изъ лондонскихъ міровыхъ банкирскихъ домовъ, который съ похвалою отзывается о русскомъ правительствѣ «единственномъ, которое умѣетъ mit den Banken in ganz grossem Stil zu arbeiten».

Этотъ «grosser Stil», который мы скорѣй назвали бы рыхлостью нашей финансовой политики, именно характеренъ для современнаго состоянія нашего государственнаго хозяйства.

Силы его огромны, но авторитетъ руководителей его далеко не находится на уровнѣ этихъ силъ, благодаря чему и получается впечатлѣніе финансовой зависимости тамъ, гдѣ ея не должно бы быть. И съ другой стороны, привычка быть щедрымъ на деньги, за трату которыхъ не несешь никакой отвѣтственности, достаточно и совершенно правильно учитывается нашими кредиторами. Европа далеко ушла уже отъ такой финансовой психологіи.

Но, несмотря на эти невыгодныя детали, нельзя отрицать, что русскій государственный кредитъ покоится на весьма прочной опорѣ и со времени, напримѣръ, послѣдней турецкой войны шагнулъ впередъ весьма сильно. Въ 1877 г. объявленіе войны уронило курсъ нашихъ 5%-хъ фондовъ болѣе, чѣмъ на 30%. Въ японскую войну движеніе курсовъ на петербургской биржѣ было таково:

1904 годъ:	4% рента.	Междунар. банкъ.	Учетный банкъ.	Гартманъ.	Сормово.	Коломенск.
23 января	96 1/8	405	398	131 1/2	137	299
25 января (начало войны)	93 1/4	365	357	118	122	250
17 апрѣля	92 3/8	361 1/2	362	143 1/2	139 3/4	305
24 апрѣля	90 1/8	352	346	136		290
20 августа (Ляоянъ) .	92 1/2	345	355	151	157 3/4	281
31 декабря (Портъ-Арт.)	89	373	420	203	212 1/2	354
1905 годъ:						
24 февраля (Мукденъ) .	89 1/2	375	413	227	219 1/4	394
19 августа (конецъ войны)	90	416	438	290	266	432

[1]) Номеръ отъ 6 мая 1904 г.; Helfferich, 89.

Мы видимъ сравнительно весьма значительную устойчивость нашей ренты и крупнѣйшихъ нашихъ банковыхъ и промышленныхъ бумагъ. Можно прибавить, что революція оказала гораздо болѣе сильное давленіе на курсы нашихъ государственныхъ фондовъ, и лишь теперь, черезъ 5 лѣтъ послѣ нея, разцѣнка начинаетъ приближаться къ уровню, бывшему до войны.

Но необходимо помнить, что японская война, при всей ея серьезности, была для Россіи не болѣе, какъ колоніальной экспедиціей, не затрогивавшей территоріи и не нарушавшей непосредственно экономической жизни метрополіи. При возможной европейской войнѣ условія должны оказаться радикально иными, и здѣсь русскій государственный кредитъ можетъ испытать крайне тяжелое потрясеніе, граничащее съ полнымъ разрушеніемъ его. Дѣло въ томъ, что основною особенностью его, въ отличіе отъ кредита прочихъ великихъ европейскихъ державъ, является сильное развитіе внѣшней задолженности, и война еще усилила это явленіе. Вотъ цифры нашихъ платежей по системѣ государственнаго кредита:

Въ мил. р. по отчетамъ Гос. Контроля.

	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Въ Россіи . . .	162.3	158.4	158.7	159.6	185.9	183.7	195.3	204.4
Заграницей . . .	128.0	130.3	138.9	147.0	170.6	190.6	202.3	180.5

Коренится это невыгодное преобладаніе заграничныхъ платежей, нѣсколько ослабѣвшее, и то быть можетъ временно, лишь въ 1909 г., очевидно, въ слабости нашего внутренняго кредитнаго рынка.

Здѣсь лежитъ наиболѣе уязвимая сторона и наиболѣе грозная опасность для нашей финансовой готовности къ европейской войнѣ. Опасность эта грозитъ въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны внѣшніе рынки кредита должны будутъ вполнѣ или почти закрыться для насъ, съ другой—внутренній рынокъ въ критическій моментъ неизбѣжно окажется безсильнымъ передъ огромными требованіями, которыя придется предъявить къ нему. И это тѣмъ болѣе, что огромное количество нашихъ фондовъ наводнитъ его еще изъ-за границы, хотя бы отчасти и изъ союзной страны.

Въ этихъ обстоятельствахъ—грозная опасность, передъ которой блѣднѣютъ всѣ выгодные моменты нашей несо-

мнѣнно крупной кредитоспособности. И именно для военной финансовой готовности эта опасность особенно грозна: придется въ наиболѣе трудное время опираться исключительно на наиболѣе слабый источникъ кредита.

Между тѣмъ нашъ внутренній рынокъ по своимъ экстенсивнымъ размѣрамъ могъ бы служить огромнымъ запаснымъ резервуаромъ для государственнаго кредита. Но въ настоящее время эта потенціальная его энергія совершенно не развита и придавлена. По раздробленности, по массѣ мелкихъ сбереженій нашъ внутренній рынокъ могъ бы напоминать французскій, но эта, такъ сказать, молекулярная сберегательная сила, въ значительной мѣрѣ теперь использована уже существующей организаціей сберегательныхъ кассъ [1]).

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно полезно было бы какъ можно болѣе широкое развитіе системы мелкихъ кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ: она могла бы оказаться прекраснымъ резервнымъ фондомъ для нуждъ государственнаго кредита во время войны.

При внутреннихъ займахъ въ настоящее время приходится обращаться, главнымъ образомъ, къ концентрированному капиталу нашихъ банковыхъ учрежденій. Наша биржа слаба, между тѣмъ чрезвычайно важна наличность, помимо крупныхъ представителей кредитнаго капитала, еще и болѣе широкихъ круговъ биржевой публики.

На съѣздѣ германскихъ банкировъ въ 1907 г. указывалось, что сильная биржа—существенное условіе для успѣха внутреннихъ государственныхъ займовъ именно въ военное время [2]).

---

[1]) Аналогичное вліяніе, при томъ гораздо труднѣе поддающееся воздѣйствію, оказываетъ и гипертрофированное фискальное значеніе нашего питейнаго обложенія.

[2]) «Въ критическій моментъ окажется, что немногочисленные крупные банки и банкиры одни не въ состояніи будутъ размѣстить военныхъ займовъ (возгласы: «Вѣрно»). Для этого необходимо большое число мелкихъ фирмъ... Мы нуждаемся въ здоровой и сильной спекуляціи, ибо лишь она можетъ въ моментъ объявленія войны предупредить всеобщую панику, пріобрѣтая наши отечественныя цѣнности при падающемъ курсѣ на нихъ. Огромная важность сильной спекуляціи ярко освѣщается тѣмъ фактомъ, что французскіе милліардные займы во время и по окончаніи войны были взяты спекуляціей, а не сберегающей публикой, и окончательное размѣщеніе ихъ послѣдовало лишь черезъ 7—8 лѣтъ послѣ. Это оказалось возможнымъ установить, ибо, какъ извѣстно, французская публика беретъ государственные займы въ видѣ именныхъ облигацій». (Verhandlungen des III Deutschen Bankiertages, стр. 31. Докладъ M. Warburg'a о финансовой готовности къ войнѣ и германскомъ биржевомъ законѣ).

Между тѣмъ въ этомъ отношеніи Россія совершенно слаба, и даже самая идея о правомѣрности и полезности существованія «здоровой и сильной спекуляціи» въ широкихъ либеральныхъ кругахъ нашего общества несомнѣнно звучитъ, какъ нѣчто еретическое.

Только дальнѣйшее разростаніе русскаго внутренняго рынка и прежде всего развитіе торговаго, промышленнаго, кредитнаго и биржевого капитала, интенсификація народнаго хозяйства, дифференціація отраслей народнаго дохода и хозяйственной дѣятельности—вообще все то, что характеризуетъ переходъ государства отъ состоянія Agrar-Staat къ состоянію Industrie-Staat'a — вотъ что необходимо для упроченія внутренней базы нашего государственнаго кредита и для лучшаго обезпеченія потребности въ средствахъ для веденія крупной войны.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ, насколько устойчивымъ по отношенію къ превратностямъ войны оказалось наше денежное обращеніе.

Необходимо признать, что факты времени русско-японской войны свидѣтельствуютъ о значительной прочности нашего центральнаго эмиссіоннаго учрежденія — Государственнаго Банка. Государству пришлось обратиться къ процентному кредиту въ Государственномъ Банкѣ лишь въ ничтожной мѣрѣ. Именно Государственный Банкъ принялъ на себя 50 милл. р. въ реализаціи послѣдняго внутренняго займа въ августѣ 1905 года, предназначеннаго уже не для веденія войны, а для усиленія позиціи во время мирныхъ переговоровъ. Сверхъ того Банкомъ было взято на себя еще на 75 м. р. краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго казначейства.

Что касается кредитныхъ билетовъ, то мы видѣли выше цифры ихъ выпусковъ. Ихъ нужно признать весьма умѣренными. Необходимо имѣть въ виду, что при реорганизаціи нашей денежной системы были употреблены всѣ усилія, чтобы насытить золотомъ наше внутреннее денежное обращеніе. Во время войны благоразуміе требовало обратной политики: на всякій случай необходимо было стянуть золото въ Банкъ, чтобы въ случаѣ крайности мобилизовать его, какъ послѣдній военный резервъ. До этого дѣло, однако, не дошло, и золотой фондъ Банка оказался къ концу войны замѣтно выросшимъ. Измѣненіе въ характерѣ нашего

внутренняго денежнаго обращенія за время войны выразилось въ такихъ цифрахъ (въ милл. руб.): [1])

На 1 января:	Золота.	Банковаго серебра.	Кред. билет.
1904	787,0	155	584,0
1906		974,1	1.204,6
1907	642	123	1.194,2

Во внутреннемъ денежномъ обращеніи получилось преобладаніе кредитныхъ билетовъ, но, повидимому, это надо признать естественнымъ: по крайней мѣрѣ, настойчивыя усилія Государственнаго Банка послѣ войны вновь внѣдрять золото въ каналы внутренняго обращенія оказались безуспѣшными.

Надо имѣть въ виду, что значительныя массы кредитныхъ билетовъ циркулировали на самомъ театрѣ войны. Еще въ 1900—1901 г.г. министерство финансовъ организовало размѣнныя кассы въ болѣе крупныхъ пунктахъ Манчжуріи и нашъ кредитный рубль занялъ тамъ благодаря своей портативности, особенно цѣнной въ то безпокойное и безначальное время, прочное положеніе. Курсъ его въ 1901 г. равнялся корейскому серебрянному доллару, а въ послѣдующіе годы до войны колебался даже въ предѣлахъ отъ 1 дол. до 1 дол. 40 центовъ.

Съ начала войны онъ началъ сильно колебаться съ тенденціей къ пониженію. Наши размѣнные серебряные запасы оказались слишкомъ недостаточными сравнительно съ массой бумажныхъ денегъ выброшенныхъ на мѣстный рынокъ.

До августа 1904 г., до отступленія изъ Ляояна, курсъ еще держался около 1 дол. 20 цент.; войскъ было еще не такъ много и выпускъ кред. билетовъ былъ незначителенъ. Далѣе курсъ сталъ неудержимо падать. Въ декабрѣ 1904 г. онъ цѣнился въ Мукденѣ 90 цент., въ Телинѣ даже 80. Встревоженный главнокомандующій 24 декабря 1904 г. обратился къ министру финансовъ съ просьбой сразу вы-

---

[1]) См. нашу статью въ сборникѣ: «Вопросы гос. хозяйства и бюджетнаго права». Спб. 1907 г., стр. 252. Для 1 января 1906 г. не было опубликовано свѣдѣній, но въ объяснительной запискѣ къ проекту росписи 1911 г. дается общая цифра нашего денежнаго обращенія—въ 2.178.7 м. р. За вычетомъ 1.204,6 м. р. кредитныхъ билетовъ на золото и серебро должна приходиться показанная въ текстѣ цифра.

слать Русско-Китайскому банку до 40 т. пуд. серебра. Это оказалось невозможнымъ, но министръ финансовъ согласился еженедѣльно отправлять въ Русско-Китайскій банкъ по 2000 пудовъ.

Мукденское пораженіе, отступленіе на сѣверъ и большія покупки въ Монголіи въ мѣстностяхъ, гдѣ нашъ кредитный рубль былъ еще неизвѣстенъ, уронили его курсъ до 60 центовъ.

По заключеніи мира рубль сразу поднялся съ 60—65 центовъ до 80—90 цент., а ко времени ратификаціи мирнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Манчжуріи дошелъ до 100 центовъ [1]).

Въ концѣ концовъ наше денежное обращеніе вышло изъ подъ тяжести военнаго испытанія не только непоколебленнымъ, но даже укрѣпившимся. Надо имѣть еще въ виду, что развитіе денежнаго хозяйства въ Россіи и общій экономическій ростъ ея требуютъ все большихъ и большихъ суммъ денежныхъ знаковъ. Въ послѣдніе годы передъ войною эта потребность опредѣлялась въ 1,300—1,400 м. р.; въ 1906 г., въ наиболѣе тяжелый моментъ для нашего государственнаго кредита, внутреннее денежное обращеніе превысило 2 милліарда рублей. Теперь оно сократилось, но все же превышаетъ 1,800 м. р., т. е. на 400—500 м. р. превышаетъ цифры, бывшія до войны.

Въ моментъ заключенія Портсмутскаго договора Государственный Банкъ располагалъ формальнымъ правомъ выпустить, сверхъ имѣвшихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ еще на 350—400 м. р., и наше денежное обращеніе далеко было отъ какихъ бы то ни было тревожныхъ симптомовъ. Такіе симптомы появились нѣсколько позже, въ декабрѣ и въ январѣ 1906 г., подъ напоромъ революціи и вызванной ею паники,—паники, несравненно болѣе сильной, чѣмъ та, какую въ свое время вызвало объявленіе войны. Этотъ періодъ не входитъ, однако, въ наше разсмотрѣніе,

[1]) Приведенныя цифры и прочія данныя о нашемъ денежномъ обращеніи въ Манчжуріи взяты изъ работы военно-исторической комиссіи по описанію русско-японской войны (томъ VII, стр. 390—396). Мы ожидали найти въ этомъ многотомномъ изданіи также и наиболѣе обстоятельныя и подробныя данныя, характеризующія финансовую сторону войны, но какъ это ни странно, по заявленію военно-исторической комиссіи „всѣ свѣдѣнія, которыя могли быть предоставлены ей министерствомъ финансовъ и канцеляріей военнаго министерства, оказались недостаточно обработанными для этого“, и такимъ образомъ все это огромное изданіе совершенно лишено этихъ важнѣйшихъ свѣдѣній.

несмотря на, въ полномъ смыслѣ слова, захватывающій интересъ, который онъ вызываетъ. Можно прибавить, что и въ это время дѣло не пошло дальше нѣкоторыхъ, не очень серьезныхъ ограниченій размѣна, хотя безъ ближайшаго изслѣдованія трудно сказать, насколько серьезна была опасность, угрожавшая въ то время нашей металлической валютѣ.

Но изъ тяжкихъ обстоятельствъ того времени можно во всякомъ случаѣ—по вопросу о финансовой готовности къ войнѣ—извлечь серьезный урокъ: непопулярность войны и непопулярность ведущаго ее правительства, не считающагося съ общественнымъ мнѣніемъ, всегда является, хотя и не учитываемымъ точно, но тяжелымъ отрицательнымъ факторомъ моральнаго свойства, грозящимъ въ серьезнѣйшіе моменты государственной жизни осложненіями въ области кредита и далеко не безразличнымъ для финансоваго положенія страны. Бываютъ, конечно, случаи, когда правительство, на свою отвѣтственность, идетъ вопреки общественному мнѣнію и въ концѣ концовъ завоевываетъ себѣ его довѣріе. Такъ правительство Бисмарка въ началѣ франко-прусской войны встрѣчало къ себѣ весьма недовѣрчивое отношеніе. Извѣстно, что національная подписка,открытая Бисмаркомъ на нужды войны, дала ни болѣе ни менѣе, какъ 394 талера. Датскую и австрійскую войну 60-хъ годовъ тому же правительству пришлось вести безъ законно-утвержденнаго бюджета. Но сила великой національно-государственной идеи дала въ концѣ концовъ успѣхъ и историческое оправданіе политикѣ прусскаго канцлера. Любопытно, что и японскому правительству пришлось начинать войну въ моментъ длительнаго бюджетнаго конфликта съ палатой, начавшагося еще въ 1902/3 бюджетнаго года. Правительство еще въ 1899 г. разошлось съ палатой по поводу проекта повышенія поземельнаго налога, которое въ концѣ концовъ послѣ роспуска палаты и новыхъ выборовъ было вотировано, но лишь на 5 лѣтъ, 1899—1903. Въ 1902 г. правительство желало продлить этотъ срокъ еще на 10 лѣтъ, но наткнулось на рѣшительную оппозицію палаты, хотя та же палата съ готовностью ассигновывала крупныя суммы на выполненіе военной программы 1897—1906 г., разсчитанной на 10 лѣтъ (всего на 516 милл. іенъ), но завершенной въ существенныхъ чертахъ уже въ 1903 г.

Хотя правительство въ 1903 г. и отказалось продолжать взиманіе повышеннаго поземельнаго налога, однако и бюджетъ на 1904/5 г. былъ отвергнутъ палатой, и, согласно ст. 63 японской конституціи, въ третій разъ вступилъ въ дѣйствіе неутвержденный бюджетъ предыдущаго года. Въ виду этого, 28 декабря 1903 года японскому императору пришлось путемъ указа уполномочить правительство на обращеніе на военныя цѣли нѣкоторыхъ спеціальныхъ фондовъ, на выпускъ обязательствъ казначейства и реализацію займовъ. Лишь въ мартѣ 1904 г. у созваннаго въ экстренную сессію японскаго парламента былъ испрошенъ индемнитетъ мѣрамъ, предпринятымъ на основаніи упомянутаго указа, и палата вотировала особый бюджетъ доходовъ и расходовъ на военныя дѣйствія, внесенный правительствомъ отдѣльно отъ общаго бюджета, на 1904/5 и вторично на 1905/6 гг. [1]).

Но война вызвала въ Японіи сильный взрывъ патріотизма, и это явственно отразилось въ финансовой области замѣтнымъ увеличеніемъ частныхъ вкладовъ въ японскій имперскій банкъ, тогда какъ извѣстно, что въ первые дни послѣ объявленія войны обычно замѣчается, подъ вліяніемъ паники, стремительный отливъ вкладовъ изъ банковъ.

Вотъ цифры вкладовъ частныхъ лицъ въ японскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ (въ милл. іенъ) [2]):

	Японскій банкъ.	Прочіе банки Японіи.	Японская почтово-сберегательная касса.
1904 г.			
Январь	6,05	432,87	31,27
Февраль	12,98	437,99	30,76
Мартъ	9,39	439,16	31,01
Апрѣль	9,80	435,29	31,10
Май	13,81	444,04	31,53
Іюнь	9,99	449,07	33,31

[1]) Helfferich, 136—137 и 61. Какъ извѣстно, русскій бюджетъ военнаго времени, согласно ст. 117—118 Осн. Зак. и ст. 18 бюджетныхъ правилъ 8 марта 1906 г. изъятъ изъ компетенціи палатъ. Гельферихъ подчеркиваетъ, что „японскій порядокъ, безъ сомнѣнія, болѣе соотвѣтствуетъ конституціонному строю, тогда какъ русскій способъ назначенія военныхъ кредитовъ, не устанавливаемыхъ особымъ бюджетнымъ закономъ, характеренъ для абсолютнаго режима». Гельферихъ писалъ это еще осенью 1905 г. Бюджетное законодательство 1906 г. цѣликомъ закрѣпило прежде существовавшій порядокъ.

[2]) Serrigny, стр. 76.

Только въ сберегательныхъ кассахъ оказался кратковременный, притомъ ничтожный, отливъ вкладовъ. Наоборотъ, наиболѣе сильный притокъ ихъ наблюдался вслѣдъ за объявленіемъ войны въ Японскомъ Имперскомъ Банкѣ. Балансы нашего Государственнаго Банка указываютъ на разницу, сравнительно съ японскимъ, но и Россія также не испытала стремительной паники въ моментъ послѣ объявленія войны. За первые дни по объявленіи войны (съ 23 января по 1 февраля 1904 г.) средства частныхъ лицъ (вклады и текущіе счеты) остались почти безъ измѣненія: 126,2 противъ 126,8 м. р. Вклады безсрочные даже увеличились на 3 м. р., зато условные текущіе счеты уменьшились на 4,7 м. р. Наоборотъ замѣтный отливъ средствъ изъ банка произошелъ по учету (на 10,1 м. р.) и по спеціальнымъ текущимъ счетамъ (на 13,8 м. р.).

Какъ ни прочно положеніе нашего Государственнаго Банка, но съ точки зрѣнія чрезвычайныхъ обстоятельствъ возможной крупной войны на территоріи Европейской Россіи необходимо внимательно отнестись къ той чертѣ въ его организаціи, которая кореннымъ образомъ отличаетъ его и отъ германскаго, и отъ французскаго, и отъ англійскаго. Въ періодъ чрезвычайнаго потрясенія экономической и государственной жизни,—а съ такимъ какъ разъ случаемъ и приходится считаться въ вопросѣ о финансовой готовности къ войнѣ,—можетъ выступить, какъ невыгодный моментъ, та полная и неограниченная зависимость центральнаго банка отъ правительства, какая именно и характеризуетъ нашъ Государственный Банкъ. Опытъ показываетъ, что и помимо всякаго состоянія крайней необходимости, онъ предпринималъ весьма убыточныя операціи. Исторія его показываетъ, что онъ неоднократно вынужденъ былъ служить цѣлямъ, далекимъ отъ его официально установленныхъ задачъ и нарушающимъ его уставъ. Надо прибавить, что учрежденіе, находящееся въ распоряженіи правительства, можетъ уже въ мирное время исчерпать въ цѣляхъ государственнаго кредита тѣ рессурсы, которые лучше было бы приберечь на случай военной крайности. Общеизвѣстный примѣръ такого съ легкостью исчерпываемаго государствомъ рессурса представляютъ наши сберегательныя кассы.

Введеніе въ составъ средствъ Государственнаго банка

частнаго кредитнаго капитала подъ строгимъ правительственнымъ контролемъ, который гарантировалъ бы невозможность уклоненія отъ точно опредѣленныхъ уставомъ банка его правъ и обязанностей—на нашъ взглядъ—было бы болѣе выгоднымъ типомъ организаціи центральнаго банка, чѣмъ нынѣ существующій у насъ. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что на упоминавшемся нами съѣздѣ германскихъ банкировъ идея «огосударствленія» германскаго Имперскаго банка встрѣчена была недружелюбно. Германскій банкъ, какъ извѣстно,—учрежденіе смѣшаннаго типа. Но приходится признать, что факты изъ сферы дѣйствій другого, чисто государственнаго, нѣмецкаго кредитнаго учрежденія—Central-Genossenschafts-Kasse—напоминаютъ близкій намъ примѣръ,—именно нашъ Дворянскій банкъ [1]). Бо́льшая независимость частнаго центральнаго банка, подчиненнаго правительственному контролю,—слишкомъ серьезная вещь, тѣмъ болѣе въ условіяхъ военнаго времени, чтобы можно было безъ дальнѣйшаго обсужденія, по традиціи, отвергать, по крайней мѣрѣ, возможность постановки этого вопроса, имѣющаго капитальное значеніе въ дѣлѣ подготовки кредитной организаціи государства къ военному испытанію огнемъ.

Опасность, угрожающая въ это время денежному обращенію государства, нашей организаціею эмиссіоннаго дѣла не можетъ быть предупреждена. Правительство, которому

---

[1]) «Я далекъ отъ мысли критиковать управленіе этимъ учрежденіемъ,—говорилъ президентъ гамбургской торговой палаты Max Schinkel.—Напротивъ, я убѣжденъ, что управленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ этого учрежденія; но да позволено будетъ сказать, что эти задачи, въ извѣстномъ смыслѣ,—задачи благотворительнаго учрежденія (возгласы: вѣрно). Если Central-Genossenschafts-Kasse въ послѣднемъ годовомъ отчетѣ позволяетъ себѣ хвалиться тѣмъ, что она взимаетъ со своихъ «излюбленныхъ» (bevorzugten) кліентовъ только 3,50%, тогда какъ частный учетъ въ среднемъ составляетъ 4,35%, а учетъ въ Имперскомъ банкѣ 5,41%, то неудивительно, что государство за прошлый годъ получило на 50 мил. марокъ капитала, вложеннаго въ этотъ банкъ, дивиденда всего 1,10% (слушайте, слушайте!) Можно утверждать, что привиллегированнымъ кліентамъ этого учрежденія дается весьма существенный подарокъ за счетъ государства, т. е. за счетъ плательщиковъ налоговъ—(вѣрно!)». (Verhandlungen, стр. 72). Другой ораторъ Geheimer-Oberfinanzrath von Klitzing, указывая на заслуги французскаго банка въ эпоху войны 1870—1871 г. и на серьезнѣйшее значеніе, какое пріобрѣтаетъ центральный банкъ во время войны, заявлялъ: «Всѣхъ этихъ услугъ никогда бы не могъ оказать Государственный Имперскій банкъ, хотя бы онъ и былъ по закону поставленъ въ независимое положеніе отъ имперскаго министерства финансовъ; тотъ фактъ, что его средства являлись бы государственными, возбуждалъ бы непобѣдимое недовѣріе къ нему за границей и—признаемъ это открыто—также и внутри страны». (Ibid, стр. 79).

вполнѣ подвластенъ эмиссіонный аппаратъ, отрѣзано отъ злоупотребленія этой властью лишь бумажными предписаніями закона. «Средства Государственнаго Банка» и «средства государственнаго казначейства» отдѣлены у насъ другъ отъ друга столь неуловимой и въ сущности совершенно фиктивной гранью, что перейти ее не представляетъ рѣшительно никакой трудности. Совершенно иное дѣло, если средства центральнаго банка являются собственностью частныхъ лицъ. Тогда указанная закономъ граница можетъ быть нарушена лишь чрезвычайнымъ путемъ реквизиціи.

Исторія знаетъ, конечно, и такіе примѣры. Можно указать на французскій банкъ и не вполнѣ добровольный заемъ, сдѣланный у него правительствомъ во время франко-прусской войны. Но во всякомъ случаѣ это путь гораздо болѣе экстраординарный и отвѣтственный, и при наличности такихъ связывающихъ правительство условій рессурсы Банка и денежное обращеніе являются гарантированными, во всякомъ случаѣ, болѣе надежно.

Любопытный примѣръ приспособленія кредитной государственной организаціи къ потребностямъ военнаго времени являетъ Германія. Стѣсненное акціонерной организаціей Имперскаго банка и незыблемыми для германской психологіи предписаніями закона, регулирующаго правила выпуска его билетовъ, германское правительство тѣмъ не менѣе имѣетъ спеціальную организацію на этотъ случай. Это такъ называемыя Kriegs-Lombard-(Darlehns)-Kassen, по признанію авторитетовъ, весьма удачно дѣйствовавшія въ эпоху войнъ 1866 и 1870—1871 гг. Онѣ учреждаются въ военное время, какъ самостоятельныя кассы, находящіяся лишь подъ надзоромъ Имперскаго банка. Подъ хорошіе залоги, главнымъ образомъ, товарные и фондовые—въ первую очередь подъ государственные фонды—онѣ выпускаютъ обязательства (купюры установлены мелкія, въ 5—10 марокъ), отвѣтственность по которымъ лежитъ на государствѣ и которыя по прошествіи опредѣленнаго срока подлежатъ размѣну [1]).

Являясь суррогатомъ чрезвычайныхъ военныхъ выпу-

---

[1]) См. Ströll, op. cit., стр. 199, Riesser—стр. 54—55. Отдѣлъ, посвященный банковой и кредитной политикѣ въ связи съ военными обстоятельствами, вообще представляетъ наиболѣе интересную часть нѣсколько поверхностной книги Riesser'a.

сковъ банковыхъ билетовъ, такія обязательства однако не смѣшиваются съ ними. Ихъ выпуски не производятъ давленія на курсъ общей массы банковыхъ билетовъ, предотвращаютъ чрезмѣрное предъявленіе ихъ къ размѣну и, стало-быть, введеніе принудительнаго курса. Съ другой стороны онѣ предохраняютъ Имперскій банкъ отъ напора, предъявляемаго къ его ломбардной функціи, неизбѣжнаго, въ виду колебанія курса фондовъ, наступающаго съ объявленіемъ войны. Serrigny въ цитированномъ нами сочиненіи приводитъ чрезвычайно любопытное сопоставленіе условій, въ какія попалъ французскій банкъ въ 1870 г., сравнительно съ прусскимъ, располагавшимъ описываемымъ нами предохранительнымъ клапаномъ.

Французскому банку съ 6 августа 1870 г. пришлось выдержать колоссальный натискъ, вызванный паникой. Въ теченіе перваго мѣсяца послѣ объявленія войны его портфель увеличился свыше, чѣмъ на 520 м. фр., количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи—почти на 200 м. фр., а кассовая наличность уменьшилась болѣе, чѣмъ на 300 м. фр.

Цифры таковы (въ милл. франк.): [1]).

1870 г.	Портфель.	Инкассо.	Банковые билеты въ обращеніи.
21 іюля	828,2	1.214,7	1.470,2
28 іюля	1.019,8	1.144,4	1.527,3
4 августа	1.075,5	1.096,9	1.526,1
18 августа	1.350,0	906,1	1.667,6
31 августа	1.380,7		

9 августа банкъ сразу повысилъ дисконтъ до небывалой для Франціи нормы—6%, но это не остановило паники. Въ половинѣ августа пришлось установить принудительный курсъ банковыхъ билетовъ, который былъ снятъ лишь къ 1 января 1878 г. Правда, за этимъ періодомъ паники послѣдовало рѣзкое и длительное сокращеніе портфеля банка, но во всякомъ случаѣ, даже такой колоссальный денежный резервуаръ, какъ французскій банкъ, не могъ выдержать военной паники безъ исключительныхъ мѣропріятій.

Наоборотъ, цифры портфеля несравненно болѣе слабаго прусскаго банка указываютъ лишь на сравнительно незначительное повышеніе (въ милл. франковъ): [2]).

---

[1]) Serrigny, 88.

[2]) Serrigny, 72 (діагр.).

1 іюля 1870 г.	—188	1 октября 1870 г.	—202
1 августа	—232	1 ноября	—179
1 сентября	—220		

Условія Пруссіи и Франціи были, конечно, слишкомъ различны, но фактъ несомнѣнный: прусскій центральный банкъ не испыталъ чрезмѣрнаго напора на его кассу и доля этого факта должна быть, конечно, поставлена на счетъ упомянутыхъ выше военныхъ ломбардныхъ кассъ.

Наше гос. казначейство имѣетъ, правда, подъ руками средство, нѣсколько напоминающее спеціальный видъ государственныхъ банковыхъ билетовъ,—это выпуски серій. Ими оно воспользовалось на 150 милл. р. и во время минувшей войны. Но нужно проводить рѣзкую разницу между нашими серіями и вообще краткосрочными обязательствами гос. казначейства, выпускаемыми на внутреннемъ рынкѣ, и только что описанными билетами германскихъ Kriegs-Lombard-Kassen. Наши серіи не имѣютъ никакого спеціальнаго обезпеченія, и размѣры ихъ выпуска ничѣмъ не ограничены. Наоборотъ, указанныя германскія военныя кредитныя обязательства автоматически регулируются спросомъ, предъявляемымъ къ нимъ фондами и другими цѣнностями, ищущими ломбарднаго помѣщенія. Онѣ экстренно снимаютъ съ фондоваго рынка обременяющій его наплывъ цѣнностей (которыя въ массѣ притекаютъ и изъ за-границы), и въ этомъ ихъ главное значеніе.

Вотъ тѣ наиболѣе общія соображенія, которыя касаются вопросовъ нашего денежнаго обращенія и кредитной политики въ связи съ военными обстоятельствами.

Оцѣнить сколько-нибудь конкретно степень финансовой готовности Россіи къ войнѣ, тѣмъ болѣе дать этой оцѣнкѣ какія бы то ни было количественныя опредѣленія,—это задача, отъ которой мы съ самаго начала должны были уклониться. Факты русско-японской войны, правда, дали въ этомъ отношеніи благопріятныя показанія, хотя лишь въ томъ условномъ смыслѣ, что экстенсивно огромные размѣры Россіи, какъ экономическаго цѣлаго, давали ей донынѣ сравнительно легкую возможность собирать въ случаѣ войны путемъ кредита значительныя средства, далеко не исчерпывая еще этимъ ея рессурсовъ. Но примѣнять эти показанія къ какой-либо иной будущей гипотетической

войнѣ, тѣмъ болѣе войнѣ европейской, было бы болѣе чѣмъ рискованно. Единственное, что можно было намъ сдѣлать, оставаясь въ научно-объективныхъ рамкахъ,—это попытаться отмѣтить тѣ элементы въ сферѣ русскаго финансоваго хозяйства, гос. кредита и денежнаго обращенія, которые являются положительными съ точки зрѣнія финансовой готовности Россіи къ войнѣ, и оттѣнить тѣ серьезные моменты отрицательнаго характера, которые ослабляютъ эту финансовую готовность. Важнѣйшимъ изъ этихъ послѣднихъ,—если исключить изъ разсмотрѣнія общую недоразвитость нашего народнаго хозяйства и тормозящія его наши общія политическія и культурныя условія, нераціональность административной и финансовой системы—надо видѣть въ слабости внутренняго кредитнаго рынка. Крупная внѣшняя задолженность Россіи, вытекающая изъ этой внутренней слабости, и неизбѣжность искать кредита за границей во время войны,—это наиболѣе грозная опасность для финансоваго положенія Россіи въ критическій моментъ. Искать выхода изъ этой опасности можно лишь на медленномъ, но вѣрномъ пути интенсификаціи и индустріализаціи всего нашего народнаго хозяйства.

Л. Яснопольскій.

ЗАПИСКА О МѢРАХЪ, НЕОБХОДИМЫХЪ ДЛЯ УСКОРЕНІЯ И УДЕШЕВЛЕНІЯ КОРАБЛЕСТРОЕНІЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВЪ КОМИССІЮ ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛА РЕРБЕРГА ЧЛЕНАМИ ГОС. ДУМЫ А. Ѳ. БОБЯНСКИМЪ, Н. Н. ЛЬВОВЫМЪ, М. В. ЧЕЛНОКОВЫМЪ и А. А. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая записку четырехъ членовъ Государственной Думы, предоставленную въ распоряженіе редакціи Михаиломъ Васильевичемъ Челноковымъ, послѣдняя имѣетъ въ виду то обстоятельство, что записка эта почти неизвѣстна широкой публикѣ; лишь нѣкоторыя мѣста появились въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ статьѣ А. П. Семенова-Тяньшаньскаго. Между тѣмъ, интересъ, представляемый этимъ докладомъ,— огромный. Тема, въ немъ затрагиваемая — въ сущности гораздо шире, чѣмъ заглавіе; эта тема—соотношеніе между ролью арміи и ролью флота въ структурѣ обороны Россіи,—задача представляющая краеугольный камень всего большого вопроса объ организаціи военной мощи нашей родины. То или другое рѣшеніе отразится не только на стратегіи, но и на финансахъ, на иностранной политикѣ, на промышленности Россіи; можно сказать, нѣтъ струны, за которую то или другое рѣшеніе не дернетъ...

Въ заключеніе редакція считаетъ своимъ долгомъ добавить, что все могущее имѣть характеръ тайны, изъ записки при печатаніи исключено; однако, никакого значенія эти исключенныя мѣста для общаго характера записки не имѣютъ и смысла ея не измѣняютъ.

Постановка вопроса.

Вопросъ о причинахъ дороговизны и медленности кораблестроенія въ Россіи не можетъ быть разрѣшенъ правильно безъ разсмотрѣнія общаго вопроса о русской морской силѣ, современномъ ея состояніи и значеніи ея въ общей оборонѣ государства. Не имѣя въ виду здѣсь во всѣхъ подробностяхъ изслѣдовать эти вопросы, а также не считая необходимымъ повторять въ деталяхъ всѣ уже

теперь хорошо извѣстныя подробности, касающіяся положенія русской морской силы, составители этой записки ограничатся возможно сжатымъ изложеніемъ положеній, вытекающихъ изъ твердо установленныхъ данныхъ.

Положеніе до войны.

За послѣднія 6 лѣтъ до войны съ Японіей на созданіе русскаго флота было израсходовано 215,3 мил. р., въ то время, когда Японія истратила только 130,1 мил. р. Соотвѣтственно этимъ затратамъ, силы наши на Дальнемъ Востокѣ на бумагѣ равнялись японскимъ, однако нашъ флотъ Дальняго Востока и прибывшая затѣмъ вторая эскадра, на бумагѣ также почти равнявшаяся японской, не только не могли побѣдить японскій флотъ, но даже не были въ силахъ оказать ему сколько-нибудь серьезное сопротивленіе: Портъ-Артурская эскадра была заперта въ Портъ-Артурѣ и тамъ уничтожена, а балтійскій флотъ потерпѣлъ подъ Цусимой неслыханное пораженіе.

Причины гибели флота.

Причины, вызвавшія гибель всего русскаго флота (кромѣ черноморскаго, не бывшаго на войнѣ), установлены въ настоящее время довольно твердо. Онѣ сводятся: 1) къ отсутствію надежно защищенныхъ, правильно оборудованныхъ и хорошо снабженныхъ базъ, благодаря чему не было возможности быстро и безопасно исправлять поврежденія кораблей («Богатырь», во Владивостокѣ, «Цесаревичъ», «Ретвизанъ», «Паллада» и пр., въ Портъ-Артурѣ; снаряженіе 2-й эскадры въ Кронштадтѣ и Либавѣ), и флотъ въ Портъ-Артурѣ не могъ выходить въ море съ достаточнымъ удобствомъ; въ промежутки между боями флотъ не пользовался безопасностью; 2) къ отсталости нашего вооруженія въ смыслѣ качества снарядовъ, калибра пушекъ на минныхъ судахъ; 3) къ неподготовленности персонала командnаго, офицерскаго и рядовыхъ спеціалистовъ, особенно по артиллерійской стрѣльбѣ; 4) къ отсутствію единства и согласованности въ дѣйствіяхъ военнаго и сухопутнаго вѣдомствъ и даже антагонизму между представителями того и другого; 5) къ крайнему

разнообразію типовъ судовъ, входившихъ во флотъ безъ опредѣленнаго плана, причемъ самое созданіе флота, задачи его и средства для достиженія этихъ задачъ оставались совершенно неопредѣленны и неясны.

Короче говоря, *гибель флота явилась слѣдствіемъ отсутствія ясно поставленной цѣли при созданіи флота, забвенія дѣйствительныхъ реальныхъ условій войны, пренебреженія къ противнику и торжества вѣдомственныхъ интересовъ надъ самой сущностью дѣла.*

Опытъ войны.

Опытъ войны сдѣлалъ цѣлый переворотъ въ техникѣ судостроенія. Въ міровыхъ морскихъ державахъ онъ выдвинулъ типъ корабля, въ которомъ, при стремленіи къ сплошному бронированію возможно тяжелой броней, сосредоточена громадная артиллерія крупнаго калибра. Фугасные снаряды, силой страшныхъ взрывовъ разрушавшіе все, не защищенное массивной броней, и расшатывавшіе самые корпуса кораблей и тяжелую броню, завоевали себѣ первенствующее мѣсто въ вооруженіи корабля. Выяснилась необходимость въ громадныхъ крейсерахъ съ неслыханной скоростью, большимъ раіономъ дѣйствія и мощной артиллеріей. Водоизмѣщеніе минныхъ судовъ увеличилось такъ же, какъ ихъ ходъ и артиллерія. Увеличены калибры минъ Уайтхеда и вѣсъ заряда минъ загражденія. Подводныя лодки, хотя и не показали себя на войнѣ, но стремленіе увеличить водоизмѣщеніе, ходъ, раіонъ дѣйствія отразилось и на этихъ судахъ. Особенно ясно стало значеніе правильно оборудованныхъ базъ и опытнаго личнаго состава.

Использованіе его иностранцами.

Всѣ первоклассныя морскія державы поспѣшили использовать опытъ войны и, не теряя времени, приступили къ постройкѣ судовъ наиболѣе подходящихъ для нихъ типовъ, указанныхъ опытомъ войны. Въ 1913 году Англія будетъ имѣть не менѣе 30 кораблей, имѣющихъ пушки, равныя по силѣ, поставленнымъ на дреднаутахъ, Германія—17, С.-Штаты—18,

Японія—19, Франція—16, Италія—4, Австрія—6 (Fighting Ships, 1910, Jane). Соотвѣтственно идетъ постройка остальныхъ типовъ судовъ и переустройство доковъ и гаваней. Сильно двинуто сооруженіе подводнаго флота Англіей и Германіей.

Использованіе его у насъ.

Въ Россіи, къ сожалѣнію, война оказала очень слабое вліяніе на дѣятельность морского вѣдомства. Казалось бы, что послѣ неслыханнаго пораженія слѣдовало бы прежде всего остановиться на выясненіи, каково должно быть назначеніе флота въ новыхъ условіяхъ, созданныхъ войной, и какова его организація въ связи съ этимъ назначеніемъ. Рѣшеніе перваго вопроса должно было быть несомнѣнно дѣломъ соглашенія министровъ военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ,—короче, дѣломъ правительства. Къ сожалѣнію, ни на этомъ коренномъ вопросѣ,—ни на второмъ—о новой организаціи флота,—правительство не остановилось.

Мимо дѣятельности правительства прошелъ рескриптъ 29 іюля 1905 г. *), которымъ указывалась насущная задача вѣдомству, а также и Высочайшее повелѣніе о согласованіи всѣхъ дѣйствій отдѣльныхъ вѣдомствъ, ведущихъ къ оборонѣ государства. Правительство, повидимому, предоставило морскому министерству полную свободу дѣйствій, оставаясь само даже не въ курсѣ дѣла, если судить по заявленіямъ предсѣдателя совѣта министровъ 3 марта 1908 г., говорившаго въ Государственной Думѣ: «Отъ осуществленія реформы насъ отдѣляютъ не мѣсяцы, а недѣли», а реформы эти, какъ извѣстно, не осуществлены и до сихъ поръ; точно такъ же правительство, очевидно, было въ рѣшительномъ невѣдѣніи о положеніи заводовъ, доковъ, состояніи запасовъ, счетоводства, долговъ вѣдомства и пр., такъ какъ ни одинъ изъ этихъ капитальныхъ вопросовъ правительствомъ поднятъ не былъ, и только подъ давленіемъ Госу-

*) «Что касается будущей программы кораблестроенія, то первѣйшей и священной обязанностью, Я ставлю безотлагательное обезпеченіе морской обороны отечественныхъ береговъ во всѣхъ нашихъ водахъ, а затѣмъ уже, въ зависимости отъ средствъ, постепенное возсозданіе боевыхъ эскадръ»... Изъ рескрипта 29 іюля 1905 г.

дарственной Думы и общественнаго мнѣнія нѣкоторые изъ нихъ получили разрѣшеніе въ самомъ послѣднемъ времени, а остальные ждутъ рѣшенія и до сихъ поръ.

При совершенно индиферентномъ отношеніи правительства, рисовавшаго себѣ роль флота, если судить по рѣчамъ П. А. Столыпина, не какъ реальной военной силы, на которую въ извѣстномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ условіяхъ должна была опираться армія, а какъ средство поддерживать неизвѣстно гдѣ какіе-то довольно фантастическіе торговые интересы и какъ какое-то доказательство на чужихъ моряхъ перенесеннаго избытка національной силы *) при полномъ игнорированіи важности финансовой стороны вопроса (отсутствіе министра финансовъ въ Государственной Думѣ и рѣчь его въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи смѣты на 1909 годъ), морское министерство вело все дѣло, какъ бы исходя изъ мысли, что наслѣдство, оставленное Цусимой, является вполнѣ нормальнымъ и благополучнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, морская смѣта съ 1904 и по 1911 годъ не претерпѣла рѣшительно никакихъ существенныхъ измѣненій, и если на 1904 г. на содержаніе громаднаго флота въ 695.583 тоннъ по смѣтѣ предполагалось, кромѣ новыхъ построекъ и расходовъ по Портъ-Артуру, 77,700,000 руб., то на 1911 г. внесено уже 83,000,000 руб. Ни на одной статьѣ расходовъ уничтоженіе флота не отразилось уменьшеніемъ; наоборотъ, всѣ онѣ равномѣрно растутъ, и смѣта наша на 1911 г., при почти полномъ отсутствіи боевого флота, равняется смѣтѣ германскаго флота, по силѣ второго въ мірѣ, такъ же, какъ число высшихъ офицеровъ нашего флота равняется германскому, и число нижнихъ чиновъ лишь немного меньше.

При этомъ ни въ одной объяснительной запискѣ за

---

*) *Примѣчаніе.* Изъ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ.

„Держава, владѣющая моремъ, само собой ведетъ морскую торговлю, интересы которой проникаютъ въ самые отдаленные уголки вселенной, и для того, чтобы поддерживать эти интересы, государство должно обладать такой силой, которую оно могло бы перекинуть черезъ моря... Флотъ долженъ быть предметомъ народной гордости. Это внѣшнее доказательство того, что народъ имѣетъ силу и возможность держать моря въ своей власти... Кораблестроеніе вездѣ національное дѣло... Это—отдача морю части скопленныхъ на сушѣ народныхъ силъ, народной энергіи... Эти «простыя» соображенія,—говоритъ дальше предсѣдатель совѣта министровъ,—приводятъ его къ тому, что намъ нуженъ флотъ, который въ каждую данную минуту могъ бы сразиться съ флотомъ, стоящимъ на уровнѣ новѣйшихъ научныхъ требованій... (1908 г. засѣд. Гос. Думы 72).

послѣднія 7 лѣтъ, ни въ объясненіяхъ вѣдомства въ Государственной Думѣ и комиссіяхъ нельзя найти упоминанія о необходимости привести расходы въ соотвѣтствіе съ силой флота. Напротивъ, вездѣ разговоръ о недостаточности ассигнованій.

При постоянномъ ростѣ расходовъ на содержаніе флота, вѣдомство истратило въ теченіе послѣднихъ 7 лѣтъ, къ сожалѣнію, безъ всякаго общаго плана, громадныя суммы на устройство портовъ и кораблестроеніе (даже если не говорить о 4 дреднаутахъ), причемъ вопросъ о базахъ и ихъ устройствѣ не рѣшенъ до сихъ поръ, такъ же, какъ вопросъ о задачахъ флота въ каждомъ изъ морей и организаціи его, почему всѣ многомилліонныя затраты вѣдомства на порты и суда надо считать почти безполезными, и *опытъ войны можно признать для насъ только въ видѣ отраженнаго вліянія дѣятельности иностранныхъ флотовъ, въ подражаніе которымъ, безъ всякаго соображенія съ потребностями Россіи и громаднымъ вредомъ для дѣла, заложены при извѣстныхъ всѣмъ условіяхъ 4 „Гангута“.*

Во всемъ остальномъ все остается по старому и вполнѣ царствуютъ порядки, приведшіе насъ къ Цусимѣ.

Результаты дѣятельности правительства и морского министерства за 6 лѣтъ послѣ войны должны быть признаны для флота болѣе гибельными, чѣмъ сама Цусима. Къ началу 1906 года иностранные флоты еще не имѣли въ своемъ распоряженіи колоссальныхъ новыхъ броненосцевъ, нашъ минный флотъ Балтійскаго и Чернаго морей былъ почти новый, и была возможность цѣлесообразно использовать сотню милліоновъ, которую потомъ истратили безполезно, а самое важное было впереди время, которое давало возможность разумно возсоздать флотъ, была кромѣ того вѣра, что тяжкій опытъ войны не пройдетъ даромъ, что будетъ, наконецъ, поставлено на первое мѣсто требованіе боевой мощи флота, и у строевого состава была готовность сдѣлать все, что въ силахъ человѣческихъ, для возстановленія флота. Какъ извѣстно, всѣ эти надежды не оправдались.

Вѣдомство ничего не сдѣлало, чтобы учесть свои силы, сознать ошибки, принять мѣры къ возможно экономному и разумному использованію средствъ казначейства, а правительство такъ и не позаботилось установить точно задачи

флота, его связь съ общей обороной страны и не приняло никакихъ мѣръ къ проведенію необходимыхъ законодательныхъ мѣропріятій.

Въ результатѣ мы видимъ слѣдующее положеніе. Окончательно и безвозвратно упущено время. Всѣ съ 1906 года вступившіе въ строй корабли слабѣе и по ходу, и по бронѣ и по артиллеріи своихъ товарищей иностранныхъ флотовъ. «Андрей» и «Павелъ»—не дреднауты, «Рюрикъ»—не современный крейсеръ, «Евстафій» и «Іоаннъ» при 16 узлахъ, IV 12 дюйм. орудіяхъ и своей бронѣ представляютъ типъ броненосца до-цусимскаго, а объ остальныхъ судахъ и говорить нечего. Минный флотъ усиленнымъ плаваніемъ и при полномъ отсутствіи новыхъ судовъ постепенно сводится на нѣтъ, и уже черезъ 4—5 лѣтъ ни одно изъ судовъ миннаго флота не будетъ въ состояніи не только думать о состязаніи со своими противниками, но даже, пожалуй, о выходѣ въ море. Съ подводнымъ флотомъ дѣло стоитъ еще хуже; вся Владивостокская флотилія—въ сущности небоевыя суда, полагаться на которыя совершенно невозможно, а наши лучшія 4 послѣднія лодки Лэкка въ Балтійскомъ морѣ, строившіяся по невозможному контракту 5 лѣтъ, уже и теперь совершенно устарѣли. Единственно полезное дѣло, сдѣланное за это время,—это организація минныхъ заграждeній, но и заградители, построенные въ послѣднее время («Амуръ» и «Енисей», а также перестроенные изъ старыхъ судовъ), слишкомъ тихоходны. До сихъ поръ ни въ одномъ морѣ не установлены окончательно базы, и до сихъ поръ неизвѣстно, будетъ ли въ Балтійскомъ морѣ Кронштадтъ, Либава, Ревель, Ганге, въ Черномъ морѣ—Севастополь или Николаевъ, и что будетъ съ Владивостокомъ. Несмотря на огромныя средства, истраченныя за послѣднія 5—6 лѣтъ, ни одинъ портъ, ни одна база не могутъ быть признаны хорошо и полно оборудованными, за исключеніемъ, можетъ быть, Либавы, которую, однако, рѣшено, повидимому, бросить. *Вѣдомственныя разногласія и беззаботность такъ велики, что до сихъ поръ ни одна база не можетъ считаться укрѣпленной, и Севастополь совершенно беззащитенъ (нашъ флотъ въ немъ можетъ быть бомбадированъ со стороны Балаклавы иностраннымъ флотомъ, безъ возможности отвѣчать ни съ флота, ни съ батарей) такъ же, какъ Либава, а послѣд-*

нія укрѣпленія Кронштадта строились на спѣхъ, зимой.— Сейчасъ и этотъ портъ и даже самая столица едва ли могутъ быть признаны вполнѣ безопасными.

Если къ этому добавить исторію 4-хъ кораблей, которые строятся при всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствахъ 3-й годъ, и неизвѣстно, когда будутъ кончены, если вспомнить, что заводы наши и до сихъ поръ не оборудованы, счетоводство и организація ихъ запутаны до послѣдней степени, то, принявъ во вниманіе работу всѣхъ иностранныхъ флотовъ, станетъ ясно, что *къ 1911 году наша морская сила по отношенію къ силѣ нашихъ возможныхъ противниковъ стала слабѣе, чѣмъ послѣ Цусимы, и защита Финскаго побережья обезпечена не сильнѣе, чѣмъ прежде.*

И нужно еще съ грустью сказать, что по всѣмъ даннымъ *никогда еще рознь между строевымъ составомъ флота и высшими его административными организаціями не была сильнѣе, чѣмъ теперь.*

Хозяйство флота.

При такомъ состояніи флота хозяйство е рского деморализующимъ образомъ. У вѣдомства нѣтъ низшей системы и никакого плана. Весь флотъ превра въ какой-то гигантскій учебный отрядъ, стоя имѣли ныхъ денегъ, причемъ самая цѣль существ оненос отряда не ясна, такъ какъ боевыхъ судовъ, на которыхъ могли бы плавать его ученики, нѣтъ, и до конца службы этихъ учениковъ боевыхъ судовъ и не можетъ быть.—Плаваніе по числу судовъ (плаваетъ большинство судовъ, не имѣющихъ никакого боевого значенія) и расходовъ доведено до невѣроятныхъ размѣровъ (одни расходы на плаваніе въ 1911 году 19 милл. руб.), и въ то же время оно совершается при условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ, такъ какъ на судахъ громадные некомплекты офицеровъ и командъ (по справкамъ вѣдомства въ комиссіи обороны на нѣкоторыхъ судахъ на лицо 10% нужнаго числа офицеровъ, и почти вездѣ, кромѣ яхтъ, громадный некомплектъ нижнихъ чиновъ), что ведетъ къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ: суда не въ уходѣ, они изнашиваются, офицеры и нижніе чины безъ пользы изму-

чены *), и занятія не могутъ дать результатовъ. Распредѣленіе команды и офицеровъ въ высшей степени нецѣлесообразно. При числѣ нижнихъ чиновъ невѣроятно большомъ и при количествѣ офицеровъ, много превосходящемъ, пропорціонально, германскій флотъ, мы имѣемъ вездѣ некомплекты, нижніе чины значатся на берегу, а офицеры въ штабахъ, центральныхъ учрежденіяхъ и тоже на берегу. При невозможности, при современныхъ короткихъ срокахъ службы, выработать необходимые кадры спеціалистовъ и при громадной стоимости ихъ обученія, вѣдомство не принимаетъ никакихъ систематическихъ мѣръ для привлеченія сверхсрочныхъ служащихъ и широкой организаціи школъ юнгъ и спеціалистовъ. Все, что въ этомъ отношеніи дѣлается, носитъ несистематическій характеръ, и результаты на дѣлѣ очень слабы. По программѣ плаванія на 1911 годъ изъ 2,551,000 руб. морского довольствія, по подсчету комиссіи государственной обороны, на штабы уходитъ— 564,997 руб., кромѣ содержанія и столовыхъ. Въ Восточномъ Океанѣ при флотиліи изъ 2-хъ устарѣлыхъ и слабыхъ крейсеровъ, 20-ти устарѣлыхъ и тихоходныхъ миноносцевъ и 12-ти [illegible]ходныхъ лодокъ, не имѣющихъ боевого значенія, контрактуется сложное управленіе, достаточное для цѣлаго Единства. На 1911 г. вѣдомство вноситъ новыя суммы на органы и представительность. Расходы на ремонтъ и дѣйствительно строенные суда доходятъ на 1911 г. до 15,000,000 руб., также переходятъ суммы, когда-либо расходовавшіяся, и въ то же время слышатся жалобы, что *никогда флотъ не ремонтировался такъ плохо, какъ теперь, и никогда рабочіе не бѣдствовали такъ, какъ въ настоящее время отъ недостаточности кредитовъ.*

Во всѣхъ портахъ проектируются и возводятся постройки, но, очевидно, безъ всякаго плана. Постройки растягиваются на безконечное число лѣтъ (складъ угля въ Кронштадтѣ по смѣтѣ 2,500,000 руб.—на 1911 г. ассиг. 50,000 руб.), нѣкоторыя начатыя работы оставляются за ненадобностью и, несмотря на большія затраты, порты остаются и до сихъ поръ не оборудованы, безъ мастерскихъ, безъ погрузочныхъ средствъ, безъ возможности быстро ремонтировать суда. О коммерческихъ основаніяхъ веденія заводовъ доста-

*) Смотр. сообщеніе мор. мин. по дѣлу «Славы». (Прим. редакціи).

точно было говорено въ комиссіяхъ Государственной Думы и въ ея засѣданіяхъ. Кромѣ вреда дѣлу, крайней запутанности счетовъ, запущенности заводовъ, дороговизны работъ, накопленія долговъ, эти коммерческія основанія въ ихъ настоящемъ видѣ ни къ чему не привели, и подлежатъ полному реформированію.

До сихъ поръ вѣдомство не выработало и не установило опредѣленнаго плана и системы по покупкѣ угля. Все борются желанія поддержать отечественную промышленность съ нуждами самаго флота, какъ боевой силы. Въ Государственной Думѣ дается обѣщаніе весь флотъ вести на русскомъ углѣ, а въ Кронштадтѣ строятъ стеллажи для англійскаго угля. Медицинская часть флота стоитъ столько же, какъ въ германскомъ флотѣ, и вѣдомство не видитъ возможности сократить расходъ. Въ Германіи врачей 273, у насъ 276. Дисциплинарный батальонъ находится въ АрхангельскѢ, и туда привозятся нижніе чины изъ самыхъ отдаленныхъ портовъ.

Если къ этой картинѣ текущаго хозяйства флота добавить исторію постройки 4-хъ дреднаутовъ, то станетъ понятно, почему всѣ, кому дорога дѣйствительная сила русскаго флота, близки къ отчаянію за его будущее. 4 корабля были заложены безъ общаго плана возсозданія флота. Ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ СовѢтѣ, не было приведено, кромѣ громкихъ словъ, никакихъ мотивовъ необходимости ихъ строить въ Балтійскомъ морѣ. Корабли эти строятся неизвѣстно для какого противника. Ихъ водоизмѣщеніе и раіонъ плаванія, которымъ въ жертву принесена броня, заставляютъ думать, что они назначены на Дальній Востокъ, но это противорѢчитъ категорическимъ увѣреніямъ правительства о назначеніи ихъ въ Балтійское море, гдѣ, однако, они по своему углубленію едва ли будутъ пригодны для плаванія въ шхерахъ. Заводы для постройки этихъ кораблей не были совершенно приспособлены ни для ихъ постройки, ни для бронированія, ни для артиллерійскаго вооруженія, и до сихъ поръ не въ силахъ справиться съ своей задачей. Деньги, взятыя вѣдомствомъ помимо Государственной Думы, оказались истраченными не по прямому назначенію, и до сихъ поръ вѣдомство не въ состояніи разобраться въ этихъ счетахъ. Стоимость кораблей представляется неслыханной сравнительно

съ заграничными, и срокъ ихъ окончанія рѣшительно никому неизвѣстенъ, но уже и теперь ясно, что ко времени ихъ окончанія они будутъ устарѣвшими. (Гангуты вооружены 12 д. орудіями, а суда, которыя будутъ готовы вмѣстѣ съ ними въ Англіи, Италіи, С.-Штатахъ и Германіи, будутъ имѣть пушки $13^1/_2$ — 14 дюйм. съ снарядомъ соотвѣтствующей пробивной способности).

Такова картина состоянія флота, таково его хозяйство. По отношенію къ послѣднему остается еще упомянуть о необыкновенной дороговизнѣ всѣхъ заказовъ вѣдомства, о многочисленныхъ случаяхъ несомнѣнныхъ злоупотребленій и хищеній (Владивостокъ), о безуспѣшныхъ попыткахъ вѣдомственныхъ комиссій разобраться во всѣхъ этихъ безпорядкахъ.

Ясно, что флотъ, состоящій изъ судовъ, не имѣющихъ боевого значенія, безъ укрѣпленныхъ базъ, безъ опытнаго личнаго состава, не есть дѣйствительная сила, и приходится признать, что *въ настоящее время военное министерство, на которомъ по преимуществу лежитъ отвѣтственность за оборону страны, не имѣетъ права въ своихъ разсчетахъ и соображеніяхъ считаться съ флотомъ, какъ реальной величиной, и должно полагаться только на свои средства.*

Настоящее положеніе дѣла.

Изъ изложеннаго, по мнѣнію докладчиковъ, вытекаетъ что *въ настоящее время рѣчь должна итти не объ ускореніи и удешевленіи кораблестроенія, а о коренной реформѣ морского вѣдомства и о началѣ работъ по реорганизаціи флота съ самаго начала,* какъ бы со дня полной его гибели. Вся работа отъ Цусимы и до сего дня въ сущности должна начаться сначала.

Программа работъ.

И прежде всего, въ полномъ согласіи съ военнымъ вѣдомствомъ, *нужно установить и детально разработать участіе и значеніе флота въ стратегической оборонѣ страны въ каждомъ изъ морей—Балтійскомъ, Черномъ и Тихомъ океанѣ.*

Въ зависимости отъ задачъ флота, ясно поставленныхъ и строго взвѣшенныхъ, особенно со стороны финансовой ихъ выполнимости, должна быть опредѣлена: 1) организація самого вѣдомства; 2) должны быть окончательно опредѣлены базы флота и порты въ каждомъ изъ морей, причемъ число ихъ должно быть принято минимальное, а оборудованіе и укрѣпленіе наиболѣе совершенное и современное; 3) средства флота въ корабляхъ, крейсерахъ, миноносцахъ, подводныхъ лодкахъ, заградительныхъ и подсобныхъ судахъ; 4) въ соотвѣтствіи съ составомъ флота долженъ быть установленъ планъ его постепеннаго осуществленія, и въ связи съ этимъ опредѣлены и средства заводовъ и способы постройки кораблей и пушекъ (неудачный способъ казеннаго судостроенія заставляетъ серьезно поставить вопросъ объ организаціи частныхъ заводовъ); 5) долженъ быть пересмотрѣнъ и кореннымъ образомъ измѣненъ весь порядокъ комплектаціи флота офицерскимъ составомъ и нижними чинами; 6) должно принять всѣ мѣры къ самому радикальному сокращенію текущихъ расходовъ на содержаніе флота и приведенію этихъ расходовъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной силой флота. По проведенію этого плана по отдѣльнымъ его частямъ докладчики считали бы возможнымъ высказать слѣдующее.

I. *По организаціи самаго вѣдомства.* Центральныя учрежденія министерства, а также управленіе флотовъ балтійскаго, черноморскаго и почти не существующаго великоокеанскаго, представляютъ такія громадныя организаціи, которыя по личному составу и стоимости содержанія соотвѣтствуютъ первоклассным флотамъ. Необходимо обратить самое серьезное вниманіе на уничтоженіе многоначалія, установленіе порядка прямой отвѣтственности, сокращеніе расходовъ, правильное вознагражденіе средняго и низшаго персонала и уничтоженіе расходовъ непроизводительныхъ. Все это управленіе и всю организацію вѣдомства слѣдуетъ поставить въ реальныя условія, соотвѣтствующія дѣйствительному положенію морской силы въ составѣ военной мощи Россіи. Необходимо, кажется, признать, что *для Россіи армія всегда будетъ имѣть первенствующее значеніе, а флотъ только подсобное и притомъ съ задачами чисто второстепенными.* Съ уничтоженіемъ флота на Дальнемъ Востокѣ нужно признать фактическую невозможность и ненуж-

ность его существованія тамъ, а слѣдовательно отказаться *въ настоящее время* и отъ океанскаго мірового флота и признать, что самый характеръ русскихъ морей (ихъ замерзаемость, мелководіе для Балтійскаго моря, замкнутость для Чернаго моря) указываетъ и характеръ русскаго флота, какъ флота не имѣющаго никакихъ самостоятельныхъ задачъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ было бы, казалось, правильнымъ всю организацію флота поставить въ болѣе тѣсныя отношенія съ военнымъ вѣдомствомъ, даже характера подчиненнаго, какъ это принято въ австрійскомъ флотѣ, гдѣ нѣтъ морского министра, а есть помощникъ военнаго министра по морской части. Опытъ Австріи показываетъ полную цѣлесообразность такой организаціи.

Ни одинъ изъ современныхъ флотовъ міра не создавался такъ систематично, какъ австрійскій *). Начиная съ 1892 года, броненосное судостроеніе въ Австріи шло по тому же опредѣленному пути, по которому оно идетъ и посейчасъ. Характерною особенностью австрійскихъ броненосцевъ является весьма малое водоизмѣщеніе ихъ сравнительно съ водоизмѣщеніемъ равныхъ имъ по силѣ и современныхъ имъ броненосцевъ другихъ флотовъ. «Францъ Фердинандъ», равный по артиллеріи «Андрею» и «Павлу», болѣе сильный по ходу и бронѣ, имѣетъ 14,500 тоннъ противъ 18,000. Такое сравнительно малое водоизмѣщеніе достигнуто главнымъ образомъ за счетъ запасовъ и вслѣдствіе необыкновенной аккуратности въ разсчетахъ и тщательности въ постройкѣ. Послѣ Лисскаго сраженія (1866 г.) австрійскія судостроительныя программы приняли то направленіе, котораго онѣ придерживаются до сего времени, а именно онѣ стремятся создать флотъ мореходный, но малаго радіуса дѣйствій и возможно меньшаго водоизмѣщенія. При такомъ послѣдовательномъ и цѣлесообразномъ веденіи дѣла содержаніе австрійскаго флота стоитъ очень недорого. Дѣйствительная сила этого флота учитывается (Jane на 1910 г.) выше русскаго, а стоимость содержанія меньше 1/2 противъ стоимости содержанія нашего флота. Во всякомъ случаѣ генеральный штабъ морского вѣдомства долженъ быть поставленъ въ ближайшія отношенія съ генеральнымъ штабомъ военнаго министерства съ одной сто-

*) *Примѣчаніе.* См. «Военные флоты» 1909 г., отд. II, стр. 38.

роны и строевымъ составомъ флота съ другой, чтобы работы этого штаба не носили отвлеченнаго характера, ведущаго къ совершенно неосуществимымъ заданіямъ. (Исторія пяти миноносцевъ Чернаго моря, заданія для которыхъ были даны генеральнымъ штабомъ совершенно неосуществимыя, изъ-за чего стала и вся постройка).

За передачу завѣдыванія флотомъ въ военное вѣдомство говоритъ полное безсиліе морского вѣдомства найти въ своей средѣ силы, необходимыя для коренной и весьма болѣзненной операціи, реформы вѣдомства. Долгіе годы безотвѣтственнаго управленія создали широту привычекъ и масштабовъ, отъ которыхъ безъ свѣжихъ вліяній трудно отдѣлаться. Декоративная роль флота въ теченіе многихъ лѣтъ, отчужденность его отъ общаго дѣла обороны, глубокая рознь между строевымъ и административнымъ составомъ, полное недовѣріе боевого флота къ «шпицу», страшная запутанность и запущенность всего дѣла, потеря разумныхъ масштабовъ и отсутствіе ясно поставленныхъ цѣлей приводятъ къ такому положенію, что можно безъ преувеличенія сказать, что *не вѣдомство служитъ флоту, а флотъ вѣдомству, не флотъ служитъ для защиты Россіи, а Россія отдаетъ громадныя средства для существованія флота, причемъ средства эти не стоятъ ни въ какомъ соотвѣтствіи ни съ силой флота, ни съ возможной ролью его во время войны.* Уже теперь можно съ горечью предвидѣть, что *въ случаѣ войны флотъ долженъ будетъ уйти за укрѣпленія Владивостока, Кронштадта и Севастополя, и люди и пушки будутъ взяты на берегъ, какъ въ 1854 и 1905 гг.*, и всѣ надежды и разсчеты будутъ безъ жалости разрушены грозной дѣйствительностью, которую вѣдомство не хочетъ заблаговременно видѣть.

Чтобы реорганизовать флотъ, нужны творческія организаціонныя силы, не связанныя своеобразными традиціями, приведшими флотъ къ Цусимѣ, и передача этого дѣла военному вѣдомству при существующихъ условіяхъ кажется единственно цѣлесообразной.

II. *Относительно базъ и портовъ* уже отмѣчена ихъ беззащитность, неустроенность, безсиліе при мобилизаціи и отсутствіе всякаго плана по отношенію къ ихъ устройству. Можно еще разъ отмѣтить большое и ненужное ихъ число съ одной стороны и полное отсутствіе увѣренности,

какіе же изъ нихъ являются дѣйствительными базами. *Состояніе портовъ и отсутствіе вполнѣ устроенныхъ базъ— громадная угроза самой возможности флоту исполнить свои задачи, даже стоящія въ уровень съ его слабыми силами.*

Здѣсь же надо обратить вниманіе на невѣроятно низкую оплату труда наиболѣе важныхъ и отвѣтственныхъ чиновъ въ портахъ и мастерскихъ рядомъ съ громаднымъ числомъ болѣе или менѣе ненужныхъ береговыхъ должностей.

III. *По отношенію къ средствамъ флота* необходимо отказаться отъ слѣпого подражанія иностраннымъ образцамъ и поставить самый типъ этихъ средствъ въ зависимость отъ характера нашихъ морей, задачъ флота и финансовой возможности. Примѣръ Австріи является для насъ высокопоучительнымъ. Намъ нечего стремиться перещеголять первые флоты міра въ постройкѣ сверхъ-кораблей. Такіе корабли, поглощая колоссальныя средства, вслѣдствіе неподготовленности нашихъ заводовъ затянутся въ постройкѣ и къ сроку окончанія явятся непремѣнно устарѣлыми; проектированные внѣ какого-либо общаго плана, безъ опредѣленной цѣли, они должны быть готовы на всѣ случаи и всѣ комбинаціи, иначе говоря, будутъ негодны ни для одной цѣли, такъ какъ универсальный корабль по существу построить нельзя. Наконецъ, взявъ на себя все вниманіе и всѣ средства казенныхъ заводовъ, такіе корабли задержатъ постройку судовъ всѣхъ остальныхъ, столь необходимыхъ намъ типовъ. И мы видимъ, что въ то время, какъ вѣдомство всю свою энергію направило на 4 «Гангута», нашъ минный флотъ не пополняется уже 5 лѣтъ и долженъ считаться сведеннымъ къ флотиліямъ учебныхъ судовъ, подводный флотъ совершенно забытъ и представляетъ не грозную боевую силу, какъ всякое новое завоеваніе техники, а какой-то музей образцовъ, разлагающихся на первоначальные элементы. И прежде всего, проектируя будущій флотъ, нужно помнить, что задачи должны быть взяты посильныя. Достигнуть силы германскаго и японскаго флота мы не можемъ. Это потребовало бы затратъ въ 3 милліарда, которые еще можно было бы добыть, принеся въ жертву всѣ культурныя потребности Россіи, но главное нѣтъ времени и возможности, чтобы догнать колоссальную

работу этихъ флотовъ. Количество кораблей равное числу японскихъ и германскихъ, мы могли бы построить не ранѣе 30 лѣтъ, при полномъ напряженіи силъ, но къ тому времени отстали бы ровно на результаты 30-лѣтней работы Германіи и Японіи. Ясно, что ставить себѣ такую задачу было бы безуміемъ. Поэтому приходится повторить уже сказанное выше: *средства флота должны быть поставлены въ уровень съ его реальными задачами, устанавливаемыми общимъ планомъ обороны страны. Эти задачи должны быть исполнимы, иначе насъ ждетъ новое и горькое разочарованіе.*

Казалось бы, можно признать правильнымъ, что *въ Черномъ морѣ мы должны быть нѣсколько сильнѣе реальныхъ силъ Турціи, не преувеличенныхъ переполохомъ, вызваннымъ продажей ей Германіей 2-хъ старыхъ броненосцевъ.* Броненосцы на Черномъ морѣ должны имѣть сильнѣйшую артиллерію, самые совершенные снаряды, очень сильную броню, которымъ въ жертву можно принести большой районъ плаванія и, вѣроятно, излишнюю сверхъ 21 узла скорость.

Тамъ же необходимъ минный и надежный подводный флотъ, правильно развивающійся изъ внимательно выбраннаго и постепенно усовершенствованнаго типа, съ примѣненіемъ всѣхъ указаній плавающаго состава, а не кабинетныхъ конструкторовъ. Въ Балтійскомъ морѣ мы не можемъ разсчитывать побѣждать Германію на морѣ, не можемъ думать высылать наши корабли въ океанское крейсерство, и постройка океанскихъ броненосцевъ, обреченныхъ толкаться по мелямъ и шхерамъ Балтійскаго моря, должна быть признана ошибкою въ высшей степени вредной. Было бы, можетъ быть, наиболѣе правильно прекратить постройку 4-хъ «Гангутовъ,» пока на нихъ еще не потрачены слишкомъ громадныя средства и приступить къ созданію дѣйствительно необходимаго флота, во всякомъ случаѣ превышающаго по силѣ шведскій флотъ, изъ современныхъ заградителей, подводныхъ лодокъ, шхерныхъ броненосцевъ по типу шведскихъ и броненосцевъ сильныхъ артиллеріей и броней, безъ невѣроятнаго района дѣйствій и особеннаго хода, для поддержки минной и крѣпостной защиты Балтійскаго моря. Ясно поставленная стратегическая задача непремѣнно вызоветъ и опредѣленный отвѣтъ.

Точно установленная сфера дѣйствій укажетъ спеціалистамъ и средства для исполненія заданія. И чѣмъ это заданіе будетъ дальше отъ всеобъемлющихъ мечтаній, тѣмъ реальнѣе будетъ выполнена задача проектированія флота, дѣйствительно нужнаго Россіи въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ вопросъ о типѣ флота является наиболѣе спорнымъ. На Дальнемъ Востокѣ, во всякомъ случаѣ, самостоятельная организація флота должна быть уничтожена, такъ какъ всѣ наличныя тамъ суда едва составляютъ флотилію, которая должна быть организована, какъ часть управленія Владивостокской крѣпости. Нѣтъ смысла разсчитывать на фиктивныя величины и держать дорогія и громадныя формы, совершенно не соотвѣтствующія содержанію. Все, что мы можемъ тамъ имѣть въ настоящее время,—это крѣпостная флотилія во Владивостокѣ для надводной и подводной защиты минами и легкія суда для защиты рыбныхъ и котиковыхъ промысловъ, причемъ послѣднее, пожалуй, даже и не должно входить въ сферу заботъ морского вѣдомства.

Про амурскую и каспійскую флотилію много распространяться не стоитъ. Можно только выразить пожеланіе, чтобы онѣ были организованы сообразно реальнымъ, боевымъ потребностямъ.

IV. *По отношенію къ осуществленію какой бы то ни было строительной программы* нужно правильно организовать заводы, въ соотвѣтствіи съ предположенными работами. Если эти заводы останутся казенными, то оборудованіе ихъ не должно быть слишкомъ широко, иначе они всегда будутъ сидѣть безъ работъ, стоимость постройки судовъ будетъ очень высока и скорость постройки никогда не достигнется.

Сейчасъ въ СПБ. шесть большихъ стапелей, въ Севастополѣ—два, въ Николаевѣ—два. Чтобы ихъ занять, нужно ежегодно закладывать по 5 броненосцевъ, считая пребываніе на стапелѣ 2 года, т.-е. имѣть кредитъ на одни броненосцы—150.000.000 руб. въ годъ. Очевидно, заводы въ такомъ размѣрѣ поддерживать не придется. Нужно какіе-то изъ нихъ закрыть и на остальныхъ сосредоточить всю энергію и оборудованіе.

Правильно составленный планъ кораблестроенія, разсчитанный на многіе годы, при условіи правильной разработки чертежей, устраненія злоупотребленій и быстрыхъ

денежныхъ разсчетовъ, долженъ и безъ всякихъ особенныхъ поощрительныхъ мѣръ вызвать частное судостроеніе, въ развитіи котораго лежитъ, вѣроятно, лучшій выходъ изъ всей неурядицы казеннаго судостроительства.

По п. V—о комплектаціи флота личнымъ составомъ, нужно серьезно взглянуть на положеніе, характеризуемое спеціалистомъ англичаниномъ въ слѣдующихъ глубоко печальныхъ и оскорбительныхъ для русскаго выраженіяхъ: «As a result of the war personnel of the Russian Navy is in a chaotic condition».

Необходимо принять мѣры къ уменьшенію числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ флота въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительной потребностью, должны быть уменьшены и во многихъ случаяхъ сведены на нѣтъ береговыя и административныя должности, должно правильнымъ образомъ по разнымъ родамъ службы организовать кадры сверхсрочныхъ для замѣщенія должностей, имѣющихъ боевое значеніе (а не какъ теперь, когда сверхсрочные заняты часто въ должностяхъ вѣстовыхъ и писарей), организовать школы юнгъ и спеціалистовъ. Въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ на этотъ вопросъ было обращено особое вниманіе, и указаны пути для приведенія въ порядокъ дѣйствительно ужаснаго положенія нашего личнаго состава, которое можетъ быть характеризовано *безпримѣрнымъ по количеству персоналомъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ и безпримѣрнымъ ихъ некомплектомъ на судахъ.*

По п. VI—о сокращеніи текущихъ расходовъ, достаточно было говорено въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, который по этому вопросу, а также предыдущему, высказалъ даже опредѣленныя пожеланія, оставленныя, однако, вѣдомствомъ безъ всякаго удовлетворенія. (Объяснительная записка къ смѣтѣ на 1911 г., стр. 16 и 17). Пока вопросъ о коренной реорганизаціи всей дѣятельности министерства не будетъ рѣшенъ, останется старый порядокъ безжалостнаго распыленія народныхъ средствъ, дезорганизація хозяйства и безсиліе флота. Частныя мѣры здѣсь помочь не могутъ.

Нужно форму привести въ дѣйствительное соотвѣтствіе съ содержаніемъ.

Такимъ образомъ докладчики полагаютъ, что вопросъ объ успѣшности и дешевизнѣ кораблестроенія безполезно

разсматривать самъ по себѣ, онъ можетъ быть рѣшенъ лишь въ связи съ общей реорганизаціей вѣдомства.

Эта реорганизація не подъ силу самому вѣдомству и должна быть передана организаціоннымъ силамъ со стороны, т.-е. военному министерству, въ составъ котораго слѣдуетъ ввести морской отдѣлъ, подчиненный особому помощнику военнаго министра.

Реорганизація флота должна начаться съ установки точной роли флота въ войнѣ съ даннымъ противникомъ и въ данномъ морѣ, въ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ обороны страны. Въ соотвѣтствіе съ такимъ планомъ должна быть приведена и вся организація флота, причемъ въ основу ея слѣдуетъ положить не несбыточныя мечтанія теоретиковъ, а реальныя данныя политическія, стратегическія, финансовыя и техническія.

Въ полномъ противорѣчіи со всѣми высказанными положеніями находится грандіозный проектъ морского министерства объ ассигнованіи на флотъ 750.000.000 рублей, который внесенъ на-дняхъ въ Государственную Думу.

Проектъ этотъ, основываясь на существующемъ порядкѣ и не принимая никакихъ мѣръ къ его измѣненію, предполагаетъ ассигновать морскому министерству колоссальную сумму. Можно уже теперь совершенно точно предвидѣть судьбу этой ассигновки, если она будетъ дана безъ цѣлесообразной реорганизаціи вѣдомства: деньги будутъ истрачены, какъ были до сихъ поръ истрачены сотни милліоновъ, а флота, какъ дѣйствительной силы, у Россіи не будетъ.

(Подробныя фактическія данныя къ этой запискѣ находятся въ докладахъ комиссіи государственной обороны и бюджетной, въ стенографическихъ отчетахъ о засѣданіяхъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и комиссій бюджетной и государственной обороны).

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА «ВЕЛИКОЙ РОССІИ».

Замѣтки экономиста о войнѣ и народномъ хозяйствѣ *).

Вопросъ о соотношеніи между экономическимъ строемъ страны и ея военными «возможностями» представляетъ значительныя трудности. Эти трудности всегда возникаютъ, когда какое-нибудь явленіе есть порожденіе сложныхъ и многоразличныхъ причинъ. Боевая готовность, въ моментъ военнаго столкновенія превращающаяся въ превосходство надъ противникомъ на театрѣ войны, слагается изъ цѣлаго ряда условій, связь между которыми, если и не отсутствуетъ, то во всякомъ случаѣ не можетъ не быть признана весьма отдаленной. Лишь достаточно тонкій и острый анализъ всѣхъ условій можетъ тутъ привести къ выводамъ, выдерживающимъ критическую провѣрку. И, всетаки, такіе выводы въ примѣненіи къ конкретнымъ отношеніямъ — къ опредѣленной странѣ, въ опредѣленный промежутокъ времени— будутъ носить всегда условный характеръ.

Тѣмъ не менѣе, и при такой осторожной обрисовкѣ самаго вопроса и при такой скептической оцѣнкѣ возможныхъ его рѣшеній, — самый вопросъ представляется не праздным: постановка его имѣетъ серьезный теоретическій и практическій смыслъ.

Правда, трудности вопроса чрезвычайно велики. Прежде всего, война есть явленіе, хотя и связанное съ экономикой, имѣющее, если угодно свою экономику, но не сводимое просто и начисто къ хозяйственнымъ моментамъ. Далѣе, дѣло обстояло бы довольно просто, если бы значеніе экономическаго фактора можно было даже мысленно изолировать отъ моментовъ, чисто милитарныхъ. Но, напримѣръ,

*) Занятый большой научной работой въ совершенно другой области, я не могъ вопросъ о соотношеніи между боевой готовностью страны и ея хозяйствомъ разсмотрѣть въ систематической и исчерпывающей всѣ стороны этой интересной проблемы формѣ. Въ настоящихъ замѣткахъ я стремлюсь только подчеркнуть одинъ существенный выводъ, къ которому меня привели размышленія надъ этимъ вопросомъ.

развитіе техники путей сообщеній есть фактъ экономическій, а между тѣмъ оно, очевидно, имѣетъ и первостепенное милитарное значеніе. Развитіе техники вообще, въ извѣстной мѣрѣ опредѣляя собой экономическій строй государства, въ тоже время имѣетъ значеніе и для его военной силы. Это вытекаетъ просто изъ того, что общій технической уровень страны въ общемъ и цѣломъ опредѣляетъ ея уровень милитарно-технической. Но въ военномъ дѣлѣ огромное значеніе имѣютъ духовныя силы, и притомъ такія, которыхъ значеніе въ хозяйственной жизни даже сомнительно. Такъ, если и въ хозяйствѣ существенна и необходима предпріимчивость, способность къ риску, то всетаки тѣ же свойства въ военномъ дѣлѣ носятъ, если можно такъ выразиться, совсѣмъ другой обликъ, чѣмъ въ хозяйственной дѣятельности. Нельзя поэтому сказать просто и прямо, что человѣческій типъ, наиболѣе приспособленный къ наилучшему хозяйствованію, есть въ то же время и типъ наилучшаго воина.

Тѣмъ не менѣе, я рѣшусь сказать, что между военнымъ могуществомъ и военною дѣеспособностью страны, съ одной стороны, и ея экономическимъ положеніемъ, съ другой, существуетъ всетаки нѣкоторая простая и прозрачная связь. Эту связь можно формулировать въ положеніи: чѣмъ выше экономическое развитіе страны, тѣмъ—при прочихъ равныхъ условіяхъ—выше ея боевая готовность, и тѣмъ значительнѣе та сила, которую данная страна можетъ развить въ военномъ столкновеніи. Показателемъ же экономическаго развитія мы считаемъ не «народное благостояніе», понятіе туманное, въ весьма значительной степени зависящее отъ субъективныхъ мѣрилъ *), а «національное богатство», т.-е. величину національнаго капитала и національнаго дохода, величину, которую на практикѣ трудно подсчитать, но которая принципіально весьма легко измѣрима — въ деньгахъ.

Какъ ни кажется само собой яснымъ и почти тривіальнымъ выставленное нами положеніе, есть цѣлыя построенія, которыя его отрицаютъ. Часто утверждалось и до сихъ

*) Оно слагается изъ момента объективнаго—средствъ удовлетворенія потребностей и момента субъективнаго—потребностей. Съ извѣстной точки зрѣнія, чѣмъ ниже потребности, тѣмъ выше «благосостояніе».

поръ утверждается, что развитіе и усложненіе хозяйственной жизни, выражающееся въ капиталистическомъ преобразованіи общества, ослабляетъ военную силу страны тѣмъ, что дѣлаетъ ея хозяйственный организмъ особенно чувствительнымъ ко всякаго рода потрясеніямъ. При натурально-хозяйственной организаціи общества, при слабомъ накопленіи капиталовъ экономика страны, такъ сказать, менѣе ощущаетъ тѣ удары и толчки, которые испытываютъ хозяйственныя отношенія, когда страна отъ мира переходитъ къ войнѣ. Отсюда дѣлались и дѣлаются выводы относительно того, какова окажется въ случаѣ войны степень выносливости или сила сопротивленія того или другого государственнаго цѣлаго.

Когда Наполеонъ I боролся съ Англіей при помощи континентальной блокады онъ самъ и его публицисты расчитывали, что «Франція задушитъ Англію въ ея собственномъ избыткѣ товаровъ». Этого не случилось; иронія судьбы, наоборотъ, устроила такъ, что, подрывая англійскую промышленность и сжигая англійскіе товары, Наполеонъ самъ одѣвалъ свою армію въ..... англійское сукно.

Тѣмъ не менѣе, и тогда и теперь Англія была единственной большой, играющей роль въ міровой политикѣ, страной, продовольственное снабженіе которой, разсуждая теоретически, можно было бы не только затруднить, но и въ значительной мѣрѣ прямо пресѣчь. Для этого нужно только—осуществить на самомъ дѣлѣ полную блокаду ея береговъ. Какъ извѣстно, именно по отношенію къ Англіи эта теоретическая возможность практически совершенно неосуществима. Вообще въ настоящее время немыслима война, при которой продовольственному снабженію какой-либо изъ великихъ державъ могъ бы быть реально нанесенъ сколько-нибудь чувствительный ударъ, такой ударъ, который могъ бы повліять на самые шансы веденія войны. Всего менѣе благопріятно въ этомъ отношеніи положеніе Германіи при войнѣ на два фронта, какъ впрочемъ вообще, по совершенно справедливому указанію бывшаго имперскаго канцлера князя Бюлова, Германія занимаетъ самое невыгодное въ стратегическомъ отношеніи мѣсто, такъ сказать въ центрѣ остальныхъ европейскихъ государствъ. Но и Германія, будучи даже

совершенно отрѣзана отъ внѣшнихъ источниковъ своего продовольственнаго снабженія *), можетъ продержаться въ теченіе года своимъ внутреннимъ производствомъ хлѣба**).

Если это такъ, то характеръ страны — съ точки зрѣнія производства пищевыхъ средствъ—для веденія войны въ современныхъ условіяхъ не только рѣшающаго, но и вообще никакого значенія имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе что насколько страны, имѣющія избытокъ хлѣба, могутъ выигрывать въ случаѣ обусловленнаго войной кризиса какъ потребители, настолько онѣ проигрываютъ какъ производители для которыхъ съужается рынокъ сбыта. Всѣ разсужденія на эту тему, напримѣръ, о выгодномъ положеніи Россіи, какъ воюющей державы, прямо таки вводятъ въ заблужденіе. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что вліяніе войны на народное хозяйство, вліяніе, размѣры, характеръ и формы котораго въ каждомъ конкретномъ случаѣ весьма трудно поддаются предварительному учету, въ новѣйшее время скорѣе преувеличивается, чѣмъ умаляется. Между тѣмъ, вліяніе войны на народное хозяйство гораздо меньше, чѣмъ вліяніе того или иного положенія народнаго хозяйства на войну, точнѣе на тѣ рессурсы (военные и финансовые), съ которыми государство вступаетъ въ войну, и тѣмъ самымъ на шансы войны. Характерно, что въ то время, какъ весьма освѣдомленные и осторожные экономисты не склонны на основаніи опыта и общихъ соображеній придавать хозяйственнымъ потрясеніямъ, вызываемымъ войной, чрезмѣрнаго значенія ***), диллетанты пасифизма въ родѣ покойнаго русско-польскаго еврея-банкира Ивана Бліоха ****) создаютъ

---

*) Случай, трудно представимый. Ср. Dietzel „Weltwirtschaft u. Volkswirtschaft". Dresden 1900, S. 46—47, къ которому присоединяется Riesser. „Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung" Jena 1909, S. 73.

**) По тщательному расчету, сдѣланному Voelcker'омъ въ его книгѣ: „Die deutsche Volkswirtschaft im Kriegsfall. Leipzig 1909, SS. 129—148.

***) Ср. сужденія Лера и Лексиса. Lehr, „Produktion und Konsumtion in der Volkswirtschaft" Leipzig 1895. Lexis въ „Schönbergs Handbuch d. politischen Oekonomie I⁴, S. 825—826. Среднюю позицію занимаетъ Voelcker въ цит. выше сочиненіи.

****) Въ извѣстномъ многотомномъ сочиненіи «Будущая война», изданномъ цѣликомъ или въ извлеченіи на нѣсколькихъ языкахъ. Если Рикардо доказалъ, что практическій дѣятель хозяйственной жизни (Рикардо былъ банкиромъ) можетъ быть геніальнымъ экономистомъ, то Бліохъ, который тоже былъ крупнымъ желѣзнодорожнымъ и банковскимъ дѣятелемъ, доказалъ, что человѣкъ, практически стоящій въ гущѣ хозяйственной жизни, можетъ въ своихъ воззрѣніяхъ на нее быть неисправимымъ диллетантомъ и фантазеромъ. Экономическія разсужденія-пророчества капиталиста Бліоха могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ съ наибо-

чисто фантастическія картины ужасныхъ экономическихъ бѣдствій, которыя будутъ неизбѣжно связаны съ войной и, къ сожалѣнію, въ этихъ фантасмагоріяхъ встрѣчаютъ иногда поддержку и со стороны военныхъ писателей. Однако не только съ точки зрѣнія здраваго пониманія военнаго дѣла, но даже и съ точки зрѣнія продуманнаго пасифизма подобныя преувеличенія нежелательны и прямо опасны, ибо послѣ вздорныхъ преувеличеній станутъ меньше вѣрить и серьезнымъ указаніямъ на возможныя экономическія опасности войны. Повторится извѣстная басня о пастухѣ и волкѣ.

Военные успѣхи связаны со множествомъ факторовъ неэкономическаго свойства,—этого не можетъ не подчеркивать именно экономистъ. Но при прочихъ равныхъ условіяхъ неэкономическаго свойства или стоящихъ въ косвенной связи съ «экономикой» (техническое оборудованіе арміи т.-е. качество вооруженія въ широкомъ смыслѣ, качество «солдата», подготовка руководителей, «духъ» арміи, цѣльность національно-моральнаго сознанія всего народа) практически важнымъ для войны экономическимъ моментомъ является только богатство страны, т.-е. степень накопленія въ ней капитала въ вещной и денежной формѣ.

Чѣмъ богаче капиталомъ страна, тѣмъ при прочихъ равныхъ условіяхъ она можетъ больше затрачивать средствъ на свою боевую готовность и тѣмъ выше — уже въ силу этого—будетъ такая готовность.

Если армія даннаго государства побѣждаетъ, экономическое и тѣмъ самымъ финансовое превосходство надъ противникомъ ведетъ къ сокращенію продолжительности войны.

Если военныя дѣйствія богатой страны не увѣнчива-

лѣе легкомысленными продуктами соціалистической мысли въ этомъ стилѣ. Его многотомное произведеніе, несмотря на груды цифръ, а, можетъ быть, именно благодаря некритическому нагроможденію фактическаго матеріала, совершенно по ребячески связаннаго съ широковѣщательными выводами, навсегда останется интереснымъ и устрашающимъ памятникомъ диллетантизма въ области обществовѣдѣнія и, въ частности, политической экономіи. Диллетантизмъ Бліоха выступаетъ особенно разительно, если сопоставить его съ чисто дѣловыми, здравыми разсужденіями нѣмецкихъ банкировъ Риссера (см. цит. выше сочиненіе) и Варбурга (въ Verhandlungen des III. Allgemeinen Deutschen Bankiertages zu Hamburg am. 5 u. 6 September 1907. Berlin 1907).

ются успѣхомъ, она имѣетъ всетаки возможность затянуть войну и, возстановивъ свои ослабленныя силы, быть можетъ, измѣнить ходъ войны въ свою пользу.

Если такая страна окончательно терпитъ пораженіе,— всетаки ея экономическіе и финансовые рессурсы могутъ дѣлать ея позицію въ вопросѣ о заключеніи мира относительно благопріятной, гораздо болѣе благопріятной, чѣмъ если бы это положеніе опредѣлялось исключительно ходомъ дѣлъ на театрѣ войны.

Съ развиваемой нами точки зрѣнія любопытно, хотя бы вкратцѣ, разсмотрѣть нѣсколько конкретныхъ примѣровъ.

Неслучайно вовсе, а стоитъ, наоборотъ, въ тѣснѣйшей связи съ экономической крѣпостью Англіи то, что она въ многолѣтней вооруженной борьбѣ съ Наполеономъ I восторжествовала надъ своимъ противникомъ *). Сколько разъ Англію выставляли, какъ ослабленное соціальной рознью, ведущее искусственное существованіе государство и пророчили ей упадокъ и крушеніе **). Между тѣмъ, изъ всѣхъ государствъ въ XIX вѣкѣ только одна капиталистическая Англія никогда не выходила побѣжденной изъ войны, и теперь Франція, борьба которой съ Англіей заполняетъ цѣлыя столѣтія новѣйшей исторіи, крѣпка именно солидарностью своихъ интересовъ съ интересами еще болѣе сильной Англіи.

Война между Франціей и соединенными германскими государствами въ 1870—1871 гг. была въ военномъ отношеніи безповоротно рѣшена въ теченіе мѣсяца, но въ этомъ міровомъ событіи съ экономической точки зрѣнія самое замѣчательное—то, съ какой легкостью богатая капиталами Франція залѣчила тѣ раны, которыя ей нанесла неудачная, въ военномъ отношеніи чисто катастрофическая война. А между тѣмъ, война 1870—1871 гг., стоившая Франціи приблизительно 2 милліарда франковъ издержекъ, обрушила на нее, кромѣ того, еще тяжесть пяти милліардной контрибуціи, нѣчто до того неслыханное въ міро-

*) Войны Англіи съ Франціей въ эпоху революціи и Наполеона стоили огромную сумму въ 831 милліонъ фунтовъ стерл. „Denkschriftenband z. Begründung des Entwurfes eines Gesetzes betreffend Aenderungen im Finanzwesen". Teil II, Berlin 1908, S. 71.

**) Однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ въ этомъ отношеніи является произведеніе извѣстнаго французскаго радикала Ледрю-Роллена: „De la decadence de l'Angleterre" (2 тома Paris, 1850).

вой исторіи *). Уже къ концу 70-хъ гг. эти раны были залѣчены, а въ 80-хъ гг. было уже создано то колоніальное могущество Франціи, все значеніе котораго для міровой политики обнаружилось только теперь въ развернувшемся на нашихъ глазахъ франко-германскимъ конфликтѣ по поводу Марокко. Если бы Германія въ экономическомъ отношеніи послѣ 1870 г. не развивалась быстрѣе Франціи и не опередила ее именно въ развитіи своихъ производительныхъ силъ,—конечно, «реваншъ» давно сталъ бы совершившимся фактомъ. Только совершенно исключительный экономическій подъемъ Германіи, ея поразительный капиталистическій расцвѣтъ послѣ окончательнаго политическаго объединенія снялъ съ исторической очереди самый вопросъ о реваншѣ за разгромъ 1870 г. На основѣ этого капиталистическаго расцвѣта Германіи создалось то положеніе, осмысливая которое одинъ нѣмецкій экономистъ высказался, что теперь для нѣмецкаго народа стало жизненнымъ вопросомъ «бо́льшую, чѣмъ прежде, часть своей матеріальной силы превращать въ боевую мощь» **).

---

*) «Всѣмъ еще памятно,—писалъ въ 1874 г. извѣстный практическій и теоретическій знатокъ денежнаго обращенія, профессоръ Адольфъ Земберъ,—то изумленіе и остолбенѣніе, которое охватило всѣ финансовые и коммерческіе круги, когда въ концѣ февраля 1871 г. стало извѣстно, что Франція въ мирномъ договорѣ съ Германіей согласилась на уплату пяти милліардовъ военнаго вознагражденія, подлежащихъ уплатѣ въ трехлѣтній срокъ. Многіе сомнѣвались въ самой возможности подобной уплаты, по крайней мѣрѣ—въ указанный въ соглашеніи срокъ и пророчили, что если уплата будетъ путемъ принужденія дѣйствительно осуществлена, то она будетъ означать экономическое разореніе Франціи. И такое же изумленіе мы видѣли, когда вслѣдъ за этимъ французское правительство, послѣ того какъ возстаніе парижской коммуны, повидимому, еще болѣе ослабило финансовую силу и кредитъ страны,—всетаки съ блестящимъ успѣхомъ осуществило рядъ грандіозныхъ займовъ и когда въ особенности подписка на послѣдній заемъ въ іюлѣ 1872 г. достигла приблизительно 43 милліардовъ. Французскій министръ финансовъ при этой оказіи заявилъ въ національномъ собраніи: „Съ своего рода остолбенѣніемъ мы узрѣли эти огромныя цифры, подобныя которымъ до тѣхъ поръ никогда ни въ какую эпоху, ни въ какой странѣ, ни при какомъ прежнемъ займѣ, ни при какой иной финансовой операціи не встрѣчались. Денежное имущество въ наше время, какъ показали эти факты, приняло совершенно исключительные размѣры, которые до тѣхъ поръ были никому неизвѣстны и поражали своей новизной. Франція обнаружила неожиданную и несравненную платежеспособность».(Adolf Soetbeer,«Die fünf Milliarden. Betrachtungen über die Folgen der grossen Kriegsentschädigung für die Wirtschaftsverhätnisse Frankreichs und Deutschlands». Berlin 1874, SS. 3—4).

**) „Es ist für unser deutsches Volk eine Lebensfrage einen grösseren Teil seiner materiellen Kraft in Macht zu verwandeln“—слова проф, А. фонъ-Венкштерна, къ которому присоединяется всецѣло Адольфъ Вагнеръ. См. статью послѣдняго „Die Flottenverstärkung und unsere Finanzen“ въ сборникѣ „Handels-und Machtpolitik“. II Band 2 Aufl. Stuttgart 1900, S. 126.

Если мы обратимся къ Россіи, то увидимъ, какъ, по мѣрѣ экономическаго развитія, тяжесть войны все легче и легче несется народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ. Не надо забывать, что война есть испытаніе государственнаго хозяйства, а силы послѣдняго всецѣло опредѣляются состояніемъ хозяйства народнаго. Крымско-кавказская кампанія 1854—1856 г.г. на десятилѣтія дезорганизовала наше государственное хозяйство, съ конца 50-хъ г.г. къ тому же разомъ вдвинутое въ совершенно новыя условія, экономическія и политическія. Это, помимо ошибокъ финансоваго управленія, которымъ мы не можемъ приписывать рѣшающаго значенія, слѣдуетъ отнести прежде всего на счетъ того, что самое народное хозяйство было на низкой ступени развитія и страна была бѣдна и абсолютно, и относительно (въ сравненіи съ другими болѣе развитыми странами). Разрушительное дѣйствіе русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. было уже гораздо менѣе длительнымъ. Японская война 1904—1905 г.г. застала уже русское государственное хозяйство готовымъ къ такой войнѣ. Но эта финансовая готовность къ войнѣ окраинной, или съ значительно болѣе слабымъ противникомъ, была плодомъ всего предшествующаго экономическаго развитія Россіи. И ею опредѣлился самый результатъ войны—заключеніе мира безъ уплаты контрибуціи. Экономически и финансово гораздо болѣе слабая Японія не могла продолжать войны, а для Россіи, послѣ уничтоженія флота и паденія Портъ-Артура, война стала безпредметной, потеряла всякій смыслъ. Ибо какъ ни слаба была Японія, Россія не была достаточно сильна для того, чтобы въ самомъ процессѣ войны возстановить флотъ и отвоевать Портъ-Артуръ.

Самая трудность войны между великими державами, вѣрнѣе, между комбинаціями великихъ державъ въ настоящее время опредѣляется не только равенствомъ ихъ военныхъ силъ, въ поддержаніи котораго, какъ это ни звучитъ парадоксально, заключается пасифистская миссія современнаго милитаризма. Эта трудность опредѣляется и равенствомъ ихъ экономическихъ силъ и финансовыхъ возможностей. Безъ сильнѣйшихъ мотивовъ, повелительно дѣйствующихъ, равновѣсіе мира между великими державами не можетъ быть нарушено, именно потому, что тутъ противостоятъ равныя не только военныя, но и

экономическія и финансовыя силы. Разъ война не можетъ быть рѣшена однимъ или немногими ударами и должна оказаться длительнымъ противоборствомъ силъ *),—экономическій и финансовый моментъ получаютъ особое значеніе.

Какъ легко возникаютъ войны между неравносильными (въ экономическомъ и милитарномъ отношеніяхъ) противниками, показываютъ примѣры американо-испанской и, еще болѣе разительно, итальяно-турецкой войны.

Войны франко-германская и русско-японская, для тѣхъ, кто сознательно шелъ къ войнѣ и готовился къ ней (т.-е. для правительства Пруссіи и правительства Японіи) заключали, всетаки, огромный элементъ риска. Эти войны интересны тѣмъ, что и тутъ и тамъ одержала верхъ экономически слабѣйшая сторона. Но и въ томъ и другомъ случаѣ относительная экономическая слабость компенсировалась значительнымъ превосходствомъ военной и политической организаціи. А достигнутые въ процессѣ войны милитарные успѣхи всегда получаютъ экономическую (= финансовую) оцѣнку: они такъ или иначе учитываются денежнымъ рынкомъ.

Слѣдуетъ сказать прямо: слабость Россіи при сопоставленіи ея съ нашими реально возможными противниками, съ Германіей и Австріей, заключается въ недостаточной экономической мощи Россіи, въ ея хозяйственной неразвитости и вытекающей отсюда финансовой зависимости отъ другихъ странъ. Въ современныхъ условіяхъ военнаго столкновенія всѣ мнимыя преимущества русскаго натуральнаго или полунатуральнаго хозяйства обратятся въ источники нашей милитарной слабости. Россія сильна, какъ военная держава, абсолютной численностью своего населенія и соотвѣтствующей этой численности абсолютно громадными финансовыми рессурсами. Но если бы этимъ абсолютнымъ размѣрамъ народнаго и государственнаго организма отвѣчала другая экономическая структура, напримѣръ стру-

*) Многіе (и въ томъ числѣ военные авторитеты) предполагаютъ, что и европейскія войны между сильными противниками будутъ отличаться длительностью. Я лично думаю, что это предположеніе менѣе вѣроятно, чѣмъ противоположное (Ср. Bernard Serigny. «Les consequences économiques et sociales de la prochaine guerre d'après les enseignements des campagnes de 1870—1871 et de 1904—1905». Paris, 1909, pp. 29—36). Но методологически полезно, при оцѣнкѣ значенія экономики и финансовъ для войны, исходить именно изъ предположенія о затяжномъ характерѣ будущихъ большихъ войнъ.

ктура Соединенныхъ Штатовъ съ ихъ развитіемъ промышленности и накопленія капиталовъ или структура Франціи,— военное могущество Россіи было бы во много разъ больше. Съ точки зрѣнія военной готовности Россіи нѣтъ болѣе настоятельной общей задачи, чѣмъ укрѣпленіе ея экономическаго состоянія или иначе, чѣмъ политика направленная на накопленіе капиталовъ въ странѣ. Ибо нельзя достаточно подчеркнуть, что слабое мѣсто Россіи въ сравненіи съ ея противниками, заключается въ ея экономической слабости, которая можетъ быть преодолѣна лишь упорной и многолѣтней работой надъ поднятіемъ страны на высшую экономическую ступень. Нѣтъ теоретически болѣе превратной и практически болѣе опасной мысли, чѣмъ мысль, что въ экономической отсталости Россіи могутъ заключаться какія-либо преимущества въ военномъ отношеніи *).

Вернемся опять къ примѣру русско-японской войны. Въ нашемъ обществѣ и въ нашей военной средѣ недостаточно распространено сознаніе того, какое положительное значеніе въ этой войнѣ, при всемъ ея неудачномъ исходѣ, имѣло всетаки экономическое и финансовое превосходство Россіи надъ Японіей. Въ этой войнѣ наши милитарныя силы не выдержали испытанія—морская война закончилась даже одной изъ самыхъ ужасныхъ въ исторіи катастрофъ, нанесшихъ незаживимую рану національному сознанію. Но наши финансовыя силы эта война застала въ полной готовности, и онѣ превосходно выдержали трудное испытаніе **).

Однако японская война не указъ той европейской войнѣ, въ которую такъ или иначе можетъ быть вовлечена Россія. Европейская война стоила бы намъ, безъ всякихъ преувеличеній, въ соотвѣтствующій промежутокъ времени раза въ 4—5 дороже японской. Еще важнѣе быть можетъ то, что въ этой войнѣ мы должны были бы неизбѣжно опи-

*) Эта мысль положена въ основу извѣстнаго труда генерала Гулевича „Война и народное хозяйство", напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ» за 1898 г. (январь—мартъ, май—іюнь).

Та же точка зрѣнія у Бліоха. И судя по цитатѣ которую я нахожу въ находящемся у меня подъ руками докладѣ Бліоха („Conséquences probables tant politiquès qu'économiques d'une guerre entre grandes puissances". Rapport de Jean de Bloch au IX-e Congrès de la paix. Paris 1900, pp. 65—66) въ томъ же смыслѣ высказался генералъ Бріальмонъ.

**) Это обстоятельство, на которое справедливо указывалъ гр. Витте, является общепризнаннымъ въ финансовой литературѣ.

раться въ финасовомъ отношеніи на свои наличныя хозяйственныя силы: внѣшній кредитъ былъ бы для насъ отрѣзанъ или почти отрѣзанъ *). Тутъ сказалась бы неизбѣжно наша экономическая слабость сравнительно съ объединенными Германіей-Австріей. Слѣдуетъ этому положенію вещей смотрѣть прямо въ лицо. Если нѣмецкіе финансисты-практики имѣютъ, къ своему счастью, основаніе утверждать, что войну, которая продолжалась бы годъ и стоила бы 7 милліардовъ марокъ, Германія можетъ вести не прибѣгая ни къ пріостановкѣ размѣна, ни къ принудительнымъ займамъ **), то о Россіи, на наше несчастье, мы этого сказать не можемъ. До тѣхъ поръ, пока мы не будемъ экономически настолько крѣпки, чтобы имѣть возможность вести, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года войну, не прибѣгая къ разрушительнымъ и внѣзаконнымъ средствамъ, т.-е. пока нашъ внутренній денежный рынокъ не будетъ способенъ нормально удовлетворить финансовую потребность государства, втрое или вчетверо превышающую ту кредитную потребность, которую обнаружила Россія по случаю столкновенія съ Японіей,—до тѣхъ поръ наши шансы въ вооруженномъ столкновеніи съ той европейской коалиціей, которая реально противостоитъ намъ, будутъ значительно слабѣе шансовъ нашихъ противниковъ.

Такова экономическая проблема «Великой Россіи». Способы ея разрѣшенія многообразны; самое разрѣшеніе этой проблемы можетъ быть лишь результатомъ параллельнаго и дружнаго дѣйствія частной иниціативы и государственной политики. Но тотъ духъ, которымъ нація должна проникнуться для того, чтобы въ области хозяйственной создать «Великую Россію», ясенъ. Это—духъ національнаго европеизма, духъ творческаго, увѣреннаго въ себѣ національнаго строи-

*) Въ случаѣ нейтралитета Англіи, англійскій денежный рынокъ могъ бы оказать намъ поддержку. Но неучастіе Англіи въ войнѣ такъ ухудшило бы наше милитарное положеніе, что доступностью намъ англійскаго кредита врядъ ли уравновѣсился бы этотъ непосредственный военный ущербъ.

**) „Германская Имперія,—говорилъ Варбургъ на гамбургскомъ съѣздѣ банкировъ 1907 г. (см. цит. выше отчетъ, стр. 36),—за послѣдніе 36 лѣтъ настолько окрѣпла, что при хорошей организаціи она можетъ въ финансовомъ отношеніи совершенно спокойно итти на встрѣчу войнѣ. Если, напримѣръ, война будетъ длиться одинъ годъ и стоить 7 милліардовъ, то полученіе этой суммы въ одной Германіи (т.-е, безъ обращенія къ денежному рынку другихъ государствъ П. С.) мыслимо безъ принудительнаго курса, принудительныхъ займовъ и т. п. мѣръ, и я придаю значеніе тому, чтобы это нарочито было здѣсь подчеркнуто» (курсивъ оргинала).

тельства на общечеловѣческихъ началахъ. Такое строительство будетъ созидать зданіе «Великой Россіи», освобождая Россію отъ черныхъ пятенъ зараженнаго прошлаго и дисциплинируя свободныхъ людей. Старое русское Imperium создалось «крѣпостными» средствами; новое можетъ быть построено только свободными людьми на освобожденной почвѣ, въ здоровомъ состязаніи всѣхъ живыхъ силъ, переросшихъ опеку внѣ общества и народа стоящей власти.

Петръ Струве.

ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ КОМАНДНАГО СОСТАВА АРМІИ.

Недавно мнѣ пришлось быть въ обществѣ, гдѣ разговоръ велся вокругъ событій послѣдней войны.

Какъ въ калейдоскопѣ пронеслось передо мною это тяжкое, кошмарное прошлое.

Вижу и вновь переживаю возбужденіе, которое испытали всѣ мы въ концѣ января 1904 года...

Дрожью по тѣлу Россіи пронеслась вѣсть о нападеніи японскихъ миноносцевъ на нашъ флотъ, мирно стоявшій въ Портъ-Артурѣ.

Помню, съ какимъ волненіемъ и трепетомъ въ сердцѣ разбиралъ я телеграмму на польскомъ языкѣ (въ русской газетѣ всѣ извѣстія появлялись позже), гдѣ мнѣ непонятно было одно слово, очевидно выражавшее *степень* поврежденія нашихъ броненосцевъ... Какъ хотѣлось мнѣ, чтобы это слово означало: «ничтожное» поврежденіе; какъ болѣзненно работалъ мозгъ, ища данныхъ для надежды, что всю эту бѣду можно скоро поправить; какъ на смѣну тревогѣ и заботѣ о «своихъ» загоралось сердце злобой и мщеніемъ по адресу в р а г а!

— А, жалкій япошка, вотъ ты какой! Ты—изподтишка, темной ночью? Погоди же!.. Только бы скорѣе исправить броненосцы. А тамъ мы тебѣ покажемъ. Не взыщи тогда. Самъ лѣзъ въ драку, самъ виноватъ. Если даже на морѣ ты и увильнешь, то ужъ на сушѣ мы тебѣ пропишемъ іжицу!

Такъ думалъ тогда не одинъ я, несмотря на то, что зналъ многія слабыя наши стороны.

Потомъ... Потомъ началась непрерывная цѣпь неудачъ; странныхъ, непонятныхъ для общества событій; не менѣе странныхъ донесеній и объясненій, всеобщее недоумѣніе; взваливанія вины другъ на друга... А въ общемъ—полное

разочарованіе, даже озлобленіе, а съ нимъ вмѣстѣ и вопросъ по адресу арміи: опять значитъ «неготовы», опять значитъ «нѣтъ начальниковъ?!.»

О, какъ болѣзненно сжималось сердце! Не хотѣлось критиковать тѣхъ, кои несли тяжесть ужасной войны; не хотѣлось вообще *винить* кого бы то ни было, ибо чувствовалось, что виноваты *всѣ*.

Да, всѣ! Одни—невѣжествомъ, другіе — молчаніемъ, третьи—злоупотребленіемъ, четвертые—попустительствомъ... *Всѣ* были виноваты!..

А все же имена: Тюринченъ, Вафангоу, Лаоянъ, Шахэ, Мукденъ, Цусима; картины безпрерывныхъ отступленій, суеты, путаницы въ распоряженіяхъ; взаимное недовѣріе, погоня за наградами и «окладами»; какой-то поѣздъ съ баронессой и всякими удобствами включительно до «коровы»; мукденская паника; пылающіе склады съ разными запасами; харбинская тыловая вакханалія,—все это жгло мозгъ и вызывало вопль страданія и протеста!

О, если бы всего этого не было!..

Если бы все это былъ только сонъ!

Нѣтъ не сонъ... Сотни тысячъ осиротѣвшихъ семей; десятки тысячъ калѣкъ; сотни сошедшихъ съ ума людей, не выдержавшихъ хаоса отступленій и ужасовъ человѣческихъ страданій... страданій, не компенсированныхъ сознаніемъ побѣды и пользы приносимыхъ жертвъ! А милліарды народныхъ денегъ, ушедшихъ за границу?!. Все это краснорѣчиво говоритъ за себя.

— Да, ужасная была война,—со вздохомъ произнесъ отставной военный, бывшій на войнѣ.—Ужасная не физическими страданіями: они—неотъемлемая принадлежность всякой войны; и не ошибками—онѣ всегда возможны; а полнымъ отсутствіемъ удачъ, непрерывнымъ отступленіемъ... И что странно, такъ это то, что отступленіе часто не являлось необходимостью: въ войскахъ не было сознанія своего пораженія, своей негодности; роты дрались съ успѣхомъ, баталіоны тоже не плошали; полки работали хуже, а дальше... Эхъ, да что говорить! Вѣдь послѣ каждой нашей войны поднимался вопросъ о «командномъ элементѣ». Въ этой области у насъ не ладно. Со времени Аракчеева хронически не ладно!..

— Потому что вездѣ—*генеральный штабъ*; все взялъ

въ свои руки; всѣ высшія должности принадлежатъ ему,— замѣтилъ генералъ изъ бывшихъ гвардейцевъ.

— Я не говорю только про штабы и канцеляріи: пусть ужъ сидятъ тамъ; но они и въ строю заняли всѣ высшія должности. Вотъ и отличились на войнѣ! Вы простите мнѣ, Владимиръ Александровичъ, за непріятныя для васъ слова,— обратился онъ къ полковнику генеральнаго штаба,—но я всегда говорю прямо, что думаю. Не люблю я вашъ «генеральный штабъ».

— Напрасно трудитесь извиняться, ваше-ство. Я всегда радъ свободному и откровенному обмѣну мнѣній,—отвѣтилъ полковникъ.

Ваше мнѣніе—не исключеніе; оно принадлежитъ многимъ, правда, преимущественно гвардейцамъ, но это все равно. Важно, что *такъ* думаютъ многіе и думаютъ потому... что не считаются съ *фактами* и потребностью жизни, а только съ случайными личными впечатлѣніями.

— Ну, уже позвольте! О какихъ «случайныхъ впечатлѣніяхъ» можетъ быть рѣчь? По-вашему начальники кавалерійскихъ дивизій, изъ коихъ больше двухъ третей офицеры генеральнаго штаба,—«случайное впечатлѣніе?»..

— Позвольте вамъ доложить,—продолжалъ полковникъ самоувѣреннымъ тономъ,—что начальники дивизіи *избираются* изъ *всей* массы кандидатовъ на эту должность, и если выборъ палъ именно на офицера генеральнаго штаба, то, во-первыхъ, здѣсь «не причемъ» весь генеральный штабъ, какъ корпорація или какъ учрежденіе; во-вторыхъ же, явленіе это непостоянное, ибо еще недавно на этихъ должностяхъ, какъ и на всѣхъ прочихъ, доминировала «гвардія», что я могу доказать вамъ цифрами; а, въ-третьихъ, если бы даже и такъ, т.-е. если это явленіе неслучайное, то ему надо только радоваться.

— Вотъ какъ? Это почему же именно?

— Да потому, что государство не даромъ содержитъ Военную Академію; не даромъ оно избираетъ «по конкурсу» лучшіе элементы изъ всей арміи и гвардіи; не даромъ тратитъ колоссальныя деньги для проведенія этихъ офицеровъ черезъ цѣлый рядъ военно-учебныхъ заведеній, включительно до академіи!.. Было бы очень странно и ненормально, если бы оно не пользовалось матеріаломъ, подготовленнымъ особенно тщательнымъ образомъ, матеріаломъ, про-

шедшимъ черезъ цѣлый рядъ цензовъ по всѣмъ родамъ оружія и по многимъ видамъ штабной службы. Посмотрите на это дѣло съ точки зрѣнія не личной выгоды, а *пользы для дѣла*,—и вы согласитесь, что игнорировать и преслѣдовать офицеровъ генеральнаго штаба en masse, т. е. только за то, что это—генеральный штабъ, не только несправедливо, но и не практично, и не «государственно».

— Я могъ бы согласиться съ такою постановкою вопроса, если бы они дѣйствительно были «лучшіе», какъ вы говорите. Но вѣдь этого нѣтъ въ дѣйствительности. Вѣдь я же могу привести массу фактовъ несоотвѣтствія офицеровъ генеральнаго штаба своему назначенію!..

— Равно какъ я могу привести столько же фактовъ несоотвѣтствія другихъ офицеровъ *не* генеральнаго штаба,—настаивалъ полковникъ.—Такое явленіе вездѣ возможно; а у насъ, при наличіи извѣстныхъ вамъ причинъ, *одна изъ коихъ*—аттестаціи, даваемыя *вами же*, строевымъ начальствомъ, въ особенности.

— Да, но офицеры генеральнаго штаба «лучшіе», какъ вы говорите; притомъ же имъ *все* дано, имъ *все* предоставлено: съ нихъ надо больше и требовать, а между тѣмъ они войскъ не знаютъ, строевой службы не несутъ.

— Я не подчеркиваю слово «лучшіе» такъ, какъ это дѣлаете вы, ваше—ство. Но, безъ сомнѣнія, конкурсъ въ академіи не проводитъ «худшихъ» элементовъ, а къ экзамену допускаются, какъ вамъ извѣстно, только отлично аттестованные. Эти два обстоятельства гарантируютъ до извѣстной степени надлежащій составъ офицеровъ-слушателей Военной Академіи. Затѣмъ, эти офицеры проходятъ весьма серьезную школу, а по выходѣ изъ Академіи подвергаются многочисленнымъ искусамъ и аттестаціямъ со стороны разнаго начальства въ томъ числѣ и «строевого», которое имѣетъ полную возможность не пропустить неподходящаго офицера. А сколько цензовъ долженъ пройти офицеръ генеральнаго штаба, напримѣръ, до полученія должности командира кавалерійскаго полка?! И командываніе эскадрономъ, и знакомство съ хозяйственной частью кавалерійскаго полка, и прикомандированіе къ артиллеріи, и прикомандированіе къ пѣхотѣ, и штатная служба въ разныхъ штабахъ, и парфорсная охота! Почему же вы думаете, что офицеръ генеральнаго штаба долженъ быть слабѣе

другихъ въ строевомъ дѣлѣ? Если вы видите сущность строевой службы *въ мелочахъ* внутренняго обихода, въ знаніи «парадныхъ» ритуаловъ и разныхъ «смотровыхъ» снаровокъ, то тогда я соглашаюсь съ вами, что офицеры генеральнаго штаба могутъ оказаться слабѣе другихъ въ этихъ «важныхъ» отдѣлахъ военной службы; возможно, что здѣсь они будутъ не на «высотѣ». Но я не сомнѣваюсь, что въ другихъ сферахъ строевой службы они не слабѣе своихъ прочихъ товарищей по оружію.

Что же касается «предоставленія *всего*», какъ вы выражаетесь, то неугодно ли вамъ взглянуть на табличку, въ которой собраны мною цифровыя данныя для кавалеріи по официальнымъ свѣдѣніямъ къ 1-му іюля 1910 года.

Полковникъ развернулъ передъ нами нижеслѣдующую таблицу:

Названіе должностей.	Всего частей.	Изъ нихъ офицеры: Гвардіи.	Ген. Шт. начавшихъ службу въ Гвардіи.	Ген. Шт. начав. службу въ арміи.	Арміи.	Примѣчаніе.
Командировъ кавал. полковъ.	67 [1])	28	8	3	28	[1]) Бывшихъ съ номерами 55. Приморскій . . . 1 Крымскій . . . . 1 Гвардейскій . . . 10 — 67
Командировъ неотдѣльныхъ кавал. бригадъ.	37 [2])	18	7	1	11	[2]) 16 дивизій=32 бр. 2 гвард. див. . =5 бр. — 37 бр.
Начальниковъ кавалер. дивизій и отдѣльныхъ бригадъ. . . .	22 [3])	6	8	6	2	[3]) Съ номерами . 15 Кавказская . . . 1 Гвардейскихъ. . 2 Отд. бриг. гвард. 1 „ „ армейск. 3 — 22
	126	52	23	10	41	
			33			

— Изъ этого позволительно сдѣлать слѣдующій выводъ,— продолжалъ онъ,—офицеры генеральнаго штаба преобладаютъ только на должностяхъ начальниковъ кавалерійскихъ дивизій; среди командировъ полковъ и бригадъ они уступаютъ и гвардейцамъ и армейцамъ.

Зато гвардія вездѣ преобладаетъ, даже на должностяхъ

командира полка, особенно, если принять во вниманіе, что и среди генеральнаго штаба преобладаютъ бывшіе «гвардейцы»!.. А если пойти дальше и сосчитать тѣ должности, кои заняты гвардейцами, включительно до губернаторовъ, то первенство, думаю, останется за ними, а не за нами.

— Нѣтъ, ужъ вы что тамъ ни говорите, какихъ таблицъ ни показывайте, а всѣ мы знаемъ, что вашему брату вездѣ поблажка. Помните, какъ Н. перемѣнилъ три полка, хотя каждый полкъ отнимали у него послѣ «исторіи?» Или, помните, какъ Л. былъ назначенъ на должность, не взирая на явное пристрастіе къ алкоголю.

— Нѣтъ ваше—ство, эти воспоминанія лучше оставимъ,—загорячился полковникъ,—ибо я приведу вамъ не менѣе колоритные образцы изъ числа отстаиваемой вами категоріи... Упомяну лишь объ одномъ П., который перемѣнилъ четыре полка (изъ нихъ три на войнѣ) и послѣ четвертаго взятаго у него по «аттестаціи»—оставался на службѣ... А сколько могъ бы я привести примѣровъ, когда гвардейцы на 6—8 лѣтъ идутъ впереди насъ!.. И что самое главное: обгоняютъ способнѣйшихъ и великолѣпно аттестованныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, обгоняютъ только потому, что служатъ въ привиллегированныхъ полкахъ, находятся въ привиллегированныхъ званіяхъ! Я понимаю: можно выдвигать, можно обгонять, но надо, чтобы *всѣ* знали—«*за что*», за какія достоинства, подвиги и дѣла!—Онъ вздохнулъ и потомъ спокойно добавилъ: что бы вы ни говорили объ офицерахъ генеральнаго штаба, но они не только работаютъ, но среди нихъ есть много способныхъ и знающихъ людей, а главное нѣтъ явно невѣжественныхъ!.. Нѣтъ, ужъ вы лучше меня не трогайте, не волнуйте, а то я вамъ начну такіе примѣры изъ жизни приводить, что всѣмъ намъ еще тяжелѣй станетъ отъ этихъ картинокъ дѣйствительности!.. Кромѣ того, я могъ бы вамъ указать, что даже многіе «армейцы» обогнали офицеровъ генеральнаго штаба.

— Ну, это, можетъ быть, только простая случайность,—отозвался офицеръ-армеецъ.—Нашъ братъ не идетъ впередъ... Много, если доберется до чина подполковника на 30 году службы и выходитъ въ отставку полковникомъ на 35 году службы... не взирая ни на какую аттестацію и труды! И это тогда, какъ товарищи наши изъ гвардейцевъ получаютъ *полки* на 17—20 году службы, а всякій молодой офицеръ,

добравшійся до чина поручика, уже вычисляетъ—когда онъ получитъ полкъ. А между тѣмъ вѣдь мы составляемъ главную массу арміи, мы несемъ тяжелый трудъ, служа и живя въ разныхъ «медвѣжьихъ» углахъ нашихъ окраинъ; мы несемъ на себѣ и тягости почти всѣхъ большихъ войнъ. По крайней мѣрѣ въ кампаніяхъ 1853—56 гг. и 1904—1905 гг. гвардія не участвовала, равно какъ не участвовала она и въ покореніи Кавказа, и въ завоеваніи Туркестана, а въ кампаніи 1877—78 годовъ прибыла только къ третьей Плевнѣ, да и то не вся.

— Но офицеры гвардіи были же и въ послѣднюю и въ другія кампаніи?—возразилъ генералъ.

— Да, ваше—ство, но всегда въ видѣ «добровольцевъ», на привиллегированныхъ должностяхъ или такъ, что... явившись ротмистромъ, уѣзжалъ съ театра военныхъ дѣйствій въ чинѣ полковника и послѣ войны немедленно получалъ полкъ. И все это безъ всякихъ исключительныхъ заслугъ и талантовъ! А былъ примѣръ полученія полка въ ротмистерскомъ чинѣ... съ адъютантской должности!..

— Ну, я знаю скачки и въ мирное время не хуже вами указаннаго,—замѣтилъ полковникъ генеральнаго штаба.—Въ 1905 году—штабсъ-ротмистръ гвардіи, а въ 1910 году—командиръ армейскаго полка. За что—не знаю, какъ этого, вѣроятно, не знаетъ никто изъ присутствующихъ!..

Слушая такой разговоръ (а я слушалъ подобные діалоги не разъ и не два, а много разъ), я перенесся мысленно снова въ Манчжурію, на театръ военныхъ дѣйствій. Мнѣ представилась опять сложная военная обстановка, тяжелое положеніе войскъ послѣ первыхъ неудачъ; постоянные ошибки командnаго элемента; исканіе «подходящихъ» людей со стороны высшаго управленія арміей и со стороны меньшей братіи, искавшей опоры, именъ; фатальное «безлюдіе», (за исключеніемъ двухъ—трехъ именъ на всю милліонную армію); взаимное обвиненіе, интриги, происки, невѣрныя донесенія; стремленіе составить свое благополучіе не на полезной работѣ, а на случаѣ...

Вотъ они, думалъ я, плоды нашего воспитанія и условій службы въ мирное время! Вотъ они, плоды отсутствія дѣловой атмосферы, отсутствія чистыхъ, высокихъ идеаловъ, сознанія *общности* интересовъ, *общности* дѣла;

плоды взаимнаго недовѣрія; погоня за личными благами! Гдѣ же она, эта Россія, которой мы должны служить? Я слышу только: мы, вы, они; вамъ хорошо, намъ худо; для васъ все, для насъ ничего!.. Ну, а для нея, для Россіи—что?

— Господа,—обратился я къ спорящимъ;—я начинаю понимать одну изъ существенныхъ причинъ нашихъ хроническихъ пораженій. У насъ не одна, а три арміи: гвардія, армія и генеральный штабъ. Мы раздѣлили кадръ арміи, т. е. офицеровъ, на три категоріи, и давъ имъ разныя права, дали поводъ къ мѣстничеству, къ взаимному нерасположенію и учету... Я не отрицаю личныхъ интересовъ; я думаю даже, что безъ нихъ не можетъ быть и совершенствованія. Но личный интересъ долженъ быть связанъ съ общимъ. Человѣкъ долженъ добиваться личнаго благополучія: это въ натурѣ его. Но условія жизни должны быть таковы, чтобы это благополучіе не давалось *даромъ*; въ особенности же, если оно получается изъ общей казны, общественнаго сундука! Съ другой стороны, если служащій общему дѣлу знаетъ его хорошо, работаетъ усердно и честно, то онъ имѣетъ право на признательность и награду со стороны общества, т. е. государства. Примѣняя это къ затронутому нами вопросу, я скажу такъ: пусть идутъ впередъ, пусть двигаются одни быстрѣе другихъ; но пусть это будетъ соединено съ *общими* интересами. А эти послѣдніе, конечно, нуждаются въ талантахъ, въ *знаніяхъ*, способности и энергіи. При чемъ всѣ эти качества должны быть *доказаны* вполнѣ осязательно, а не предполагаемы на основаніи «внѣшняго вида», службы въ привиллегированномъ званіи, участія на скачкахъ, конкурсахъ и проч... Арміи нужны *военные* люди съ большими *знаніями* и съ обширнымъ военнымъ *кругозоромъ*. Только такихъ людей и выдвигать надо. Только такіе имѣютъ право «на обходъ» своихъ сослуживцевъ.

— Но откуда ихъ взять?—спросилъ кто-то.—Вѣдь наше «безлюдіе» тоже фактъ общеизвѣстный.

— Во-первыхъ, наше безлюдіе—только кажущееся. *Люди* всегда есть: надо только умѣть ихъ найти. Скажу даже больше: надо желать ихъ найти. А, во-вторыхъ, нужна соотвѣтствующая *школа* командnаго элемента.

Говорятъ, что «армія барановъ, предводительствуемая

львомъ, лучше, чѣмъ армія львовъ, предводительствуемая бараномъ».

Это было справедливо прежде, при небольшихъ арміяхъ, дравшихся въ предѣлахъ поля зрѣнія невооруженнаго глаза. Теперь это не такъ: арміи, оперирующія на одномъ театрѣ войны, доходятъ до 1 милліона человѣкъ; а въ бою участвуетъ одновременно 300—400 тысячъ, развернувшихся на фронтѣ до 80 верстъ (Мукденъ): одному льву не управиться.

Да и кромѣ того, въ первомъ случаѣ замѣстителями и помощниками льва являются бараны, а во второмъ случаѣ на смѣну барана являются львы!..

Нѣтъ, господа, на геніевъ разсчитывать нечего! Надо сознательно и систематически *готовить* для арміи тотъ элементъ, изъ коего дѣлается выборъ начальниковъ.

Элементъ этотъ долженъ быть однородный по своей подготовкѣ. Это необходимо, какъ для взаимнаго пониманія работниковъ одного и того же дѣла, такъ и для культивированія одной и той же «военной доктрины» (начала, принципы примѣненія войскъ на войнѣ и въ бою).

Нужна слѣдовательно «единая» школа командnаго состава.

Школа офицера не ограничивается прохожденіемъ курса наукъ въ томъ или иномъ учебномъ заведеніи, а продолжается и на службѣ въ войскахъ или въ военныхъ учрежденіяхъ (Управленіяхъ, Штабахъ).

Необходимо, значитъ, *единство* не только первоначальной, чисто «школьной» подготовки (прохожденіе черезъ однотипныя учебныя заведенія), но и *единство* служебныхъ *правъ* для всей арміи. Первое условіе у насъ почти соблюдено: среднія военно-учебныя заведенія выравниваются и теперь подъ одинъ типъ. Но въ нихъ нѣтъ еще одинаковыхъ правъ (привиллегіи Пажескаго корпуса). Кромѣ того, желательно закончить дальнѣйшую учебную подготовку офицеровъ учрежденіемъ не только оберъ-офицерскихъ школъ, каковыми у насъ являются, такъ называемыя, офицерскія школы (стрѣлковая, кавалерійская, артиллерійская), но и штабъ-офицерскихъ курсовъ, черезъ кои слѣдуетъ проводить *всѣхъ* штабъ-офицеровъ.

Въ кандидаты же на командировъ полковъ избирать уже потомъ, по окончаніи этихъ курсовъ.

Второе условіе—одинаковыя служебныя права—необхо-

димо, и какъ гарантія «единства» той школы, которая находится *внѣ* «школьной скамьи», и какъ гарантія той жизненной и служебной атмосферы, при которой только и возможна *продуктивная* дѣятельность работниковъ одного и того же дѣла.

Если каждый знаетъ, что для движенія впередъ по іерархической лѣстницѣ нужны только: *трудъ*, *знанія и способности*, то создается именно та *дѣловая* атмосфера, безъ которой немыслимо ни усовершенствованіе дѣловой работы, ни надлежащая подготовка работниковъ, ни нарожденіе талантовъ. Вотъ откуда вытекаетъ всѣми сознаваемая и давно назрѣвшая необходимость уравненія правъ арміи съ правами гвардіи!

Преимущества одного работника общаго дѣла передъ другимъ должны вытекать только изъ *личныхъ* достоинствъ и *личныхъ* заслугъ.

Это—исходное положеніе. Въ жизни, конечно, могутъ быть и отступленія отъ принципа по несовершенству человѣческой натуры. Но принципъ долженъ быть ясно установленъ и для всѣхъ равно обязателенъ.

Я вполнѣ согласенъ съ тѣми, которые говорятъ: нельзя одного обрекать на карьеру съ чиномъ подполковника или полковника въ ея вѣнцѣ, а другому открывать заранѣе широкую дорогу ко всѣмъ должностямъ, даже гражданскимъ. Передъ лицомъ государственной службы всѣ должны быть равны. Арміи нужны прежде всего и больше всего *знающіе* военное дѣло люди, и она не можетъ отказываться отъ выбора таковыхъ изъ всей своей массы.

Я остановился на этомъ вопросѣ дольше потому, что у насъ еще много такихъ лицъ, которыя думаютъ, что за удовольствіе тратить въ столицѣ свои средства (кромѣ казеннаго содержанія) офицеръ долженъ быть вознагражденъ быстрымъ движеніемъ по службѣ.

Въ сущности же вопросъ, мною затронутый, сейчасъ настолько ясенъ, что не требуетъ разъясненія и доказательствъ.

Тѣмъ болѣе что во всѣхъ западно-европейскихъ арміяхъ гвардія не имѣетъ никакихъ *правъ* (сравнительно съ прочими частями) и только въ Германіи имѣетъ большую численность; въ прочихъ же странахъ содержится только—какъ придворныя, декоративныя войска.

Теперь допустимъ, что:

1) Служебныя права у всѣхъ *одинаковы.*

2) Школьная подготовка — *единая.*

3) Передъ зачисленіемъ въ кандидаты на командира полка каждый штабъ-офицеръ прошелъ спеціальный курсъ (по родамъ оружія) и выдержалъ установленное испытаніе.

Выступаетъ самый трудный вопросъ — правильнаго выбора.

— Ну это просто, — замѣтилъ армеецъ, — поставить всѣхъ въ одинъ списокъ по старшинству, сдѣлать отмѣтку о достоинствахъ и затѣмъ назначать по очереди и внѣ ея, смотря по достоинствамъ каждаго.

— Конечно, надо поставить въ одинъ списокъ, въ этомъ для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Трудность въ томъ, какъ выбирать достойнѣйшихъ «внѣ очереди», на какомъ основаніи можно допускать одного обгонять по службѣ другого. Вѣдь это серьезнѣйшій вопросъ и практическаго и принципіальнаго значенія: нельзя допускать, чтобы безталантный обгонялъ талантливаго и мало свѣдующій — человѣка, хорошо знающаго свое дѣло; нельзя мириться съ тѣмъ, что первый будетъ «начальствовать» надъ вторымъ и «учить» его. Такое положеніе нелѣпо принципіально и вредно на практикѣ.

Чтобы избѣгнуть его или, вѣрнѣе, чтобы уменьшить шансы на его появленіе, необходимо строго *обосновывать* избраніе достойнѣйшаго. Критеріемъ достоинствъ должны быть прежде всего осязательныя (а не предполагаемыя) качества, доказанныя работами общаго значенія, трудами, извѣстными многимъ и выдѣляющимъ данное лицо изъ ряда сверстниковъ; затѣмъ — аттестаціи цѣлаго ряда начальниковъ, выданныя подъ отвѣтственностью за ихъ правильность. Только при наличіи этихъ условій можно ожидать болѣе или менѣе правильнаго выбора.

Ошибки, конечно, вездѣ возможны, но онѣ не будутъ правиломъ, а только исключеніемъ.

Такъ офицеръ долженъ достигать должности командира полка.

— А дальше.

— Дальше то же самое правило, т.-е. справедливый, *обоснованный* выборъ «достойныхъ», непремѣнно изъ числа командовавшихъ полками. При чемъ на этихъ должностяхъ

можетъ быть примѣнена германская система, т.-е. обязательное увольненіе тѣхъ, кто 2—3 раза былъ «обойденъ» назначеніемъ.

— Позвольте, а что же дѣлать съ тѣми, кои не командовали полками и которые въ то же время занимаютъ генеральскія должности. Вѣдь это особенно относится къ вамъ, господа, — обратился генералъ къ полковнику генеральнаго штаба, подчеркивая послѣднія слова.

— Столько же къ намъ, какъ и къ вамъ, — огрызнулся полковникъ. — Я могу вамъ назвать цѣлую серію лицъ, особенно изъ категоріи «состоящихъ при», которыя произведены въ генералы не только ничѣмъ не командуя, но и не имѣя за собою никакихъ особыхъ «данныхъ», хотя бы въ видѣ столь вами игнорируемаго «высшаго образованія».

— Господа, — прервалъ я спорящихъ, — не будемъ пикироваться, а разберемъ это положеніе спокойно.

Надо сознаться, что число лицъ, ничѣмъ не командовавшихъ и все же занимающихъ большія должности, очень велико [1]).

Здѣсь есть и чины центральныхъ управленій, и лица, занимающія должности внѣ военнаго вѣдомства (придворныя, полицейскія и проч.).

Да, поистинѣ трудный вопросъ.

Трудный не потому только, что много лицъ пользуются военнымъ мундиромъ и прерогативами военной службы, находясь далеко «внѣ ея»; но главнымъ образомъ потому, что лица эти съ большимъ вліяніемъ.

Конечно, такое положеніе, въ интересахъ общаго дѣла, нельзя признать желательнымъ.

Служба въ войскахъ и войсковыхъ штабахъ, какъ школа будущаго начальника, должна считаться выше, чѣмъ служба въ канцеляріяхъ или на такихъ должностяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ *военнымъ* дѣломъ.

Ясно, что вторые не должны имѣть преимуществъ передъ первыми: иначе всѣ, кто только имѣетъ возможность, будутъ бѣжать изъ войскъ, изъ строя, изъ войсковыхъ штабовъ, ища болѣе выгодныхъ и удобныхъ должностей. Получивъ тамъ чины въ «обходъ» своихъ войсковыхъ свер-

---

[1]) Лица эти иногда поражаютъ своимъ незнаніемъ войсковой жизни, условій, въ коихъ работаютъ войска.

стниковъ, они потомъ возвращаются въ строй, но уже на высшія должности, гдѣ эти неопытные и молодые люди будутъ начальствовать и учить заслуженныхъ, опытныхъ, старыхъ служакъ, отлично аттестованныхъ, но не имѣвшихъ случая своевременно «устроиться»!..

Нужно-ли доказывать вредъ подобныхъ порядковъ?

Однако, нельзя не признать, что среди лицъ, не командовавшихъ войсковыми частями, есть много способныхъ, талантливыхъ и полезныхъ для *дѣла* работниковъ. *Общіе* интересы требуютъ, чтобы имъ не закрывалась широкая служебная дорога. Нужно только, чтобы къ нимъ были приложены *справедливыя* правила: они не должны обгонять по службѣ своихъ строевыхъ сверстниковъ, т.-е. производство ихъ должно равняться по младшимъ сверстникамъ, служащимъ въ войскахъ.

Что же касается лицъ, находящихся «внѣ военнаго дѣла», на должностяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ военнымъ дѣломъ, то они должны переименовываться въ гражданскіе чины и носить гражданскую форму.

Но есть еще категорія лицъ, которыя, не служа въ войскахъ или съ ними, обслуживаютъ, однако, только войска, и не могутъ быть замѣнены гражданскими чинами. Къ числу таковыхъ относятся служащіе въ *техническихъ* заведеніяхъ арміи — артиллерійскихъ и инженерныхъ.

Они справедливо жалуются, что, сидя десятки лѣтъ на однихъ и тѣхъ же должностяхъ, они не имѣютъ прямого движенія по службѣ и часто получаютъ начальниковъ «со стороны», не знакомыхъ съ тѣмъ дѣломъ, которое имъ вручаютъ.

По моему, и здѣсь необходима справедливая и полезная для дѣла *система:* преемственность должностей, при чемъ *техникъ,* какъ и полицейскій или жандармъ, въ войска не возвращается, а идетъ строго по своей линіи.

Резюмирую высказанныя положенія:

1) *Единство* служебныхъ правъ всей арміи, т.-е. всѣхъ работниковъ одного и того же дѣла.

2) *Единство* школьной подготовки по каждому роду войскъ.

При чемъ школа должна давать будущимъ офицерамъ основательное *знаніе дѣла* и привычку къ труду.

3) Штабъ-офицерскіе курсы передъ зачисленіемъ въ

кандидаты на должность командира полка, по каждому роду оружія. Курсы эти должны освѣжить въ представленіи офицера всѣ главнѣйшія положенія военнаго дѣла, особенно своего рода войскъ и сообщить ему новое въ военной техникѣ и въ условіяхъ веденія боя и войны.

4) Для каждой командной должности (начиная съ командира полка) — *одна* линія кандидатовъ, безъ раздѣленія на гвардію, армію и генеральный штабъ или на какія-нибудь иныя категоріи.

5) Преемственность должностей въ разныхъ спеціальныхъ отрасляхъ военнаго дѣла, но съ ограниченіемъ въ производствѣ, — равняясь съ младшими сверстниками въ строю.

6) Назначеніе «внѣ очереди» только для тѣхъ, кто дѣйствительно выдѣлился изъ общей линіи кандидатовъ и доказалъ это вполнѣ осязательно: пріобрѣлъ «имя», имѣетъ соотвѣтствующую трудами или талантомъ заслуженную репутацію.

Вотъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ, по моему мнѣнію, армія будетъ обезпечена надлежащимъ командным составомъ... если, конечно, все остальное въ ней будетъ гармонично, нормально, здорово.

— Что это «остальное»? — спросилъ генералъ.

— А все устройство арміи: организація, обученіе, воспитаніе, подготовка матеріальная. Вѣдь все это имѣетъ громадное значеніе и на развитіе офицеровъ и на складъ взглядовъ, на привычки или такъ называемыя традиціи.

— Вы хотите сказать, что вся обстановка, въ которой живетъ и работаетъ человѣкъ, вліяетъ на складъ его понятій и привычекъ, — подсказалъ полковникъ генеральнаго штаба, вспомнивъ, вѣроятно, уроки М. И. Драгомирова.

— Безъ сомнѣнія, такъ. Но я хочу, кромѣ того, подчеркнуть необходимость такого устройства арміи, которое *объединяло* ее, усиливало и укрѣпляло бы дѣятельность многихъ органовъ этого *организма*. Я хочу отмѣтить, что организація должна способствовать *единенію* и *взаимопомощи* всѣхъ родовъ войскъ и ни въ коемъ случаѣ *не* сѣять между ними розни.

— Какимъ образомъ организація можетъ сѣять рознь въ войскахъ? — скептически замѣтилъ генералъ.

— По этому поводу вспоминаю статьи г-на Е. И. Мар-

тынова въ «Голосѣ Москвы», подъ заглавіемъ «Рознь въ арміи». Въ нихъ довольно подробно разобранъ этотъ вопросъ.

Я вполнѣ согласенъ съ авторомъ ихъ и нахожу необходимымъ объединить войска *формой одежды*, устройствомъ отдѣльныхъ частей, наименованіемъ ихъ подраздѣленій, штатами въ каждомъ родѣ войскъ. Причемъ въ основаніе при рѣшеніи вопросовъ должна быть взята *пѣхота*, какъ главный родъ войскъ.

— Значитъ, вы хотите все нивеллировать, обезличить? — замѣтилъ генералъ.

— Хочу объединить, Ваше-ство.

Отмѣчаю такія положенія, которыя приносятъ одинъ вредъ, усложняя работу довольствующихъ учрежденій, увеличивая расходъ казны и сѣющія рознь въ войскахъ.

Возьмите, напримѣръ, вопросъ обмундированія. Почему кавалерія должна быть одѣта красивѣе другихъ войскъ, — не понимаю? Говорятъ — традиціи. Какія традиція?

Если боевыя, то пѣхота въ этомъ отношеніи всегда стояла много выше конницы!..

Если красивую форму одежды считать *отличіемъ*, то я не вижу никакихъ основаній для того, чтобы одѣвать кавалерію красивѣе пѣхоты. Какъ разъ обратно: пѣхота должна пользоваться наибольшимъ вниманіемъ.

Но я не смотрю на войска, какъ на игрушку или декорацію, а потому думаю, что всѣ должны быть одѣты *одинаково*, и при томъ въ мирное время должны носить ту же одежду, въ которой выходятъ на войну.

О нивеллированіи или обезличеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Индивидуальность, особенность, личная гордость частей должна базироваться *не на одеждѣ*, не на лацканахъ и рейтузахъ, не на киверахъ, кантахъ и обшлагахъ, *а на боевой подготовкѣ!* Пусть соревнуютъ въ *знаніяхъ*, въ *работѣ* по изготовленію себя къ тому, для чего они существуютъ и на что Родина ихъ тратитъ милліарды денегъ!

— Ну, ужъ вы сѣли на своего конька! — замѣтилъ генералъ.

— Да, сѣлъ. Для того, чтобы еще разъ сказать, что войска должны составлять *единую* армію, а не отдѣльныя касты, величающіяся венгерками или лацканами.

Пусть величаются настоящимъ *дѣломъ!* Пусть вспомнятъ, что великія военныя дѣла совершались прежде всего *пѣхотой!..*

Пусть вспомнятъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя переноситъ на своихъ плечахъ интендантство, обязанное снабжать армію *двойной* одеждой и самой разнообразной для кавалеріи.

А учетъ? А освѣженіе, храненіе колоссальныхъ запасовъ одежды разнообразной формы?

Вѣдь одна регламентація вопроса: какъ одѣваться въ разныхъ случаяхъ обратилась въ цѣлую науку! Томы разъясненій и указаній и... я не знаю ни одного случая, чтобы офицеры разныхъ частей, собравшіеся по какому-либо случаю, были бы одѣты однообразно, т.-е. въ одну «форму»!..

Это ли идеалъ постановки вопроса объ одеждѣ войскъ?..

А сколько денегъ тратится на это!...

Нѣтъ, я смотрю на дѣло иначе и мечтаю о томъ, чтобы будущій начальникъ воспитывался въ атмосферѣ *единенія всѣхъ родовъ войскъ*, въ атмосферѣ, очищенной отъ микробовъ розни, взаимнаго недовѣрія и недоброжелательства.

Я твердо вѣрю, что традиціи, тѣ традиціи, которыя нужны дѣлу и Родинѣ, заключаются не въ формѣ обмундированія а въ сознаніи своего долга и въ убѣжденіи, что безъ серіозныхъ, дѣловыхъ *знаній* нельзя нынѣ сдѣлать ни одного шага, особенно большому начальнику.

Ходячіе выкрики о *духѣ* меня нисколько не удовлетворяютъ. Я знаю, что духъ, т.-е. *душевная бодрость*, не можетъ явиться по щучьему велѣнію; для нея, какъ и для всякихъ душевныхъ проявленій, нужна *почва*, реальныя данныя.

А эти данныя бываютъ только результатомъ упорнаго труда и прочныхъ знаній.

— Вы вѣдь извѣстный пессимистъ! — замѣтилъ генералъ.

— Да, можетъ быть. Сознаюсь, не набрался «оптимизма»: не вижу данныхъ для него.

— Но вѣдь такъ же нельзя работать, такъ тяжело работать!..

— Конечно, не легко. Работать всегда трудно. Но если работаете съ толкомъ, то изгоняете постепенно и свой пессимизмъ.

Улыбаться же тогда, когда надо плакать, я не могу, да и не нахожу это умнымъ и полезнымъ [1]).

Этакъ можно уподобиться тому дурачку, который смѣялся на похоронахъ, или тому горбуновскому ямщику, который успокаивалъ барина, говоря: «ничего, ничего»,—пока не перевернулъ бричку!.. Даже оптимистъ на подобіе извѣстнаго прусскаго генерала Блюхера [2]) меня не прельщаетъ, ибо г-нъ Блюхеръ сдался съ своимъ корпусомъ въ плѣнъ и былъ *битъ* Наполеономъ несчетное число разъ, и вообще очень далекъ отъ идеала начальника; если подъ Ватерлоо онъ принялъ участіе въ пораженіи Наполеона, то этимъ обязанъ своему начальнику штаба—генералу Гнейзенау; къ тому же и самое пораженіе Наполеона явилось равнодѣйствующей многихъ причинъ, изъ коихъ на долю Блюхера выпало... основательное пораженіе подъ Линьи, за два дня до Ватерлооскаго сраженія.

Нѣтъ, Богъ съ ними, съ такими оптимистами!

Другое дѣло такіе оптимисты, какъ Суворовъ и Скобелевъ! Но эти вѣдь были глубоко *знающими свое дѣло* и *образованнѣйшими людьми* своего времени...

Но я отвлекся отъ разбираемаго нами вопроса—о подготовкѣ командnаго элемента.

Впрочемъ, и эти мысли объ оптимистахъ пригодятся мнѣ: для воспитанія здоровыхъ, полезныхъ оптимистовъ—будущихъ начальниковъ нужна здоровая, дѣловая обстановка службы, которая давала бы постоянную пищу оптимизму, т.-е. питала бы *вѣру въ свои силы и довѣріе къ своимъ руководителямъ* [3]); питала не фразами, конечно, а осязательными, реальными аргументами.

При наличіи такой обстановки и съ тѣми мѣрами, которыя я намѣтилъ...

— Вы думаете, можно разсчитывать на «побѣдоносный» командный элементъ,—иронически вставилъ генералъ.

---

[1]) Какъ будешь улыбаться и чему радоваться, прочитавъ, напримѣръ, недавно введенное Положеніе о «дивизіонномъ» интендантѣ? Тамъ, гдѣ справлялись съ дѣломъ 3—4 офицера штаба дивизіи, *добавлено* еще *три* интендантскихъ офицера! Сосчитайте, сколько обойдется казнѣ ихъ содержаніе, и спросите у знающихъ людей: *что* будутъ дѣлать эти новые чины штаба (управленія) дивизіи, сколько треній, сколько неестественныхъ положеній вызоветъ новое Положеніе, совершенно не соображенное съ жизнью и пользою реальнаго дѣла!!!

[2]) См. № 73 „Русскаго Инвалида“ за 1911 годъ.

[3]) Довѣріе это, равно какъ и уваженіе, *пріобрѣтается* только личными качествами и дѣятельностью, основательность (польза) которой видна всѣмъ

— Нѣтъ, того, что я перечислилъ, *недостаточно* еще для «побѣдъ», особенно надъ арміей культурной страны. Я указалъ только схему подготовки начальниковъ въ самой арміи.

Но вѣдь армія *не* есть нѣчто отвлеченное, оторванное отъ остального государства, народа!

Армія есть только *часть* цѣлаго, плоть отъ плоти, кость отъ кости своей націи!.. То, что дѣлается въ странѣ, отражается и на войскахъ.

Я имѣю въ виду основныя свойства націи и условія воспитанія народа, изъ коего всѣ мы выходимъ.

Сильная армія можетъ быть только у сильнаго народа. Народъ силенъ своей культурой, привычкой къ *труду*, достоинствами этого труда, привязанностью къ результатамъ этого труда, къ гнѣзду, имъ созданному, т.-е. къ тому, что мы именуемъ *Родина*.

Интересы ея тѣсно связаны съ интересами каждаго индивидуума...

Это необходимо чувствовать и сознавать. На этой почвѣ выростаетъ истинный патріотизмъ, т.-е. готовность каждаго жертвовать своими личными интересами во имя общаго блага, того блага, которымъ потомъ воспользуются его дѣти, внуки и правнуки... Я люблю мою Родину, потому что это— я самъ. Я приношу ей въ жертву мое земное «*я*», потому что оно этимъ не кончается, и въ ней, моей дорогой *Родинѣ*, я оставляю много этого «*я*»: мое потомство, мои дѣла, мое имя. Я люблю мою Родину потому что она «*Моя*», а я— часть этого цѣлаго.

Вотъ гдѣ источникъ любви къ Родинѣ и начало истиннаго патріотизма.

Я люблю мое дѣло не только потому, что оно даетъ мнѣ средства къ существованію, но и потому, что имъ я связанъ со всѣмъ меня окружающимъ, при помощи его я приношу пользу тому цѣлому, внѣ котораго я—ничто, или очень мало. Вотъ начало любви и преданности *дѣлу* со стороны «служилаго» люда.

Такъ воспитанная нація сильна и морально и физически. Армія, вышедшая изъ такой націи, будетъ ясно понимать истинный смыслъ своего назначенія, свои священныя обязанности...

— И не будетъ тогда той непріязни къ «штатскимъ»,

тѣхъ эксцессовъ, кои преподносили намъ г.г. Коваленскіе, Марченко и другіе,—вставилъ кто-то изъ штатскихъ.

— Да, не будетъ,—подтвердилъ я.—Не будетъ эксцессовъ ни съ одной, ни съ другой стороны. Такъ какъ обѣ стороны будутъ видѣть другъ въ другѣ работниковъ одного и того же *дѣла*, связанныхъ общими интересами и направляемыхъ законами, одинаково для всѣхъ обязательными.

Каждый будетъ понимать, что лично онъ, какъ единица — ничто, а какъ составная часть цѣлаго — сила. Уважая цѣлое, будетъ уважать и составныя его части...

Сила націи, повторяю, въ ея единствѣ, ея сплоченности, ради служенія общему дѣлу, ради *общаго* блага!..

Если это сознаніе сильно въ народѣ, привито всѣмъ служащимъ,—оно будетъ сильно и въ арміи.

«Угодничество» и «приспособленіе» къ вкусамъ отдѣльныхъ личностей сдѣлается тогда исключеніемъ; равно какъ и—невѣжество, увлеченіе пустяками, мелочами и внѣшностью. Не будетъ тогда и хроническаго «отбыванія номеровъ» (вмѣсто добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей), этого слагаемаго изъ невѣжества, лѣни и угодничества.

Армія будетъ серіозно готовиться къ тому экзамену, для котораго она содержится, отбросивъ въ сторону все эгоистичное, все мелочное, все неподходящее къ высокому идеалу—служенія Родинѣ.

Выросшіе на такой почвѣ люди представятъ отличный матеріалъ, который послѣ прохожденія *единой* школы *обученія* и *службы* дастъ арміи тотъ командный элементъ, коему не страшны будутъ и не совсѣмъ счастливые полководцы, и неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, и даже первыя неудачи!..

* *
*

ПОЧЕМУ КАЗАКИ ОБѢДНѢЛИ.

Дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ.
(Народная пословица).

I.

Часто при разговорѣ въ обществѣ приходится слышать, что казаки богаты, что казачество это—что-то такое заманчивое, обезпеченное, свободное, что казачьи земли это—какіе-то обѣтованные края, текущіе млекомъ и медомъ съ рѣками, имѣющими кисельные берега. Единственной основой для подобнаго сужденія является четверостишіе нашего поэта:

«На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ.»

Но увы, эти счастливые дни казачества уже давно ушли въ далекое прошлое и не цвѣтущія станицы увидитъ теперь взоръ и не весело пляшущій хороводъ. Убогія покрившіяся хаты представятся глазамъ путника при проѣздѣ по войску, и эти хаты составятъ половину станицы.

Но отчего же казаки обѣднѣли? Кто виноватъ въ этомъ? Неумѣлое ли хозяйничанье войсковымъ имуществомъ и капиталами, неумолимыя ли требованія тяжелыхъ условій новаго экономическаго строя жизни? Виноваты ли сами казаки или опекающее ихъ многочисленное начальство?

При взглядѣ на прошлое казачества мы видимъ, что казаки вплоть до начала XIX вѣка, какъ военное служилое сословіе (вмѣстѣ съ дворянами и стрѣльцами), обязанное выходить на службу «конно, людно и оружейно» и «на своемъ коштѣ», обязанное поголовною военною службою, пользуются со стороны правительства всевозможными льготами. Правительство за этотъ періодъ освобождаетъ казачество отъ какихъ бы то ни было государственныхъ налоговъ; казаки не платятъ ни подушныхъ, ни поземельныхъ и

никакихъ другихъ налоговъ; оно не требовало съ казаковъ даже гербоваго сбора съ ихъ челобитенъ и прошеній. Напротивъ, стараясь облегчить казачеству отбываніе его главной повинности—военной службы, и понимая всю тяжесть по снаряженію казака на эту службу, оно идетъ къ нему навстрѣчу и вплоть до царствованія Александра I даетъ всѣмъ казачьимъ войскамъ годовое жалованье.

Казачьи войска: Донское, Уральское (Яицкое), Гребенское и Терское, находясь по границамъ государства, какъ вооруженная сила, нужная во всякое время и крайне необходимая на границѣ, какъ оплотъ противъ хищныхъ и безпокойныхъ и всегда враждебныхъ Россіи сосѣдей, получали ежегодно разъ навсегда опредѣленное каждому войску отдѣльно, царское жалованье сукнами и деньгами. Жалованье это въ до-Петровское время для всего, напримѣръ, яицкаго войска выражалось отпускомъ на все войско, по числу 600 человѣкъ,—деньгами 200 рублей и на сукна каждому казаку по портищу (по куску сукна) всего 600 портищъ [1]). Сукна эти не всегда выдавались войску натурой, а иногда деньгами. Такъ, по разсчету 1719 года въ царствованіе Петра, яицкіе казаки получали за 600 суконъ деньгами 753 р. 8 алтынъ 2 деньги. Всего же 953 р. 8 алтынъ 2 деньги, что составитъ для нашего времени, если считать каждый рубль того времени въ 15 нынѣшнихъ рублей, сумму, равную, приблизительно, 14 тысячамъ рублей или по 23 рубля на годъ каждому казаку.

Послѣ Петра Великаго, съ увеличеніемъ населенія, въ казачьихъ войскахъ увеличивается соотвѣтствующимъ образомъ и окладъ.

Такъ, въ 1725 году послѣ переписи яицкаго войска полковникомъ Захаровымъ, это жалованье войску назначается на 3196 человѣкъ въ 1500 руб.,—суммѣ, равной по нашему времени 22.500 руб., т.-е. по семи руб. на человѣка. Въ слѣдующіе же годы всѣмъ казачьимъ войскамъ выдается хлѣбъ и вино, такъ, яицкому войску съ 1734 года выдается на все войско провіантъ и сто ведеръ вина [2]).

Въ донскомъ войскѣ этотъ окладъ жалованья въ петровскія времена выражался выдачею на все донское войско

---

[1]) Моск. арх. главн. шт., опись 107, кн. 30 Казачьяго повытья, листы 252—254.

[2]) Моск. арх. главн. шт., опись 107, кн. 141, листъ 4, Казачье повытье. Эти свѣдѣнія находятся по всѣмъ книгамъ этого повытья.

деньгами 17142 руб., пороху 230 пудовъ, свинцу 150 пудовъ, хлѣба семь тысячъ четвертей и вина 500 ведеръ [1]). Хлѣбъ этотъ сплавлялся на казенный счетъ въ бударахъ (лодкахъ) до Новочеркасска.

Провіантъ для яицкаго (уральскаго) войска не всегда выдавался натурою: такъ, въ 1735 году вмѣсто хлѣба было выдано деньгами за слѣдуемыя войску 1598 четвертей по справочнымъ самарскимъ цѣнамъ 3355 рубл. [2]), т.-е. по нашему времени сумму, равную 50.325 рублямъ или по 15 р. 70 к. на человѣка, что вмѣстѣ съ отпускаемымъ денежнымъ жалованьемъ составляло 22 р. 70 коп. на человѣка въ годъ, т.-е. почти ту же сумму, которую яицкій казакъ получалъ до царствованія Петра Великаго.

Такимъ образомъ, правительство, стараясь поддержать экономическій быть казачества, не только освобождаетъ его отъ какихъ бы то ни было налоговъ, но предоставляетъ ему матеріально всевозможную поддержку, снабжая казаковъ, кромѣ пороха, свинца и ядеръ, еще и жалованьемъ, провіантомъ и виномъ. Но кромѣ этого, при выступленіи въ походъ или иную службу внѣ войска, казаки получали подъемное жалованье, которое колебалось отъ 5 до 8 рублей,—сумма по тому времени вполнѣ достаточная, чтобы казакъ имѣлъ возможность подняться на службу. Въ то время лошадь, напримѣръ, на Яикѣ стоила отъ 3 до 5 рублей. Обмундированія никакого не требовалось,—казакъ выходилъ на службу въ той одеждѣ, какую носилъ у себя дома. Во время нахожденія его на службѣ онъ получалъ жалованье 10 рублей въ годъ, что равносильно приблизительно 150 рублямъ нашего времени, т.-е. приблизительно по 13 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ этого онъ, какъ и теперь, получалъ кормовыя или кормъ натурою себѣ и лошади [3]).

Съ половины же XVIII вѣка казаки получаютъ при выходѣ на внѣшнюю службу уже разъ навсегда опредѣленный по штату окладъ какъ подъемнаго жалованья, такъ и жалованья во время нахожденія на службѣ. Подъемное жалованье выражается тою же цифрою въ пять рублей, вполнѣ достаточной казаку для пріобрѣтенія лошади, стоившей

---

[1]) Тамъ-же, опись 1, часть 5, кн. 196, дѣло 734, листъ 114. Окладъ на 1723 годъ.

[2]) Тамъ же, опись 107, кн. 141, п. 4.

[3]) Эти свѣдѣнія находятся по всѣмъ книгамъ описи 107 казачьяго повытья, Москов. арх. главн. шт.

тогда на Яикѣ тѣ же пять-шесть рублей. Измѣняется только окладъ жалованья за службу. Такъ, тысяча донцовъ и тысяча яицкихъ казаковъ, отправленныхъ въ 1758 году на службу въ Сибирь къ китайской границѣ, получали слѣдующее годовое жалованье: походный атаманъ 200 руб., полковникъ 100 р., есаулы, хорунжіе и сотники по 18 руб., рядовые по 12 руб. въ годъ [1]) Переведя это на наше время, получимъ, что атаманъ получалъ около трехъ тысячъ рублей, полковникъ 1500 руб., младшіе офицеры 270 р. и рядовые 180 рублей въ годъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ младшихъ чиновъ, атаманъ и полковникъ получали вполнѣ достаточный окладъ, чтобы поддерживать на службѣ свою одежду и снаряженіе. Для рядового казака 15 рублей въ мѣсяцъ являлось тоже вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ,—вѣдь надо было во время службы одѣваться и поправлять снаряженіе.

Кромѣ себя и лошади, казакъ, какъ мы уже знаемъ, получалъ или деньгами, или натурою. Кормъ деньгами выражался для рядового казака дачею отъ 8 до 10 денегъ или отъ 4 до 5 к. въ день, т.-е. переводя на наше время отъ 10 до $12^1/_2$ коп. въ сутки на человѣка. Деньги на конскій кормъ выдавались лишь только тогда, когда не было фуража. Окладъ на этотъ кормъ значительно колебался, смотря по мѣсту и времени похода. Такъ, во время того же похода въ 1758 году въ западную Сибирь (на р. Иртышъ), донцы и яицкіе казаки получили за время марша за 7 мѣсяцевъ фуражныхъ денегъ за все время по 5 руб. 40 коп. на каждую лошадь [2]), равныхъ нашимъ приблизительно— 56 руб. 70 коп., или по 8 руб. 10 коп. на лошадь въ мѣсяцъ, т.-е. почти то же, что стоитъ содержаніе лошади и въ настоящее время въ Западной Сибири.

Въ половинѣ же XVIII столѣтія яицкое войско и другія казачьи войска получаютъ за свои службы царскія грамоты на право виннаго откупа, на право свободной продажи вина и соли въ предѣлахъ войска, а яицкое казачество въ 1752 году, кромѣ того, и гурьевскіе рыбные промыслы [3]).

---

[1]) Моск. арх. гл. шт., опись 47, кн. 61, дѣло № 11, листъ 634.

[2]) Моск. арх. гл. шт., опись 47, кн. 61, дѣло № 11, листъ 34.

[3]) Переписка по этому поводу и челобитья войскъ находятся въ дѣлахъ Моск. арх. гл. штаба по 107 описи казачьяго повытья кн. 141. Тамъ же подробно изложены ежегодныя выдачи жалованья всѣмъ казачьимъ войскамъ.

Формы, какъ мы уже знаемъ, никакой не полагалось; не требовалось однообразія и въ конскомъ снаряженіи, и въ вооруженіи. Казаки имѣли оружіе, какое находили для себя наилучшимъ: копья (нынѣ пики), сабли, винтовки (турки) или тульскія гладкоствольныя пищали, а позднѣе и пистолеты. Это оружіе, какъ необходимое казаку всегда, не вызывало у него при выступленіи на службу никакихъ расходовъ. Оно заводилось исподволь еще у себя дома, какъ предметы, безъ которыхъ было немыслимо и самое существованіе казачества того времени, имѣвшаго передъ собой всегда многочисленнаго и хищнаго врага—киргизъ на Яикѣ, крымцевъ—на Дону и горцевъ—на Терекѣ.

Но вотъ съ начала XIX вѣка для казачества наступаютъ тяжелыя времена. Вся Россія въ это время стриглась подъ одну гребенку, красилась въ одинъ цвѣтъ; мѣста для личной иниціативы, мѣста для живого духа не было—все это было забито, изгнано изъ обихода Руси. Все приноравливалось къ казармѣ, къ солдатской шеренгѣ. Казачество не подходило подъ общую мѣрку—оно представляло неправильно пришитую пуговицу къ мундиру солдата, стоявшаго на смотру. Появились Аракчеевъ и аракчеевцы. Живому духу наступалъ конецъ. Все что выходило изъ шеренги, что рѣзко бросалось въ глаза, все старались убрать вонъ, выбросить изъ рядовъ или перекрасить въ казарменный цвѣтъ.

Уже въ отечественную войну донцовъ обрядили въ кургузый мундиръ, дали киверъ и шаровары на выпускъ—форму чуждую русскому духу и абсолютно непригодную ни для похода, ни для мирной жизни казака.

Вслѣдъ за донцами, черезъ 30 лѣтъ, въ 1837 году, по примѣру донцовъ, въ эту же кургузую и юмористическую форму обрядили и бородачей-уральцевъ, по своему религіозному убѣжденію старообрядцевъ, глубокихъ патріотовъ и носителей всего древне-русскаго. Потомъ, даже уральцамъ ввели пресловутыя кэпи и бѣлые «панталоны». Какъ вамъ понравится рослый высокій уралецъ-бородачъ, этотъ глубокій націоналистъ и «ревнитель древняго благочестія», еще недавно щеголявшій въ своемъ національномъ бешметѣ и цвѣтномъ кафтанѣ съ откидными рукавами, въ козловыхъ сапогахъ и въ папахѣ съ малиновымъ туманомъ, теперь стоящій туго затянутымъ въ узкую безполую и кургузую куртку съ узкими рукавами, въ кэпи и панталонахъ? Но это,

такъ сказать, между прочимъ. Не въ томъ дѣло, въ какой костюмъ нарядили русскаго человѣка—въ маскарадный, шутовской или боевой. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что его нарядили... нарядили и заставили платить за этотъ нарядъ деньги. А нарядъ этотъ ему былъ совершенно не нуженъ и по своей нецѣлесообразности, и по своей непрактичности для домашняго обихода, а также и по своему шутовскому виду. Вѣдь стыдно русскому человѣку, да еще казаку и при томъ старообрядцу, ходить на посмѣшище всей станицы въ кэпи и панталонахъ?.. Этотъ костюмъ-форма нужна была начальству, чтобы вольная, просторная и красивая старинная русская одежда не рѣзала ему глаза. Начальство не знало и не признавало тогда ничего кромѣ фронтового идеала. Но мало этого, оказалось, что и сѣдло, прослужившее Руси тысячу лѣтъ, тоже не понравилось начальству,— будь оно даже въ серебрѣ, оно было не по формѣ. Надо было бросить всѣ сѣдла и покупать образцовыя. Не понравились начальству и прекрасныя казачьи винтовки-турки. Эти чудныя ружья, изъ которыхъ казакъ билъ навѣрняка въ любую точку, были забракованы. Казакамъ дали гладкоствольные карабины, изъ которыхъ, какъ говорили казаки, и въ заборъ не попадешь. Дали сѣдла и карабины и приказали заплатить деньги. Не понравились начальству и старыя казачьи, доставшіяся отъ отцовъ и дѣдовъ, сабли. Не понравились и жалованныя казакамъ за отличія именныя дареныя царями сабли. А такихъ сабель за трехсотлѣтнюю службу войско получило отъ царей сотни, гордилось ими и носило ихъ съ честью. Не понравились онѣ фронтовому начальству, а Аракчеевъ, говорятъ, въ обморокъ падалъ, когда видѣлъ у рядового казака всю въ серебрѣ и украшенную камнями жалованную саблю.

Не образцовыя, не форменныя у васъ сабли,—говорило начальство,—и приказали казакамъ купить сабли образцовыя, никуда негодныя, тяжелыя, но зато образцовыя: ручка вся мѣдная, съ дужками, чтобы непріятель нечаянно ручку у казака не поцарапалъ, а ножны у ней такія свѣтлыя, блестящія. Ничего что ни карабинъ, ни сабля въ дѣло никуда не годились, за то блестятъ, гремятъ, за версту слышно, что казакъ ѣдетъ, и на солнцѣ играютъ, а главное куда ни взгляни,—у всѣхъ одинаково, ни малѣйшаго отступленія отъ слитнаго однообразія.

Избѣгли этой горькой доли только одни кавказскіе казаки терцы и кубанцы. За время своей многолѣтней службы терцы и кубанцы постепенно утратили свой русскій казачій костюмъ и стали одѣваться такъ же, какъ и ихъ сосѣди горцы, въ бешметъ и черкесску, кстати сказать, мало чѣмъ отличавшихъ отъ стараго національнаго казачьяго костюма, напримѣръ, уральскаго.

Черкесскій и уральскій бешметъ были точная копія одна съ другого. Уральскій казачій кафтанъ былъ такъ же, какъ и черкесска съ вырѣзомъ на груди, откуда выглядывалъ цвѣтной, обычно шелковый, бешметъ. Только рукава были уже чѣмъ у черкесски. Терцы и кубанцы, въ сущности, только слегка видоизмѣнили старый казачій кафтанъ, продѣлавъ къ нему газыри для патроновъ, и взявъ широкіе рукава отъ горцевъ.

Это-то легкое измѣненіе въ живописномъ старомъ казачьемъ костюмѣ спасло кавказскихъ казаковъ отъ введенія знаменитыхъ кургузыхъ куртокъ и не менѣе знаменитыхъ кэпи. Одежда у нихъ была не русская, не національная, начальству глазъ не рѣзало. Не все ли равно—вводить нѣмецкую или черкесскую форму, лишь бы она была не похожа на что-нибудь русское.

Оставили терцамъ и кубанцамъ и ихъ пестроту въ одеждѣ и свободу выбора матеріи для шитья. Однимъ словомъ, предоставили имъ по-прежнему выходить на службу въ своей домашней одеждѣ, только прицѣпили погоны. На этомъ реформа у нихъ и окончилась. Отъ нихъ не потребовали даже ни сѣделъ, ни однообразныхъ винтовокъ и сабель. Оставалось все по-старому.

Казалось бы, что разъ форма и однообразное снаряженіе для казачества крайне необходимы для блага родины и для лучшаго одолѣнія врага, и крайне нужны для начальства, то эту форму и слѣдовало бы давать казнѣ или же выдавать на это подъемное жалованье, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, приблизительно, въ размѣрѣ стоимости лошади отъ 75 до 100 рублей казаку (отъ 5 до 8 рублей по окладу того времени). Вѣдь до этого казакъ, выходя на службу, покупалъ только коня—остальное у него было всегда на-лицо.

Казалось, можно было бы вслѣдъ за этимъ ждать и прибавки казакамъ подъемнаго жалованья въ размѣрѣ стоимо-

сти введеннаго имъ снаряженія и обмундированія. Но это только такъ бы слѣдовало. Въ дѣйствительности же правительство, введя форму, снаряженіе и вооруженіе, ничего общаго съ прежнимъ не имѣвшее, и заставляя казака тратить на это громадныя для него суммы, на этотъ разъ не только не пошло навстрѣчу его нуждамъ, не увеличило жалованья на подъемъ, а напротивъ, отняло даже и тѣ 75—100 рублей, которые выдавало для этого до сихъ поръ, и которые равнялись стоимости лошади. Мало того, начальство нашло, что выдаваемыя до сихъ поръ деньги на жалованье всему войску и деньги на провіантъ совершенно не нужны войскамъ и отобрало и ихъ разъ навсегда.

Теперь уже казакъ не только не имѣлъ жалованье у себя дома, въ войскѣ, но и подъемнаго жалованья при выступленіи въ походъ; требованій же для выхода на службу ему не убавили, а прибавили, да какъ прибавили! Снаряженіе, обмундированіе и вооруженіе стало ему обходиться въ три раза дороже. чѣмъ лошадь. Расходы увеличились въ четыре раза, а войсковое и подъемное жалованье... уменьшилось до нуля... Но вѣдь казакъ пользовался тогда льготами, онъ не платилъ никакихъ налоговъ—рѣшили, что взамѣнъ этихъ льготъ пусть онъ и выѣзжаетъ на собственный счетъ. Подсчета же тому, что онъ не платитъ и что отъ него за это берутъ,—сдѣлано не было,—вѣроятно, было недосужно. И сталъ казакъ при выходѣ на службу тратить около 400 рублей. Если бѣденъ, то иди въ кабалу на всю жизнь, но все же подавай все сполна и непремѣнно образцовое.

И лошадь-то казачья стала плоха, стали и ее браковать—давай по положенію; и ростъ чтобы былъ подходящій, и шерстка, и гривка, и копытца по образцу, по инструкціи...

Много комиссій обойдетъ его снаряженіе, обмундированіе и конь. Счастливъ тотъ казакъ, у кого послѣ послѣдней пріемочной комиссіи пройдетъ безъ брака хотя половина. Интендантство, принимая у подрядчиковъ матеріалы за деньги, не такъ тщательно и придирчиво смотритъ ихъ, какъ смотрятъ казачьи комиссіи приносимое на службу для казны даровое для нея казачье снаряженіе.

Это сплошное мытарство, сплошное издѣвательство надъ казакомъ. И сукно то у казака не образцовое, и ремешокъ-то не форменный,—чуть гдѣ какой-нибудь кантикъ или

петелька отъ образцоваго чуть шире или уже хотя бы на миллиметръ, то это уже бракъ.

А конь? Сколько казакъ приметъ съ нимъ горя, пока признаютъ его годнымъ для строя.

Желающихъ познакомиться съ этимъ мытарствомъ казака прошу обратиться къ брошюрѣ Медвѣдева—«Служба донского войска»;—въ ней читатель найдетъ любопытныя картины этого замѣчательнаго явленія.

Задохнулся казакъ.

II.

Но, можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что казачества имѣютъ сбереженія, имѣютъ хорошо организованныя общественныя хозяйства, что казаки имѣютъ, можетъ быть, дѣйствительно большой надѣлъ земли, богатые войсковые общественные капиталы, благодаря которымъ и могутъ снаряжать себя на службу?

Увы, отъ прошлаго земельнаго богатства у казаковъ не осталось и слѣда. Не осталось слѣда и отъ бывшихъ когда-то богатыхъ войсковыхъ капиталовъ. Злополучное хозяйничанье казаками многочисленнаго опекающаго ихъ начальства не ограничилось только отобраніемъ у казаковъ ихъ всѣхъ льготъ и привилегій,—ихъ виннаго и соленаго откупа, ихъ подъемнаго и войскового жалованья деньгами, хлѣбомъ и виномъ. Нѣтъ, это хозяйничанье пошло далѣе.

Вплоть до начала XIX столѣтія казаки дѣйствительно имѣли обширныя земли и по завѣту отцовъ денежки приберегали.

Незамѣтно съ годами накопились большія войсковыя суммы. Хозяйничали и распоряжались этими суммами войсковыя хозяйственныя правленія (ранѣе войсковыя канцеляріи). Войсковые атаманы были свои—казаки, выбранные войскомъ, засѣдали въ войсковыхъ управленіяхъ тоже выбранные войскомъ изъ своей среды офицеры (совѣтники, казначеи и проч.). Распоряжались деньгами умѣло. Да и въ Петербургѣ при Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ были отъ казачьихъ войскъ свои депутаты, которые слѣдили за всѣми расходами казачьихъ денегъ. Прекрасно понимая весь бытъ и нужды казачества, они отлично знали, на что можно тратить деньги и на что нельзя

Но въ годы фронтового идеала, зеленой улицы и шпицрутеновъ, когда все, что носило хотя какой-либо отпечатокъ живого духа, мысли и оригинальности, гналось, красилось одною казенною краской, стесывалось на-отмашь топоромъ, лишь бы было ровно и гладко и не рѣзало глаза ни фельдфебелю, ни капраламъ и тѣмъ паче аракчеевцамъ,—въ эти годы наступили для казачества еще горшія времена! Оно, наконецъ, начало лишаться своего послѣдняго достоянія — выборнаго войскового управленія. Природныхъ казачьихъ войсковыхъ атамановъ замѣнили назначаемыми изъ Петербурга. Выборныхъ отъ войска членовъ войскового правленія, главнаго хозяйственнаго органа казаковъ, замѣнили назначаемыми атаманомъ чиновниками и офицерами. Отъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ постепенно вытѣснили представителей казачьихъ войскъ, и наконецъ, въ 1898 г. совершенно прекратили ихъ назначеніе туда. Стали рѣшать тамъ казачьи дѣла люди, ничего общаго съ казачествомъ не имѣвшіе; не знавшіе ни его духа, ни исторіи, ни нуждъ,—прапорщики, корнеты и капитаны всевозможныхъ строевыхъ частей. Объ этомъ, годъ тому назадъ упраздненномъ, учрежденіи въ казачьихъ войскахъ ходило и ходитъ до днесь не мало разсказовъ, ярко характеризующихъ дѣятельность этого учрежденія. Достаточно сказать, что явившійся въ это управленіе казачій офицеръ могъ подчасъ смѣло ожидать вопроса: «Какого Вы войска»? А о томъ, что уральцевъ одинъ переселялъ въ Уральскія горы, а другой чуть не въ Сибирь,—объ этомъ и говорить нечего.

Что могли эти, ничего не знавшіе о казачествѣ люди, знакомые только съ мертвыми буквами казачьихъ постановленій и законовъ, что могли эти люди дать казачеству? Что могли ввести они полезное казаку? Они не имѣли ни малѣйшаго представленія о тѣхъ, надъ которыми судьба поставила ихъ править.

И вотъ съ этого времени началось то неудержимое, стремительное паденіе казачьяго благосостоянія по той наклонной плоскости, которая, разрушивъ въ корнѣ это благосостояніе, поставила когда то богатаго казака наряду съ самой бѣднѣйшей и обнищалой частью русскаго населенія.

Увидѣло начальство, что несмотря на лишеніе казачества всѣхъ его привиллегій и правъ, оно не падаетъ духомъ,

все еще тянется, все еще дышетъ. НѢтъ-нѢтъ, да Богъ урожай пошлетъ, матушка землица и выручитъ. Казакъ кое-какъ съ одного бока и поправится. Увидало это начальство,—и вспомнило о землѢ. Увидало оно, напримѢръ, что у донцовъ земли очень много; лежитъ мѢстами не тронутая, все степи и степи. Приказали около трехъ милліоновъ десятинъ земли вмѢсто пенсіи раздать офицерамъ войска, къ тому времени успѢвшему превратиться въ дворянскій классъ. Немного спустя, 900 тысячъ десятинъ земли отдали за плату по три копейки въ годъ за десятину въ аренду счастливымъ арендаторамъ для коннозаводства. ИнтереснѢйшимъ образчикомъ хозяйничанья является эта отдача девятисотъ тысячъ десятинъ казачьей земли подъ частное коннозаводство. Въ одномъ изъ декабрскихъ номеровъ «Новаго Времени» за 1910 годъ объ этихъ земляхъ имѢется интересная статья «Задонское коннозавоство» неизвѢстнаго автора, подписанная псевдонимомъ Е. Р. Какъ видно изъ этой статьи, коннозаводство не только получило эту землю даромъ (о 3 коп. аренды говорить не стоитъ), но, пользуясь ею десятки лѢтъ, въ настоящее время ухитрилось склонить Главное Управленіе казачьихъ войскъ продлить аренду на новый двадцати-четырехлѢтній срокъ съ 1912 по 1927 годъ по 2 руб. 39 коп. за десятину.

«Главное управленіе казачьихъ войскъ, основываясь на сравненіи несравнимыхъ цѢнностей, утверждаетъ въ своемъ сообщеніи, что аренда Задонской степи по 2 руб. 39 коп. безубыточна для войска,—пишетъ авторъ статьи.

«Но каждый безпристрастный свѢдущій человѢкъ засвидѢтельствуетъ, что такая аренда не достигаетъ и одного процента въ годъ на капиталъ дѢйствительной стоимости Задонской степи и что ее никакъ нельзя расцѢнивать ниже десяти рублей за десятину въ годъ. И такая расцѢнка далека отъ преувеличенія, ибо нынѢ уже сами казаки арендуютъ у обществъ своихъ станицъ много низшихъ качествъ земельные паи — выморочные, малолѢтскіе и неисправныхъ должниковъ за обмундированіе на станичный счетъ и платятъ до 12 руб. за десятину въ годъ и дороже. Въ виду этого, если Задонскую степь сдать въ аренду съ торговъ мелкими участками, то по десяти-то рублей за десятину ее нарасхватъ заберутъ сами казаки, не говоря уже о томъ, что торги привлекли бы много мелкихъ арендато-

ровъ-крестьянъ изъ центральныхъ губерній, гдѣ аренда десятины подъ посѣвъ оплачивается половиной урожая, и конкуренція на торгахъ пошла бы много дальше двѣнадцати рублей, особенно за южную половину степи.

«Такимъ образомъ, получая въ годъ по 2 р. 39 к. за десятину Задонской степи, войско потеряетъ за 26 лѣтъ, по нынѣшнимъ только цѣнамъ, свыше 180 мил. руб. Да казна за это время приплатитъ около 47 мил. Итого за 26 лѣтъ задонское коннозаводство обойдется, помимо платы за лошадей, около 230 мил. рублей. Вѣдь это пожалуй лошади изъ Австраліи или Новой Зеландіи обошлись бы государству дешевле задонскихъ!..

«Между тѣмъ, если бы раціонально тратить въ годъ не 1,8 мил., а не свыше 10—15 проц. этой суммы на улучшеніе киргизской лошади въ смыслѣ увеличенія ея роста, то черезъ какія-нибудь 10—12 лѣтъ наша армія не нуждалась бы въ задонскомъ коннозаводствѣ, и государство имѣло бы лошадь для арміи и много выносливѣе, и по ремонтной цѣнѣ, по меньшей мѣрѣ, на половину дешевле задонской. И при этомъ обширный киргизскій контингентъ могъ бы удовлетворить не 60 проц. потребности арміи въ лошадяхъ въ мирное время, какъ задонскій, а всѣ 100 проц. этой потребности даже въ военное время безъ помощи реквизицій».

Но вслѣдъ за этою статьею на страницахъ той же газеты появилась статья П. Краснова объ этомъ же коннозаводствѣ. П. Красновъ уже извѣстенъ казачеству своими многими статьями въ большинствѣ случаевъ о томъ же казачествѣ. Это тотъ самый авторъ, который на страницахъ той же газеты усиленно доказывалъ, что введеніе земства донскому казачеству и вообще какого бы то ни было вида самоуправленія приведетъ донцовъ къ нищетѣ, что это будетъ почти государственное преступленіе. Что самая лучшая форма правленія казачества это та, которая существуетъ теперь съ атаманами, съ почти неограниченной властью, и съ безотвѣтственнымъ хозяйствомъ, результатами котораго явилось почти полное исчезновеніе богатыхъ казачьихъ капиталовъ, о чемъ будетъ сказано далѣе. Въ защиту же своихъ убѣжденій сослался на Уральское войско, якобы обѣднѣвшее отъ того, что въ войсковомъ хозяйственномъ правленіи этого войска до сихъ поръ

всѣ чины выборные отъ войска! И эту нелѣпость П. Красновъ пишетъ не краснѣя. Между тѣмъ, именно лишеніе уральцевъ выборнаго управленія и усиленіе власти атамановъ и привело ихъ до полнаго разоренія.

Теперь тотъ же П. Красновъ выступилъ на защиту донского коннозаводства. Видите ли, онъ скорбитъ за Россію. Ему польза и блага цѣлой Россіи дороже обнищалыхъ донцовъ. Что донцы?! Стоитъ ли объ нихъ говорить, когда рѣчь идетъ о коннозаводствѣ и именно о донскомъ коннозаводствѣ. Отдача донцамъ ихъ земли было бы «государственное преступленіе»—восклицаетъ онъ въ патріотическомъ пафосѣ [1]). Землю необходимо снова отдать коннозаводству. Вернуть обнищалому казачеству его земли, быть справедливымъ къ казаку, это, по мнѣнію, П. Краснова, будетъ «государственное преступленіе». Но если нужно государственное коннозаводство, если нужна для этого земля, то почему же непремѣнно ее нужно взять у донцовъ, а не у какого нибудь помѣщика или другого какого-либо крупнаго собственника?

Ужъ если такъ необходимо государственное коннозаводство, то почему же для этой цѣли нужны хлѣбопашенныя земли? Есть ли гдѣ нибудь примѣръ во всемъ мірѣ, чтобы земли для хлѣбопашества отводились для скотоводства? Развѣ въ Россіи нѣтъ другихъ совершенно свободныхъ мѣстъ для этой цѣли? Земель болѣе пригодныхъ для коннозаводства? Въ степныхъ мѣстахъ для этого пользуются солончаковыми, ковыльными мѣстами, гдѣ хлѣбопашество немыслимо, но зато, благодаря солончакамъ, отлично идетъ скотоводство? Такихъ совершенно свободныхъ земель на святой Руси непочатый край. Однѣ киргизскія степи чего стоятъ.

Въ такомъ же приблизительно духѣ была роздана офицерамъ большая часть земель и въ другихъ казачьихъ войскахъ. Избѣгло этой доли только не потерявшее еще до сихъ поръ своей самобытности уральское казачество. Эти, говоря офиціальнымъ языкомъ того времени, «закоренѣлые упрямцы» и такъ называемые «бунтовщики», отстояли свою землю отъ захвата ее чиновнымъ классомъ. Да и дворянство искусственно и усиленно насаждаемое въ другихъ

---

[1]) «Новое Время» 1911 г. февраля 9.

казачьихъ войскахъ, не встрѣтило въ этой чисто демократической древне-русской общинѣ никакого сочувствія. Оно абсолютно не имѣло никакого значенія тамъ, гдѣ всѣ пользовались и пользуются до сихъ поръ у себя въ войскѣ одинаковыми правами во всѣхъ отношеніяхъ, и потому не привилось. Прошли еще годы. Оглянулись донцы,—а у нихъ земли уже нѣтъ. Осталось только по 7—10 десятинъ на душу. Та земля, которая была роздана офицерамъ, народившемуся дворянству, въ большинствѣ уже перестала быть офицерскою. Они распродали эти земли постороннимъ лицамъ: крестьянамъ, купцамъ, колонистамъ и въ сердцѣ донского казачества появились цѣлыя сѣти селъ и хуторовъ чуждаго ему элемента, выходцевъ изъ всевозможныхъ мѣстъ Руси. То же, но въ меньшей степени, получилось и въ другихъ казачьихъ войскахъ. У офицеровъ же Сибирскаго казачьяго войска эти офицерскіе участки въ настоящее время усиленно скупаютъ нѣмцы-колонисты. Первыми объ потерянной землѣ спохватились донскія казачьи общины. Цѣлыя станицы, въ виду полнаго безземелья, стали хлопотать о пріобрѣтеніи обратно отчужденныхъ отъ нихъ земель подъ офицерскія дачи. Земли переходили крестьянамъ. «Намъ самимъ ѣсть нечего», говорили казаки, и рѣшили выкупать и покупать эти земли. Обратились для содѣйствія къ Крестьянскому банку. «Вы не крестьяне, говорятъ казакамъ въ банкѣ,—это банкъ крестьянскій».

Помялись, потужили казаки и пошли въ банкъ Дворянскій.

«Вы не дворяне»,—говорятъ имъ тамъ.

Стали послѣ этого донцы посматривать на сотни тысячъ десятинъ запасной войсковой земли, отданной знаменитымъ и счастливымъ коннозаводчикамъ по 3 коп. въ аренду за десятину. Туда—сюда. Нельзя, говорятъ, срокъ аренды не кончился. Кончится аренда только въ 1912 году.

Опустили головы казаки и стали брать въ аренду земли у крестьянъ, у купцовъ, тѣ самыя офицерскія земли, которыя были когда-то ихъ собственностью. И стали платить по 12 р. въ годъ за десятину. Не горькая ли это иронія судьбы?—Казачью землю, лучшую землю по всему Дону начальство отдало по 3 коп., а казаки по безземелью вынуждены сами брать по 12 руб. за десятину. Это ли не образцовое хозяйство?

О! казаки богаты!! Казаки имѣютъ много земли!!—гово-

рятъ несвѣдующіе люди, любуясь на гарцующаго казака. Но мы уже знаемъ, какая это земля, что съ нею стало и что осталось ее у казака. Но допустимъ даже, что онъ дѣйствительно богачъ, обладающій тридцатью десятинами которыя ему должны полагаться по закону.

Развѣ это даетъ основаніе требовать отъ него выхода на службу на свой счетъ и даже еще съ конемъ? Вѣдь онъ платитъ всѣ государственные налоги. Развѣ въ русскомъ царствѣ мало лицъ, имѣющихъ тридцать и болѣе десятинъ земли? Ихъ наберется больше чѣмъ всѣхъ казаковъ вмѣстѣ. А такихъ, которые имѣютъ столько же, сколько казакъ, т.-е. всего по 5 по 10 десятинъ земли—такихъ милліоны. Выходятъ ли всѣ они на службу такъ же, какъ и казакъ?

Нѣтъ, они этого не дѣлаютъ. Они служатъ, какъ и все остальное населеніе Россіи. Они говорятъ, что они платятъ всѣ государственные налоги и повинности и что государство само обязано по выходѣ на службу одѣвать и снаряжать ихъ и, если нужно, дать и коня. Почему же сдѣлано исключеніе только казаку?

Вѣдь если требуютъ съ казака, то почему же не требуютъ того же и съ остальныхъ, имѣющихъ такое же количество земли?

Пусть же тогда каждый землевладѣлецъ и помѣщикъ, имѣющій 30 десятинъ, выѣзжаетъ на службу такъ же, какъ и казакъ. Пусть же тотъ, у кого земли меньше этой нормы, пусть тотъ несетъ на службу сапоги, или шинель, или только коня, смотря по количеству земли. Если же у него земли болѣе этой нормы, то пусть выставляетъ больше: у кого 300 десятинъ—десять всадниковъ, у кого три тысячи—сто всадниковъ,—всѣхъ въ полномъ снаряженіи и обмундированіи.

Но почему же ни одинъ помѣщикъ этого не дѣлаетъ, а дѣлаетъ это только владѣлецъ нѣсколькихъ десятинъ земли вѣрный и безотвѣтный казакъ?

Посмотримъ же теперь, не имѣютъ ли казаки какихъ нибудь капиталовъ, благодаря которымъ они въ состояніи нести свой тяжелый крестъ. Да, у казаковъ были капиталы. Но эти громадные казачьи общественные войсковые капиталы растаяли такъ же, какъ и земли—исчезли отъ одного прикосновенія чуждыхъ интересамъ казачества людей, которымъ было все равно, здоровъ ли, сытъ ли казакъ, хорошо

ли онъ себя чувствуетъ. Капиталы испарились, какъ капля воды подъ знойнымъ и жгучимъ дыханьемъ безплодной и мертвящей пустыни, не оставивъ даже и слѣдовъ о себѣ.

Какъ хозяйничали капиталами, какъ безпощадно уничтожили,размели ихъ, словно мякину и пустили по вѣтру, въ этой краткой исторической справкѣ полностью разсказать не представляется возможнымъ, да это увлекло бы насъ далеко въ сторону отъ настоящей цѣли нашего изслѣдованія въ другую область,—въ область исторіи. Но и безъ того будетъ ясно, если напомнить, что каждый назначаемый въ любое войско наказный атаманъ былъ не мертвая буква закона, а прежде всего человѣкъ и при томъ изъ высшаго слоя и въ большинствѣ случаевъ помѣщикъ. Пріѣхавъ въ войско, каждый изъ нихъ старался что-нибудь устроить въ войскѣ полезное и дѣятельность начиналась. Одинъ, предположимъ, любитъ лѣса. Смотритъ (положимъ на Уралѣ)— кругомъ степь и ковыль, ковыль и степь и лишь кое-гдѣ по лугамъ стоятъ одинокія рощицы чахлыхъ тополей или осинъ.

Надо завести лѣсъ, рѣшаетъ атаманъ. Назначаются лѣсничіе... Выбирается земля, закапываются десятки тысячъ рублей (въ Уральскомъ войскѣ на одну изъ такихъ посадокъ было затрачено болѣе 200 тысячъ). Проходитъ годъ, десять лѣтъ, а лѣса все нѣтъ — вмѣсто предполагавшагося лѣса стоятъ засохшія чахлыя деревца и черезъ годъ—другой и ихъ нѣтъ.

Назначаютъ комиссію уже при другомъ атаманѣ (атаманъ лѣсоводъ уже давно переведенъ на другой постъ), выясняется, что почва для лѣса была выбрана совсѣмъ неподходящая, да и породы деревьевъ выбраны неудачно.

Въ степи все стало по-старому, только денегъ въ войскѣ на сотни тысячъ стало меньше.

Въ это время уже атаманствуетъ другой атаманъ. Этотъ скотоводъ и любитель молочнаго хозяйства. Онъ строитъ громаднѣйшую ферму, заводитъ тысячныхъ коровъ, лошадей, тратитъ вмѣстѣ съ фермою чуть не полъ милліона и... уѣзжаетъ. Оказывается, что скотъ, который выписанъ, пришелся не по климату и сталъ дохнутъ отъ туберкулеза. Не только подохли тысячныя коровы, но и шестисотъ рублевые борова. Между тѣмъ, содержать ферму ежегодно стоитъ войску десятки тысячъ—денегъ же не хватаетъ на

необходимое. Войско въ отчаяніи. Шлютъ мольбу въ министерство Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ.

«Ради Бога—возьмите даромъ нашу многостотысячную ферму, мы дадимъ ее вамъ даромъ и земли отъ себя приложимъ десятинъ съ тысячу, только ради Бога возьмите,—содержать ее нечѣмъ,—весь капиталъ вытрясли».

Сжалилось министерство и взяло даромъ и ферму и землю. Войско только вздохнуло. Не жалко уже ему ни фермы, ни земли, ни сотенъ тысячъ—радехонько оно, что развязалось съ ежегоднымъ непосильнымъ расходомъ.

Между тѣмъ, тотъ же атаманъ, любитель скотоводства и молочнаго дѣла, оказался и страшно религіознымъ.

Справляется онъ, сколько въ войскѣ церквей, кто жители, какой они религіи? Ему докладываютъ.

Узнаетъ онъ, положимъ, что казачьяго населенія въ войскѣ приблизительно 140 тысячъ; изъ нихъ большая половина раскольники (такъ тогда называли старообрядцевъ) и лишь небольшая часть, всего какихъ-нибудь тысячъ 5—6 православные и единовѣрцы. — «Какъ? въ войскѣ до сихъ поръ еще есть раскольники?» — восклицаетъ атаманъ. Составляется совѣтъ изъ духовныхъ и чиновныхъ лицъ.

Рѣшилъ атаманъ привести на лоно православной церкви заблудшихся ея овецъ — вѣдь жалко, столько тысячъ вѣрныхъ казаковъ по своей глупости пойдетъ прямо въ адъ? Право жалко.

Подсчитали войсковые капиталы — тамъ еще сохранились кое-какія денежки. Не особенно густо, но все же для дѣла хватитъ. Рѣшили по всѣмъ казачьимъ станицамъ, будь онѣ съ населеніемъ старообрядческимъ, татарскимъ или калмыцкимъ, — все равно строить православные и единовѣрческіе храмы. Дѣло закипѣло и въ нѣсколько лѣтъ по всѣмъ станицамъ войска величественно заиграли на солнцѣ купола ново-построенныхъ церквей. Вылетѣла изъ казачьяго капитала не одна сотня тысячъ рублей. Не бѣда, что эти церкви и священники большинству мѣстнаго населенія были совершенно не нужны; не бѣда, что нѣкоторыя церкви пустовали по двадцать лѣтъ, не имѣя у себя прихожанъ — за то, какіе доклады шли въ Петербургъ, какія сыпались оттуда награды!

Приказалъ атаманъ и причту дома сдѣлать... Въ довершеніе же всего обязали казаковъ платить причту и жало-

ванье изъ продырявившагося, и безъ того тощаго, казачьяго кошелька. Получилось нѣчто въ родѣ фермы.

Деньги затратили громадныя, это ужъ куда не шло, — не въ первый разъ выбрасывать ихъ на вѣтеръ, но вѣдь храмы то надо ремонтировать, отоплять, платить жалованье причту. Войсковая казна бѣдна, а въ смѣту нужно ежегодно вносить многотысячный расходъ на поддержку этой затѣи атамана. Объ этомъ-то онъ раньше и не подумалъ, не до того было, — надо было спасать заблудшія души ввѣренныхъ ему казаковъ.

Прямо хоть снова проси министерство взять второй разъ и эту обузу себѣ.

Это только легкіе штрихи той густой тѣни непроизводительной и безнаказанной траты войсковыхъ суммъ. И такихъ расходовъ въ каждомъ войскѣ найдутся сотни.

Смѣнялся одинъ атаманъ за другимъ, смѣнялись и цѣли массоваго и почти всегда безцѣльнаго и неумѣлаго расходованія казачьяго капитала. Рѣдкій атаманъ не тратилъ казачьяго сбереженія. Правда, были атаманы и безъ помѣщичьихъ наклонностей, были атаманы и обратнаго убѣжденія, бывали среди нихъ и хозяева, хранившіе казачью копѣйку, какъ свою собственную, оставившіе войску послѣ своего ухода большія сбереженія. Но много ли было такихъ атамановъ? ихъ въ каждомъ войскѣ пересчитаютъ вамъ по пальцамъ — это атаманы извѣстные, оставившіе самыя хорошія воспоминанія, какъ заботливые отцы-командиры. И въ настоящее время, при каждомъ назначеніи новаго атамана, въ войскѣ уже не спрашиваютъ его фамилію или же спрашиваютъ объ этомъ только между прочимъ. Главнымъ же больнымъ вопросомъ, первымъ вопросомъ у каждаго казака является вопросъ: кто онъ? какія у него наклонности? лѣсоводъ ли онъ, скотоводъ ли или спортсменъ? нѣтъ ли у него какихъ-либо еще невѣдомыхъ войску талантовъ. И, благо, если казакъ услышитъ, что ни помѣщичьихъ, ни другихъ какихъ-либо разорительныхъ для войска склонностей у него нѣтъ. Тогда казакъ вздыхаетъ свободно и благодаритъ Творца за милость. Въ противномъ случаѣ печальнѣе его не будетъ никого.

Но какъ же могли тратить подобные капиталы наказные атаманы?—спроситъ незнакомый съ дѣломъ читатель. Какъ позволяло это дѣлать Главное Управленіе казачьихъ войскъ?

Но это легко будетъ понятно, если вспомнимъ, что Главное Управленіе казачьихъ войскъ состояло сплошь изъ людей, въ большинствѣ не имѣвшихъ понятія о казачествѣ и никогда тамъ не бывавшихъ. Вѣдь это Управленіе, получая бумажку изъ казачьяго войска о разрѣшеніи, положимъ, постройки церквей или фермы, получало ее мотивированную неотложными нуждами; въ ней было такъ много хорошихъ желаній и убѣдительныхъ доводовъ, что не согласиться съ представленіемъ оно не могло, тѣмъ болѣе, что само въ этомъ не понимало ничего и не сознавало, надобенъ ли войску этотъ расходъ или нѣтъ. Между тѣмъ подъ подписью атамана въ представленіи отъ войска находились подписи и старшихъ чиновъ войскового хозяйственнаго правленія и, казалось, что это требованіе исходило отъ всего войска, отъ всей его массы. Разъ проситъ войско отъ лица хозяйственнаго правленія — значитъ, просимыя церкви войску нужны, — рѣшаетъ Управленіе и предполагаемая сумма на постройку разрѣшается. Вѣдь проситъ войско, а не атаманъ. Между тѣмъ, войску, можетъ быть, подчасъ и во снѣ не снилось ни объ этихъ церквахъ и ни о фермѣ; оно стояло далеко отъ управленія капиталами. Его дѣло было платить деньги, а тратить ихъ, это было не его дѣло.

Но пока въ Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ были депутаты отъ казачества, дѣла казаковъ были еще не такъ плохи.

Каждый вопросъ, каждое требованіе, исходившее отъ атамановъ войскъ, строго обсуждалось депутатами отъ войскъ. И какъ люди, хорошо знавшіе нужды войска, они дѣйствительно имѣли рѣшающее значеніе при обсужденіи того или иного вопроса. Какъ можно было бы отказать Главному Управленію въ просьбѣ, напримѣръ, атамана Уральскаго войска о постройкѣ православныхъ церквей? Конечно нѣтъ! Вотъ тутъ то и вставали на дыбы казачьи депутаты, резонно доказывая всю нелѣпость этой затѣи. Но вѣдь правда глаза колетъ. Не нравилось это ни чинамъ Главнаго Управленія, ни атаманамъ. При одномъ такомъ протестѣ, бывшему депутату Уральскаго войска, генералу П. В. Мартынову, пригрозили одно время даже чуть ли не ссылкою въ Амурское войско. Послѣ этого случая казачьи депутаты, честно блюдя свою миссію, рѣшили помѣняться

между собою ролями. Такъ, когда получался какой-нибудь безплодный, а иногда и явно вредный, положимъ, для Уральскаго войска проектъ для утвержденія, — то уральскій депутатъ П. В. Мартыновъ умышленно притворно стоялъ за него горой, а депутатъ отъ Астраханскаго войска, генералъ Жоголевъ, разбивалъ проектъ въ пухъ и прахъ и доказывалъ полную его неосновательность. Когда же подобный проектъ получался отъ Астраханскаго войска — роли мѣнялись.

Но, какъ мы видимъ, и этотъ маневръ не спасъ казачьихъ депутатовъ отъ разгрома. Ихъ упразднили. Видимо чины Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, въ большинствѣ даже никогда не бывавшіе ни въ одномъ изъ казачьихъ войскъ, нашли себя болѣе компетентными въ казачьихъ дѣлахъ, чѣмъ люди, жившіе тамъ постоянно и знавшіе эти дѣла много лѣтъ и на мѣстѣ.

Но какъ же допускали до этого члены войскового хозяйственнаго правленія?

Да очень просто. Этого бы, конечно, не допустили выборные войскомъ члены правленія. Они бы смѣло могли сказать, что данный расходъ явится непосильнымъ бременемъ для войска и совершенно безплоденъ по своей затѣѣ. Но это могли бы сдѣлать безнаказанно, не боясь гнѣва и опалы атамана, еще разъ повторяю, только выборные члены, что и случалось иногда до замѣны ихъ (въ Уральскомъ войскѣ, въ годы атаманства кн. Голицына) назначаемыми атаманомъ чиновниками.

Во время атаманства князя Голицына, Уральское войско понесло тяжкую потерю. Оно окончательно лишилось своего послѣдняго выборнаго правленія въ лицѣ членовъ войскового хозяйственнаго правленія. При первомъ же засѣданіи этого правленія князь, не имѣвшій до сихъ поръ представленія, что значитъ не соглашаться съ его мнѣніемъ, вдругъ, къ великому своему изумленію, услышалъ изъ устъ совѣтниковъ и предсѣдателя присутствія слова протеста и заявленія о нежеланіи исполнять его приказанія не совмѣстныя съ духомъ и пользою казаковъ.

Князь вскипѣлъ. Какъ! Его не хотятъ слушать, не хотятъ исполнять его желаній!

Немедленно князь поѣхалъ въ Петербургъ. Результатами

его поѣздки появилось 5 іюля 1880 года положеніе Военнаго Совѣта:

«Должности совѣтниковъ Войскового хозяйств. правл. на будущее время замѣщать по *назначенію правительства* (вмѣсто выбираемыхъ до этого»).

Вмѣстѣ съ этимъ былъ изданъ Войсковому хозяйственному правленію наказъ, параграфъ третій котораго говоритъ:

«Если наказной атаманъ не согласенъ съ постановленіемъ присутствія, то предлагаетъ ему свое мнѣніе» (ст. 20).

«По дѣламъ административнымъ предложеніе наказного атамана принимается къ исполненію» (статья 21).

Такъ были уничтожены послѣдніе слѣды казачьяго самоуправленія на Уралѣ и дѣятельность войскового управленія была сведена къ нулю.

Послѣ этого рокового года хозяйство въ войскѣ приняло хаотическій порядокъ. Вѣрнѣе оно было безобразно и безпорядочно. Атаманъ являлся полнымъ хозяиномъ войска и почти безотвѣтственнымъ хозяиномъ войскового капитала — и капиталы разсѣялись какъ дымъ.

Развѣ возможны были послѣ этого какіе-либо протесты со стороны членовъ и предсѣдателя войскового правленія желаніямъ атамана. Куда ужъ тамъ!

Какъ смѣетъ идти въ разрѣзъ желанья наказного атамана какой-нибудь чиновникъ войскового правленія? Да вѣдь онъ хуже огня боится атамана. Онъ зависитъ отъ его воли во всемъ, онъ въ полной его власти—хочетъ жалуетъ, хочетъ милуетъ, хочетъ смететъ съ лица земли. Слово—и третій пунктъ во всей своей силѣ обрушится на опальнаго,—а вѣдь за нимъ семья, дѣти... а за душею кромѣ двадцатаго числа нѣтъ ни единой копѣйки. Какъ тутъ не подпишешь? Если же это офицеръ, то дѣло рѣшается такъ же просто — росчеркъ пера и безпокойный человѣкъ назначается въ полкъ и убирается съ глазъ долой. Если же онъ изъ запаса—увольняется отъ службы.

Такъ обстояли дѣла въ казачьихъ войскахъ съ капиталами. Но здѣсь мы видимъ расходы съ явнымъ благимъ желаніемъ принести войску пользу; но вѣдь сколько было расходовъ гдѣ такого желанія не было? Сколько погибло тысячъ, о которыхъ и слѣдовъ не осталось? Вѣдь въ каждомъ учрежденіи, даже нынѣ, и въ интен-

дантствѣ бывали иногда ревизіи. Была ли хоть одна подобная ревизія въ казачьихъ войскахъ за все ихъ трехсотлѣтнее существованіе? А вѣдь слегка, вскользь, такъ сказать, рекошетомъ, одна изъ ревизій, коснувшаяся лишь только однихъ запасныхъ земель Сибирскаго войска уже дала намъ въ послѣднее время свѣдѣнія черезъ газеты о какихъ-то очень некрасивыхъ непорядкахъ. Почему не можетъ быть того же и въ другихъ казачьихъ войскахъ?

До какого жалкаго состоянія былъ доведенъ такимъ хозяйничаньемъ не такъ давно войсковой капиталъ Уральскаго войска, видно изъ того, что года четыре тому назадъ это богатое войско вынуждено было по своей обнищалости взять взаймы у Кубанскаго войска 300 тысячъ и у Терскаго войска — 50 тысячъ рублей, изъ которыхъ, кстати сказать, и донынѣ еще не возвращено болѣе 200 тысячъ рублей.

III.

Но что же въ сущности представляютъ изъ себя казачьи войсковые капиталы? Это ни что иное, какъ земскія суммы, имѣющіяся въ любой русской губерніи, капиталы, собранные съ жителей губерніи путемъ всевозможныхъ обложеній населенія, начиная съ платы за землю, скотъ и кончая другими различными сборами, до сбора съ собакъ включительно. Такимъ же путемъ собираются войсковые капиталы и въ казачьихъ войскахъ.

Но мы видимъ, что этими капиталами наказной атаманъ войска, согласно вышеприведенному закону, напримѣръ, въ Уральскомъ войскѣ, можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Имѣется ли что-либо подобное въ любой изъ губерній? Можетъ ли губернаторъ сдѣлать тамъ расходъ изъ земскихъ суммъ, ну хотя бы подобный расходу на постройку фермы или на посадку лѣса?

Но зная, что войсковые капиталы есть ничто иное, какъ земскія суммы, не знакомый съ дѣломъ человѣкъ можетъ подумать, что они цѣликомъ расходуются и уходятъ на нужды населенія страны.

Да это и должно было бы быть такъ. Но онъ жестоко ошибется, если подумаетъ такимъ образомъ.

На войсковые капиталы возложено много другихъ расходовъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни одно земство. Они ему даже и не снились.

Предо мною лежатъ два официальныхъ документа. Одинъ «Смѣты доходовъ и расходовъ общаго войскового капитала Уральскаго казачьяго войска за 1908 годъ» и другой документъ: «Всеподданнѣйшій отчетъ наказного атамана о состояніи Уральскаго казачьяго войска за 1908 годъ».

Въ этихъ документахъ изображена вся жизнь Уральскаго войска за этотъ годъ.

Заглянемъ же туда и познакомимся съ состояніемъ войска и съ его денежными дѣлами. А познакомиться интересно. Войско настолько обнищало, что до сихъ поръ находится въ долгу Кубанскому и Терскому войскамъ и никакъ не можетъ составить смѣты, въ которой бы расходъ не превышалъ доходовъ на много тысячъ рублей.

Посмотримъ смѣту. Въ приходѣ числится 859.817 рублей. Расхода же предположено за этотъ годъ 1.024.851 рубль. Какъ видимъ, не хватаетъ цѣлыхъ 164.817 рублей. Сумма при сравнительно скромномъ бюджетѣ—немалая.

Оставимъ въ покоѣ статьи прихода—онѣ мало интересны — похожи на приходныя статьи земской смѣты любой губерніи. Гораздо интереснѣе для насъ являются статьи расхода. Здѣсь уже нѣтъ ничего общаго съ земскими, а если и есть, то очень мало.

Даже при бѣгломъ просмотрѣ этихъ расходовъ ваше вниманіе будетъ всецѣло поглощено такими статьями этого расхода, котораго вы никогда не встрѣтите ни въ одной смѣтѣ любой губерніи.

У васъ невольно явится вопросъ, какими судьбами онѣ могли попасть на эти страницы — на страницы, въ которыхъ показанъ расходъ общественныхъ земскихъ суммъ, главное и основное назначеніе которыхъ обслуживать только мѣстныя нужды населенія, а никакъ не обще-государственныя, для обслуживанія которыхъ имѣется государственная казна.

На первой же страницѣ смѣты рѣзко бросаются въ глаза расходъ отдѣла I, подъ названіемъ «Пособіе государственному казначейству». Далѣе слѣдуютъ однѣ изъ интереснѣйшихъ статей расхода: 1) на содержаніе Главнаго

Управленія казачьихъ войскъ (22.058 р.); 2) на содержаніе казенныхъ палатъ и казначействъ (4373 р.); 3) на содержаніе судебныхъ и мировыхъ учрежденій (1859 р.); 4) на содержаніе мировыхъ судей въ Уральской области (2100 р.).

Такихъ расходовъ вы не встрѣтите ни въ одной губерніи. Главное Управленіе казачьихъ войскъ, гдѣ кстати сказать, не было ни одного казака, есть главный строевой казачій штабъ—учрежденіе военное и обще-государственное, какъ главный штабъ арміи и другіе штабы. Какое дѣло казачьему населенію или какому-либо туляку или тамбовцу до строевого и совершенно ему ненужнаго штаба? На содержаніе его имѣется государственная казна. Казакъ платитъ все, что платитъ каждый другой русскій подданный на составленіе этой казны.

А контрольныя палаты, судебныя учрежденія? Развѣ это земскіе расходы? Это мы разсмотрѣли параграфъ первый. Заглянемъ во второй. Тамъ тоже интересныя статьи: 1) на покрытіе части расходовъ, вызванныхъ преобразованіемъ офицерской стрѣлковой школы (464 р.); 2) на содержаніе казаковъ при офицерской школѣ (375 р.); 3) на заведеніе, ремонтъ и содержаніе въ чистотѣ имущества въ строевыхъ казачьяхъ частяхъ (439 р.); 4) на расходъ по инспектированію юнкерскихъ училищъ (75 р.); 5) на добавочное жалованіе офицерамъ Лейбъ-Гвардіи своднаго казачьяго полка (2825 р.); 6) на вознагражденіе пріемщику и браковщикамъ холоднаго оружія (125 р.)—всего 4313 руб. Какъ видите, этотъ расходъ всего меньше долженъ соприкасаться къ земскимъ (войсковымъ) суммамъ. Это дѣло казны.

Далѣе идутъ расходы на содержаніе кадетскихъ корпусовъ (16.850 р.). Но всего интереснѣе расходы по отдѣлу Ш-му.—«Расходы спеціально военнаго характера»:

1) Содержаніе штаба Уральскаго казачьяго войска (18.565 р.). Скажите, пожалуйста, что общаго съ этимъ штабомъ у мирнаго казачьяго населенія? Это канцелярія губернскаго воинскаго начальника — обязанности его вести учетъ всѣмъ находящимся не на службѣ и проживающимъ въ области на льготѣ казакамъ и солдатамъ въ запасѣ. Развѣ содержитъ хотя одно земство хотя одного воинскаго начальника? Правда, это учрежденіе названо совершенно иначе, но вѣдь не въ имени, а въ сути дѣло. И на это

совершенно ненужное войску учрежденіе тратится только на содержаніе 18 съ половиною тысячъ, а что стоитъ зданіе, и его отопленіе? [1]).

Вслѣдъ за содержаніемъ штаба идутъ статьи: содержаніе арсеналовъ, складовъ оружія, оружейныхъ мастерскихъ и ремонтъ оружія. Развѣ это земскіе расходы? Что общаго между земскими и этими чисто военными расходами?

Но всего интереснѣе это десятый параграфъ смѣты «Содержаніе льготныхъ строевыхъ частей и учебнаго сбора». Дѣлаетъ ли хоть одно земство такіе расходы? А расходы эти, которые приходится нести во всемъ русскомъ царствѣ только одному казаку, въ высшей степени интересны. Посмотримъ ихъ по порядку.

Статья I. Содержаніе льготныхъ офицеровъ строевого комплекта 31.560 р. Многіе вѣроятно не знакомы, что такое льготные офицеры войска, поэтому является не лишнимъ нѣсколько освѣтить эту сторону казачьяго быта. Каждое войско въ военное время обязано выставить извѣстное число конныхъ полковъ, напримѣръ, Уральское — 9 полковъ. На это число полковъ въ войскѣ имѣется и соотвѣтствующее число офицеровъ. Но такъ какъ въ мирное время число полковъ въ каждомъ войскѣ въ три раза меньше, чѣмъ въ военное (въ Уральскомъ три полка), то двумъ третямъ количества офицеровъ мѣста въ полкахъ не находится. Такимъ образомъ является излишній комплектъ офицеровъ, которому дѣлать нечего, которые живутъ у себя въ войскѣ безъ службы и называются льготными офицерами. Но чтобы они все время не сидѣли внѣ строевой службы, сдѣлано такъ: офицеры въ полкахъ ежегодно на 1/3 своего состава мѣняются и уходятъ на льготу, взамѣнъ же ихъ такое же количество назначается изъ бывшихъ на льготѣ.

Такъ вотъ, на содержаніе то этихъ земству (казачьей общинѣ, живущей по домамъ въ войскѣ) совершенно не нужныхъ людей, служба которыхъ исключительно направлена только одному правительству (и не войску—земской единицѣ) казаки должны платить жалованье изъ своихъ

---

[1]) Въ счетъ этой суммы получается отъ казны „въ возмѣщеніе части расходовъ“ 8.064 руб. Такимъ образомъ войско тратитъ изъ своихъ суммъ только десять тысячъ рублей.

земскихъ (войсковыхъ) суммъ. Платитъ ли хоть одно земство что-нибудь подобное?

Далѣе идутъ расходы на учебные сборы льготныхъ (тоже что въ арміи запасныхъ) частей и молодыхъ казаковъ,—здѣсь вы увидите расходы на содержаніе офицеровъ, на устройство мишеней, призы за наѣздничество и стрѣльбу, на довольствіе смѣнныхъ командъ, возвращающихся съ дѣйствительной службы и другіе, поражающіе вашъ слухъ, и совершенно не относящіеся къ обязанностямъ земства расходы.

А слыхали ли вы когда нибудь, чтобы земство содержало въ мирное время конную, воинскую строевую часть на всемъ своемъ иждивеніи, начиная съ лошадей, снаряженія и обмундированія, и кончая фуражемъ, провіантомъ, жалованьемъ и квартирами?.. Въ Уральскомъ войскѣ въ смѣтѣ этого года мы видимъ и такую часть. Это знаменитая по своей безцѣльности, съѣвшая у войска не мало сотенъ тысячъ рублей, и совершенно никому и никогда не нужная, такъ называемая, отдѣльная сотня (въ настоящее время упраздненная).

Правительству, въ лицѣ военнаго министерства, она была совершенно не нужна.

— «Намъ ее не нужно», говорило министерство, — «а если она войску нужна, то мы ничего не имѣемъ, имѣйте ее, но только мы на содержаніе этой сотни не дадимъ ни гроша».

Можетъ быть, подумаетъ читатель, что она нужна войску?

Ничуть не бывало. Съѣздъ выборныхъ отъ войска ежегодно молилъ и просилъ наказного атамана объ упраздненіи этой сотни, какъ совершенно ненужной войску и лишь ложащейся тяжелымъ бременемъ на бюджетѣ войскового (земскаго) капитала.

Читатель удивленъ. Кому же тогда она нужна? — спроситъ онъ,—разъ ни правительству, ни войску ее не надо? Никто, никто положительно не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Одни только казаки въ простотѣ своего сердца догадывались, что эта ни-кому ненужная сотня нужна была для парадовъ и для того, чтобы во время выѣздовъ по городу наказного атамана скакали сзади и

БИБЛІОТЕКА Отдѣла Комитета Мин. Фин.

впереди его коляски по два казака и... съ волненіемъ несли послѣдніе гроши на ея содержаніе.

И эта никому ненужная сотня стоила войску ежегодно, вмѣстѣ съ занимаемыми квартирами и отопленіемъ ихъ, около сорока тысячъ рублей. Долго существовала эта незаконно рожденная сотня. Ни мольбы войскового съѣзда, ни обнищавшій, отъ излишняго ничѣмъ не стѣсняемаго мотовства, войсковой казачій капиталъ, ничто не могло заставить атамановъ войти съ ходатайствомъ объ расформированіи этой сотни. И лишь только въ прошломъ году, благодаря энергіи незабвеннаго отнынѣ въ войскѣ тогда вновь назначеннаго наказного атамана, эта обидная статья расхода войсковыхъ денегъ была отмѣнена. Сотня была расформирована какъ никому и никогда ненужная Но сколько же она съѣла казачьихъ денегъ, и кто знаетъ—сколько бы еще сотенъ тысячъ погибло въ войскѣ, если бы, наконецъ, не былъ назначенъ на Уралъ хлопотливый и заботливый отецъ-атаманъ?

Не менѣе вопіющими являются расходы изъ общественныхъ войсковыхъ суммъ на содержаніе Управленія военныхъ отдѣловъ. Эта сумма выражается въ 23.786 рублей. Сумма не малая при сравненіи съ общимъ доходомъ капитала.

Что же это такое—управленія атамановъ военныхъ отдѣловъ? Функціи ихъ чисто военныя. Это ничто иное, какъ уѣздные воинскіе начальники и уѣздныя по воинской повинности присутствія, казакамъ-жителямъ и земству совершенно ненужныя управленія. Это чисто обще-государственныя казенныя (а никакъ не земскія) учрежденія. Ни одно земство не содержитъ ни одного воинскаго начальника. Этою привилегіею пользуются только одни казаки.

Интересенъ расходъ и изъ отдѣла VIII. Тутъ имѣется замѣчательная расходная статья въ 43.031 руб. на содержаніе церковныхъ причтовъ и церквей, на содержаніе архіерейскаго дома и на содержаніе монастырей. Сумма, какъ видимъ, на 148 тысячъ войскового населенія громадная. Но если мы примемъ во вниманіе, что изъ 84 церквей въ войскѣ имѣется всего 80 церквей единовѣрческихъ и 4 православныхъ, и что главную массу войскового населенія составляютъ старооб-

рядцы (67.279 ч.) единовѣрцы (67.705 чел.), магометане (7889) и язычники (калмыки 948 чел.) и лишь только незначительную часть—всего лишь 4232 человѣка составляютъ православные, то подобный расходъ является совершенно излишнимъ бременемъ на войсковое населеніе, въ своемъ большинствѣ совершенно ненуждающееся въ этихъ церквахъ. Я не буду говорить, какъ строились эти церкви на казачьи деньги, какъ расходовались на нихъ войсковыя суммы, какъ нѣкоторыя церкви, построенныя среди старообрядческаго населенія, стояли пустыми, нѣкоторыя по двадцать лѣтъ, за неимѣніемъ у себя прихожанъ, и не буду говорить о томъ, какъ одновременно съ этимъ разрушались старообрядческіе скиты,—это завело бы насъ далеко въ сторону, въ область небольшой исторической справки, начиная съ тѣхъ временъ, когда бывшія войсковыя старообрядсескія церкви были отобраны отъ войска и переименованы въ единовѣрческія и когда, впослѣдствіи, насажденіе единовѣрія и православія въ войскѣ пошло тѣмъ путемъ, который привелъ Уральское казачество къ тому, что большая половина его, воздвигая ненужные ему храмы и содержа ненужное ему духовенство, само осталось и безъ церквей и безъ средствъ и правъ на ихъ постройку, но съ обязательствомъ ежегодно содержать чуждое ему духовенство.

Въ другихъ казачьихъ войскахъ этотъ расходъ является незначительнымъ. Тамъ содержаніе причта почти цѣликомъ лежитъ на казнѣ. Только одни уральцы обязаны содержать въ большинствѣ случаевъ ненужное ему духовенство цѣликомъ на свой счетъ.

Не менѣе любопытны и расходныя статьи отдѣла X подъ названіемъ «Разные расходы».

Гвоздемъ этихъ расходовъ является расходъ войсковыхъ (земскихъ) денегъ на пенсіи и постоянныя пособія.

Можно подумать, что здѣсь казаки платятъ пенсіи своимъ дѣятелямъ по внутреннему управленію, принесшимъ извѣстную пользу войску и заслужившимъ за свои труды благодарность современниковъ. Но достаточно прочесть нѣсколько строкъ этихъ расходовъ, чтобы убѣдится въ томъ, что тамъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего общаго съ нашимъ предположеніемъ не имѣется.

Подъ этой рубрикой перечислены расходы войсковыхъ денегъ на пенсіи офицерамъ русской арміи—отставнымъ

строевымъ казачьимъ офицерамъ, ихъ вдовамъ и семействамъ. Какъ могъ попасть въ страницы земскаго (войскового) капитала расходъ, который вполнѣ основательно возможно было бы только встрѣтить на страницахъ расхода военнаго министерства, а никакъ не земства—является положительно неразрѣшимымъ.

Въ этомъ же десятомъ отдѣлѣ имѣются и другіе, хотя не столь крупные, но все же не относящіеся къ земскимъ средствамъ расходы, какъ-то: пособія юнкерамъ при производствѣ ихъ въ офицеры (1167 р.), пособія льготнымъ офицерамъ для содержанія собственныхъ строевыхъ лошадей (3000 р.) и пособіе офицерамъ на пріобрѣтеніе лошадей взамѣнъ утраченныхъ не по винѣ владѣльцевъ (1000 р.) Но самую крупную цифру этихъ расходовъ въ отдѣлѣ десятомъ составляютъ расходы по обезпеченію бѣднѣйшихъ семей казаковъ льготныхъ полковъ, находящихся на службѣ внутри Россіи. Это семьи тѣхъ казаковъ, которые уже отслужили свой срокъ въ полкахъ, но были вызваны для прекращенія аграрныхъ безпорядковъ въ дни общей смуты. Эта командировка, кромѣ личнаго расхода каждаго казака, приведшаго многихъ къ полному разоренію, на обмундированіе и снаряженіе, выразилось общимъ войсковымъ расходомъ въ 62.812 руб. только въ одинъ разсматриваемый нами годъ. Эти деньги ушли на содержаніе нищенствовавшихъ въ это время семей, т. к., на службѣ находилось въ то время все мужское, способное къ работѣ населеніе войска отъ 21 до 36-лѣтняго возраста, ибо въ казачествѣ льготъ не существуетъ, каждый казакъ служитъ, каждый казакъ состоитъ въ спискахъ полковъ. Не служащихъ не имѣется. Это тоже одна изъ привилегій казачества.

Если же подсчитать теперь всѣ эти чисто общегосударственные расходы, совершенно ненужные ни одному земству, а тѣмъ болѣе казачеству и безъ того непосильно обремененному военною службою, одною изъ тягчайшихъ повинностей государства,—то они выразятся громадною для войска суммою въ 376.740 руб. *). Сумма колоссальная при годовомъ доходѣ въ 859.934 рубля. Вѣдь это почти половина дохода. Каждый второй рубль дохода от-

*) Сюда не вошли расходы по ремонту и отопленію церквей въ войскѣ.

бирается въ казну подъ различными наименованіями для нуждъ военнаго вѣдомства. Это опять новая уплата казакомъ ни одному подданному русскаго Царя неизвѣстной подати на военное дѣло, на дѣло чисто обще-государственное, для котораго существуютъ обще-государственные доходы.

Да если разложить эту излишне берущуюся ежегодно съ войска подать на число взрослаго мужского населенія войска, начиная съ 21 года и кончая всѣми отставными казаками всего на 21.755 человѣкъ, то получится, что каждый казакъ сверхъ уже всѣхъ намъ извѣстныхъ военныхъ налоговъ платитъ еще ежегодно болѣе 17 рублей.

Вѣдь это все равно, что брать съ любой губерніи половину земскаго годового дохода и обращать его въ казну на нужды военнаго вѣдомства. Дѣлается ли что-нибудь подобное въ любой губерніи? Требуютъ ли хоть съ одного помѣщика, съ одного владѣльца земли половину его доходовъ съ этой земли? Говорятъ ли помѣщику, ты получаешь доходовъ съ своей земли, съ арендаторовъ, за пастьбу скота и разныхъ другихъ сборовъ 50 тысячъ рублей, немедленно представь изъ нихъ 25 тысячъ въ казну на надобности военнаго министерства. Требуютъ ли съ крестьянина, помимо всѣхъ налоговъ, еще спеціальный военный налогъ по 17 рублей въ годъ.

И эти почти 400 тысячъ платитъ только одно Уральское войско. А сколько же платятъ остальныя войска, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ Уральское? Сколько платятъ донцы?—они платятъ ежегодно милліонъ. [1])

Дорого же обходится казачеству привилегія не платить государственный земельный налогъ.

Объ уральской войсковой смѣтѣ уральское казачество долго не знало. Ее хранили и берегли, какъ зеницу ока, а пуще всего боялись того, чтобы она какъ-нибудь не попалась въ глазу казаку. Долго такъ было. Но вотъ въ Уральское казачье войско былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ генералъ-лейтенантъ Покотило. И въ 1909 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, на первомъ же съѣздѣ выборныхъ отъ станицъ

---

[1]) Общая сумма дохода войскового капитала въ Донскомъ войскѣ въ 1898 г. равнялась 3.525.038 руб.; изъ этой суммы произведено расходовъ на чисто военныя, аналогичныя съ расходами Уральскаго войска, нужды 1.046.593 руб., т.-е. третья часть всего дохода (Медвѣдевъ. «Служба Донского войска» стр. 44—45).

войска [1]), покрытая ревнивой печатью молчанія войсковая смѣта (на новый 1909 годъ) была въ первый разъ дана на просмотръ съѣзду выборныхъ. Святая-святыхъ, тщательно скрываемая тайна была представлена, наконецъ, во всей своей неприкосновенности предъ изумленными очами казачьихъ депутатовъ.

Шестьдесятъ четыре человѣка почтенныхъ, въ большинствѣ убѣленныхъ сѣдинами, лучшихъ людей войска, съ нескрываемымъ интересомъ, въ первый разъ слышали свою смѣту, узнавали, куда расходовались такъ ретиво собираемыя съ нихъ деньги, куда тратилась войсковая казна.

Надо было видѣть въ это время ихъ волненіе, возбужденное выраженіе ихъ бородатыхъ типичныхъ чисто русскихъ лицъ. Надо было видѣть ихъ удивленіе, чтобы понять то негодованіе, которое ихъ охватило.

Депутаты только руками разводили, когда имъ читали статьи расхода на содержаніе Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, на жалованье строевымъ офицерамъ, на выдачу пенсій и на всѣ остальные непроизводительные расходы, несовмѣстимые съ цѣлями земскаго (войскового) капитала.

То, что видимо, казалось вполнѣ естественнымъ для начальства, въ глазахъ этихъ безхитростныхъ цѣльныхъ людей вставало какимъ-то чудовищнымъ кошмаромъ, высшею несправедливостью, какую они могли себѣ представить, обидою, которая ложилась тяжелымъ грузомъ на ихъ мягкую славянскую чуткую душу. Народъ, этотъ безотчетный искатель правды—депутаты войска по прочтеніи всѣхъ этихъ статей, открыто высказали свое порицаніе. Вслѣдъ за начавшимся послѣ этого шумомъ трудно было разобрать отдѣльные выкрики—слышались только фразы: «это не по Божьи»—«несправедливо». «Съ одного вола трехъ шкуръ не дерутъ».—«Такъ вотъ куда наши денежки-то уходятъ»,—громко говорили нѣкоторые депутаты.

Долго волновались казаки и немедленно приступили къ обсужденію всѣхъ статей смѣты.

---

[1]) Въ Уральскомъ войскѣ ежегодно, для обсужденія различныхъ хозяйственныхъ нуждъ войска—наприм., денежныхъ раскладокъ, срока покоса, рыбныхъ войсковыхъ ловель: плавни, багренья и проч., а также и др. хозяйственныхъ дѣлъ, выбираются 64 депутата отъ станицъ, «в ы б о р н ы е», которые съѣхавшись въ Уральскѣ и обсуждаютъ всѣ эти дѣла. Органъ совѣщательный, остатокъ бывшихъ войсковыхъ круговъ.

Резолюція, какую вынесъ съѣздъ, при обсужденіи всѣхъ этихъ статей расхода, въ высшей степени интересна.

Казаки не пропустили ни одной статьи расхода, ясно несоотвѣтствующей земскому дѣлу. Всѣ эти статьи были подробно разобраны и депутаты вошли съ ходатайствомъ, черезъ наказного атамана генералъ-лейтенанта Покотило, объ отнесеніи этихъ расходовъ на счетъ казны.

Но на всѣ свои ходатайства войско могло добиться только того, что главное бѣльмо войска, никому ненужная отдѣльная сотня, была наконецъ расформирована. Не особенно давно состоялся приказъ о допускѣ въ кадетскіе корпуса дѣтей рядовыхъ казаковъ. Вотъ все, что могли добиться депутаты и атаманъ Покотило. И налогъ въ 400 тысячъ рублей, какъ дань или контрибуція съ завоеваннаго народа, взимается съ казаковъ до сихъ поръ, въ корнѣ подрывая все ихъ благосостояніе. Если подсчитать эту дань только за пятьдесятъ лѣтъ въ одномъ только Уральскомъ войскѣ, то получится цифра въ 20 милліоновъ рублей. Какая же громадная цифра получится въ Донскомъ войскѣ? И если приходится иногда незнакомому съ хозяйственной стороной казачества, прочитать порою въ газетахъ о томъ, что такому-то войску выдано изъ государственнаго казначейства единовременное пособіе въ сто или полтораста тысячъ, то пусть онъ не удивляется. Это казна возвращаетъ казакамъ жалкіе проценты съ тѣхъ казачьихъ капиталовъ, съ тѣхъ безсчетныхъ милліоновъ, которые она годами собирала съ нихъ, и до сихъ поръ собираетъ на нужды военнаго вѣдомства.

А сколько бы пользы могли сдѣлать казаки на эти деньги у себя дома?

IV.

Нуждамъ войска нѣтъ конца; до какого безсилія доведено войско (напримѣръ Уральское) подобнымъ распредѣленіемъ войскового капитала, видно изъ того, что своимъ станичнымъ [1]) и поселковымъ [2]) атаманамъ оно даже не въ состояніи платить жалованье. Это, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно—платитъ имъ, но сколько? Заглянемте въ смѣту; это на столько интересныя статьи расхода, что на нихъ стоитъ остановиться.

---

[1]) То же, что волостной старшина.

[2]) То же, что сельскій староста.

Здѣсь мы увидимъ, что всѣхъ станичныхъ атамановъ въ Уральскомъ войскѣ 31 человѣкъ, ихъ помощниковъ 33, поселковыхъ 83 человѣка. Замѣтимъ кстати, что эти всѣ атаманы, какъ станичные, такъ и поселковые, въ Уральскомъ войскѣ назначаются не по выбору населенія, а по усмотрѣнію наказного атамана. Во всемъ русскомъ царствѣ не только среди русскаго населенія, но и среди всевозможныхъ инородцевъ, признано за благо имѣть волостныхъ и сельскихъ старшинъ и старостъ, выбранныхъ самимъ населеніемъ. Только одному Уральскому войску этого законнаго права не дано. Тамъ всѣ власти, начиная съ поселковаго атамана назначаются по усмотрѣнію начальства безъ какого бы то ни было участія со стороны населенія. Представьте себѣ всю Россію, гдѣ всѣ должности сельскихъ и волостныхъ старостъ исполняли бы полицейскіе урядники, и вы получите приблизительную картину того, какъ управляется Уральское казачество.

Изъ всѣхъ этихъ станичныхъ атамановъ только два атамана получаютъ по 725 руб. въ годъ. Это атаманы станицъ города Уральска [1]). Это атаманы городскіе, которые обычно назначаются изъ офицеровъ. Но вѣдь имъ только на одно представительство, чтобы быть чисто и по формѣ одѣтымъ, принимать нужныхъ для дѣла людей, требуется половина этого оклада. На остальные же тридцать рублей въ мѣсяцъ они должны жить и содержать семью. Это ли не роскошь?!

Другихъ два атамана въ городахъ Гурьевѣ и Илекѣ получаютъ по 600 рублей.

Далѣе, всѣ остальные станичные атаманы, находящіеся по линіи въ станицахъ, получаютъ по 328 рублей въ годъ. Приблизительно по 27 рублей въ мѣсяцъ. Это получаетъ представитель порою громаднѣйшей станицы и нѣсколькихъ поселковъ, который съ утра до вечера заваленъ работой. Его теребятъ со всѣхъ сторонъ и штабъ, и хозяйственное правленіе, и областное правленіе, и мировой судья, и слѣдователь, и многочисленные ветеринарные врачи,—ну, словомъ, нѣтъ власти на святой Руси, которая бы не предъявляла къ нему какихъ-либо требованій. Правда, ему дается помощникъ, даются 2 писаря и на канцелярскіе расходы

[1]) Городъ Уральскъ представляетъ изъ себя двѣ казачьихъ станицы, 1 и 2 Уральскія станицы.

ежегодно сумма 50 рублей. Ну скажите, пожалуйста, хватитъ ли пожилому человѣку съ многочисленною семьею 27 рублей въ мѣсяцъ? И если заглянуть въ канцелярію подобнаго атамана, то можно увидѣть тамъ кромѣ двухъ казенныхъ писцовъ еще можетъ быть и третьяго. Двумъ писцамъ съ работой не справиться. Атаманъ вынужденъ на свой счетъ нанимать еще писарей и платить имъ жалованье. Что же остается у атамана отъ 27 рублей? А вѣдь ему въ свою очередь тоже надо быть всегда по формѣ одѣтымъ, имѣть представительство—принять проѣзжаго чиновника не краснѣя.

Казалось бы, онъ долженъ превратиться въ нищаго, но мы видимъ, что станичные атаманы живутъ хорошо. Всегда у нихъ полная чаша. Почему же это? Опять таки очень просто. Это тѣ же воеводы древней Руси, которые посылались на кормъ въ города. Казакъ—народъ отлично понимаетъ всю нелѣпость атаманскаго оклада, знаетъ, что на этомъ окладѣ съ голоду умрешь и вѣрный своему чувству долга, несетъ на алтарь отечества свою посильную лепту, приноситъ атаману частью «изъ-за чести», но больше «за что нибудь»,—кто что можетъ. И это въ порядкѣ вещей, это никого не удивляетъ. Тутъ всѣ къ этому привыкли. Да какъ же иначе поступить? Не идти же атаману за милостынею, не просить же ему Христа-ради! [1]). Назначивъ атаману жалованье въ 27 рублей въ мѣсяцъ, начальство не указало ему дальнѣйшихъ средствъ къ существованію. Половина доходовъ (400 т. рублей) взята у войска— платить атаманамъ нечѣмъ. И вотъ снова народъ собираетъ что можетъ и содержитъ своего атамана.

Это тоже одна изъ привиллегій уральскаго казака.

Спрашивается только одно—могутъ ли при такой власти идти дѣла въ станицахъ какъ слѣдуетъ? Вѣдь атаманъ зависитъ вполнѣ отъ богатыхъ казаковъ въ станицѣ? Не можетъ ли происходить злоупотребленій и послабленій на этой почвѣ? Но мы на этомъ опустимъ занавѣсъ. Это не входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія.

Прослѣдимъ же атаманскія жалованья до конца. Помощ-

---

[1]) Изъ этого печальнаго положенія исключены лишь атаманы, назначаемые изъ числа льготныхъ офицеровъ войска, получающихъ во время состоянія на льготѣ офицерское содержаніе, и при исполненіи атаманской должности еще и жалованье атамана.

ники атамановъ станицъ получаютъ по 240 рублей въ годъ. Живутъ, слѣдовательно, такъ же, какъ и атаманы.

Поселковые атаманы получаютъ всего-на-всего по 150 рублей въ годъ и по 10 рублей на канцелярскіе расходы и только. Имъ даже писаря не полагается.

Что же можетъ этотъ атаманъ сдѣлать на 150 рублей? Онъ можетъ на это имѣть только форменную одежду—мундиръ, шинель и проч. На что же онъ живетъ, на что содержитъ свою канцелярію?—Вѣдь иной поселокъ не менѣе станицы? Тутъ же даянія «изъ-за чести» и «за дѣла» процвѣтаютъ во всемъ своемъ блескѣ. Жалованье станичнымъ и поселковымъ учителямъ тоже до смѣшного нищенское.

До такого ужаснаго безвыходнаго состоянія дошло войско. Оно не въ силахъ платить жалованья своимъ атаманамъ-учителямъ,—но за то щедро платитъ чинамъ главнаго управленія казачьихъ войскъ и другихъ различныхъ штабовъ и строевыхъ управленій. Только для себя лично, для своихъ насущныхъ потребностей денегъ не оставлено.

Не въ лучшемъ видѣ обстоитъ дѣло и съ другими должностными лицами. Въ Уральскомъ войскѣ, гдѣ пользованіе земельными угодьями до сихъ поръ производится общиною, гдѣ земля даже не разбита на станичные надѣлы, и гдѣ ни помѣщиковъ и ни другихъ собственниковъ земли совершенно не существуетъ, является необходимость имѣть охрану какъ земли, такъ и общественныхъ рыболовныхъ водъ. Полѣсовщики для охраны лѣсовъ, объѣздчики по сухопутной границѣ, смотрители и др. чины охраны рѣчныхъ и морскихъ водъ—вотъ лица, на которыхъ возложена войскомъ охрана войскового богатства — лѣсовъ, луговъ, рыболовныхъ рѣкъ и озеръ и морскихъ водъ.

Но увы, для охраны всей территоріи войска имѣется всего только 196 человѣкъ объѣздчиковъ и 55 музуровъ (сторожа морскихъ рыболовныхъ водъ). Что можетъ сдѣлать эта малочисленная стража, растянутая почти на двѣ тысячи верстъ по границамъ войсковой земли и внутри войска? И даже этому незначительному числу дается самое мизерное жалованье—всего-на-всего по 60 рублей въ годъ. Неужели же они въ состояніи существовать на эти деньги? Ясно, какъ Божій день, что этого имъ не хватаетъ. Но откуда же они берутъ себѣ существованіе? Ну, конечно, для нихъ тоже всякое даяніе благо.

И войсковые лѣса таютъ, войсковыя пахотныя земли захватываются богатыми казаками въ большемъ, чѣмъ слѣдуетъ по нормѣ, количествѣ, безъ платежа войскового налога по 3 р. за излишне вспаханную десятину, и т. д.

Вотъ къ чему приводитъ недостатокъ войскового капитала, онъ еще болѣе таетъ отъ того, что онъ малъ, потому что не можетъ заставить платить того что должно бы поступить въ его кассу, если бы были лишніе объѣздчики и если бы имъ лучше платили. Выходитъ что-то несообразное.

Между тѣмъ по всѣмъ войсковымъ угодьямъ, пользуясь полною беззащитностью казачьяго населенія рыщутъ голодные и подчасъ обнаглѣвшіе иногородцы. Это нежелательный для войска элементъ—пришлецы изъ разныхъ губерній Россіи, въ большинствѣ случаевъ, покинувшіе свои мѣста благодаря недостатку земельныхъ надѣловъ. Это большею частью крестьяне, пришедшіе въ Уральскую область въ виду хорошихъ заработковъ въ прежніе года и осѣвшіе въ поселкахъ. Среди иногородцевъ имѣются также ремесленники и торговцы, но послѣдніе сосредоточились, главнымъ образомъ, въ городѣ Уральскѣ. При переписи въ 1897 году всѣхъ иногородцевъ въ войскѣ числилось 65.038 человѣкъ. Теперь ихъ значительно больше, и, вѣроятно, чуть-чуть не доходитъ до числа коренныхъ жителей и хозяевъ земли—казаковъ.

Кто выловилъ въ какомъ-нибудь озерѣ сѣтью рыбу?—иногородецъ.

Кто ловитъ, вѣрнѣе воруетъ, ту же рыбу удочкой въ озерахъ и по рѣкѣ Уралу, не имѣя на это никакого права, обирая у казака единственный у него кусокъ хлѣба?—тысячи иногородцевъ, заполняющихъ въ праздничное время берега всѣхъ луговыхъ озеръ и рѣки Урала.

Кто еще далеко до Петрова дня — незванно - непрошенно — выбиваетъ до чиста всю дичь по войсковымъ угодьямъ?—иногородцы. Казакамъ въ это время не до этого: они заняты полевыми работами.

Вездѣ эти казачьи гости, почти безнаказанно хозяйничаютъ на войсковой землѣ, забывая о нуждахъ хозяина этихъ земель—казака.

И нѣтъ силы бороться съ этими незванными гостями,—для этого нужны объѣздчики, нужна стража. Но какъ уве-

личить стражу, когда въ войсковомъ капиталѣ нѣтъ ни единаго лишняго рубля?

Правда, озлобленные казаки иногда ловятъ этихъ воровъ—составляются протоколы, передаются мировымъ судьямъ. Иногда судьи присуждаютъ за это виновныхъ къ двухнедѣльному аресту, какъ, напримѣръ, годъ тому назадъ за ловлю рыбы въ озерѣ удочками. Но вѣдь это капля въ морѣ. Гдѣ одному, двумъ полѣсовщикамъ или объѣздчикамъ поймать и привести къ городу или поселку сотни браконьеровъ и воровъ рыбнаго казачьяго богатства, снующихъ въ праздничное время по всѣмъ лугамъ и полямъ?

Осенью прошлаго года, казаки вздумали, наконецъ, серьезно приняться за браконьеровъ, были наряжены изъ станицъ казаки и въ одинъ изъ праздничныхъ дней, во главѣ со станичнымъ атаманомъ выѣхали въ рощи и поля. Тамъ, съ ранняго утра уже раздавались несмолкаемые выстрѣлы, былъ пролетъ вальдшнеповъ. Понятые и объѣздчики задержали десятки браконьеровъ. Наглость ихъ была настолько велика, что нѣкоторые не хотѣли признавать никакого начальства, не пожелали отдавать дичи, а объ ружьяхъ, какъ вещественномъ доказательствѣ, и говорить нечего. Пришлось отбирать дичь силою.

Нѣсколько составленныхъ по этому поводу протоколовъ было передано мировому судьѣ. Не знаю, чѣмъ это все кончилось.

Я не говорю о томъ, что у всѣхъ этихъ браконьеровъ не имѣется никакого свидѣтельства на право охоты въ предѣлахъ казачьей земли, но даже и нѣтъ установленныхъ закономъ обще-россійскаго трехрублеваго билета на право охоты.

Можно только удивляться добродушію казачьей полиціи и властей, позволяющихъ имъ держать оружіе, т. к. въ предѣлахъ войска всякая охота иногороднимъ не разрѣшается, ибо тамъ вся земля принадлежитъ казакамъ. Другихъ собственниковъ нѣтъ.

Къ чему же имъ, спрашивается, ружья, когда они не имѣютъ возможности даже и быть на охотѣ?

Очевидно, только для браконьерства. Можно подумать, что иногородніе—это что-то забитое въ войскѣ и ограниченное въ правахъ. О, далеко нѣтъ. Это вольный народъ, не признающій, какъ говоритъ пословица, ни царскаго ни

барскаго. Они и сотой доли не несутъ той тяготы, что несетъ казакъ. Они не знаютъ ни войсковыхъ земскихъ повинностей и много всего того, что несетъ на себѣ казакъ. Тѣ сборы, которые они платятъ въ свою волость, откуда пришли на Уралъ, это капля въ морѣ сравнительно предъ тѣмъ, что платитъ казакъ у себя дома.

На Уралѣ иногородній пользуется особыми привилегіями. Пріѣхавъ на Уралъ онъ тутъ получаетъ то, чего у себя на родинѣ онъ подчасъ и во снѣ не видѣлъ.

Особымъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ 1868 году имъ было разрѣшено селиться по всѣмъ поселкамъ и городамъ земли войска Уральскаго. Иногородніе стали покупать себѣ мѣста подъ дома въ г. Уральскѣ и дома у казаковъ въ поселкахъ. Какъ быть казакамъ? Начальство приказываетъ. — Стали казаки отводить имъ кровную свою землю подъ усадьбы и продавать при случаѣ и дома. Мало этого, этимъ же указомъ казачье населеніе обязывалось давать пасти каждому иногороднему, имѣющему домъ, по три головы рогатаго скота. Гдѣ бы что-нибудь подобное нашелъ иногородній въ другой губерніи или на землѣ помѣщика?

Но уральцы, какъ и всѣ казаки, находятся подъ особою заботою правительства и... отдаютъ свои земли подъ дома крестьянамъ, а свои луга подъ ихъ табуны коровъ.

Въ Уральскѣ вы можете увидѣть тысячи коровъ, которыхъ гонятъ утромъ на казачьи луга. Не подумайте, что это казачьи коровы. Тутъ казачьихъ нѣтъ и четвертой доли. Остальныя коровы принадлежатъ иногородцамъ. Казакамъ своей коровы некуда выгнать—луговъ мало,—а тутъ давай мѣсто для тысячи иногороднихъ коровъ.

Это ли не роскошь для иногороднихъ?

Казакъ все терпитъ. Притязанія же иногороднихъ растутъ ежегодно все больше и больше. До чего доходитъ подобное нахальство видно изъ примѣра, бывшаго въ прошломъ году въ Подстейномъ поселкѣ.

Крестьянинъ, пріобрѣвшій тамъ свой домъ, потребовалъ, чтобы казаки пасли вмѣстѣ со своимъ табуномъ и его нѣсколько коровъ. Казаки какъ, полагается по закону, разрѣшили пасти только трехъ. Но нахалу показалось этого мало. И вотъ онъ шлетъ прошеніе въ Войсковое хозяйственное правленіе — но это была не просьба. Тамъ ни въ одной

строчкѣ не было просьбы. Все прошеніе состояло изъ сплошныхъ угрозъ по адресу правленія—крестьянинъ требовалъ взять всѣхъ его коровъ на казачьи луга, а «иначе—писалъ онъ,—я найду и на васъ управу».

До такихъ требованій можетъ дойти только человѣкъ зарывшійся, не имѣющій, какъ говорится, ни стыда, ни совѣсти, человѣкъ, которому все можно.

А имъ въ войскѣ нѣтъ числа. За нихъ стоитъ стѣною законъ, дающій имъ право отнимать у казака его луга, тогда какъ эти луга нужны до зарѣзу самому казаку. И этому конца не видно. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и казакъ будетъ вынужденъ лишиться всѣхъ своихъ луговъ и отдать ихъ въ пользованіе иногороднимъ. Казакъ вѣдь обязанъ давать лугъ каждому иногородному на три коровы.

Не говоря о нежелательномъ и всегда растлѣвающемъ вліяніи иногородныхъ на казачество, т. к. большая масса ихъ это тотъ пролетаріатъ, который никакъ не могъ устроиться у себя на Руси и для котораго въ большинствѣ служитъ девизомъ «все можно» — иногородніе въ послѣднее время, поощряемые страшно несправедливымъ для казаковъ закономъ 1868 года, являются въ войскѣ тяжелымъ грузомъ и безъ того уже обѣднѣвшаго казака.

Ради иногородныхъ строились на казачьи деньги тѣ храмы, которые по двадцать лѣтъ стояли пустыми, такъ какъ въ нихъ молились только по два-три иногородныхъ.

Ради иногородныхъ казакъ отдаетъ обширные луга — теряя самъ пастьбу для своего скота.

Ради иногородныхъ, оберегая свое достояніе — лѣса, рыбныя ловли и луга — казакъ долженъ имѣть лишнихъ объѣздчиковъ и полѣсовщиковъ.

Ради нихъ, какъ мы увидимъ ниже, казаки были лишены возможности даже учить своихъ дѣтей.

А сколько разлагающаго тлетворнаго начала влагаютъ они въ патріархальную жизнь казака въ его цѣльную, первобытную натуру, казака — религіознаго и проникнутаго высокимъ уваженіемъ, и къ частной собственности, и къ начальству, и къ личности другого.

Воровство и грабежъ, до сего времени мало извѣстные въ войскѣ, съ каждымъ годомъ увеличиваются все болѣе и болѣе.

Между тѣмъ бороться съ этимъ зломъ казаку нѣтъ воз-

можности за неимѣніемъ у него поселковой полиціи. Куда ни повернется уралецъ, всюду у него изъянъ, всюду не хватаетъ земскихъ денегъ. Заткнешь одну дыру, глядишь, а гдѣ-нибудь опять дыра, а то и двѣ. Увидитъ онъ эти новоявленныя дыры и захочется ему иногда ихъ и починить. А починка другой разъ необходима немедленная можетъ-быть, всего-то на нѣсколько десятковъ рублей. Смотришь, и деньги для этого какъ разъ подъ руками имѣются. Взять да и заплатать дыру, и дѣло въ шляпѣ. Не тутъ-то было. Войско это только приказчикъ, приставленный къ своимъ же собственнымъ деньгамъ. Ни войсковое хозяйственное правленіе, ни наказный атаманъ не имѣютъ права ничего истратить изъ войсковыхъ суммъ безъ разрѣшенія хозяина капитала—Главнаго Управленія казачьихъ войскъ.

Въ Уральскомъ войскѣ имѣются свои гимназіи: одна мужская (реальная) и другая женская. Обѣ построены на средства казаковъ, на ихъ собственныя кровныя денежки, и содержатся на ихъ же счетъ по настоящее время.

По смѣтѣ 1908 года на содержаніе мужской гимназіи ассигновано 25.488 р. На содержаніе же женской—17.590 р. Въ общемъ круглая цифра въ 43 тысячи рублей.

Построили ихъ среди старообрядческаго и единовѣрческаго населенія, а условія пріема учащихся оставили общероссійскія, т.-е. потребовали отъ казаковъ при пріемѣ ихъ дѣтей представлять и метрическія свидѣтельства о крещеніи.

Но гдѣ его взять старообрядцу? Построили казаки гимназію, а учиться нельзя. Всѣмъ можно было въ ней учиться и еврею, и татарину, и идолопоклоннику-калмыку, только русскому человѣку, вѣрному престолу казаку учиться въ его собственной гимназіи было нельзя.

— Хочешь учиться—спаси свою душу, прими православіе, принеси метрическое свидѣтельство — тогда примемъ,—отвѣчало начальство.

Съ еврея же, татарина и калмыка оно этого не требовало.

Но вѣдь порядочный человѣкъ не измѣнитъ ни своей вѣрѣ, ни своей народности. За нихъ онъ готовъ жертвовать своей головой. Такимъ долженъ быть всякій честный гражданинъ своего отечества. А уральцы никогда не были

ни ренегатами, ни измѣнниками. Остался уралецъ по старому казакомъ-уральцемъ, честнымъ въ дѣлахъ вѣры и патріотизма. Но метрическія свидѣтельства нѣкоторые какъ-то ухитрялись добывать. Крестили ли они своихъ дѣтей, лишь бы только соблюсти обрядъ, или этому помогли заявленія, что дѣти ихъ желаютъ быть единовѣрцами—неизвѣстно, но метрическія свидѣтельства какъ-то добывать ухитрялись.

Но метрическія свидѣтельства ухитрились добыть всего нѣсколько человѣкъ. Разъ, два, три да и обчелся. Что же было дѣлать остальнымъ казакамъ?

Начальство, видимо, сконфузилось. Сдѣланъ былъ выходъ изъ этого положенія заявленіемъ, что дѣти будутъ приняты, если бракъ казака будетъ записанъ въ особую книгу при станичныхъ правленіяхъ. Тогда для дѣтей изъ такой семьи, для поступленія въ гимназію, метрическихъ свидѣтельствъ требовать не будутъ.

Но уральскій казакъ привыкъ скептически относиться ко всѣмъ распоряженіямъ властей. Трехсотлѣтній опытъ убѣдилъ его въ томъ, что ни одно распоряженіе начальства не приносило ему ничего, кромѣ плохого. Каждое новое распоряженіе отнимало у него право за правомъ, одну привиллегію за другою и подрывало въ корнѣ все его благосостояніе.

И на этотъ приказъ уральскій казакъ посмотрѣлъ съ этой же, привычной ему традиціонной точки зрѣнія — онъ отнесся къ нему съ недовѣріемъ. Кому какое дѣло,— думалъ онъ,—какъ я вѣрую? Записываться или незаписываться въ книги—это мое личное дѣло. Но разъ я плачу деньги за гимназію—то я имѣю право учить въ ней дѣтей.

И многіе «по закоренѣлому своему упрямству» по прежнему не записывали свои браки въ книги при станичномъ управленіи. Но это распоряженіе все-же дало возможность большинству отдавать дѣтей въ науку. Дѣтей стали принимать въ гимназію.

Все бы пошло хорошо, какъ-нибудь покатился бы возъ, хотя и скрипѣли бы колеса, а все бы двигался. Но тутъ явились на сцену живущіе въ предѣлахъ войска иногородніе. Этотъ пришлый элементъ, ничего общаго съ войскомъ не имѣющій, заявилъ и свои права на ученье въ войсковыхъ гимназіяхъ. Принимали ихъ и ранѣе; но пока ино-

городнихъ было мало, поступленіе ихъ въ гимназіи не бросалось въ глаза и не приносило ущерба кореннымъ жителямъ и казакамъ; всѣмъ казачьимъ дѣтямъ хватало мѣста въ гимназіи. Но съ наплывомъ, въ послѣдніе годы, иногороднихъ дѣла приняли острый характеръ. Иногородніе потребовали себѣ равныхъ правъ въ гимназіи. Начальство же гимназій, переданныхъ войскамъ, къ несчастью, въ министерство народнаго просвѣщенія и почти сплошь состоящее изъ иногороднихъ, въ свою очередь, рѣшительно перешло на сторону пришлаго населенія. Забывъ о томъ, что гимназіи принадлежатъ войску и содержатся на казачій счетъ, они стали хлопотать о пріемѣ въ гимназіи всѣхъ безразлично по конкурсу, только тѣхъ, кто получитъ на экзаменѣ лучшіе баллы; иногороднихъ за плату, казаковъ, какъ и ранѣе, безплатно. Для иногороднихъ установили плату въ 60 рублей въ годъ. Но этотъ, достойный Игнатія Лойолы, выпадъ не могъ осуществиться. Если бы это было примѣнено на практикѣ и вошло бы въ жизнь, то тогда, по всей вѣроятности, не было бы ни одного казака въ гимназіяхъ. Гдѣ же было бы конкурировать казачьему сыну или дочери, живущимъ въ глухихъ поселкахъ, плохо подготовленнымъ, съ дѣтьми иногороднихъ, большинства горожанъ, великолѣпно подготовленными, благодаря городскимъ условіямъ жизни.

Министерство рѣшило, что половина учениковъ будетъ состоять изъ казаковъ, а другая изъ иногороднихъ за плату по 60 рублей. Половинная противъ того, во что обходится самому войску обученіе гимназиста за учебный годъ, считая расходы и на отопленіе зданій.

Получилась курьезная вещь: за каждаго иногороднаго ученика казаки стали приплачивать по 60 рублей въ годъ изъ своихъ денегъ; въ то же время за неимѣніемъ мѣстъ въ гимназіи, ежегодно стали оставаться за дверями собственныхъ своихъ гимназій сотни казачьей молодежи безъ надежды получить какое-либо образованіе.

Напрасно войсковое хозяйственное правленіе, возмущенное несправедливостью по отношенію къ коренному казачьему населенію—хозяину гимназій, много лѣтъ входило съ соотвѣтствующими представленіями въ министерство народнаго просвѣщенія. Оно ничего не могло добиться.

— Если вы не уберете иногороднихъ изъ нашихъ гим-

назій, мы ихъ закроемъ, — говоритъ, наконецъ, войско въ лицѣ атамана и хозяйственнаго правленія.

— Не имѣете никакого права,—отвѣчаетъ министерство,—гимназіи вы передали намъ съ обязательствомъ содержать ихъ полностью.

— Мы дадимъ для иногороднихъ безплатно мѣсто, пусть они строятъ себѣ гимназію, пусть строитъ ее министерство, только освободите наши гимназіи отъ иногороднихъ. У насъ своимъ дѣтямъ негдѣ учиться!

— Хорошо,—говоритъ министерство.—Но вѣдь это будетъ вамъ тяжело, вы не будете получать плату по 60 рублей за ученье съ иногороднихъ. А вѣдь это сумма порядочная?

— Не надо намъ этой платы,—ихъ мѣста займутъ наши казаки, теперь остающіеся за дверями.

— Смотрите, не сдѣлайте ошибку, — предупреждаетъ министерство,—вѣдь для гимназіи нуженъ швейцаръ, прислуга для лампъ, сторожа и проч.

— Все, все мы заведемъ, только, ради Бога, освободите намъ наши гимназіи для нашихъ дѣтей.

Чуть ли не десять лѣтъ тянулся приблизительно въ такомъ духѣ этотъ бумажный разговоръ между хозяйственнымъ правленіемъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Это была вѣчная злоба дня всего казачьяго населенія. Долго казачьи дѣти оставались безъ образованія и вмѣсто нихъ учились иногородцы и за каждаго изъ нихъ казаки доплачивали изъ своихъ средствъ по 60 рублей въ годъ! За свои же денежки учили не своихъ дѣтей, а чужихъ, а своихъ оставляли въ темнотѣ.

Лишь только въ прошломъ, 1910 году, послѣ всевозможныхъ мытарствъ, справедливое желаніе уральцевъ было исполнено.

Уставъ гимназій былъ радикально измѣненъ, согласно требованіямъ казаковъ. Войсковыя гимназіи стали въ дѣйствительности войсковыми. Въ нихъ стали принимать сначала всѣхъ выдержавшихъ экзамены казаковъ и лишь на свободныя вакансіи, съ особаго каждый разъ разрѣшенія войскового начальства, иногороднихъ. Директоръ и инспекторъ стали выбираться войсковымъ начальствомъ.

Но что это стоило казачеству? Что стоило ему желаніе освободиться отъ этой опеки начальства, отъ этой особой заботы о немъ правительства?

Въ войскѣ неотложныхъ нуждъ масса. Одна прорѣха открывается за другой. Между тѣмъ, казаки при всемъ своемъ напряженіи, не въ состояніи имѣть доходовъ болѣе, чѣмъ имѣютъ до сихъ поръ. Обложено все что только видитъ глазъ, обложены даже собаки. Войсковые же промыслы, главнымъ образомъ, рыболовство падаетъ изъ года въ годъ. Хлѣбопашество, процвѣтающее только въ сѣверной части войска, выдерживаетъ страшный искусъ. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ подорвали довѣріе населенія къ этому промыслу. Въ южной же части войска, благодаря полной непригодности земли, пашенъ не имѣютъ, а занимаются исключительно рыболовствомъ и скотоводствомъ. Что же дѣлать войску? Куда же идти? Гдѣ взять необходимыя суммы, чтобы удовлетворить хотя бы неотложныя свои нужды?

Прошли времена, когда народный поэтъ воспѣлъ богатую жизнь казачества

«Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ,
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршню».

Не до пригоршней уже теперь Не до расплаты казаку съ рабочими. Теперь онъ самъ готовъ идти въ рабочіе, только дайте ему не обнищать окончательно. Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы уральскій казакъ—этотъ гордецъ, преисполненный чувства собственнаго достоинства, для котораго все, что не казакъ, будь то князь или графъ, носитъ одно презрительное названіе: «мужикъ», слыхали ли вы когда-нибудь, что бы этотъ извѣстный когда-то богачъ, самъ когда-то имѣвшій десятки рабочихъ, чтобы онъ шелъ работать, искать заработка внѣ предѣловъ своего войска?

Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы казакъ былъ работникомъ у мужика? А въ этомъ году лѣтомъ тысячи уральскихъ казаковъ ушли на заработокъ къ крестьянамъ—пошли наниматься къ нимъ для занятія извозомъ. Теперь уже не казаки платятъ пригоршнями крестьянину, а крестьяне доведеннымъ до нищенства казакамъ.

Казакъ работникъ. Это тотъ человѣкъ, который долженъ для вступленія на службу имѣть не менѣе 400—700 рублей!!

Куда же дальше идти?.. Еще пройдетъ немного лѣтъ подобнаго хозяйничанья, и вмѣсто зажиточныхъ, и способныхъ нести повинность домовитыхъ казаковъ, правительство будетъ имѣть голытьбу, тотъ пролетаріатъ, который оно безотчетно само созидало въ войскахъ, и для образованія котораго уже заложенъ фундаментъ вышедшими въ этомъ году для найма въ работники тысячами уральскихъ казаковъ.

Дальше этого куда же идти? Еще шагъ и казакъ уже нищій. Вмѣстѣ съ нищетою растетъ и недовольство казака.

V.

Но посмотримъ, что же сталось съ казакомъ въ наше время? Были у него привиллегіи и льготы.

Въ настоящее время безплодно и тщетно искалъ бы эти привиллегіи и покровительства пожелавшій ознакомиться съ ними человѣкъ. Онъ перебралъ бы сотни томовъ безконечныхъ и запутанныхъ русскихъ законовъ и не нашелъ бы ни одной привиллегіи. Лишь заглянувши въ покрытыя толстымъ слоемъ пыли архивныя дѣла, онъ въ далекомъ прошломъ казачества нашелъ бы то, о чемъ мы уже говорили; но эти привиллегіи, жалованныя царями, ушли въ архивъ и вмѣстѣ со страницами славнаго прошлаго казачества, его богатства и безбѣднаго существованія, покрылись пылью многихъ лѣтъ и отданы забвенію.

Ничто намъ не говоритъ теперь о привиллегіяхъ казачества, ни одна страница казачьяго постановленія.

Но намъ скажутъ, что мы ошибаемся, у казака есть привиллегія, — онъ не платитъ общегосударственнаго земельнаго налога.

Подсчитаемъ, что же беретъ правительство съ казака взамѣнъ этой интересной привиллегіи.

Ни для кого не секретъ, всѣ знаютъ, всѣмъ давно извѣстно и подсчитано до копѣйки, что выходъ казака на службу является для него единовременнымъ расходомъ въ среднемъ около 400 рублей. Тутъ стоимость коня, сѣдла, снаряженія, формы, пики, шашки и всего остального, кончая арканомъ, треногой и фуражной сѣткой. Замѣтьте при этомъ, что этотъ расходъ является единовременнымъ безъ разсрочки платежа, является для казака, достигшаго двад-

пятилѣтняго возраста, только что вышедшаго изъ юношества, для человѣка, который еще находится на плечахъ у семьи. Гдѣ ему взять эти деньги? Конечно, ихъ должна дать семья—отецъ, мать, если она богата, дядя, ну словомъ родня. А если въ семьѣ два, три, четыре сына? Вѣдь льготы у казаковъ нѣтъ—они всѣ служатъ. Какъ тутъ быть? Вѣдь тогда этотъ расходъ по 400 рублей является ежегоднымъ при отправленіи каждаго слѣдующаго по возрасту сына.

Если два сына—этотъ расходъ выразится въ 800 рублей... Что же получится, если сыновей больше?

Но предположимъ, что казакъ снарядился, выѣхалъ на службу и благополучно прослужитъ четыре года. За эти четыре года казна выдастъ ему за все время по 25 рублей въ годъ и ничего больше, т.-е. 100 рублей. Но развѣ за четыре года казакъ износитъ форменной одежды, мундировъ, рубахъ, сапогъ и прочаго только на 100 рублей? Да онъ ходилъ бы въ рваньѣ, если бы ему не высылали денегъ изъ дома. Положимъ, что казакъ проживетъ за это время еще 100 руб. своихъ, чтобы мы могли считать, что онъ достаточно одѣтъ для того, чтобы не походить на оборванца.

Но вотъ казакъ пришелъ домой. Онъ еще не свободенъ отъ убыточныхъ расходовъ. Онъ долженъ еще четыре года имѣть коня и полное обмундированіе и снаряженіе—кормить этого коня, можетъ быть ему подчасъ совершенно ненужнаго. Предположимъ, что казакъ имѣетъ какую-либо работу въ городѣ: конторщика, бухгалтера, ну, наконецъ, живетъ въ столицѣ, имѣетъ тамъ какую-либо службу, ну, словомъ, добываетъ себѣ хлѣбъ гдѣ-либо внѣ предѣловъ войска—что же ему дѣлать съ конемъ? не вести же его съ собою въ Москву или другой городъ! Не имѣть коня нельзя—отдадутъ подъ судъ, какъ за растрату казеннаго имущества.

Приходится его кормить. Пусть за 4 года это выразится въ 200 рублей.

Я не говорю уже теперь о различныхъ учебныхъ сборахъ, ждущихъ его на родинѣ и поглощающихъ у казака непроизводительно дли него драгоцѣнное время и еще не одинъ десятокъ рублей. Предположимъ даже, что на этомъ всѣ мытарства казака и окончены. Предположимъ, что онъ

все уже заплатилъ правительству за честь не платить государственнаго поземельнаго налога. Подсчитавши же все, что онъ заплатитъ за это, мы получимъ крупную цифру приблизительно 600—700 рублей. Да вѣдь это колоссальная сумма для простого и къ тому же бѣднаго поселянина. И это налогъ только на одну воинскую повинность. А всѣ общегосударственные налоги? всѣ свои собственные внутренніе налоги на постройку мостовъ, переправъ, дорогъ, на отбываніе подводной и другихъ повинностей? Развѣ ихъ мало? Дополнительный налогъ въ 600—700 рублей на содержаніе войска, за содержаніе арміи, на содержаніе которой платитъ само собой казакъ все до послѣдней копѣйки, какъ и всѣ остальные подданные Россіи!

Посмотримъ же, что даетъ взамѣнъ этого казаку правительство единственною привиллегіею, предоставленною ему правомъ не платить государственнаго налога за свою землю.

Представимъ себѣ казака, имѣющаго, шутка сказать, цѣлыхъ тридцать десятинъ земли,—норму, которая по высшему соображенію, должна быть у казака, чтобы онъ могъ отбывать свою главную повинность—воинскую службу.

И вотъ онъ не платитъ за свою землю государственнаго налога. Посмотримъ же, что же бы онъ заплатилъ за нее, если бы этотъ налогъ распространялся и на него?

У меня подъ рукою въ данное время находится единственный источникъ, по которому можно судить о томъ, въ какомъ размѣрѣ платитъ этотъ налогъ крестьянинъ. Это труды Саратовской ученой архивной комиссіи за 1909 годъ.

Изъ этихъ трудовъ видно, что землевладѣлецъ Саратовской губерніи платитъ съ каждой десятины, годной для хлѣбопашества, всего на всего по 2 копѣйки въ годъ государственнаго налога. Такимъ образомъ, владѣлецъ, имѣющій 30 десятинъ земли, платитъ по 60 копѣекъ въ годъ.

Если мы теперь предположимъ, что казакъ тоже сталъ бы платить налогъ на землю и платилъ бы его за свои 30 десятинъ въ теченіе сорока лѣтъ (считая, что онъ доживетъ до почтеннаго шестидесяти-лѣтняго возраста), сумма, которую онъ уплатилъ бы въ теченіе своей жизни, выразилась бы весьма скромною цифрою—въ двадцать четыре рубля!

Какая громадная разница между тою суммою, которую

онъ платитъ взамѣнъ этого налога своею службою. Что это въ сравненіи съ 600—700 рублями и при этомъ внесенными правительству единовременно?!.

Вѣдь это дань въ 25—30 разъ большая, чѣмъ нужно, большая того, что платятъ равноимущіе съ нимъ остальные граждане русской земли.

Вѣроятно, всѣ знаютъ о знаменитомъ Аракчеевѣ и объ его злополучныхъ военныхъ поселеніяхъ. Тогда мирнаго жителя-хлѣбопашца въ его хатѣ у семейнаго очага, въ его полѣ у плуга, всюду и вездѣ заставляли носить форму и быть солдатомъ. Но что хорошо и полезно было въ казармѣ, оказалось никуда негоднымъ и вреднымъ у домашняго очага, въ сельской жизни, вблизи плуга и хозяйства. Военные поселяне взбунтовались и эти поселенія были уничтожены.

Объ этомъ знаетъ вся читающая Россія, но я увѣренъ, что многіе не знаютъ того, что эти военныя поселенія существуютъ на Руси еще и до сихъ поръ. Правда, не со всѣми аттрибутами аракчеевщины: съ зеленой улицей, рваными ноздрями и палкою капрала; нѣтъ, этого теперь не моднаго спутника солдатской шеренги, въ существующихъ военныхъ поселеніяхъ взоръ современнаго человѣка не увидитъ,—ихъ нѣтъ тамъ.

Читатель удивленъ. Какими судьбами,—спрашиваетъ онъ—теперь, въ наше гуманное время, въ государствѣ съ представительнымъ правленіемъ и вдругъ военныя поселенія?

Да, эти военныя поселенія существуютъ. Предо мною лежитъ корреспонденція изъ Новочеркасска, помѣщенная въ «Новомъ Времени» въ 1908 г. 2 декабря, подъ названіемъ «Первобытные нравы».

Вотъ что пишутъ изъ Новочеркасска:

— «Приказомъ войску Донскому отъ 27 февраля 1908 г. № 104 отставной казакъ Иловлинской станицы Николай Васильевъ Григорьевъ посланъ въ Преображенскую станицу Хоперскаго округа, срокомъ на два года, за то, что при приближеніи къ нему генерала Филинкова нарушилъ чинопочитаніе—не всталъ предъ генераломъ. Приказомъ по войску Донскому 1907 г. № 734, находящійся по болѣзни на годовой льготѣ казакъ Каменской станицы Трофимъ Варѳоломеевъ Бородинъ сосланъ въ Атаманскую станицу, Саль-

скаго округа, срокомъ на два года за неотданіе чести есаулу Кушнареву. Приказомъ по войску Донскому 1908 г. № 287, состоящій въ запасѣ казакъ Митякинской станицы Матвѣй Никитинъ Исаевъ сосланъ въ Атаманскую станицу, Сальскаго округа, срокомъ на одинъ годъ, за неотданіе чести полковнику Родіонову. Такихъ примѣровъ можно бы еще привести не мало».

Развѣ не видно изъ этихъ строкъ, что казачьи станицы населены военными: офицерами и нижними чинами и что тамъ строго соблюдается отданіе чести даже давно отслужившими военную службу людьми.

Это жительство съ военными людьми, съ военными нравами... настоящія военныя поселенія.

Тутъ же, дальше, авторъ разъясняетъ и права этихъ людей.

«На основаніи устава о воинской повинности Донского казачьяго войска,—пишетъ авторъ,—казаки, не числящіеся на дѣйствительной военной службѣ, за неотданіе воинской чести офицерамъ, даже въ форменной военной одеждѣ, не могутъ быть наказуемы за это въ порядкѣ, опредѣленномъ военно-уголовнымъ и дисциплинарнымъ уставами, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ ст. 22 упомянутаго устава, т. е. при обязательныхъ сношеніяхъ, касающихся военной службы.

«Вышеупомянутые казаки не состояли на дѣйствительной службѣ, и поступки ихъ сдѣланы не при военно-служебныхъ сношеніяхъ съ офицерами, поэтому они по закону не должны быть наказуемы за неотданіе офицерамъ воинской чести и несоблюденіе чинопочитанія, такъ какъ упомянутые гг. офицеры не были по отношенію къ нимъ начальниками, слѣдовательно, не въ правѣ были требовать отъ нихъ отданія воинской чести и дѣлать замѣчанія.

«За нарушеніе чинопочитанія и за неотданіе чести на дѣйствительной военной службѣ нижними чинами офицерамъ, ихъ наказываютъ въ дисциплинарномъ порядкѣ (дежурствомъ, дневальствомъ, арестомъ) даже за лживые отвѣты начальнику, напримѣръ, за невѣрное указаніе своей фамиліи, наказываютъ какъ за маловажный проступокъ дисциплинарнымъ порядкомъ (рѣш. главн. военн. суда 87/32, 90/61). На какомъ же основаніи за тѣ же самые проступки въ тысячу кратъ больше наказываютъ не состоящихъ на дѣйствительной службѣ?»

Какъ видимъ изъ этого разъясненія, казакъ, состоящій на дѣйствительной службѣ въ полку, за неотданіе чести наказывается только простымъ арестомъ, а тотъ же казакъ, отслужившій свой срокъ и вернувшійся къ себѣ домой, наказывается за это ссылкою на два года и при этомъ безъ суда и слѣдствія, только простой отдачей приказа войсковымъ атаманомъ. Въ военныхъ поселеніяхъ дисциплина строже чѣмъ въ строю, строже, чѣмъ даже въ осажденной крѣпости.

И это не въ одномъ только Донскомъ войскѣ,—это можно видѣть во всѣхъ казачьихъ войскахъ. И послѣ этого нѣкоторые имѣютъ смѣлость утверждать, что у насъ не существуетъ военныхъ поселеній. Не знаю,—понравилось ли бы вамъ, если бы вдругъ вы, проходя мимо какого-нибудь генерала, не сняли шапки и услышали бы сзади себя грозный окрикъ: «Эй ты, почему не снялъ шапки?» А черезъ день вамъ принесли бы приказъ отъ губернатора немедленно выѣхать за эту дерзостъ, ну, положимъ, куда-нибудь вродѣ Якутской области годика на два?

Вѣдь, пожалуй, не понравилось бы. Что у васъ общаго съ этимъ проходящимъ генераломъ или какимъ-нибудь капитаномъ? Вы не солдатъ, вы не въ строю, вы, наконецъ, если и служили, то давно уже ушли въ запасъ и ходите въ обычной одеждѣ.

Представьте себѣ всю Россію, низко кланяющуюся каждому проходящему офицеру подъ угрозою ссылки до двухъ лѣтъ въ мѣста, можетъ-быть, и не столь отдаленныя, какъ Якутская область, но все же ни для васъ, ни для вашей семьи нежелательныя.

Видали ли вы гдѣ-нибудь что-либо подобное? Какъ вамъ понравится жизнь казака? Чувствуете ли весь ужасъ его положенія, всю его безпомощность и безотвѣтность? Чувствуете ли вы весь тотъ гнетъ и безправіе, въ которомъ онъ находится, то безпросвѣтное, не имѣющее никакого выхода, ужасное порабощеніе?

Не желаете ли вы пробыть хотя нѣсколько дней на мѣстѣ казака?

Вѣдь онъ лишенъ даже суда. Онъ весь, какъ крѣпостной, во власти своего начальства. Не много надобно для того, чтобы онъ въ 24 часа былъ высланъ изъ своего дома на четыре года въ ссылку. Случайное неснятіе шапки, неучти-

вый поклонъ, закуренная не во время папироса предъ начальствомъ и проч. и проч.—все это поводы для ссылки.

Это ли не существенныя привиллегіи казачества и особое попеченіе о немъ правительства?

Интересенъ и послѣдовавшій вслѣдъ за этой корреспонденціей въ той же газетѣ и отвѣтъ на это Главнаго Управленія казачьихъ войскъ:

«Помѣщенная въ газетѣ «Новое Время» (отъ 2 декабря) корреспонденція изъ Новочеркасска подъ заглавіемъ: «Первобытные нравы», въ которой сообщается о случаяхъ якобы неправильной высылки несостоящихъ на дѣйствительной военной службѣ казаковъ изъ ихъ станицъ, вызываетъ необходимость въ разъясненіи и значительныхъ поправкахъ. Казачье населеніе, какъ обязанное поголовной воинской повинностью и пользующееся за то весьма существенными привилегіями и особымъ попеченіемъ правительства, должно быть особенно проникнуто чувствомъ воинской дисциплины и соблюдать послѣднюю не только во время состоянія казаковъ на дѣйствительной службѣ, но и во время проживанія ихъ въ станицахъ, что и предусмотрѣно существующими законоположеніями. Высочайшими повелѣніями отъ 8 февраля 1894 г. и 9 іюня 1896 г. войсковымъ наказнымъ и наказнымъ атаманамъ казачьихъ войскъ предоставлено право налагать особыя взысканія, между прочимъ, въ видѣ высылки на жительство въ отдаленныя станицы на срокъ до 4 лѣтъ, на казаковъ какъ служилаго состава, такъ и отставныхъ и запаснаго разрядовъ, за нарушеніе ими воинскаго чинопочитанія и дисциплины. На основаніи перваго изъ вышеуказанныхъ Высочайшихъ повелѣній и состоялась высылка перечисленныхъ въ корреспонденціи казаковъ въ другія станицы». [1])

Комментаріи излишни!

Все это дѣлается въ силу законовъ, изданныхъ по иниціативѣ того же Главнаго Управленія; все это дѣлается въ силу весьма существенныхъ привиллегій и особаго попеченія правительства, которыми пользуются только одни казаки, какъ особо привиллегированное сословіе.

Управленіе лишь только добавляетъ, что за неотданіе особаго уваженія офицеру свободный человѣкъ можетъ быть

---

[1]) „Новое Время“ 1908 г. декабря 17.

безъ суда и слѣдствія сосланъ не только на два года, но и на четыре.

Но уже изъ нашего очерка мы великолѣпно знаемъ всѣ казачьи привиллегіи и то особое попеченіе, о которомъ такъ часто любитъ заявлять Главное Управленіе казачьихъ войскъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ мнѣ пришлось быть въ г. Благовѣщенскѣ на Амурѣ въ Войсковомъ Правленіи Амурскаго войска.

Еще подходя къ нему, я встрѣтилъ на улицѣ двухъ бравыхъ уже пожилыхъ амурскихъ казаковъ, одѣтыхъ въ полную форму и съ какой-то особой деликатностью отдавшихъ мнѣ честь. Я былъ удивленъ знакомыми мнѣ интеллигентными ихъ лицами. Казаки, отдавая честь, какъ показалось мнѣ, даже улыбались.

Я былъ заинтересованъ и подозвалъ ихъ къ себѣ. Но уже въ двухъ шагахъ отъ себя я узналъ въ нихъ однихъ изъ своихъ самыхъ хорошихъ и старинныхъ знакомыхъ:— одинъ былъ богатый казакъ изъ Покровской станицы, коммерсантъ, а другой изъ Игнашиной—тоже богатый и интеллигентный и притомъ еще и золотопромышленникъ.

— Что съ вами?—лишь успѣлъ я вымолвить,—развѣ мобилизація?

Тутъ только я узналъ отъ своихъ знакомыхъ, что ни войны, ни мобилизаціи, ничего такого страшнаго не предполагалось и не предвидѣлось.

Просто на просто этимъ людямъ нужно было по какому-то чисто личному, но неотложному дѣлу зайти въ свое Войсковое Правленіе и навести какія-то справки.

— Къ чему же вы одѣлись въ форму?—спрашиваю ихъ. Вѣдь это страшно неудобно, козыряй проходящему офицеру, не смѣй никуда зайти, да наконецъ и тяжело,—вы отвыкли уже отъ мундира. Да, наконецъ, и ваше начальство будетъ съ вами говорить инымъ тономъ, чѣмъ если вы войдете въ обычномъ штатскомъ костюмѣ.

— Нельзя,—отвѣчаютъ мнѣ.—Такъ приказано. Вѣдь мы казаки. А не дай Богъ, начальство привяжется, что мы безъ формы? Тогда что будетъ? Нѣтъ, ужъ лучше въ формѣ. Береженаго Богъ бережетъ.

Пошли. Я зашелъ вмѣстѣ съ ними и, сдѣлавъ свое дѣло, сталъ дожидаться результата хлопотъ моихъ знакомыхъ.

Долго стояли они въ передней, пока дежурный писарь рѣшился доложить о нихъ начальству. Наконецъ, ихъ позвали.

Я заинтересовался, какъ ихъ примутъ, какъ кончатъ они свои хлопоты.

Коммерсантъ и золотопромышленникъ, поддерживая шашки и держа по формѣ фуражки, лихо прошли мимо меня, улыбнулись и скрылись за дверьми отдѣльнаго кабинета хорошо знакомаго мнѣ и гуманнаго начальства.

— Здорово!—послышался окликъ начальства, углубившагося въ бумаги.

— Здравія желаемъ Вашему Высокоблагородію,—раздалось въ отвѣтъ дружное совмѣстное привѣтствіе станичниковъ, уже давно забывшихъ о подобномъ обращеніи.

Я признаюсь, едва удерживался отъ смѣха,—такъ поразила меня эта игра въ солдатики и невольный маскарадъ этихъ совершенно независимыхъ, зажиточныхъ и давно уже забывшихъ военную службу, людей,—до того они были смѣшны въ своей новой роли. Я замѣтилъ, что и ихъ это тоже забавляло.

— Тебѣ что нужно?—обратилось начальство къ коммерсанту.

— Такъ что позвольте доложить Вашему Высокоблагородію,—поддѣлываясь подъ тонъ простого казака, началъ свой отвѣтъ спрошенный и далѣе, умышленно цокая и прибавляя къ глаголамъ приставку к а, какъ это дѣлаютъ простые казаки-амурцы, сталъ излагать свое дѣло.

«Лѣтось мы съ братаномъ въ пади за еланью сундалой хлыняли а я смотрю-ка»... и пошелъ, и пошелъ мой пріятель, только и слышалось окончаніе «юка» и замысловатыя свѣжему человѣку совершенно непонятныя слова...

Я едва сдерживался отъ того, чтобы громко не расхохотаться. До того ловко копировалъ мой пріятель рѣчь простого казака-амурца.

Минутъ черезъ десять онъ кончилъ.

— А тебѣ что нужно?—спрашиваютъ золотопромышленника.

Та же исторія съ отвѣтомъ.

Начальство сдѣлало распоряженіе объ удовлетвореніи казаковъ и мои пріятели крикнувъ начальству «Счастливо оставаться, Ваше Высокоблагородіе»—дружно, по всѣмъ пра-

виламъ устава, повернулись налѣво кругомъ, и торжественно вышли на улицу. Это ли не военныя поселенія?..

Прошло послѣ этого года два, но каждый разъ при встрѣчѣ съ ними мы дружно хохотали, вспоминая этотъ день.

Что достигло тогда начальство, приказывая даже запаснымъ казакамъ являться въ мундирахъ при полной формѣ? Кромѣ улыбки надъ собою и едва скрываемой насмѣшки— ничего.

Представьте себѣ, что каждый русскій подданный, отбывшій воинскую повинность, долженъ былъ бы явиться по начальству не иначе, какъ надѣвъ мундиръ, въ которомъ онъ служилъ. Не вызвало ли бы это улыбку и смѣхъ? А можетъ быть и смѣхъ и слезы. Смотря какое начальство. Есть вѣдь всякіе.

То, что хорошо въ строю и казармѣ, смѣшно и безсмысленно въ обществѣ и частной жизни.

Но эту картину я видѣлъ только въ Амурскомъ войскѣ. Тамъ одно время, въ бытность командиромъ полка памятнаго всему приамурскому краю полковника Винникова [1]), во время его проѣздовъ по станицамъ требовался выходъ всего взрослаго мужского населенія обязательно въ полной казачей формѣ.

Къ счастію въ другихъ казачьихъ войскахъ не было ничего подобнаго. Уралецъ, напримѣръ, никогда не надѣнетъ формы, разъ онъ не служитъ въ полку, и всегда является къ начальству, не исключая и наказнаго атамана, въ своихъ излюбленныхъ домашнихъ широчайшихъ холщевыхъ шароварахъ, спущенныхъ сверхъ сапогъ.

Въ томъ же Войсковомъ Правленіи Амурскаго казачьяго войска мнѣ пришлось встрѣтить якутскаго казака.

Не многіе, вѣроятно, слышали даже самое названіе якутскій казакъ, а о томъ, какъ онъ живетъ, что это за люди, вѣроятно, не знаетъ даже и самый любознательный человѣкъ. Это потомки той русской великой и удалой силы, которая высоко поднявши русскій флагъ, смѣло ринулась въ дебри Восточной Сибири и привела ее подъ высокую руку Московскихъ Государей. Это потомки русскихъ Колумбовъ,

---

[1]) Командиръ Амурскаго полка тогда былъ и начальникомъ всего населенія всѣхъ станицъ, выставлявшихъ этотъ полкъ, нѣчто вродѣ атамана отдѣла въ другихъ казачьихъ войскахъ.

Пизаро и Кортецовъ. Это прямые наслѣдники русскихъ без страшныхъ и отважныхъ богатырей, Хабарова, Толбузина, Пашкова и другихъ, которые подарили русскому царству Амуръ и Камчатку. Это тѣ казаки, которые съ атаманомъ Дежневымъ первые появились на томъ проливѣ, который, къ стыду русскаго народа, до сихъ поръ носитъ названіе Берингова, а не Дежнева пролива.

Такъ вотъ потомка этихъ-то русскихъ завоевателей, подарившихъ Россіи громадную страну, большую, чѣмъ была сама Россія того времени, мнѣ пришлось увидѣть въ томъ же Войсковомъ Правленіи. Прибылъ онъ туда изъ сосѣдняго къ Благовѣщенску города, изъ Якутска, почти за полторы тысячи верстъ съ особо важнымъ порученіемъ. Въ Якутскѣ бѣжали изъ острога два важныхъ политическихъ преступника. Какъ быть Якутскому губернатору? По всѣмъ даннымъ бѣглецы направятся на Амуръ, чтобы оттуда бѣжать за границу въ Японію или Америку. Но какъ успѣть дать знать объ этомъ Амурскому губернатору ранѣе прибытія туда бѣглецовъ. Телеграфа изъ Якутска до Иркутска тогда не существовало. И вотъ вмѣсто телеграммы рѣшено было отправить на Амуръ якутскаго казака. Казака снарядили, дали ему пакетъ къ Амурскому губернатору и онъ отправился въ дорогу. Но это выраженіе будетъ неправильно,—вѣрнѣе—не въ дорогу—дороги по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ пошелъ, не имѣется. Онъ пошелъ по тому пути, по которому когда-то его прадѣды во главѣ съ Хабаровымъ вышли на Амуръ. Онъ пошелъ прямо на югъ черезъ Становой хребетъ, спустился въ бассейнъ рѣки Амура до рѣки Зеи и по ней пришелъ въ Благовѣщенскъ.

Здѣсь онъ подалъ пакетъ. Лишь только черезъ недѣлю послѣ его прибытія была получена изъ Иркутска телеграмма о томъ же. Якутскій казакъ принесъ извѣстіе раньше, чѣмъ телеграмма, посланная губернаторомъ почтою до Иркутска.

Одинъ, съ кудластою и мохнатою собакою и съ ружьемъ въ рукахъ, этотъ казакъ прошелъ всю тысячеверстную пустынную тайгу и исполнилъ свое порученіе.

Это ли не геройскій подвигъ? Но всего поразительнѣе, что онъ этимъ нисколько не гордился. И на вопросы удивленныхъ чиновъ Войскового Правленія, какъ онъ ухитрился пройти таежные дебри, якутскій казакъ скромно за-

явилъ, что это пустяки, къ этому они, якутскіе казаки, привыкли.

— Это намъ не въ первой—говорилъ онъ,—всегда мы бываемъ въ посылкахъ, то на Анадырь, то на Аянъ, то въ Охотскъ, то въ Камчатку. Вотъ теперь и Благовѣщенскъ привелъ Богъ увидѣть.

И на лицѣ ни малѣйшаго слѣда хвастовства, ни малѣйшаго слѣда гордости отъ совершеннаго имъ сверхчеловѣческаго подвига.

Скроменъ, простъ и спокоенъ. Съ глубокимъ, не скрываемымъ интересомъ разглядывалъ я его со всѣхъ сторонъ.

Средняго роста, сухой, какъ будто бы однѣ жилы у него, а не мясо. Черные волосы, слегка узкіе, какъ у якута глаза, и чуть-чуть выступающія, болѣе чѣмъ обычно у русскихъ людей скулы. Напрасно я искалъ на немъ какого либо признака, указывающаго на принадлежность его къ казачеству. На немъ не было ни узкаго мундира, ни шароваръ съ лампасами, ни знаменитой кепи и бѣлыхъ панталонъ. Обычный русскій костюмъ. Одѣтъ въ сѣрую рубаху, въ черные штаны, на ногахъ олочи, обувь похожа на русскіе поршни. За спиною тунгузская паняга [1]), къ которой привязанъ мѣшокъ съ запаснымъ бѣльемъ, съ сухарями и чаемъ; сверхъ всего привязанъ суконный армякъ. Черезъ плечо виситъ кожаная сумка, въ ней порохъ, пули, огниво, кремень и кисетъ съ табакомъ. За поясомъ широкій ножъ въ ножнахъ изъ оленей кожи. Въ рукахъ кремневая винтовка и рядомъ съ нимъ, ни на минуту не отходящая отъ его ногъ, мохнатая пестрая собака. Она видимо пугалась общества людей, городскихъ построекъ, ей было и жутко и душно послѣ свободной тѣнистой и раздольной тайги.

Черезъ два дня послѣ этого казакъ ушелъ. Какъ ни уговаривали его вернуться обратно въ Якутскъ по р. Амуру черезъ Иркутскъ, а потомъ по Ленѣ, онъ ни за что на это не соглашался.

— Долго это будетъ,—все лѣто потеряю,—а если я пойду прямо тайгою—то вдвое скорѣе дойду, да и денегъ ни копѣйки не потрачу.

---

[1]) Паняга—деревянная дощечка, закидываемая на ремняхъ черезъ плечо на спину; къ ней особыми ремнями привязывается грузъ: напр. мѣшокъ съ сухарями, или что-либо другое, нужное въ дорогѣ. Носимое благодаря дощечкѣ не мокнетъ отъ пота и въ свою очередь не прилегаетъ плотно къ спинѣ, оставляя промежутокъ для прохода воздуха между тѣломъ и панягой.

Удивленный его подвигомъ и мужествомъ бывшій предсѣдатель войскового правленія полковникъ Кузьмицкій далъ ему наградныхъ изъ своихъ средствъ 25 рублей.

Казакъ поблагодарилъ., сяистнулъ собаку и скрылся изъ города. Двинулся въ глухую пустынную тайгу...

Послѣ этого много мнѣ пришлось видѣть якутскихъ казаковъ—и въ качествѣ прислуги у исправника Николаевскаго на Амурѣ округа, и въ качествѣ всевозможныхъ сторожей въ сѣверной части Приморской области, но никогда ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ первый разъ видѣнный мною этотъ отважный и безстрашный гонецъ.

Но знаетъ ли кто-нибудь, какъ живутъ и какъ служатъ якутскіе казаки? Они живутъ въ Якутскѣ, въ Петропавловскѣ на Камчаткѣ, въ Охотскѣ и другихъ городахъ того обширнаго края. Живутъ по старинѣ: ни одна реформа, начиная съ Петра Великаго, не коснулась этого казачества. О немъ забыли. Служатъ они по старинѣ до глубокой старости. Получаютъ за это паекъ провіанта и еще какое-то мизерное жалованье. Есть у нихъ свой атаманъ въ чинѣ чиновника XIV класса, или что-то въ этомъ родѣ, есть и другіе казачьи чины.

Разбросанные по различнымъ городкамъ Якутской области, обязанные до старости поголовною службою, они несутъ всевозможныя обязанности: конвойную службу, городовые караулы, наряжаются во всевозможныя посылки. Служатъ долго и, кажется, безъ смѣны. Я много разспрашивалъ объ ихъ службѣ у исправниковъ и казаковъ, встрѣчавшихся мнѣ на Амурѣ, но съ того времени прошло уже почти двадцать лѣтъ, и подробности о ихъ бытѣ у меня изгладилось изъ памяти.

Знаю одно, что они, глядя на остальное населеніе Россіи, страшно тяготились своей почти крѣпостною зависимостью и почти безконечною и тяжелою службою.

Мнѣ разсказывали, что еще и тогда они искали выхода изъ своего мучительнаго положенія. Для того, чтобы сдѣлаться вольнымъ, такимъ же свободнымъ, какъ сосѣдній крестьянинъ, какъ сосланный въ Якутскую область поселенецъ, какъ многочисленные разночинцы, окружающіе его въ области—якутскій казакъ нашелъ единственный выходъ: это—дѣлать преступленіе.

Къ свободѣ вело его любое содѣянное имъ преступленіе,—грабежъ, убійство. Казака за это судили,—осуждали его, положимъ, къ ссылкѣ на поселеніе. Но куда же сошлешь изъ Якутской области? въ ту же Якутскую область,—ну, положимъ, въ Колымскъ. Получивъ званіе поселенца, казакъ сразу освобождался отъ своего крѣпостного и безвыходнаго положенія, дѣлался свободнымъ человѣкомъ и черезъ нѣсколько лѣтъ приписывался гдѣ-нибудь въ области къ мѣщанскому либо крестьянскому обществу и, наконецъ, превращался въ полноправнаго члена русскаго царства.

То же получалось при отправленіи его на каторгу. Послѣ отбытія ея, онъ становился поселенцемъ, потомъ крестьяниномъ и на всю послѣдующую жизнь дѣлался свободнымъ человѣкомъ. Лучше каторжная работа, тюрьма, ссылка,—чѣмъ честь быть якутскимъ казакомъ. Это ли не забота правительства?

Начальство о немъ забыло — казакъ сталъ заботиться о себѣ самъ. якутскому казаку положительно нечего было терять, когда онъ отправлялся на каторгу или въ ссылку— напротивъ, онъ этимъ только пріобрѣталъ себѣ права.

Не знаю, служитъ ли якутскій казакъ до сихъ поръ такимъ же образомъ, или объ его существованіи кто-нибудь вспомнилъ—мнѣ неизвѣстно. Знаю только одно, что ко времени коронаціи нынѣ царствующаго Государя онъ все еще былъ пасынкомъ великой казачьей семьи.

Прибыли депутаты якутскихъ казаковъ на коронацію нѣсколько позже, чѣмъ всѣ остальные представители казачьихъ войскъ. Увидали они въ Петербургѣ своихъ ближайшихъ сосѣдей амурскихъ и забайкальскихъ казаковъ. Разговорились. Амурцы, посовѣтовали имъ явиться въ Главное Управленіе казачьихъ войскъ.

Пошли якутцы туда. Въ управленіи руками развели— сроду не слыхали они о новоявленныхъ казакахъ. Туда-сюда, пересмотрѣли капитаны и прапорщики списки всѣхъ казачьихъ войскъ — нигдѣ не могутъ найти якутскихъ казаковъ—нѣтъ такихъ.

Въ центральномъ главномъ Государственномъ Управленіи всѣми казачьими войсками въ имперіи объ якутскихъ казакахъ не было ничего извѣстно.

Но какъ быть? Вѣдь пришедшіе въ Управленіе назвали себя казаками.

Стали наводить справки, разспрашивать вновь открытыхъ казаковъ, кто они, какъ служатъ, откуда и какое получаютъ жалованье?

Наконецъ рѣшили послать ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Пришли казаки туда. Тамъ переполохъ не меньшій, чѣмъ въ казачьемъ управленіи. Стали наводить и тамъ справки. Нѣтъ и у нихъ подобнаго войска. Чуть-чуть было якутскіе казаки окончательно не остались безъ начальства.

Но, наконецъ, въ дѣлахъ по Якутской области нашли справки и объ Якутскихъ казакахъ. Оказалось, что они подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ.

Начальство нашлось.

Но вѣдь немыслимо депутатовъ якутскаго казачества посылать на торжества коронаціи въ дореформенной и невиданной нигдѣ въ Россіи формѣ,

Якутскіе казаки пришли чуть ли не въ николаевскихъ кургузыхъ курткахъ и въ сѣрыхъ суконныхъ шароварахъ. Нельзя же было депутатамъ изъ Якутска ѣхать безъ всякой формы—вотъ и надѣли такую, какую пожаловали ихъ атаманамъ и сотникамъ при Николаѣ.

Рѣшили ихъ одѣть по современному. Обрядили ихъ въ форму не то Забайкальцевъ, не то Амурцевъ, и въ такомъ видѣ вмѣстѣ съ ними они и участвовали во всѣхъ церемоніяхъ коронаціи.

Въ якутскихъ казакахъ мы видимъ цѣлое забытое сословіе служилыхъ людей. Это ихъ отчасти и спасло отъ многихъ бѣдъ, отчасти принесло имъ и не мало горя. Оставаясь безъ всякихъ реформъ сотни лѣтъ, якутскіе казаки, не попавъ въ опеку военнаго вѣдомства, освободились отъ обязанности содержать Главное Управленіе казачьихъ войскъ и другіе штабы и управленія, освободились отъ непосильной и тягчайшей обязанности другихъ казачьихъ войскъ—выходить на службу, затрачивая на заведеніе обмундированія 400—500 рублей,—освободились отъ платы половины своихъ земскихъ суммъ на нужды военнаго вѣдомства и отъ другихъ непосильныхъ денежныхъ налоговъ, сохранивъ первобытную организацію и нѣкоторыя житейскія льготы—право не платить многія повинности. Но, состоя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, они были лишены всѣхъ реформъ военнаго вѣдомства.

«Слава-то казачья, жизнь-то собачья»—говорятъ современные казаки. Въ этой пословицѣ сказался весь юморъ, весь смѣхъ сквозь слезы русскаго человѣка.

Да, одна только слава отъ былого осталась у казачества. Не оставляетъ ихъ эта слава, она идетъ вмѣстѣ съ ними въ ихъ походы и на поля битвъ.

Одна слава... А гдѣ же казачье приволье, дѣдовское самоуправленіе и вмѣстѣ съ нимъ былое богатство и свобода?..

Она сдана въ архивъ вмѣстѣ со всѣми былыми дѣлами былого казачества и лишь одна нищета, подчасъ полное безправіе, безвыходная и все увеличивающаяся нужда остались у казачества...

«Пришелъ край»—говорятъ донцы. И дѣйствительно, дальше идти некуда—впереди пропасть»—пишетъ авторъ «Донского коннозаводства».

Мнѣ пришлось, годъ тому назадъ, быть на багреньи на Уралѣ. Послѣ разбитія первой ятови, предназначенной для Царскаго стола, когда пойманной рыбы оказалось недостаточно, начальство рѣшило разбить другую ятовь, которую ранѣе предполагалось отдать въ пользу казаковъ. Нужно было видѣть въ это время возбужденныя лица казаковъ, ихъ глухой ропотъ недовольства, чтобы понять, до какой нищеты довели ихъ. Давно ли было время, когда въ подобныхъ же случаяхъ уральцы спокойно багрили на другой ятови, лишь бы только поймать опредѣленное количество осетровъ для презента Царю [1]). Но на этотъ разъ глухой ропотъ недовольства былъ отвѣтомъ на предложеніе переѣхать на другую ятовь. Вставалъ шкурный вопросъ во всей своей зловѣщей окраскѣ. Шла борьба голодныхъ людей изъ-за послѣдняго единственнаго куска хлѣба, который оставался у нихъ въ этихъ еще не разбагренныхъ ятовахъ. Лишь только тактичность и выдержка наказнаго атамана успокоили войско. Онъ приказалъ недостающее количество осетровъ докупить на счетъ войсковыхъ суммъ.

Я случайно обходилъ въ это время ряды баграчеевъ [2]) и любовался ихъ высокими богатырскими фигурами, муже-

---

[1]) Презентъ—рыба и икра, подносимая ежегодно Уральскимъ войскомъ къ Высочайшему двору. Обычай, существующій съ образованія войска. Въ старину назывался Царскій курсъ, но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ нѣмецкаго засилья, сталъ называться презентомъ.

[2]) Баграчеями называются въ Уральскомъ войскѣ казаки, которые участвуютъ въ рыбной ловлѣ на багреньѣ.

ственными загорѣлыми бородатыми лицами. Среди нихъ было не мало кавалеровъ, украшенныхъ двумя и тремя крестами. Но всѣ лица были возбуждены. Раздавался громкій ропотъ.

«Знаемъ, куда ведутъ насъ!»—громко раздавалось въ ихъ рядахъ.—«Знаемъ, куда ведутъ!»—съ суровой сдержанностью повторяли обращаясь ко мнѣ многіе изъ нихъ. Въ этихъ трагическихъ словахъ слышался и отвѣтъ.

— Мы знаемъ, что насъ ведутъ къ нищетѣ, насъ ведутъ къ полному разоренію»,—вотъ что звучало въ этихъ словахъ.

— Пришелъ край,—говорятъ донцы.

— Знаемъ, куда ведутъ насъ,—говорятъ уральцы.

Да, казаки знаютъ, куда ихъ ведутъ. Знаетъ ли объ этомъ начальство? Знаетъ ли оно, что казаковъ ведутъ по той дорогѣ, по которой привели Россію къ Цусимѣ и Мукдену, по которой двѣсти лѣтъ тому назадъ привели казачество къ Разиновщинѣ. Его ведутъ по той дорогѣ, по которой сто лѣтъ спустя послѣ Разина, произволъ и насиліе властей привели яицкихъ, нынѣ уральскихъ казаковъ, къ Пугачевщинѣ.

Это тотъ путь, по которому отданные еще не такъ давно во власть произвола и насилія уральцы, эти самобытные люди, ревнители древняго благочестія и вѣрнѣйшіе изъ вѣрнѣйшихъ слугъ царя и Россіи, были доведены до «Уходцевъ» 1874 года, когда извѣрившись окончательно въ правду, они тысячами съ пѣніемъ псалмовъ шли «за золотыми вѣнцами» въ ссылку въ Туркестанъ, шли на смерть, на мученичество [1])

Уходцы потеряли тогда все святое, все лучшее, чѣмъ только можетъ жить порядочный человѣкъ на землѣ,—они потеряли тогда вѣру въ правду. У нихъ оставалась тогда только одна вѣра,—это вѣра въ высшую правду на небесахъ. «Стрѣляйте въ насъ!», говорили они властямъ.—«Дайте намъ до конца претерпѣть и принять мученическій вѣнецъ!»...

---

[1]) Объ „Уходцахъ“ до сихъ поръ въ литературѣ имѣется очень мало свѣдѣній. Почти единственными статьями объ нихъ являются: Сандра «Уральцы въ Туркестанскомъ краѣ“ («Русское богатство» 1905 г. кн. 6) и Всев. Крестовскаго „Степное гнѣздо“ (Полное собр. соч., книга 7), а также кн. А. Б. Карпова „Памятникъ казачьей старины“.

VI.

Честно и вѣрно до сихъ поръ служилъ казакъ царю и Россіи и имѣетъ право разсчитывать на поддержку правительства, которому онъ служилъ. Но не поддержку встрѣчалъ онъ на своемъ пути.

Все дѣлалось наоборотъ.—Подъ громкимъ названіемъ особыхъ привиллегій казачеству давали законы, разорившіе его въ корень; подъ громко заявленною заботою о немъ правительства видимъ осужденные исторіей и сданные въ архивъ по своей нелѣпости, унижающіе человѣческое достоинство аттрибуты и порядки давно уже упраздненныхъ военныхъ поселеній и крѣпостного строя.

Дѣлали все наоборотъ.

Дѣлали все такъ, что со стороны можно было подумать, что на казака наложенъ особый штрафъ. Можно было думать, что казакъ измѣнилъ правительству, что казачество совершило тягчайшее государственное преступленіе и теперь, въ видѣ наказанія за это, несетъ заслуженную кару.

Казакъ честно служилъ Россіи и своему Царю. Его служба еще пригодится и впереди. Онъ имѣетъ право за эту службу требовать къ себѣ вниманія и заботъ о себѣ. Требовать, наконецъ, равноправія съ остальными подданными русскаго Царя и заступничества закона.—Судить его за преступленія судомъ, а не ставить, какъ безправнаго ссыльно-поселенца, внѣ закона. Онъ можетъ требовать за свою вѣрную службу своего раскрѣпощенія и требовать помощи и поддержки своему разстроенному экономическому состоянію, отданному цѣликомъ, безкорыстно и беззавѣтно службѣ Царю и родинѣ.

Онъ имѣетъ право, наконецъ, просить объ облегченіи его тягчайшей повинности, не имѣющей равнаго себѣ примѣра не только во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы, но даже и въ Россіи.

Изъ вышеизложеннаго не трудно понять, отчего казакъ бѣднѣетъ и что необходимо, чтобы дать вздохнуть ему отъ его непосильной тяготы.

Полная отмѣна всѣхъ расходовъ изъ войсковыхъ (земскихъ) суммъ казачества на нужды военнаго министерства—одна изъ главныхъ и первыхъ важнѣйшихъ реформъ, необходимая казачеству. У него такъ много своихъ неотложныхъ

нуждъ, что онъ задыхается, задавленный этими нуждами, и не имѣетъ ни малѣйшей надежды когда-либо выйти изъ этого положенія.

На эти деньги казакъ можетъ сдѣлать себѣ массу самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ дѣлъ. Увеличить жалованье станичнымъ и поселковымъ атаманамъ и учителямъ, получающимъ жалкіе до смѣшного гроши. Увеличить число объѣздчиковъ, чтобы спасать свои общественныя угодья отъ хищничества иногороднихъ, а иногда и вступившихъ уже въ науку къ иногороднимъ и казаковъ. Увеличить число школъ. Завести войсковые склады земледѣльческихъ орудій, общественные склады необходимыхъ и нужныхъ товаровъ, чтобы не переплачивать бѣшеныя деньги пристроившимся по поселкамъ разнымъ, въ большинствѣ иногороднимъ, лицамъ, страшно эксплоатирующимъ казаковъ. Какую дань платятъ казаки въ этомъ случаѣ, видно изъ того, что, напримѣръ, въ Уральскѣ одинъ нѣмецъ, поторговавъ земледѣльческими машинами только одинъ годъ, нажилъ сорокъ тысячъ и уѣхалъ въ Германію.

Вѣдь находящіеся въ войскѣ 60 тысячъ иногородцевъ почти всѣ живутъ на счетъ казака. Ни одному изъ нихъ не высылаютъ денегъ изъ мѣстъ его родины,—напротивъ, они сами иногда посылаютъ туда. Всѣ они живутъ на счетъ казака. «Не сѣютъ, не жнутъ, а сыты живутъ». Два казака содержатъ одного иногородняго. Вся эта дань могла бы смѣло остаться въ рукахъ казаковъ при учрежденіи въ войскѣ общественныхъ потребительскихъ лавокъ, ссудныхъ кассъ и складовъ необходимаго.

Да мало ли куда пригодились бы эти деньги.

Отмѣна полукрѣпостного, похожаго на военныя аракчеевскія поселенія, права казака, отданнаго на полное усмотрѣніе военнаго начальства, въ лицѣ офицеровъ. Вѣдь тутъ произволъ ничѣмъ не ограниченъ. Если казакъ виноватъ, то онъ долженъ подлежать суду, а не ссылкѣ на 4 года по одному слову атамана.

Полное выборное самоуправленіе является третьей и необходимой реформой казачества. Выборные поселковые и станичные атаманы, выборные чины войсковыхъ хозяйственныхъ правленій, не смѣняемые ни атаманомъ, ни другими начальниками безъ суда.

Введеніе съѣзда выборныхъ, по примѣру Уральскаго

войска во всѣхъ казачьихъ войскахъ, предоставивъ этому съѣзду право не только совѣщательнаго учрежденія, но вмѣстѣ съ чинами войскового хозяйственнаго правленія и рѣшающаго всѣ хозяйственныя дѣла въ войскѣ. Эта четвертая и неотложная реформа.

Пятая — это предоставить хозяйственному правленію и съѣзду выборныхъ быть полными хозяевами своихъ войсковыхъ капиталовъ, а не прикащиками, какъ они были до сихъ поръ въ казачьихъ войскахъ, совершенно отстранивъ отъ вмѣшательства въ эти дѣла наказныхъ атамановъ, какъ людей, временно пріѣзжающихъ въ войско и отбывающихъ тамъ лишь цензъ для вступленія на высшую ступень іерархической лѣстницы и обычно мало знакомыхъ съ дѣйствительными нуждами казачества.

Шестая,—въ казачьемъ отдѣленіи главнаго штаба имѣть представителей отъ казачьихъ войскъ, но лишь исключительно по строевой части, исключивъ изъ этого отдѣленія все, что относится къ внутреннему состоянію войска и хозяйству въ войскахъ, предоставивъ это министерству внутреннихъ дѣлъ, оставивъ главному штабу только право контролировать правильность расхода войсковыхъ суммъ, намѣченныхъ хозяйственными правленіями и съѣздомъ выборныхъ.

Мы уже знаемъ, къ чему довело управленіе военнаго вѣдомства хозяйство въ казачьихъ войскахъ. На примѣрѣ якутскихъ казаковъ и остального казачества мы видимъ, что каждое министерство заботилось въ казачествѣ только о той сторонѣ, которая ему была ближе знакома.

Военное—о военной службѣ, совершенно не заботясь о внутреннемъ экономическомъ благосостояніи казачества. Добившись блистательныхъ результатовъ по своей спеціальности, это министерство въ лицѣ казака дало государству даровую, хорошо снаряженную и вооруженную силу, достигло въ этомъслучаѣ наивысшаго, чего могло бы достигнуть любое военное министерство. На своемъ пути оно не встрѣчало препятствій въ другомъ вѣдомствѣ — министерства внутреннихъ дѣлъ. Казаки были въ полной его власти. Противопоставить что-либо его торжественному шествію министерство внутреннихъ дѣлъ не могло ничего. На всѣ же требованія военнаго министерства казачьи вой-

ска могли только отвѣчать стереотипными: «Такъ точно», «слушаюсь»...

Организовавъ изъ казаковъ прекрасные кавалерійскіе полки, оно закрыло глаза на внутренній бытъ казака и не видѣло того, что развитіе одной стороны дѣла дѣлалось въ ущербъ другой, можетъ быть, даже болѣе существенно экономической,—казакъ сталъ нищій.

Въ Якутскихъ казакахъ мы видимъ дѣйствіе другой силы — министерства внутреннихъ дѣлъ. Имѣя въ виду только внутреннее управленіе Якутскою областью, оно, не встрѣчая на своемъ пути никакого противодѣйствія со стороны военнаго вѣдомства, заставило якутскаго казака нести чисто гражданскія службы—для посылокъ у уѣздной полиціи, у исправниковъ и приставовъ, нести караульную службу у арестантовъ и другія, ничего общаго не имѣющія съ военнымъ званіемъ, службы. Не знакомое съ военною стороною дѣла, оно закрыло на нее глаза и довело якутскихъ казаковъ до совершенія преступленій, лишь бы освободиться отъ той службы, которую дало министерство внутреннихъ дѣлъ.

Отъ неумѣлаго управленія начальниковъ, незнакомыхъ съ одною изъ сторонъ дѣла, казаки доведены въ одномъ случаѣ почти до полнаго разоренія, въ другомъ—до преступленій.

Казакъ не солдатъ въ казармѣ, у него есть земля, домъ, семья, есть гражданскіе и масса экономическихъ интересовъ, о которыхъ строевое начальство, управляющее казачествомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія и управлять которыми оно, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ. Каждый начальникъ хорошъ на своемъ дѣлѣ.

Седьмая.—При снаряженіи казака на службу не требовать отъ него введенной формы, сшитой изъ образцоваго сукна, а предоставить ему являться на службу въ одеждѣ произвольнаго цвѣта и матеріи.

Парадную же форму дѣлать на счетъ казны, такъ же, какъ это ведется до сихъ поръ въ гвардейскихъ казачьихъ частяхъ. На счетъ же казны должны быть заведены въ полкахъ и всевозможныя саквы, попоны, приколы, сѣтки, ремни и ремешки,—имъ же и счета нѣтъ. Все это только излишне обременяетъ казака и совершенно для него безполезно и не нужно для жизни въ станицѣ.

Восьмая,—предоставить войскамъ снаряжать казака на службу такъ же, какъ это дѣлается до сихъ поръ у уральцевъ,—всѣмъ войскомъ или станичными обществами въ другихъ войскахъ, а не единолично самому, что является крайне несправедливымъ. Достаточно представить себѣ семью, гдѣ два, три, четыре сына. Что получится съ этою семьею при снаряженіи всѣхъ этихъ дѣтей на службу?—полное разореніе.

Наоборотъ, въ семьѣ, гдѣ нѣтъ сыновей, не несутъ никакихъ расходовъ.

Ни въ одномъ государствѣ никто не выходитъ на службу въ своемъ снаряженіи и обмундированіи. Каждаго поступившаго на службу обмундировываетъ община—казна. То же дѣлается и у уральцевъ: тамъ каждый, вышедшій на службу казакъ снаряжается и обмундировывается на счетъ всего войска, и эта тяжелая повинность ложится поровну между казаками полевого (служилаго) разряда, ни на іоту не обременяя ни одну многочисленную семью. Сколько бы ни было у казака сыновей, войско безвозмездно одѣнетъ ихъ съ головы до ногъ, дастъ коня и отправитъ на службу.

Многочисленная семья не будетъ разорена, какъ это бываетъ въ остальныхъ казачьихъ войскахъ.

Кромѣ этого, необходимо, какъ во всей остальной Россіи, ввести въ казачьихъ войскахъ семейныя льготы. Въ крестьянствѣ выходитъ на службу одинъ изъ 10—15 дворовъ, въ казачествѣ же служатъ всѣ безъ исключенія.

Этому нужно положить конецъ. Слѣдующею, самою неотложною реформою въ казачествѣ, является сокращеніе наплыва иногороднихъ, защита казачьей собственности отъ эксплоатаціи ея пришлымъ и совершенно чуждымъ а подчасъ и вреднымъ элементомъ. Почему по всей Россіи собственность находится подъ защитой закона и только въ казачьихъ войскахъ эта собственность не только не ограждена по закону, но тѣмъ же закономъ отдана во власть перваго же пришельца? Гдѣ еще есть что-либо подобное? Развѣ позволилъ бы хотя одинъ владѣлецъ земли или помѣщикъ безнаказанно, безпошлинно пасти скотъ любого пришельца? Развѣ позволитъ себѣ этотъ пришелецъ требовать у него луговъ для пастьбы своего скота или земли для постройки дома.

Вѣдь это основное нарушеніе права собственности. Поче-

му же нарушеніе этого права у казака является законнымъ? Кромѣ эксплоатаціи казачьей земли эти пришлые люди вносятъ въ патріархальный бытъ казака то растлѣвающее начало, которое ведетъ казачество къ пути безпринципности, гдѣ нѣтъ никакихъ устоевъ, ни патріотизма, ни уваженія права собственности и личности другого.

Девизомъ этого новаго направленія служитъ кличъ «Все можно!».

Нужно ли правительству такое казачество? Если не нужно, то пусть оно приметъ мѣры, пока еще не поздно, такъ какъ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, нагрянувшимъ въ казачество изъ Руси, среди казаковъ распространяются и всѣ волнующія этотъ пролетаріатъ современныя политическія теченія мысли. Не пора ли и этому положить конецъ?

Здѣсь намѣчены, такъ сказать, главныя и самыя неотложныя реформы, логически вытекающія изъ всего того, что мы только что знаемъ изъ нашего очерка, необходимыя во имя правды и справедливости.

Казакъ за свою вѣрную трехсотъ-лѣтнюю службу Царю и родинѣ заслужилъ этого, тѣмъ болѣе что все то, что нужно для этихъ реформъ, у него всегда до послѣднихъ лѣтъ было и ранѣе и потеряно имъ не особенно давно въ тяжелыя времена Аракчеевщины и Николаевскаго режима а у уральцевъ же послѣдніе слѣды самоуправленія при князѣ Голицынѣ. Потерявъ эти привиллегіи, казакъ потерялъ и свое богатство, потерялъ все, чѣмъ онъ жилъ, и какъ мы видимъ, доходитъ до сумы. Нужно только вернуть старое.

Тяжело казаку, но терпѣливо сноситъ онъ свою долю. Онъ еще бодрится, согнулся бѣдный, послѣднюю курицу продаетъ, а все честно ведетъ свое дѣло,—хоть бѣдно, хоть некрасиво, а все же, какъ радивый слуга, выѣзжаетъ на царскую службу «конно, людно и оружно». Ничего, что дома ѣсть нечего, что послѣдняя корова со двора уведена, что на дворѣ хоть шаромъ покати; вѣдь онъ казакъ, онъ гордится своимъ званіемъ. Онъ патріотъ, онъ ѣдетъ на службу.

Ничего, что онъ сталъ нищій, что послѣ его выхода на службу онъ много лѣтъ не поправится, ничего, за то онъ выѣдетъ, какъ полагается честному казаку, да и начальство его похвалитъ, а то вѣдь стыдно, если оно скажетъ ему:

— Что это ты, братецъ, на клячѣ-то выѣхалъ? Какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь ты казакъ, да еще Донской, а то и Уральскій!!—Со стыда сгоришь....

И тянется казакъ, тянется гордо и честно. Тянется въ нищую суму, лѣзетъ головою въ безысходную нужду. А ей и конца не видно.

Чѣмъ-то все это кончится?

Уралецъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПЕРСІИ И ВЕЛИКІЙ ИНДІЙСКІЙ ПУТЬ.

Съ самыхъ древнихъ временъ Индія въ сознаніи европейскихъ народовъ представлялась какой-то сказочной страной, невольно привлекавшей къ себѣ всѣ пытливые умы.

Страна чудесъ, страна неисчерпаемыхъ богатствъ, страна мудрецовъ,—она неудержимо притягивала къ себѣ вниманіе народовъ, государей, завоевателей, ученыхъ, мореплавателей и купцовъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Сколько великихъ людей на протяженіи всей исторической жизни Европы было увлечено мечтою объ Индіи. Стремленіе къ Индіи заставляетъ Александра Македонскаго пройти со своими легіонами весь Иранъ до береговъ священнаго Инда; исканіе морского пути въ Индію приводитъ къ открытію Новаго Свѣта и побуждаетъ Васко-ди-Гаму обогнуть весь материкъ Африки; Петръ Великій въ своихъ грандіозныхъ планахъ, намѣчая историческія задачи Россіи, ищетъ торговые пути въ Индію; Наполеонъ преслѣдуетъ мысль о походѣ въ Индію, чтобы тамъ нанести ударъ своему неуязвимому въ Европѣ врагу. Наконецъ, одно изъ величайшихъ предпріятій человѣчества—прорытіе Суэцкаго канала, является результатомъ стремленія сократить путь въ Индію.

Ореолъ сказочности сохранился за Индіей и до нашихъ дней, что особенно поддерживается и усугубляется тѣмъ, что она не только для насъ въ Россіи, но и для западной Европы является страной слишкомъ далекой и невѣдомой. Какое представленіе объ Индіи имѣетъ огромное большинство нашего образованнаго класса? Да самое скудное: она занимаетъ одинъ изъ южныхъ полуострововъ Азіи, имѣющій видъ треугольника и принадлежащій Англіи; она обладаетъ колоссальными естественными богатствами, но индусы тамъ все-же постоянно голодаютъ; въ Индіи есть брамины, факиры, продѣлывающіе сверхъестественныя чудеса, слоны,

обезьяны, удавы, есть причудливые храмы, называемые пагодами... Вотъ почти и все, что у насъ знаютъ про Индію. Между тѣмъ Индія это цѣлый міръ, полный самобытности, богатства и чрезвычайнаго разнообразія. Пространство ея, то-есть Деканскаго полуострова и къ сѣверу отъ него части азіатскаго материка до Гималайскаго и Гиндукушскаго хребтовъ достигаетъ 3.556.000 квадратныхъ верстъ, т. е. оно равно поверхности всего материка западной Европы, не считая острововъ, и лишь немногимъ меньше Европейской Россіи. Въ Индіи, насчитывающей до 350 милліоновъ жителей, сосредоточилась одна пятая человѣчества всего земного шара. Цѣлыя три части свѣта,—Америка, Африка и Австралія съ Океаніей, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ меньше жителей, чѣмъ Индія. Населеніе всей западной Европы также уступаетъ населенію Индіи, а населеніе Россіи, несмотря на быстрый его приростъ, не достигло еще и половины числа жителей Индіи. Наконецъ, годовой оборотъ внѣшней торговли Индіи превышаетъ два милліарда рублей, то-есть почти равенъ торговому обороту всей Россіи.

Языкъ этихъ нѣсколькихъ цифръ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какую крупную величину представляетъ изъ себя Индія и какую роль она играетъ въ міровомъ хозяйствѣ. Ясно, что и путь въ Индію изъ Европы, какъ соединяющій эти два географическихъ раіона особенно густого массового скопленія человѣчества, не можетъ не имѣть выдающагося мірового значенія. Этимъ и объясняется вѣковое исканіе кратчайшаго и лучшаго пути въ Индію, исканіе, до нашихъ дней не потерявшее еще своего смысла. Стремленіе сократить кружный морской путь въ обходъ всего Африканскаго материка побуждаетъ искать сухого пути отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу, а затѣмъ рождаетъ идею прорытія Суэцкаго канала. Мысль о созданіи желѣзнодорожнаго пути въ Индію возникаетъ сейчасъ же вслѣдъ за самымъ моментомъ примѣненія пара, какъ рельсоваго двигателя. Въ 1829 году открыта первая паровая желѣзная дорога между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, а въ 30-хъ годахъ англійскій полковникъ Чесней уже изучаетъ территорію рѣкъ Тигра и Ефрата съ точки зрѣнія возможности проложенія здѣсь желѣзнодорожной линіи и подаетъ затѣмъ своему правительству проектъ рельсоваго пути въ Индію вдоль Ефрата. Вскорѣ послѣ него сэръ

Генри Раулинсонъ, основываясь на своихъ путешествіяхъ по Арменіи и юго-западной Персіи, предлагаетъ прокладку линіи по долинѣ Тигра. Затѣмъ появляются его же проекты постройки линіи къ Персидскому заливу отъ Чернаго и Средиземнаго морей, а также отъ Константинополя, діагональю черезъ всю Малую Азію, къ тому же Персидскому заливу. Лессепсъ первый подаетъ мысль о сооруженіи желѣзной дороги въ Индію черезъ Россію и Афганистанъ, намѣчая направленіе Москва—Оренбургъ—Ташкентъ—Кабулъ—Пешаверъ.

Прорытіе Суэцкаго канала охлаждаетъ на нѣкоторое время энергію пропагандистовъ желѣзнаго пути въ Индію, но мысль о немъ не исчезаетъ. Послѣ Крымской войны начинается желѣзнодорожное строительство въ Малой Азіи, а затѣмъ въ 70-хъ годахъ вюртембергскій инженеръ Прессель вырабатываетъ грандіозную программу созданія въ Азіатскихъ владѣніяхъ султана желѣзнодорожной сѣти въ 6.000 кил. длиной, въ составъ которой входятъ сплошныя линіи къ Персидскому заливу, какъ отъ Босфора, такъ и отъ Сирійскаго побережья Средиземнаго моря. Проекту этому, однако, не суждено было осуществиться, главнымъ образомъ изъ-за бѣдности турецкаго государственнаго казначейства. Въ Азіатской Турціи строились почти исключительно иностранными концессіонерами лишь короткія мѣстныя линіи, не имѣющія транзитнаго значенія. Съ 1888 года въ качествѣ дѣятелей по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Азіатской Турціи впервые выступаютъ германцы, которые съ энергіей и настойчивостью принимаются за дѣло какъ постройки новыхъ линій, такъ и захвата въ свои руки, путемъ покупки акцій, малоазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ другими концессіонерами, и вскорѣ нѣмецкое общество Société ottomane des chemins de fer d'Anatolie становится хозяиномъ большей части желѣзнодорожной сѣти Азіатской Турціи. Съ этого же времени съ особой силой вновь выступаетъ на очередь вопросъ о рельсовомъ пути къ Персидскому заливу черезъ Багдадъ, но онъ еще въ теченіе четырнадцати лѣтъ остается въ фазѣ лишь теоретическихъ предположеній и академическаго изученія. Только въ 1902 году вопросъ о Багдадской желѣзной дорогѣ сталъ на прочную практическую почву, когда турецкое правительство даровало концессію на постройку Багдадской же-

лѣзной дороги тому же нѣмецкому обществу, которое оказалось побѣдителемъ среди многочисленныхъ другихъ иностранныхъ финансовыхъ группъ, выступившихъ соискателями концессіи. Побѣда была тѣмъ болѣе велика, что условія концессіи отличались большими выгодами для германскихъ концессіонеровъ. Кромѣ крупной километрической гарантіи въ 16.500 франковъ на километръ, превосходящей почти всѣ гарантіи, данныя другимъ обществамъ, къ исключительнымъ преимуществамъ, дарованнымъ Анатолійскому обществу, надо отнести раздѣленіе линіи на участки по 200 километровъ каждый, независимые другъ отъ друга въ смыслѣ выполненія требованій, обусловленныхъ концессіей, а также отсутствіе срока, обязательнаго для сооруженія всей линіи, такъ какъ срокъ въ 8 лѣтъ былъ опредѣленъ только для постройки перваго участка отъ Коніи до Эрегли. Концессія дана на 99 лѣтъ, т.-е. до 2001 года.

Эти исключительныя привилегіи, данныя турецкимъ правительствомъ Société ottomane des chemins de fer d'Anatolie придаютъ германскому дѣлу въ Турціи чрезвычайную устойчивость: временныя неудачи, недостатокъ денегъ, всевозможныя задержки могутъ вліять только на быстроту успѣха предпріятія, но не могутъ повлечь къ потерѣ обществомъ концессіи. Въ теченіе цѣлаго вѣка нѣмцы будутъ полными хозяевами дѣла созданія желѣзнодорожной линіи отъ Босфора къ Персидскому заливу. Приступая къ постройкѣ каждаго отдѣльнаго участка дороги, Анатолійское общество дѣлаетъ завѣдомо безпроигрышную ставку: какъ бы ни были печальны результаты эксплоатаціи этого участка, общество получитъ за счетъ турецкаго казначейства солидный процентъ (не меньше 4.8%) на затраченный капиталъ, въ видѣ километрической гарантіи; обратно же, въ случаѣ, если эксплоатація дастъ богатые результаты и доходъ съ километра превзойдетъ цифру гарантіи, большая часть избытка дохода, а именно 60% его поступятъ, по условіямъ концессіи, опять-таки въ пользу общества.

При такой постановкѣ дѣла, ни революція, ни война, ни другія какія-либо чрезвычайныя событія, могущія потрясти государственный организмъ Турціи, едва ли могутъ стать роковыми для предпріятія нѣмецкаго Анатолійскаго общества; оно можетъ спокойно переносить всѣ невзгоды и затѣмъ твердо идти по намѣченному пути, какъ только обстоятельства станутъ болѣе благопріятными.

Я нарочно останавливаюсь здѣсь на оцѣнкѣ условій концессіи на Багдадскую желѣзную дорогу, чтобы легче было критически отнестись къ приведеннымъ ниже взглядамъ на значеніе въ вопросѣ созданія Великаго Индійскаго пути нѣмецкаго желѣзнодорожнаго предпріятія въ Азіатской Турціи.

Въ дѣлѣ осуществленія задуманнаго Германіей грандіознаго предпріятія въ Турціи она встрѣтила два серьезныхъ препятствія, одно политическаго характера, другое—чисто финансоваго. Первое заключается въ соперничествѣ съ ней Англіи. Сооруженіе Багдадской дороги повлечетъ за собой, если не политическій, то, по крайней мѣрѣ, экономическій захватъ Германіей Азіатской Турціи и выходъ ея предпріимчивости къ Персидскому заливу, а потому постройка эта противорѣчитъ интересамъ всѣхъ державъ, которыя имѣютъ въ ней какія-либо предпріятія. Англія поняла это давно, почему и отказалась отъ участія своими капиталами въ дѣлѣ Багдадской желѣзной дороги. Однако, къ проведенію желѣзной дороги внутри Турціи англичане относятся довольно равнодушно, такъ какъ это не наноситъ имъ существеннаго ущерба. Другое дѣло—выходъ линіи къ Персидскому заливу, который Англія привыкла считать британскимъ озеромъ. Выходъ соперника къ Персидскому заливу, возможность устройства здѣсь въ лучшей бухтѣ у Ковейта германскаго порта и связанное съ нимъ развитіе германскаго флота у самыхъ воротъ въ Индію, конечно, сильно взволновало руководителей внѣшней политики С.-Джемскаго кабинета, и они приложили всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать постройкѣ нѣмецкой дороги къ Персидскому заливу. Пока Англія была еще одинока въ задачахъ своей политики на Ближнемъ Востокѣ, ей приходилось дѣйствовать противъ нѣмцевъ косвеннымъ путемъ. Чтобы заградить Багдадской желѣзной дорогѣ выходъ къ Персидскому заливу, англичане, воспользовавшись столкновеніемъ ковейтскаго шейха Мубарека съ неджскимъ шейхомъ Ибнъ-Рашидомъ, поддержали перваго войсками, а затѣмъ побудили его объявить себя независимымъ отъ Турціи и признать надъ собой протекторатъ Британской Имперіи. Средство было выбрано весьма удачно, и Германія была поставлена въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ безъ согласія Мубарека, за спиной котораго стоитъ Англія, она не

могла выйти къ единственному здѣсь прекрасному порту Персидскаго залива—Ковейтской бухтѣ. Послѣ соглашенія съ Россіей 1907 года Британское правительство сочло возможнымъ дѣйствовать болѣе открыто: на предложеніе Германіи интернаціонализировать все предпріятіе съ цѣлью привлеченія англійскихъ и французскихъ капиталовъ, оно твердо заявило, что, предоставляя Анатолійскому обществу полную свободу въ дѣлѣ постройки линіи до Багдада, оно считаетъ, что интересы Британской Имперіи требуютъ, чтобы участокъ отъ Багдада до Персидскаго залива всецѣло принадлежалъ ей. Выгодная позиція, занятая англичанами, заставила Анатолійское общество пойти на компромиссъ и послѣ многолѣтнихъ безплодныхъ переговоровъ, достигнуть наконецъ соглашенія съ Англіей, въ силу котораго доминирующее участіе въ дѣлѣ сооруженія участка Багдадъ — Персидскій заливъ выпадаетъ на Оттоманское правительство, доля же участія Германіи не превосходитъ таковую-же Англіи.

Другое затрудненіе, тормозившее постройку Багдадской дороги въ теченіе пяти лѣтъ, со времени окончанія перваго участка Конія-Эрегли, касалось финансовой стороны дѣла, а именно недостатка свободныхъ рессурсовъ турецкаго государственнаго казначейства для обезпеченія аккуратной выплаты километрической гарантіи. Затрудненіе это было преодолѣно въ концѣ 1909 года, когда младотурецкое правительство изыскало средства для обезпеченія гарантіи сразу на четыре участка или на 840 верстъ до меридіана г. Мардина, и Анатолійское общество приступило къ работамъ на труднѣйшей части линіи, гдѣ она пересѣкаетъ главный Таврскій хребетъ.

Въ Россіи исторія исканія пути въ Индію имѣетъ характеръ отдѣльныхъ эпизодовъ, часто безъ всякой внѣшней связи между собой.

О пути индійскихъ товаровъ въ Константинополь черезъ Среднюю Азію по р. Оксусу (Аму-Дарьѣ) къ Гирканскому (Каспійскому) морю и далѣе черезъ Колхиду къ Понту Эвксинскому (Черному морю) упоминаетъ еще Плиній. Въ началѣ VIII-го вѣка, послѣ завоеванія арабами азіатскихъ владѣній Византіи, торговый путь изъ Индіи уклоняется дальше на сѣверъ и идетъ изъ Каспійскаго моря по Волгѣ, затѣмъ волокомъ до р. Танаисъ (Донъ) и по этой рѣкѣ въ

Азовское и Черное моря. Съ IX-го вѣка въ Персію, Индію и Багдадъ начинаютъ проникать и русскіе купцы, спускаясь по Волгѣ черезъ хозарскую столицу Итиль, находившуюся у устья великой славянской рѣки, въ Каспійское море. Тѣмъ же путемъ ходили на Русь въ Новгородъ, Ладогу, Псковъ и Смоленскъ индійскіе и арабскіе гости.

Татарское иго надолго прерываетъ сношенія Руси съ Востокомъ. Насколько извѣстно, стремленіе завязать торговыя сношенія съ Индіей златой вновь зарождается лишь въ концѣ XV вѣка, когда тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ пытается проѣхать въ Индію, но доходитъ только до нынѣшней персидской провинціи Хорасанъ. Вскорѣ послѣ этого генуезецъ Паоло Чентуріоне предлагаетъ Василію III установить торговое движеніе изъ Индіи въ Европу черезъ всю Россію, при чемъ намѣчаетъ путь по Каспійскому морю, Волгѣ и Окѣ въ Москву, далѣе сухимъ путемъ до Двины, а затѣмъ по этой рѣкѣ въ Ригу и Балтійское море. Въ половинѣ сдѣдующаго вѣка Елизавета англійская ищетъ торговый путь въ Индію черезъ Россію, для чего посылаетъ богатаго комерсанта Антонія Дженкинсона къ Іоанну IV. Московскій царь горячо относится къ предложенію англійской королевы, и Дженкинсонъ отправляется въ Индію черезъ Каспійское море и Бухару. Попытки эти не имѣютъ успѣха, но приводятъ зато къ установленію сношеній Россіи съ Персіей, которыя особенно крѣпнутъ при Борисѣ Годуновѣ, аккредитовавшемъ ко двору шаха Аббаса Великаго своего постояннаго посла.

Смутное время прерываетъ всякую связь Россіи съ Востокомъ, но царь Михаилъ Ѳедоровичъ возобновляетъ сношенія съ Аббасомъ Великимъ, а царь Алексѣй Михайловичъ, кромѣ того, старается завязать торговлю Московскаго царства съ Индіей. Посольства Пазухина въ 1669 году и астраханскаго татарина Юсупа Касымова не увѣнчиваются успѣхомъ; первый доходитъ только до Бухары, а второй до Кабула, и лишь въ 1695 году купецъ Семенъ Маленькій достигаетъ съ царскими товарами до Дели и, распродавъ ихъ, возвращается въ Россію съ подарками Царю отъ Великаго Могола, но на пути черезъ Кавказъ умираетъ.

Петръ Великій въ своихъ широкихъ политическихъ планахъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія такой крупный факторъ въ восточной политикѣ, какъ Индія. Разсказы

о ея баснословныхъ богатствахъ побудили Петра искать туда торговые пути, для чего были снаряжены двѣ экспедиціи: одна подъ начальствомъ Бухгольца должна была итти черезъ Сибирь къ г. Яркенду, другая — Бековича-Черкасскаго черезъ Астрахань въ Бухару, съ цѣлью предложенія эмиру послать въ Индію 35 купцовъ, въ число которыхъ должны были войти и 13 русскихъ съ поручикомъ Кожинымъ во главѣ. Экспедиціи эти были безрезультатны, а отрядъ Бековича-Черкасскаго постигла весьма печальная судьба—весь онъ былъ измѣннически истребленъ подъ Хивой.

Видя всю трудность установленія сношеній съ Индіей, Петръ оставляетъ пока эту мысль и въ дальнѣйшемъ обращаетъ уже главное вниманіе на Персію.

Въ 1750 году возобновляется попытка завязать отношенія съ Индіей: стараніями оренбургскаго губернатора снаряжаются туда два большихъ каравана, но и на этотъ разъ опытъ не имѣетъ успѣха.

Главной причиной неудачи всѣхъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью завязать торговлю съ Индіей, было дикое некультурное населеніе средней Азіи, черезъ которую пролегалъ путь въ страну чудесъ. Поступательное движеніе Россіи въ глубь Средней Азіи въ XIX вѣкѣ, бывшее не столько результатомъ обдуманной политической программы Россіи, сколько стихійной исторической необходимостью, привело къ подчиненію русской государственности всѣхъ народовъ Средней Азіи вплоть до Афганистана и персидскаго Хорасана. Россія приблизилась къ предѣламъ Индіи. Путь къ ней сталъ и близокъ и казалось бы вполнѣ возможенъ, но давней мечтѣ завязать, наконецъ, тѣсныя торговыя сношенія съ Индіей не суждено было еще осуществиться. Могучимъ препятствіемъ къ этому стали соперничество двухъ великихъ державъ за гегемонію на Ближнемъ Востокѣ и боязнь Англіи, что Россія, двигаясь все дальше и дальше въ глубь Средней Азіи, посягнетъ, наконецъ, и на цѣлость самой яркой жемчужины Британской короны. Беречь Индію отъ русской опасности и всѣми мѣрами противодѣйствовать успѣхамъ русской политики на Востокѣ сдѣлалось девизомъ британской дипломатіи въ теченіе всей второй половины прошлаго столѣтія. Со стороны русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и публицистовъ не разъ выска-

зывалась мысль о желательности и полной возможности замѣны упорной вражды съ Англіей на Востокѣ дружескимъ сближеніемъ на почвѣ согласованія взаимныхъ интересовъ. Мысль эта всегда встрѣчалась въ Англіи съ полнымъ недовѣріемъ и отвергалась съ негодованіемъ.

Каждый успѣхъ Россіи, каждый ея шагъ впередъ въ Средней Азіи вызывалъ въ умахъ англичанъ сильную тревогу за судьбу индійскихъ владѣній Британской Имперіи. Характерны слова знаменитаго знатока Ближняго Востока лорда Кёрзона въ статьѣ его «India between Two Fires» [1]). «Я думаю, что не найдется ни одного англичанина, который бы сталъ оспаривать, что Индію слѣдуетъ охранять не только отъ дѣйствительнаго нападенія, но и отъ страха его. Индія представляетъ слишкомъ роскошную приманку для тѣхъ, которые умирали съ голоду среди Закаспійскихъ песковъ и тряслись отъ холода на высокомъ Памирѣ, чтобы наступленіе московскихъ батальоновъ было внезапно остановлено. ... я вѣрю, что мы рады были бы истратить всѣ снаряды Вульвичскаго арсенала и что каждая англійская семья съ готовностью отдала бы своего послѣдняго сына, чтобы не допустить врага вступить на индійскую почву. Salus Indiae suprema lex».

Нѣсколько поколѣній подрядъ были воспитаны на подозрительности и нелюбви къ Россіи. Вся литература по вопросамъ Востока была проникнута мыслью, что Россія является злѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ Англіи. Достаточно вспомнить классическое сочиненіе того же Кёрзона «Persia and the Persian question», черезъ которое красной нитью проходитъ эта мысль, а также произведшую въ свое время столь сильное впечатлѣніе на правящіе круги Англіи книгу генералъ-квартирмейстера Индійской арміи Макъ-Грегора—«Объ оборонѣ Индіи», въ предисловіи къ которой онъ открыто заявилъ, что книга его «написана въ твердомъ убѣжденіи, что серьезная опасность грозитъ нашей Индійской Имперіи и что, поэтому, каждому англичанину подобаетъ постараться дать себѣ точный отчетъ въ томъ, что это за опасность и какія мѣры должны быть приняты для ея встрѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что ряды тѣхъ, которые полагаютъ, что нѣтъ опасности для Индіи отъ

[1]) Въ журналѣ „The nineteenth Century“ 1893.

русскихъ захватовъ въ Азіи, должны значительно порѣдѣть послѣ послѣдняго, ничѣмъ не вызваннаго и коварнаго наступленія этой державы къ Мерву. Предостереженія поэтому теперь уже почти излишни».

Надо было Россіи перенести серьезный ударъ на Дальнемъ Востокѣ, надо было, чтобы черезвычайныя внутреннія событія сильно ее потрясли, чтобы гордіевъ узелъ взаимнаго недовѣрія и вражды между великой континентальной и великой морской державами былъ разрубленъ, и традиціонная вражда была замѣнена дружескимъ согласіемъ. Вся политическая обстановка, въ которую была поставлена Россія событіями 1904—6 годовъ, въ ея цѣломъ, съ очевидностью показала, что нынѣ всякая мысль о поползновеніи Россіи овладѣть Индіей является лишь наивной утопіей, а нѣтъ страха за Индію,—нѣтъ и причины вражды Англіи къ Россіи. Непримиримость соперничества зиждилась только на миражѣ русскаго нашествія на Индію; разсѣялся миражъ, и соглашеніе на почвѣ взаимнаго уваженія государственныхъ интересовъ обѣихъ сторонъ стало вполнѣ осуществимымъ.

Мнѣ всегда кажутся безполезными и ненужными разсужденія о томъ, кто больше выгадалъ отъ соглашенія 1907 года—Англія или Россія. Выгоды эти слишкомъ невѣсомы, чтобы можно было пытаться класть ихъ на чашки вѣсовъ; сравненію поддаются развѣ лишь частныя выгоды, напримѣръ, въ дѣлахъ персидскаго вопроса, но это мелочь въ сравненіи съ тѣмъ крупнымъ плюсомъ, который получаютъ обѣ державы ужъ отъ одного того факта, что два великихъ европейскихъ врага стали двумя великими друзьями. Кто же больше извлечетъ для себя пользы изъ этой дружбы, покажетъ будущее и будетъ зависѣть отъ исторической судьбы и отъ искусства дипломатіи. Загадывать же впередъ безполезно, ибо пророчества въ исторіи, даже исходившія изъ устъ самыхъ проницательныхъ политиковъ, почти никогда не сбывались.

Надо отдать должную справедливость характеру англичанъ: на сколько они были упорными врагами, настолько же могутъ быть корректными и надежными друзьями. Не къ чему критиковать наше соглашеніе съ Англіей, гораздо продуктивнѣе брать совершившійся фактъ, каковъ онъ есть, и постараться использовать его въ наивыгоднѣйшемъ для

себя смыслѣ, памятуя, что лишь тотъ политическій союзъ крѣпокъ, который ведетъ къ обоюдной пользѣ обоихъ союзниковъ.

На почвѣ взаимныхъ интересовъ долженъ былъ бы получить разрѣшеніе и вопросъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Персіи, и въ этомъ отношеніи Россія находится въ весьма выгодномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на карту съ обозначенными границами сферъ вліянія въ Персіи. Въ сферу русскаго вліянія отмежевана вся сѣверная половина Персіи до линіи Касръ-и-Шеринъ—Исфаганъ—Іездъ—Зюльфагаръ, а потому, проводя желѣзнодорожныя линіи въ предѣлахъ нашей сферы, мы можемъ углубляться въ толщу Ирана на 500—600 верстъ, доходя до важнѣйшихъ центровъ средней Персіи. Это дастъ намъ возможность укрѣпить за нашей торговлей не только рынки сѣверной и центральной Персіи, но и успѣшно конкурировать съ иностранными товарами и въ южной Персіи, куда они будутъ подвозиться по прежнему вьючными путями отъ береговъ Персидскаго залива или отъ рѣкъ Шатъ-эль-Араба, Тигра и Каруна. Двѣ-три желѣзнодорожныя линіи въ предѣлахъ русской сферы вліянія отъ нашихъ границъ въ глубь Персіи сыграютъ рѣшительную роль въ дѣлѣ укрѣпленія нашего коммерческаго положенія на всю Персію, а старая истина говоритъ, что торговое преуспѣяніе является самымъ могущественнымъ и прочнымъ проводникомъ политическаго вліянія.

Далеко нельзя сказать того же про англійскую зону. Она захватываетъ сравнительно небольшой и отдаленный отъ Россіи юго-восточный уголъ Персіи до линіи Бендеръ-Аббасъ, Керманъ, Бирджанъ. Проложеніе здѣсь англичанами желѣзнодорожныхъ линій приведетъ къ единственной цѣли—окончательнаго закрѣпленія за собой Сеистана. Если принять во вниманіе особое стратегическое значеніе, которое англійскими военными авторитетами давно уже придавалось Сеистану, какъ одному изъ ключей къ овладѣнію Индіей, то надо признать, что прочное утвержденіе Англіи въ этой области является немаловажнымъ для нея успѣхомъ, но Россіи этотъ успѣхъ не приноситъ никакого ущерба, разъ у нея нѣтъ ни малѣйшаго поползновенія овладѣть когда-либо Индіей. Торговля же наша въ Сеистанѣ всегда была слишкомъ ничтожна для того, чтобы стоило

опасаться за потерю здѣсь нашего рынка. То же самое можно сказать и про Керманскую провинцію; проведеніе сюда англійской желѣзной дороги не окажетъ какого-либо существеннаго вліянія на наше коммерческое положеніе, такъ какъ головная ея станція будетъ все же слишкомъ далеко отстоять отъ важнѣйшихъ центровъ сѣверной и даже средней Персіи, и товарамъ придется дѣлать караванный путь до Тавриза—1400 вер., Тегерана—900 вер., Мешеда—400 вер., Исфагана—500 вер. и Іезда—350 вер.

Совершенно обратное можно сказать про дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ въ полосѣ Персіи, оставленной договоромъ 1907 года нейтральной, т.-е. въ полосѣ, лежащей между сферами русскаго и англійскаго вліяній. Проложеніе здѣсь рельсовыхъ путей съ юга отъ Персидскаго залива или съ юга-запада отъ бассейна р. Шатъ-эль-Араба и изъ предѣловъ Турціи къ южной границѣ нашей сферы несомнѣнно окажетъ самое рѣшительное вліяніе на успѣхъ нашей торговли не только въ центральной, но и въ сѣверной Персіи.

Англо-русское соглашеніе 1907 года оставило въ нейтральной зонѣ широкое поле свободнаго международнаго соревнованія, что, весьма возможно, въ будущемъ сыграетъ роль важнѣйшаго фактора въ борьбѣ за гегемонію въ Персіи. Естественно, мы не можемъ оставаться равнодушными зрителями утвержденія чьего бы то ни было доминирующаго положенія въ нейтральной зонѣ Персіи. Даже не стремясь къ распространенію преимущественнаго русскаго вліянія къ югу отъ сферы, установленной соглашеніемъ 1907 года, намъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы измѣненіе политическихъ соотношеній въ нейтральной полосѣ не оказывало бы вреднаго вліянія на наше положеніе въ сѣверной Персіи.

Тотчасъ же послѣ заключенія русско-англійскаго соглашенія 1907 года, критиками этого соглашенія было обращено серьезное вниманіе на неопредѣленность положенія въ такъ называемой нейтральной полосѣ, вопросъ о которой остался по существу открытымъ. Высказывалось опасеніе, что сюда, какъ по линіи наименьшаго сопротивленія, будутъ направлены усилія третьей державы, такъ недавно еще выступившей на путь соревнованія съ Россіей и Англіей въ Персіи. И эта возможность проникновенія въ нейтральную

зону вліянія Германіи со стороны Багдадской желѣзнодорожной линіи трактовалась, какъ слабый пунктъ англо-русскаго соглашенія по персидскимъ дѣламъ. Тогда, очевидно, никому и въ голову не приходило, что Германіей будетъ выбранъ болѣе прямой и дѣйствительный способъ нѣмецкаго проникновенія въ Персію. Имѣя уже право по условіямъ концессіи Багдадской желѣзной дороги на постройку вѣтви къ Ханекину, расположенному у самой границы русской сферы вліянія, нѣмцы рѣшили направлять въ будущемъ свои усилія на политическое и коммерческое движеніе не въ нейтральную полосу, а прямо въ самую глубину русской сферы, къ центру государства—Тегерану. Послѣднее русско-германское соглашеніе знаменуетъ блестящій успѣхъ Германіи въ этомъ стремленіи. Согласившись, чисто платонически, признать преобладаніе интересовъ Россіи въ сѣверной Персіи, Германія взамѣнъ того получила самое дѣйствительное средство къ возможности рѣшительнаго проникновенія въ сферу русскаго вліянія. Простите за вульгарное сравненіе, но согласитесь, что это похоже на то, если бы кто-нибудь, признавъ громогласно, что Вашъ карманъ принадлежитъ всецѣло Вамъ, получилъ бы за это право лѣзть въ этотъ карманъ и вынимать изъ него все, что ему заблагоразсудится. Вѣдь постройка линіи отъ Ханекина къ Тегерану несомнѣнно нанесетъ тяжелый ударъ русской торговлѣ, другими словами, она повлечетъ за собой, если не полную гибель, то самый серьезный ущербъ всему, чего мы достигли въ Персіи продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ и многими жертвами. Огромное значеніе для Германіи Ханекинъ—Тегеранской линіи, какъ выхода въ центръ Персіи отъ Багдадской дороги, и вредъ ея для Россіи настолько очевидны, что нѣтъ возможности подыскать даже самый слабый доводъ, говорящій за эту линію.

Чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе Ханекинской линіи въ дѣлѣ подвоза въ Персію иностранныхъ товаровъ, припомнимъ тѣ направленія, по которымъ они идутъ въ настоящее время. Отъ Чернаго моря они двигаются по одной караванной дорогѣ, а именно отъ Трапезонда черезъ всю турецкую Арменію и Курдистанъ въ Тавризъ. Дорога эта въ настоящее время играетъ сравнительно ничтожную роль, но все-таки характеренъ фактъ возможности движенія по

ней иностранныхъ товаровъ въ Персію. Сдѣлавъ длинный кружный морской путь къ Трапезонду, нѣкоторые западно-европейскіе товары умудряются пройти еще тысячу верстъ караваннымъ путемъ, главнымъ образомъ на вьюкахъ, и всетаки находятъ сбытъ на сѣверо-персидскихъ рынкахъ, окупая тарифъ и давая достаточный доходъ купцамъ. Отъ бассейна Шатъ-эль-Араба торговыми путями въ сѣверную и среднюю Персію служатъ слѣдующія дороги: 1) отъ Багдада черезъ Ханекинъ, Керманшахъ, Султанабадъ и Кумъ къ Тегерану, путь этотъ почти на всемъ 800 верстномъ протяженіи допускаетъ колесное движеніе, но въ виду неустройства колесной эксплоатаціи все торговое движеніе производится на вьюкахъ; и 2) отъ р. Каруна, по которой рѣчные пароходы ходятъ почти до г. Шуштера, въ Центральную Персію (къ Исфагану)—420 верстъ тяжелой вьючной тропы или въ сѣверную Персію къ Тегерану—815 верстъ дороги частью вьючной, частью колесной; но и здѣсь товары перевозятся исключительно на вьюкахъ. Наконецъ, съ береговъ Персидскаго залива и Ормуздскаго пролива, т.-е. отъ портовъ Бендеръ-Буширъ, Линге и Бендеръ-Аббасъ къ Исфагану 700—900 верстъ и къ Тегерану 1000—1200 верстъ, при чемъ въ южной части пути представляютъ исключительныя по трудности вьючныя тропы.

Эти тяжелыя условія иностранной торговли въ Персіи и дали главнымъ образомъ, возможность русской торговлѣ завоевать себѣ доминирующее положеніе. За годъ съ марта 1909 по мартъ 1910 года, изъ всего торговаго оборота Персіи въ $146^1/_2$ милліоновъ рублей 88 мил. или 60% приходится на долю Россіи. Успѣхъ блестящій, но онъ построенъ не на твердой почвѣ свободной конкуренціи, а на зыбкомъ пескѣ бездорожья Персіи, при отдаленности портовъ, отъ которыхъ идутъ товары другихъ государствъ. Такой рѣшительный ударъ, какъ проведеніе желѣзнодорожной артеріи отъ Багдадской желѣзной дороги къ Тегерану несомнѣнно до основанія подорветъ достигнутые нами торговые успѣхи. По этой артеріи потекутъ въ самое сердце Персіи иностранные товары отъ Персидскаго залива, Босфора и Средиземнаго моря, портъ котораго—Александрету рѣшено уже соединить желѣзной дорогой съ Багдадской магистралью, и русской торговлѣ, лишившись того пре-

имущества, которымъ она пользовалась до сихъ поръ, трудно уже будетъ успѣшно бороться со своими конкурентами.

Сознавая всю опасность для нашей, еще не окрѣпшей, промышленности свободной конкуренціи на равныхъ шансахъ, русская дипломатія въ теченіе 20 лѣтъ старалась не допускать измѣненія выгоднаго для насъ положенія иностранной торговли въ Персіи путемъ противодѣйствія всякому желѣзнодорожному строительству въ имперіи Шаха. Но годъ тому назадъ, въ мартѣ 1910 года истекъ запретительный срокъ, и Персія вернула себѣ право выдавать концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ по ея территоріи. Идти дальше по прежнему по пути запрета мы уже не можемъ, и намъ необходимо изыскивать другой способъ противодѣйствія удару нашему преобладающему положенію въ Персіи. Ударъ этотъ уже высоко занесенъ и ждать его не придется долго. Переговоры Германіи съ Портой, весною настоящаго года ясно показали настойчивую рѣшимость нѣмцевъ закончить желѣзную дорогу до Багдада въ теченіе пяти лѣтъ. Надо ожидать, что къ этому времени будетъ закончена постройкой и вѣтвь Садидже—Ханекинъ. Нѣмцы подойдутъ своей желѣзнодорожной линіей къ предѣламъ Персіи у самой границы нашей сферы вліянія и затѣмъ, въ силу только что опубликованнаго русско-германскаго соглашенія, мы должны будемъ въ двухлѣтній срокъ приступить къ продолженію этой линіи къ Тегерану, иначе право на сооруженіе ея перейдетъ Германіи. При взглядѣ на карту кажется, будто бы линіи Ханекинъ — Тегеранъ придется преодолѣть большія трудности, т. к. она принуждена будетъ пересѣчь рядъ хребтовъ, протягивающихся параллельно турецкой границѣ, но въ дѣйствительности горы южнаго Персидскаго Курдистана имѣютъ настолько удобные проходы, что желѣзная дорога можетъ быть здѣсь проложена безъ особыхъ техническихъ затрудненій. Это констатировано многими путешественниками и между прочимъ Н. В. Терлецкимъ, только что вернувшимся изъ своей поѣздки въ Багдадъ черезъ Персидскій Курдистанъ. Часть района, по которому пройдетъ дорога Ханекинъ—Тегеранъ, пришлось наблюдать и мнѣ лично при проѣздѣ по западной Персіи отъ рѣки Каруна на г. Буруджирдъ и далѣе на г. Хамаданъ. Тяжелый перевалъ имѣется между Асадабадомъ и Хамаданомъ, но желѣзнодорожная линія можетъ не выхо-

дить къ Хамадану, а слѣдовать южнѣе его на Султанабадъ и Кумъ, гдѣ мѣстность вполнѣ благопріятствуетъ проложенію рельсоваго пути.

Если желѣзная дорога Садидже—Ханекинъ—Тегеранъ является положительно угрожающей нашему коммерческому положенію въ Сѣверной Персіи, то едва ли можно считать ее желательной и въ стратегическомъ отношеніи. Правда, непосредственное оперативное для насъ значеніе она врядъ ли когда-либо пріобрѣтетъ, такъ какъ трудно ожидать возможности подвоза по ней турецкихъ войскъ къ нашей границѣ, даже послѣ соединенія Тегерана желѣзной дорогой съ Кавказской сѣтью; такая экспедиція черезъ чужую страну на протяженіи $1^1/_2$ тысячи верстъ оторванной группы войскъ, конечно, явилась бы лишь рискованной авантюрой. Но Ханекинская дорога безъ сомнѣнія будетъ имѣть серьезное и неблагопріятное для насъ военно-политическое значеніе, какъ линія проникновенія германо-турецкаго вліянія въ Персію.

Россія не стремится ни къ какимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ въ Персіи, она имѣетъ и безъ того слишкомъ много окраинъ, съ которыми не легко справиться, чтобы обременять себя еще одной некультурной страной. Интересы наши въ Персіи чисто коммерческіе, а потому мы являемся естественными друзьями ея самостоятельности и преуспѣянія, и надо только сожалѣть, что недальновидность нѣкоторыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей современной Персіи, а также, можетъ быть, и наша неумѣлость внушить къ себѣ довѣріе порождаютъ недоброжелательность персовъ къ Россіи. Не имѣя сама никакихъ посягательствъ на цѣлость и самостоятельность Персіи, Россія, въ силу исторически сложившихся исключительныхъ своихъ интересовъ въ этомъ государствѣ, не можетъ допустить тамъ территоріальныхъ пріобрѣтеній или даже роста политическаго вліянія другой какой-либо державы. Между тѣмъ Турція за послѣдніе годы, настойчиво проводя политику захватовъ въ Персіи, заняла своими войсками обширный районъ въ Урмійской провинціи и Персидскомъ Курдистанѣ, а мѣстами даже установила свое административное управленіе. И эти дѣйствія Турціи нельзя разсматривать какъ случайную авантюру, или какъ простой захватъ того, что плохо лежитъ, пользуясь разваломъ Пер-

сіи и внѣшними и внутренними осложненіями въ Россіи. Нѣтъ, это давно, уже болѣе полустолѣтія тому назадъ, задуманный и настойчиво проводимый въ жизнь планъ. Турки хорошо понимаютъ, что для успѣшнаго разрѣшенія больного для нихъ вопроса,—дѣйствительнаго подчиненія своей власти лишь номинально зависимыхъ отъ нихъ курдскихъ племенъ (аширетовъ),—имъ прежде всего надо занять весь Курдистанъ, т.-е. и персидскую его часть, иначе всякія энергичныя мѣры противъ непокорныхъ курдскихъ главарей будутъ побуждать ихъ передаваться на сторону Персіи. Добровольно отказаться отъ идеи подчиненія своей власти всего Курдистана Турція не можетъ, осуществленіе ея составляетъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ Оттоманской Имперіи, такъ какъ оно, во-первыхъ, избавитъ ее отъ необходимости постоянныхъ экспедицій для подавленія непокорныхъ аширетовъ, а во-вторыхъ, вольетъ въ нынѣшнее населеніе Турціи цѣлую здоровую, воинственную, лояльную и единовѣрную туркамъ національность, которая дастъ прекрасный матеріалъ для арміи султана.

Понятно поэтому упорство турокъ въ стремленіи отобрать отъ Персіи весь Курдистанъ. Непрерывные пограничные споры между Турціей и Персіей еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія привели къ созыву смѣшанной разграничительной комиссіи съ представителями, кромѣ заинтересованныхъ сторонъ, еще Россіи и Англіи. Комиссія проработала 30 лѣтъ съ перерывомъ во время Крымской кампаніи, но ни къ чему положительному не привела изъ-за чрезмѣрныхъ притязаній и неуступчивости Оттоманскаго правительства.

Послѣ Русско-Турецкой войны 1877—78 гг., разгромленная Турція долго не рѣшалась выказать активныя посягательства на территоріальныя права Персіи, такъ какъ Россія всегда выступала въ роли покровителя послѣдней. Но какъ только исконный сѣверный врагъ Турціи былъ потрясенъ войной съ Японіей и внутренними событіями, турки съ 1905 года стали систематично и планомѣрно проводить въ жизнь дѣло захвата пограничной полосы персидской территоріи и до сихъ поръ еще продолжаютъ свое мирное поступательное движеніе на Востокъ.

Ханекинская желѣзная дорога, проходя черезъ важнѣй-

шіе центры Персидскаго Курдистана и прорѣзывая районы разселенія наиболѣе вліятельныхъ аширетовъ, конечно, очень облегчитъ туркамъ осуществить намѣченную ими задачу подчиненія себѣ всего Курдистана. Даже при томъ условіи, что дорога будетъ построена нами и эксплоатація ея будетъ находиться въ нашихъ рукахъ, все-таки товары по ней пойдутъ главнымъ образомъ германскіе и турецкіе, а за торговлей проникнутъ въ Персію турецкіе эмиссары и муллы-пропагандисты объединенія правовѣрныхъ мусульманъ подъ главенствомъ султана-халифа. Пропаганда эта найдетъ благодарную почву среди единовѣрныхъ туркамъ курдовъ-суннитовъ, и распространеніе турецкаго вліянія среди персидскихъ курдовъ пойдетъ быстрыми шагами. Турецкіе государственные люди съ большимъ разочарованіемъ встрѣтили разоблаченія газеты «Evening Times» о русско-германскомъ соглашеніи въ Потсдамѣ. Они усмотрѣли въ этомъ соглашеніи для себя лишеніе традиціонной поддержки Германіи противъ Россіи, но выразительница и распространительница германской политической мысли въ Константинополѣ газета «Osmanischer Lloyd» поспѣшила успокоить ихъ увѣреніями, что соглашеніе съ Россіей вовсе не наноситъ никакого ущерба интересамъ Турціи и не можетъ повести къ ослабленію германо-оттоманской дружбы. И дѣйствительно, признавъ de jure преимущественные наши интересы и права на концессіи въ сѣверной Персіи, de facto съ проведеніемъ Ханекинской вѣтви нѣмцы, а за ними и турки, получатъ могущественный факторъ къ самому дѣйствительному проникновенію въ ту же самую сѣверную Персію.

Ханекинская желѣзная дорога можетъ быть построена до окончанія Багдадской дороги, а потому бывшія до послѣдняго времени политическія затрудненія въ постройкѣ участка Багдадъ—Персидскій заливъ не могли-бы затормозить дѣло сооруженія вѣтви на Ханекинъ, но теперь, какъ то показываетъ недавное заявленіе Грея въ палатѣ общинъ, окончательное англо-германское соглашеніе по Багдадской дорогѣ уже состоялось и не придется уже долго ожидать выхода Багдадской линіи къ Ковейтскому заливу. Тогда по Ханекинской вѣтви потекутъ товары не только отъ Босфора и Средиземнаго моря, но и англійскіе, индійскіе и другіе товары, подвозимые въ Персидскій заливъ

морскимъ путемъ. Если же, паче чаянія, англо-германское соглашеніе не дастъ реальныхъ результатовъ и обѣ державы по прежнему останутся на почвѣ соперничества въ вопросѣ о Багдадской желѣзной дорогѣ, и она остановится у Багдада, то Англіи для успѣшной конкуренціи съ Германіей придется, вѣроятно, поспѣшить постройкой своей собственной линіи, чтобы создать выходъ въ глубь Персіи отъ береговъ Индійскаго океана или Персидскаго залива, такъ какъ при движеніи, конкурирующихъ съ нѣмецкими, товаровъ другихъ государствъ по нынѣшнему водному пути въ Багдадъ, т.-е. по Шатъ-эль-Арабу и Тигру, они встрѣтятъ, конечно, на линіи Багдадъ—Ханекинъ неблагопріятныя для себя тарифныя условія.

Какъ бы то ни было, но надо согласиться, что не далеко то время, когда иностранная торговля создастъ себѣ удобный путь въ Персію, и существующему нынѣ привилегированному положенію здѣсь нашей торговли будетъ нанесенъ серьезный ударъ.

Я вовсе не стремлюсь искусственно мусировать оцѣнку событій, мнѣ и въ мысли не приходитъ бить въ набатъ и кричать, что отечество въ опасности, что намъ необходимо немедленно и энергично принимать чрезвычайныя мѣры, не останавливаясь передъ большими матеріальными затратами, чтобы спасти наше положеніе въ Персіи; вовсе нѣтъ, я хочу лишь сказать, что патріотическій долгъ насъ обязываетъ зорко слѣдить за всѣми событіями, связанными съ вопросомъ о Персіи и тщательно и безпристрастно взвѣшивать ихъ, отбросивъ всякое предвзятое мнѣніе и партійность, такъ какъ только при такомъ отношеніи къ дѣлу можно найти правильное рѣшеніе. Затѣмъ необходимо установить ясную, опредѣленную цѣль нашихъ стремленій, выработать программу дѣйствій, строго слѣдовать ей, памятуя, что безсистемность и авантюризмъ въ политикѣ ведетъ лишь къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Примѣромъ строгой планомѣрности своей политики на Ближнемъ Востокѣ всегда была Англія. Германія въ вопросѣ о Багдадской дорогѣ тоже выказала послѣдовательность и упорство. Несмотря на очень большія затрудненія, и политическія и финансовыя, она въ теченіе 10 лѣтъ твердо шла по намѣченному пути и за послѣдній годъ до-

билась-таки большого успѣха, обезпечивъ себѣ возможность въ короткое сравнительно время закончить линію до Багдада.

Вспоминаю я свое путешествіе въ 1904 году по Азіатской Турціи. Тогда въ районѣ будущей Багдадской жел. дороги, кромѣ участка отъ Коніи до Эрегли, не замѣтна была еще почти вовсе нѣмецкая дѣятельность. Среди русскихъ въ Константинополѣ царило убѣжденіе, что германское предпріятіе рухнуло, и линія не пойдетъ дальше Эрегли, но знакомство съ обширной нѣмецкой литературой по вопросу о Багдадской дорогѣ, въ которой такъ много высказывалось надеждъ на великое для Германіи значеніе предпріятія въ Турціи, приводило меня къ увѣренности, что нѣмецкое упорство побѣдитъ всѣ затрудненія и приведетъ задуманное дѣло до успѣшнаго конца. Въ настоящее время уже вполнѣ стало ясно, что, если не вся линія, то часть ея до Багдада будетъ закончена въ нѣсколько лѣтъ.

Теперь уже намъ нельзя убаюкивать себя надеждой, что еще долго никто не рѣшится приступить къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Персіи. Не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ сооруженіе вѣтви отъ Багдадской магистрали къ Ханекину станетъ уже совершившимся фактомъ, а затѣмъ еще черезъ два года, т.-е. къ 1918-му году, начнется, а къ 1922-му году будетъ окончена линія къ Тегерану. Чтобы ничѣмъ не рисковать, надо быть готовымъ на худшее и во всякомъ случаѣ намѣтить такую программу дѣйствій, чтобы въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Персіи намъ идти впереди другихъ, а не въ хвостѣ за ними. Только въ этомъ случаѣ Россія можетъ надѣяться, если не удержать свое современное положеніе въ сѣверной Персіи, то хотя бы нѣсколько ослабить роковой ударъ, который наноситъ русскому дѣлу въ Персіи принятое Россіей обязательство передъ Германіей строить желѣзную дорогу Ханекинъ—Тегеранъ.

Давно извѣстно, что сохранить имѣющіеся рынки за собой гораздо легче, чѣмъ вновь завладѣть разъ уже потерянными, а потому намъ необходимо принять самыя энергичныя мѣры лишь-бы не потерять этихъ рынковъ.

Постараемся же теперь разобраться, какія задачи выпадаютъ на насъ въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Персіи.

Съ самаго начала возникновенія въ Россіи мысли о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Персіи, ясно обнаружились два опредѣленныхъ теченія: одно стояло на чисто практической точкѣ зрѣнія и, заботясь лишь о ближайшихъ реальныхъ интересахъ поддержанія нашей торговли, считало цѣлесообразнымъ сооруженіе только lignes de pénétration къ важнѣйшимъ торговымъ центрамъ сѣверной Персіи; другое теченіе преслѣдовало цѣль болѣе широкую, но менѣе реальную и гораздо труднѣе учитываемую, а именно: созданіе трансперсидской желѣзной дороги къ южному открытому порту или въ Индію. Поборники того и другого теченія сразу стали въ какія-то враждебныя между собой отношенія и проявили опредѣленную нетерпимость къ мнѣнію другой стороны. Между тѣмъ рѣшенія, предлагаемыя той и другой стороной, вовсе не имѣютъ такого противоположнаго характера, чтобы невозможно было до нѣкоторой степени согласовать ихъ интересы, но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, припомнимъ различныя предложенія по вопросу о нашемъ желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Персіи.

Конечные пункты линій проникновенія въ сѣверную Персію опредѣляются вполнѣ естественно и не возбуждаютъ ни противорѣчій, ни сомнѣній. Тавризъ, Тегеранъ и Мешедъ—вотъ важнѣйшіе центры сѣверныхъ провинцій Персіи, которые по своему положенію и въ силу исторически сложившихся условій невольно имѣютъ тяготѣніе къ своему могущественному сѣверному сосѣду. Здѣсь главнымъ образомъ сосредоточились наши интересы, въ этотъ районъ была направлена наша дѣятельность и принесены наши матеріальныя жертвы. Отказаться отъ завоеваннаго нами исключительно положенія въ сѣверной Персіи мы уже не можемъ безъ явнаго и добровольнаго сведенія на нѣтъ всѣхъ нашихъ усилій, проявленныхъ въ теченіе цѣлаго вѣка. Ясное дѣло, что въ вопросѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Персіи первой нашей заботой должно быть соединеніе этихъ центровъ съ нашими предѣлами. Это признается всѣми лагерями и не оспаривается никѣмъ. Вопросъ заключался лишь въ томъ, когда приступать къ ихъ постройкѣ, сейчасъ же или тогда, когда начнется сооруженіе какой-либо чужой линіи на югѣ Персіи.

Въ направленіяхъ линій къ указаннымъ главнымъ центрамъ оспариваются уже нѣсколько варіантовъ. Къ г. Тав-

ризу намѣчаются слѣдующія пять направленій: 1) разъѣздъ Киврагъ Эривань - Джульфинской вѣтви, Хой, Тавризъ 302 версты длиной, 2) Джульфа—Тавризъ 140 верстъ, 3) станція Евлахъ Закавказской магистрали, Асландузскій пограничный постъ, Агарь, Тавризъ—423 вер., 4) отъ Закавказской ж. д. вверхъ по р. Араксу до Джульфы и далѣе до Тавриза—430 в,, 5) и, наконецъ, отъ Астары на Каспійскомъ морѣ черезъ Ардебиль къ Тавризу—240 в.

Цѣль и размѣры статьи не позволяютъ мнѣ остановиться на подробномъ разсмотрѣніи этихъ линій, скажу лишь кратко, что направленія Евлахское и Араксское на большей части своего протяженія проходятъ въ предѣлахъ Кавказа и имѣютъ свое спеціальное назначеніе обслуживать южный Кавказъ и служить развитію русской Карадагской концессіи въ Персіи на разработку минеральныхъ богатствъ, а потому не могутъ быть оцѣниваемы лишь съ точки зрѣнія линіи на Тавризъ; Астара-Ардебильское направленіе пока еще не изслѣдовано въ техническомъ отношеніи; что же касается Киврагскаго и Джульфинскаго направленій, то первое признано изысканіями инженера В. А. Саханскаго въ 1900 г. наиболѣе удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ и имѣетъ ту выгодную сторону, что захватываетъ важныя въ политическомъ, стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ районы Хойскій и Урмійскій, второе же является нынѣ, послѣ проложенія дороги до Джульфы, кратчайшимъ, и постройка желѣзнодорожной линіи облегчается наличностью по этому направленію шоссейной дороги, которая, кромѣ небольшого горного участка, имѣетъ профиль, отвѣчающій требованіямъ желѣзнодорожнаго пути. Значеніе послѣдняго обстоятельства еще должно, впрочемъ, подвергнуться спеціальному обслѣдованію, послѣ чего уже можно будетъ окончательно рѣшить вопросъ, какому направленію слѣдуетъ отдать предпочтеніе—Джульфинскому или Киврагскому.

Къ Тегерану также имѣется нѣсколько возможныхъ направленій желѣзнодорожной линіи, а именно: 1) отъ Тавриза черезъ Зенджанъ и Казвинъ, 2) отъ берега Каспійскаго моря, т.-е. отъ Энзели черезъ Рештъ и Казвинъ и 3) отъ Закавказской магистрали (ст. Алятъ или Аджи - Кабулъ) черезъ Астару, Рештъ и Казвинъ. Первое направленіе, составляющее продолженіе линіи на Тавризъ, было пройдено мною лично. Изъ общаго его

протяженія въ 590 верстъ отъ Тавриза до Тегерана, на первыхъ 175 верстахъ мѣстныя условія сильно затрудняютъ проложеніе желѣзной дороги, такъ какъ здѣсь ей придется пересѣчь два хребта Бозгушъ и Кафланъ-ку, на остальномъ же протяженіи никакихъ техническихъ затрудненій не будетъ. Въ коммерческомъ отношеніи направленіе это неудобно, какъ далеко отстоящее отъ нашего главнаго воднаго торговаго пути въ Персію. Товарамъ, идущимъ по Волгѣ и Каспійскому морю, придется дѣлать большой желѣзнодорожный крюкъ отъ Баку черезъ Тифлисъ, Эривань, Тавризъ и Казвинъ, чтобы попасть въ Тегеранъ. Кромѣ того, въ случаѣ какихъ-либо осложненій, линію эту труднѣе будетъ охранять, чѣмъ дороги по другимъ болѣе короткимъ направленіямъ.

Линію Энзели—Казвинъ—Тегеранъ, проходящую приблизительно вдоль существующей нынѣ нашей шоссейной дороги, надо считать кратчайшей отъ Каспійскаго моря къ Тегерану, такъ какъ Эльбурскій хребетъ, въ районѣ къ востоку отъ шоссе, почти вовсе не допускаетъ проложенія черезъ него желѣзной дороги, тогда какъ у шоссе хребетъ настолько понижается, что перевалъ черезъ него имѣетъ всего 760 саженъ абсолютной высоты и поднимается надъ Казвино-Тегеранской равниной только на 150 саженъ. Направленіе это также пройдено мною вмѣстѣ съ экспедиціей инженера В. А. Саханскаго, по мнѣнію котораго проложеніе здѣсь желѣзной дороги не встрѣтитъ большихъ затрудненій. Изъ общей длины линіи въ 340 верстъ горный участокъ не превзойдетъ 65 верстъ, совокупность протяженія всѣхъ тоннелей дойдетъ до $3^1/_2$ верстъ, при чемъ самый длинный изъ нихъ будетъ равенъ лишь $1^1/_2$ верстамъ.

Я можетъ быть нѣсколько утомляю читателя приведеніемъ здѣсь нѣкоторыхъ подробностей, но я хочу показать, что дѣло созданія рельсоваго пути къ столицѣ Персіи, которому несомнѣнно предстоитъ въ будущемъ сыграть видную роль вообще въ нашей политикѣ на Ближнемъ Востокѣ, вовсе не представляетъ какихъ-либо особыхъ трудностей, и техническія условія никакъ не могутъ служить серьезнымъ тормазомъ предпріятія.

Казалось бы дорогѣ къ Тегерану отъ Энзели слѣдовало дать полное предпочтеніе, какъ кратчайшему и удобнѣйшему продолженію великаго воднаго пути въ Персію, т.-е.

Волги и Каспійскаго моря, но горе въ томъ, что въ Энзели нѣтъ порта, и суда останавливаются на неприв'Ѣтливомъ открытомъ рейдѣ, подверженномъ частымъ сѣвернымъ вѣтрамъ, разводящимъ здѣсь такую толчею, что суда недѣлями не могутъ выгрузить товаровъ и бываютъ принуждены спасаться за островъ Сару. При такихъ условіяхъ Энзели не можетъ считаться, ни въ отношеніи торговомъ, ни тѣмъ болѣе съ точки зрѣнія военной, удовлетворительнымъ начальнымъ пунктомъ нашей желѣзной дороги. Необходимо или создать въ Энзели вполнѣ удобный искусственный портъ, допускающій выгрузку морскихъ пароходовъ во всякую погоду съ пристаней, или начинать линію отъ Закавказской магистрали и вести ее до г. Решта берегомъ моря. Мысль объ устройствѣ порта въ Энзели уже не нова, она возникла лѣтъ двадцать тому назадъ, а можетъ быть и гораздо раньше, но до сихъ поръ нѣтъ вполнѣ основательныхъ изслѣдованій, которыя могли бы дать опредѣленный отвѣтъ, какія трудности встрѣтитъ это дѣло и какихъ финансовыхъ жертвъ оно потребуетъ. Не вырѣшенъ даже вопросъ, чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе—углубленію входа въ имѣющійся здѣсь заливъ Мурдабъ, или же постройкѣ мола.

Сооруженіе береговой линіи отъ станціи Закавказской желѣзной дороги Алятъ черезъ Ленкорань и Астару на Рештъ по техническимъ условіямъ не представляетъ никакихъ трудностей, такъ какъ на всемъ протяженіи слѣдуетъ по низменному морскому побережью, но линія эта имѣетъ довольно значительную длину въ 345 верстъ, то-есть по этому варіанту линія на Тегеранъ вдвое превзойдетъ по общему протяженію дорогу по Энзелійскому направленію. Это послѣднее соображеніе не должно однако приводить насъ въ смущеніе; надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что выгоды безпересадочнаго желѣзнодорожнаго сообщенія Москвы съ Тегераномъ чего-нибудь да стоятъ, а во-вторыхъ и то, что на протяженіи почти 200 верстъ прибрежная линія будетъ находиться въ русскихъ предѣлахъ, проходя черезъ крупный рыбопромышленный центръ—Сальяны, захвативъ часть Муганской степи и прорѣзавъ весь Ленкоранскій уѣздъ Бакинской губерніи, а потому несомнѣнно сыграетъ настолько крупную роль въ дѣлѣ культурнаго развитія этой нашей окраины, что окупитъ сторицей за-

траты на постройку линіи. Надо также надѣяться, что сооруженіе побережной линіи дастъ, наконецъ, энергичный импульсъ вопросу объ орошеніи богатѣйшей Муганской степи, которое является тѣмъ болѣе важнымъ, даже патріотическимъ дѣломъ, что въ настоящее время только здѣсь колонизація Закавказья русскимъ населеніемъ можетъ быть проведена въ дѣйствительно широкихъ размѣрахъ. По существу дѣла, вообще, едва ли можно сомнѣваться, что разъ нами будетъ построена желѣзная дорога къ столицѣ Персіи, то она должна быть рано или поздно соединена съ россійской желѣзнодорожной сѣтью. Вопросъ можетъ возникать лишь въ порядкѣ постройки, т.-е. строить ли сначала линію отъ берега Каспійскаго моря къ Тегерану, чтобы впослѣдствіи лишь соединить ее съ Закавказской магистралью побережной линіей, или сразу начинать постройку отъ этой магистрали. Мнѣ кажется, послѣднее и надежнѣе и вѣрнѣе, а можетъ быть и легче, такъ какъ приниматься за постройку желѣзной дороги, основывая подвозъ всего необходимаго къ Энзелійскому рейду, гдѣ выгрузки возможны лишь въ тихую погоду и только при помощи мѣстныхъ плоскодонныхъ лодокъ «кирджимовъ», едва ли можно считать удобнымъ. Кромѣ того, если на большихъ разстояніяхъ желѣзнодорожный путь не можетъ конкурировать въ товарномъ движеніи съ воднымъ путемъ, то на такихъ короткихъ разстояніяхъ, какъ 300—400 верстъ, не мало есть примѣровъ, когда желѣзнодорожный путь беретъ верхъ надъ воднымъ, особенно при условіи отсутствія хорошаго порта для выгрузки.

Остается, наконецъ, третья линія проникновенія въ сѣверную Персію, а именно къ центру прилегающей къ нашей Закаспійской области персидской провинціи Хорасанъ, священному для мусульманъ-шіитовъ городу Мешеду, но серьезныхъ желѣзнодорожныхъ изысканій по этому направленію еще не было сдѣлано.

Вотъ тѣ линіи проникновенія, сооруженіе которыхъ должно ознаменовать какъ бы завершеніе дѣла закрѣпленія за нами господствующаго положенія въ сѣверной Персіи.

Важное значеніе для Россіи этихъ линій въ принципѣ не оспаривается никѣмъ; возникаютъ лишь вопросы о размѣрѣ финансовыхъ жертвъ, которыя государству стоитъ

приносить на это дѣло, а также о своевременности нашего рѣшительнаго выступленія нынѣ же въ желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Персіи.

Для вполнѣ основательнаго отвѣта на первый вопросъ необходимо сдѣлать точный подсчетъ какъ стоимости дорогъ, такъ и возможной доходности ихъ. По отношенію къ линіямъ Киврагъ—Тавризъ и Алятъ—Рештъ—Казвинъ—Тегеранъ это было сдѣлано В. А. Саханскимъ въ 1900 году. Стоимость линіи Киврагъ—Тавризъ въ 302 версты длиной исчислена въ 18 милліоновъ рублей, расходы по эксплоатаціи въ 563,000 руб., а вѣроятный доходъ въ первое время въ 845,000 рублей. Избытокъ въ 282,000 рублей, такимъ образомъ давалъ бы возможность выплачивать всего около 1,6% на затраченный капиталъ. Другими словами въ 1900 году предпріятіе постройки линіи на Тавризъ нельзя было считать, по крайней мѣрѣ на первое время, коммерчески выгоднымъ. Однако за послѣдніе десять лѣтъ условія значительно измѣнились. Не взирая на чрезвычайно невыгодную общую обстановку, созданную внутреннимъ разваломъ въ Персіи, годовой торговый оборотъ ея съ Россіей возросъ съ 40 до 88 милліоновъ рублей, т.-е. болѣе чѣмъ удвоился. Почти въ такой же мѣрѣ увеличилось и количество товаровъ, проходящихъ черезъ всѣ таможни на Персидско-Кавказской границѣ. Если и нынѣ примѣнить къ расчетамъ Саханскаго его масштабъ, то ясно, что валовой доходъ долженъ удвоиться, т.-е. достигнуть 1.688,000 руб., а расходъ по эксплоатаціи возрастетъ только до 675,000 руб. Чистый доходъ, такимъ образомъ, достигнетъ 1 милліона рублей въ годъ, что дастъ $5^1/_2$% на затраченный капиталъ.

Конечно, расчеты эти очень эскизны, но они, мнѣ кажется, все-таки даютъ право расчитывать, что предпріятіе Тавризской дороги не должно быть убыточнымъ. Расчеты сдѣланы съ большой осторожностью, при чемъ вовсе не былъ принятъ во вниманіе естественный быстрый ростъ торговаго оборота, который долженъ повлечь за собой рельсовый путь. Кромѣ того, для расчетовъ взяты данныя того времени, когда не было еще, ни Джульфинской вѣтви, ни Тавризскаго шоссе, почему и разсматривалось направленіе Киврагъ—Тавризъ въ 302 версты длиной, теперь же обстановка измѣнилась: по Персіи можетъ быть проложена линія отъ Джульфы до Тавриза длиной всего въ 140 верстъ,

при чемъ постройка ея значительно облегчится тѣмъ обстоятельствомъ, что Тавризское шоссе, кромѣ небольшого горнаго участка, построено съ уклонами и радіусами, отвѣчающими желѣзнодорожнымъ требованіямъ, что, конечно, должно повести къ значительному уменьшенію стоимости сооруженія линіи. Къ сожалѣнію, я не располагаю данными о стоимости перестройки Тавризскаго шоссе въ желѣзнодорожную линію, а потому не могу судить о размѣрахъ того корректива, который долженъ быть внесенъ въ приведенный выше вѣроятный процентъ на затраченный на предпріятіе капиталъ, но, очевидно, коррективъ этотъ будетъ въ пользу предпріятія.

Всѣ приведенныя соображенія позволяютъ съ полной увѣренностью утверждать, что постройку линіи къ Тавризу можно разсматривать какъ выгодное коммерческое дѣло, способное окупить себя съ избыткомъ, а потому можно расчитывать, что, при надлежащемъ изслѣдованіи этого предпріятія и широкомъ его опубликованіи, оно привлечетъ къ себѣ иностранные, а можетъ быть даже русскіе частные капиталы.

Не въ столь благопріятномъ, но также далеко не въ безнадежномъ положеніи находится вопросъ о постройкѣ линіи Алятъ — Рештъ — Казвинъ — Тегеранъ длиной въ 655 верстъ, стоимость которой съ необходимымъ подвижнымъ составомъ исчислена въ 44 мил. рублей. Примѣняя тотъ же методъ вычисленія вѣроятной доходности и основываясь на данныхъ о количествѣ грузовъ, проходящихъ черезъ двѣ только таможни южнаго берега Каспійскаго моря—Энзели и Мешедессеръ, данныхъ которыя были приведены прекраснымъ знатокомъ дѣла нашей торговли въ Персіи, генеральнымъ консуломъ въ Персидскомъ заливѣ Н. Пассекомъ въ его интересномъ сообщеніи въ Обществѣ Востоковѣдѣнія, валовой доходъ линіи Алятъ—Тегеранъ опредѣлится въ 2.600 тыс. рублей въ годъ, а расходъ на эксплоатацію въ 1.200 тыс. рублей. Такимъ образомъ чистый доходъ въ 1.400 тыс. рублей въ годъ дастъ 3,2% на затраченный на предпріятіе капиталъ. Спѣшу опять-таки оговориться, что на такой дивидендъ можно расчитывать съ первыхъ же дней эксплоатаціи, не принимая во вниманіе ростъ его въ будущемъ съ развитіемъ торговли и подъемомъ культуры. Вообще, чѣмъ больше мнѣ приходилось

углубляться въ тѣ, правда, къ сожалѣнію, весьма скудныя цифровыя данныя, которыя у насъ имѣются, тѣмъ яснѣе мнѣ становилось, что царящее въ Россіи какое-то огульное мнѣніе, что желѣзнодорожное строительство въ Персіи дѣло безнадежное въ финансовомъ отношеніи, является далеко не обоснованнымъ, и было бы большой ошибкой успокоиться на такомъ предвзятомъ мнѣніи.

Что касается взгляда о несвоевременности вообще какого бы то ни было нашего выступленія въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Персіи, то долго на немъ останавливаться не приходится. Взглядъ этотъ основанъ на томъ соображеніи, что въ настоящее время наша торговля въ сѣверной Персіи имѣетъ почти монопольное положеніе, что отъ добра добра не ищутъ и надо лишь стараться возможно дольше сохранить это положеніе; между тѣмъ желѣзнодорожное предпріятіе съ нашей стороны вызоветъ таковое же и со стороны нашихъ соперниковъ, и современное благопріятное положеніе будетъ нарушено не въ нашу пользу. Этотъ глубоко консервативный взглядъ, предлагающій какую-то полную неподвижность, едва ли можетъ сохранить подъ собой какую бы то ни было почву даже въ самомъ недалекомъ будущемъ. Постройка вѣтви отъ Багдадской желѣзной дороги къ Ханекину, т.-е. еще въ предѣлахъ турецкой территоріи, осуществленію которой поэтому мы не можемъ противодѣйствовать даже косвеннымъ образомъ, рѣшена окончательно и будетъ приведена въ исполненіе не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ, а этотъ подходъ нѣмецкой линіи къ самой границѣ нашей сферы вліянія долженъ уже вызвать съ нашей стороны отвѣтъ въ видѣ постройки линіи на Тавризъ. Нельзя больше закрывать глаза на тотъ несомнѣнный фактъ, что вопросъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Персіи назрѣлъ уже со всѣхъ сторонъ и надо приготовиться во всеоружіи встрѣтить грядущую опасность, чтобы съ честью отстоять завоеванное нами положеніе въ сѣверной Персіи. Послѣ опубликованія германо-русскаго соглашенія едва ли уже возможно оспаривать мнѣніе, что для спасенія нашего положенія въ Персіи, намъ нѣтъ другого выхода, какъ безотлагательно приступить къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ ея сѣверныхъ провинціяхъ.

Если идея о сооруженіи въ Персіи линій проникнове-

нія къ важнѣйшимъ въ дѣлѣ русской торговли центрамъ на столько проста и ясна, что, разобравшись въ ней хорошенько, можно придти къ вполнѣ опредѣленному заключенію, то далеко не приходится сказать того же про мысль о продолженіи этихъ линій на югъ къ открытому океану или къ предѣламъ Индіи, т.-е. про созданіе великаго Индійскаго пути. Даже частный вопросъ о вліяніи этого пути на наше экономическое положеніе въ Персіи не поддается простому ариѳметическому учету, такъ какъ здѣсь уже нельзя основываться только на статистическихъ данныхъ современнаго торговаго оборота Россіи съ ея южной сосѣдкой, а надо учитывать и вѣроятное измѣненіе условій торговли и даже предметовъ ея, которое несомнѣнно внесетъ за собою желѣзнодорожная линія. Было бы, однако, большой ошибкой оцѣнивать вопросъ о созданіи рельсоваго пути въ Индію только съ точки зрѣнія персидской торговли. Этотъ чрезвычайно сложный вопросъ требуетъ всесторонняго и глубокаго изученія съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ онъ захватываетъ не только коммерческіе, но политическіе и даже стратегическіе интересы Россіи, Англіи и Персіи и притомъ не въ узкомъ мѣстномъ, но въ самомъ широкомъ, почти міровомъ, его значеніи.

Живой интересъ извѣстной части нашего общества ко вновь всплывшему вопросу о желѣзнодорожномъ пути черезъ Персію ясно обнаружился въ томъ горячемъ спорѣ о немъ, который разгорѣлся въ нашей періодической печати. Къ сожалѣнію, споръ этотъ отличался излишней страстностью, можетъ быть полезной, когда доводы его прочно базируются на данныхъ, добытыхъ предварительнымъ детальнымъ изученіемъ вопроса, но безусловно вредной, когда предметъ спора еще находится въ фазѣ необходимаго обслѣдованія. Непримиримость двухъ лагерей, а именно противниковъ Индо-Европейскаго пути и защитниковъ его, на которые рѣзко раздѣлились всѣ интересующіеся возникшимъ вопросомъ, является, главнымъ образомъ, результатомъ того, что они приняли различныя отправныя точки, при чемъ съ обѣихъ сторонъ обнаружилось стремленіе не къ всестороннему освѣщенію дѣла, а ко всяческому дискредитированію доводовъ своихъ противниковъ. Предвзятость мнѣній помѣшала объективному, безпристрастному обсужде-

нію значенія намѣченнаго предпріятія и все свелось къ горячей, нервной, но—увы,—далеко не исчерпывающей вопросъ, полемикѣ. Впрочемъ, полемика эта все-таки имѣла и свою хорошую сторону—она явно обнаружила всю скудость фактическаго матеріала и полное отсутствіе основательнаго изученіе вопроса не только въ его цѣломъ, но даже и въ частностяхъ. Этимъ можно объяснить и непродолжительностъ обсужденія вопроса въ печати, которая сразу замолкла, быстро исчерпавъ всѣ доводы и оставивъ вопросъ по прежнему открытымъ.

Я не стану приводить эти доводы, чтобы избѣжать безполезнаго повторенія того, что уже было высказано. Постараюсь лишь дать нѣкоторую безпристрастную и безпартійную оцѣнку идейной сторонѣ предпріятія.

Путь изъ Западной Европы въ Индію черезъ Россію имѣетъ два главныхъ направленія—черезъ Кавказъ и черезъ наши Средне-Азіатскія владѣнія. Первое распадается на нѣсколько варіантовъ, а именно: 1) черезъ Крымъ съ сооруженіемъ моста черезъ Керченскій проливъ, 2) черезъ Ростовъ, Владикавказъ и Тифлисъ съ постройкой перевальной дороги въ центральной части Кавказскаго хребта, 3) черезъ Петровскъ, Баку и далѣе берегомъ Каспійскаго моря на Рештъ, 4) отъ Баку долиной Аракса на Джульфу и друг. Продолженіемъ всѣхъ этихъ направленій является пересѣченіе всей Персіи по діагонали съ сѣверо-запада на юго-востокъ отъ Кавказской границы къ Белуджистану на протяженіи около 2000 верстъ. Черезъ Средне-Азіатскія земли также имѣется нѣсколько варіантовъ. До постройки Ташкентъ-Оренбургской желѣзной дороги кратчайшимъ изъ этихъ направленій было, такъ называемое Усть-Уртское, т.-е. проходящее между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, но въ настоящее время надо уже считаться съ Ташкентской линіей, что отклоняетъ прямое направленіе значительно на востокъ. Кромѣ этихъ непрерывныхъ желѣзнодорожныхъ путей, намѣчалось также направленіе черезъ Каспійское море, т.-е. по желѣзной дорогѣ до Петровска, моремъ до Красноводска и далѣе по Закаспійской желѣзной дорогѣ.

Нынѣшними иниціаторами предпріятія выдвигается на первый планъ направленіе Ростовъ—Баку—Рештъ—Тегеранъ—Нушки, имѣющее общее протяженіе отъ Кале до головной станціи нынѣшней сѣти Индійскихъ желѣзныхъ

дорогъ 6700 верстъ. И дѣйствительно, при современной русской сѣти направленіе это является кратчайшимъ, что играетъ существенную роль въ дѣлѣ транзитнаго движенія, на которомъ, какъ извѣстно, предприниматели и основываютъ, главнымъ образомъ, міровое значеніе Индо-Европейскаго пути. Кромѣ того, коммерческое значеніе желѣзной дороги, проложенной по этому направленію, возрастаетъ еще отъ того факта, что она черезъ посредство Каспійскаго моря соединяется съ величайшей водной артеріей Европейской Россіи — Волгой. Съ политической точки зрѣнія разсматриваемое направленіе, по мнѣнію концорсіума, признается наиболѣе пріемлемымъ для англичанъ, какъ проходящее на большемъ протяженіи по нейтральной и малокультурной Персіи, а потому и наименѣе опасное для Индіи. Кромѣ того, въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ линія эта имѣетъ важное преимущество, какъ кратчайшее направленіе нашего проникновенія къ самому центру Персіи—ея столицѣ. Спѣшу впрочемъ оговориться, что разсматриваемое направленіе Индо-Европейскаго пути черезъ Баку и Тегеранъ не исключаетъ необходимости имѣть отдѣльную линію къ Тавризу, какъ центру важнѣйшей для насъ сосѣдней съ Кавказомъ провинціи Адербейджанъ, значеніе котораго особенно возрастаетъ нынѣ, въ виду турецкихъ поползновеній утвердиться въ западной его части, а именно въ Урмійскомъ и Хойскомъ округахъ. Для Персіи это направленіе также выгодно въ культурномъ отношеніи, какъ прорѣзывающее вдоль все государство и захватывающее рядъ важныхъ ея центровъ. Наконецъ, вплоть до Тегерана путь по этому направленію совпадаетъ съ одной изъ важнѣйшихъ линій проникновенія, а потому въ этой части дѣло сооруженія Индійскаго пути нисколько не противорѣчитъ, а наоборотъ совершенно совпадаетъ съ видами сторонниковъ того мнѣнія, что въ Персіи намъ нужны короткія линіи къ важнѣйшимъ центрамъ сѣверныхъ провинцій.

Эту-то точку соприкосновенія двухъ противоположныхъ лагерей, эту общность ихъ интересовъ въ дѣлѣ постройки линіи до Тегерана и слѣдуетъ использовать возможно шире. Вмѣсто безполезныхъ споровъ, слѣдовало-бы приняться за осуществленіе того, что выгодно для обѣихъ сторонъ, т.-е. за сооруженіе линіи до Тегерана, оставивъ вопросъ о про-

долженіи ея далѣе въ глубь Персіи пока открытымъ. Вѣдь несомнѣнно фактъ постройки желѣзной дороги къ столицѣ Персіи сильно облегчитъ вѣрное разрѣшеніе вопроса: полезенъ или вреденъ намъ Индо-Европейскій путь. Такъ не лучше ли пока придти къ частному соглашенію и приняться за дѣло.

Хорошій примѣръ такого рѣшенія даетъ намъ Германія въ дѣлѣ приступа къ постройкѣ Багдадской желѣзной дороги. Къ моменту полученія концессіи условія предпріятія далеко не получили полнаго освѣщенія: многіе круги въ Германіи рѣшительно высказывались противъ него, считая его безнадежной затѣей. Однако это не обезкуражило нѣмецкую предпріимчивость. Воспользовавшись тѣмъ, что первый 200-верстный участокъ отъ Коніи до Эрегли былъ обезпеченъ въ смыслѣ километрической гарантіи турецкимъ правительствомъ, а также тѣмъ, что участокъ этотъ обѣщаетъ хорошій доходъ, германцы энергично принялись за его постройку, не задумываясь надъ тѣмъ, возможно ли будетъ осуществить все предпріятіе. И дѣйствительно, линія до Эрегли была быстро закончена къ 1904 году, а затѣмъ финансовыя затрудненія совершенно затормозили дѣло. Но условія концессіи позволили Германіи совершенно спокойно выжидать лучшихъ обстоятельствъ, не отказываясь отъ предпріятія и ничего не теряя отъ задержки, а лишь пользуясь выгодами съ перваго участка. Лучшія обстоятельства наступили черезъ шесть лѣтъ: въ прошломъ году германцы получили возможность продолжать постройку еще на четырехъ участкахъ, а въ этомъ году уже изыскано финансовое обезпеченіе на сооруженіе дороги до самаго Багдада.

Къ аналогичной постановкѣ дѣла надо стремиться и намъ, чтобы, не откладывая его въ долгій ящикъ, приступить къ сооруженію линіи до Тегерана, не предрѣшая обязательнаго продолженія ея къ Индіи, но приложивъ всѣ старанія къ дальнѣйшему изученію дѣла. Предвижу, однако, возраженія. Мнѣ скажутъ, что на Индо-Европейскій путь деньги дадутъ иностранные капиталисты, но не найдется желающихъ рисковать своимъ капиталомъ на дѣло сооруженія линіи до Тегерана, а потому ее придется строить на русскія деньги, т.-е. еще больше увеличивать и безъ того огромный нашъ финансовый вкладъ въ персидскія предпріятія. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли дѣло Тегеран-

ской линіи настолько невыгодно, что нельзя расчитывать на привлеченіе частныхъ капиталовъ? На эту тему я уже говорилъ выше, и мнѣ кажется, что основательное изученіе и широкое освѣщеніе вопроса можетъ привести къ выводу гораздо болѣе утѣшительному.

Совершенно иначе стоитъ вопросъ о продолженіи линіи отъ Тегерана къ предѣламъ Индіи. Съ одной стороны идея транзита, а съ другой необходимость оградить нашу современную торговлю въ сѣверной Персіи отъ иностранной конкуренціи кореннымъ образомъ идутъ въ разрѣзъ одна другой. Противники Индійскаго пути приводятъ весьма вѣскій по своей простотѣ и убѣдительности аргументъ: сама природа создала намъ прекрасную охрану нашихъ торговыхъ интересовъ въ сѣверной Персіи въ видѣ дикой малонаселенной и труднопроходимой полосы южной Персіи, до крайности затрудняющей проникновеніе оттуда соперничающихъ съ нашими иностранныхъ товаровъ; зачѣмъ же намъ самимъ уничтожать эту естественную ограду, прорѣзывая ее желѣзнымъ путемъ. Аргументъ этотъ безусловно весьма основателенъ и серьезенъ, и съ нимъ нельзя не считаться. Можно ли, однако, на этомъ основаніи отказаться вовсе отъ Индійскаго пути? До послѣдняго времени, пожалуй, и можно было, такъ какъ ничто еще не угрожало нашему современному положенію, но дѣло кореннымъ образомъ измѣнилось послѣднимъ русско-германскимъ соглашеніемъ, такъ какъ постройка линіи къ Тегерану со стороны Багдадской дороги уже предрѣшена. Кромѣ того съ окончаніемъ Багдадской дороги, очевидно, возникнетъ вопросъ о соединеніи ея черезъ Персію съ индійской сѣтью, а потому передъ нами уже теперь во весь ростъ становится проблема: создавать ли нашъ великій Индо-Европейскій путь черезъ Россію или отказаться отъ него, навсегда помирившись съ фактомъ проложенія его черезъ Турцію и Персію. Мнѣ кажется, что міровое значеніе этого пути настолько все-таки ясно, что нельзя съ легкимъ сердцемъ помириться съ фактомъ сооруженія его помимо Россіи. Попадаемъ въ какой-то тупикъ: съ одной стороны нельзя отказываться отъ созданія Индійскаго пути, а съ другой недопустимо подрывать своими руками наши торговые интересы. Однако безысходныхъ положеній вообще не бываетъ, всегда и вездѣ можно найти достойный выходъ. Въ данномъ случаѣ выходъ, казалось бы,

можно найти въ соотвѣтствующемъ урегулированіи тарифныхъ ставокъ. Разъ предпріятіе осуществится по нашей иниціативѣ, мы вѣроятно будемъ въ силахъ обусловить его такъ, чтобы наши торговые интересы были надежно обезпечены. Я не могу углубляться въ этотъ спеціальный вопросъ и лишь намѣчаю его, но долженъ опять таки повторить, что и онъ требуетъ основательнаго изученія.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что желѣзнодорожный путь отъ Индіи въ глубь Персіи далеко не явится столь опаснымъ для нашего положенія въ сѣверной Персіи, какъ дорога Багдадъ—Ханекинъ—Тегеранъ, тѣмъ болѣе, что въ тарифахъ мы будемъ связаны договорнымъ обязательствомъ: «облегчать международное сообщеніе на линіи Ханекенъ—Тегеранъ, избѣгая всякихъ мѣръ, которыя могли-бы препятствовать ему, какъ, напримѣръ, установленія транзитныхъ пошлинъ или примѣненія дифференціальнаго тарифнаго обложенія».

Весьма важна въ этомъ отношеніи правильная оцѣнка вопроса, какое направленіе Индійскаго пути наименѣе угрожаетъ нашимъ интересамъ въ сѣверной Персіи. Нельзя, конечно, оставить безъ вниманія идею соединенія Закаспійской желѣзной дорогой съ Индійской сѣтью черезъ восточную Персію, давно уже предложенную Лессаромъ, а также черезъ владѣнія афганскаго эмира. Съ перваго взгляда, казалось-бы, сооруженіе линіи по одному изъ только-что указанныхъ направленій можетъ оказать лишь ничтожное вліяніе на подрывъ нашей торговли, такъ какъ въ Хорасанѣ она до сихъ поръ еще незначительна и составляетъ едва 6.7% всего русско-персидскаго торговаго оборота, а въ Афганистанѣ русская торговля находится въ совсѣмъ зачаточномъ состояніи. Но съ другой стороны надо также принять во вниманіе, что въ Хорасанѣ наша слабая торговля стала за послѣднее время развиваться и въ періодъ съ 1905 г. по 1908 г. увеличилась въ $1^1/_2$ раза, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, порождаемыя царящей въ Персіи анархіей, и что почти вовсе отсутствовавшая до недавняго времени русская торговля въ Афганистанѣ также постепенно начала налаживаться. Желательно, конечно, привѣтствовать и всячески поддерживать здѣсь нарождающееся русское дѣло, между тѣмъ надо ожидать, что желѣзнодорожный путь изъ Индіи въ Хорасанъ, а тѣмъ

болѣе въ Афганистанъ окажется роковымъ для неокрѣпшей еще здѣсь нашей торговли. Весьма возможно, что та борьба съ конкурентами, которую съ успѣхомъ могла-бы вынести русская торговля въ Тегеранѣ и Тавризѣ, будетъ вовсе не подъ силу ей въ Мешедѣ или Гератѣ, и этотъ доводъ можно считать однимъ изъ сильныхъ козырей въ защитѣ направленія Индо-Европейскаго пути черезъ Кавказъ, а не черезъ Туркестанъ.

Одинъ лишь взглядъ на карту Азіи естественно наталкиваетъ на мысль о желѣзной дорогѣ въ Индію черезъ Афганистанъ. Здѣсь конечные пункты желѣзнодорожной сѣти Сѣверной Индіи—Пешаверъ и Чаманъ отстоятъ отъ ближайшихъ станцій нашей Закаспійской дороги всего на 600—700 верстъ по прямой линіи, при чемъ большія техническія затрудненія имѣются только на Пешаверскомъ направленіи, линія же Кушка—Гератъ—Кандагаръ—Чаманъ удобна и въ этомъ отношеніи. Рѣшительнымъ препятствіемъ къ проложенію желѣзной дороги черезъ Афганистанъ до сихъ поръ еще являются условія политическія. Съ одной стороны, противодѣйствовать предпріятію будутъ афганцы, считающіе фактъ проникновенія въ ихъ государство европейцевъ равносильнымъ потерѣ самостоятельности, съ другой же—надо ожидать отрицательнаго отношенія къ нему и Англіи, смотрящей на Афганистанъ, какъ на естественное прикрытіе Индіи со стороны Россіи. При совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Англіи и Россіи, вѣроятно, возможно было бы оказать давленіе на эмира и добиться согласія его на проложеніе линіи, но трудно надѣяться побѣдить воспитанный въ теченіе цѣлаго вѣка страхъ Англіи за свои индійскія владѣнія и недовѣріе ея въ этомъ отношеніи къ Россіи, а потому иниціаторами предпріятія мысль о проложеніи Индійскаго пути черезъ Афганистанъ совершенно отбрасывается, какъ безнадежная. Надо надѣяться, однако, что тяготѣющій еще до сихъ поръ надъ Англіей миражъ русскаго посягательства на цѣлость британскихъ владѣній въ Индіи скоро разсѣется. Идея нашествія Россіи на Индію по существу никогда не могла разсматриваться серьезно, въ настоящее же время каждому ребенку должно быть понятно, какъ безконечно далекъ русскій здравый смыслъ отъ подобныхъ утопическихъ мечтаній. Хочется думать, что вѣковой предразсудокъ скоро будетъ побѣжденъ доводами современ-

ной дѣйствительности, и англо-индійскіе политическіе дѣятели и общественное мнѣніе окончательно отрѣшатся отъ традиціоннаго недовѣрія къ новому союзнику Англіи, и тогда рѣшеніе мірового вопроса Индо-Европейскаго пути можно будетъ основывать на справедливомъ взвѣшиваніи обоюдныхъ интересовъ обѣихъ державъ безъ примѣси традиціоннаго недовѣрія.

Еще болѣе отрицательно надо отнестись къ мнѣнію о стратегической опасности для насъ Индо-Европейскаго пути. О возможности самостоятельнаго англійскаго похода на Россію со стороны Индіи, конечно, никто серьезно думать не можетъ, но въ одной изъ газетъ промелькнула фраза о возможности, въ случаѣ измѣненія современной политической группировки державъ и присоединенія Англіи къ нашимъ противникамъ, при новой русско-турецкой войнѣ, подвоза къ нашимъ границамъ англо-индійскихъ войскъ по Индо-Европейскому пути. Такая мысль не выдерживаетъ никакой критики; очевидно, при нашей войнѣ одновременно съ Турціей и Англіей Черное море будетъ въ рукахъ нашихъ враговъ, и потому Англіи не будетъ надобности тащить свои войска 2000 верстъ по желѣзнодорожной ниткѣ черезъ чужую территорію, когда будетъ полная возможность подвезти ихъ моремъ какъ на соединеніе съ турецкой арміей, такъ и для десанта въ русскихъ предѣлахъ.

Кромѣ того, давно извѣстно, что стратегія только тогда стоитъ на твердой почвѣ, когда она находится въ полномъ единеніи съ политикой, а политическая обстановка нынѣшняго времени совершенно аннулируетъ какъ положительное, такъ и отрицательное для насъ стратегическое значеніе Индо-Европейской желѣзной дороги.

Коснувшись военнаго значенія Индо-Европейскаго желѣзнодорожнаго пути, нельзя обойти молчаніемъ вопроса объ его охранѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не явится-ли охрана 2000-верстнаго рельсоваго пути, проходящаго по некультурной, почти дикой, странѣ, настолько обременительной и дорого-стоющей, что поглотитъ всѣ возможныя выгоды этого предпріятія? На этотъ вопросъ, мнѣ кажется, смѣло можно дать вполнѣ отрицательный отвѣтъ. Если отбросить небольшіе отдѣльные раіоны, населенные нѣкоторыми неспокойными, тюркскими, курдскими, а на югѣ белуджскими племенами, то на всемъ остальномъ пространствѣ Пер-

сія представляетъ въ общемъ весьма мирную и тихую страну. Я лично проѣхалъ Персію по двумъ направленіямъ отъ Каспійскаго моря и Закавказской границы до Персидскаго залива безъ всякой спеціальной охраны и только въ очень глухихъ мѣстахъ Бахтіаріи, Луристана и южнаго Фарсистана чувствовалъ себя иногда не въ полной безопасности. Даже теперь, при царящей въ Персіи анархіи и полномъ развалѣ центральной власти, все-таки торговые караваны не прекращаютъ движенія, и нападенія на нихъ бываютъ рѣдко. Только въ сравнительно короткій періодъ остраго разгара революціи внѣшняя торговля почти замерла, но за правило такой исключительный періодъ, конечно, брать нельзя. Въ обыкновенное-же время грабежи въ Персіи случаются лишь мелкіе, на беззащитные караваны, и достаточно 3—4 человѣкъ вооруженной стражи, чтобы обезопасить движеніе. Ожидать нападеній на желѣзную дорогу въ общемъ не приходится, и во всякомъ случаѣ она будетъ въ большей безопасности, чѣмъ наши Кавказскія линіи, а потому разсматривать охрану Индо-Европейскаго пути, какъ вопросъ серьезнаго и даже рѣшающаго значенія нельзя.

Раіонъ разселенія по сосѣдству съ нашимъ Закавказьемъ самаго безпокойнаго племени—шахсевенъ—Индо-Европейская магистраль не затронетъ, какому-бы направленію ни отдано было-бы предпочтеніе. Шахсевены живутъ между Талышинскимъ хребтомъ и притокомъ Аракса-Карасу, т.-е. западнѣе направленія вдоль берега Каспійскаго моря и восточнѣе линіи Джульфа—Тавризъ. Правда, линія по Каспійскому направленію на небольшомъ протяженіи южнѣе Астары пройдетъ по землямъ гялышей (или талышей), которые не прочь иногда пограбить, но необходимая охрана здѣсь выразится развѣ лишь въ нѣсколькихъ лишнихъ вооруженныхъ станціонныхъ и путевыхъ сторожахъ. Дальше до Тегерана и затѣмъ по центральной Персіи до самаго Кермана линія пройдетъ среди абсолютно мирнаго населенія и никакой особой охраны желѣзной дороги здѣсь не понадобится.

Сравненіе съ Восточно-Китайской линіей дѣлать здѣсь нельзя. Тамъ, во-первыхъ, оперировали организованныя большія шайки хунхузовъ, и во-вторыхъ, тамъ надо быть готовыми удержать за собой линію въ случаѣ разрыва съ

Китаемъ, въ Персіи-же этихъ опасностей нѣтъ: войны съ Персіей въ настоящее время быть не можетъ, такъ какъ у нея нѣтъ вовсе арміи, загадывать-же отдаленное будущее и предполагать возможность возрожденія Персіи и созданія тамъ арміи не приходится, такъ какъ если это и возможно, то во всякомъ случаѣ къ тому времени въ Персіи уже будутъ выстроены желѣзныя дороги.

Тотъ фактъ, что намъ пришлось посылать въ Персію свои отряды для охраны безопасности нашей торговли и другихъ интересовъ, не можетъ служить доказательствомъ необходимости въ будущемъ серьезной охраны желѣзнодорожной линіи. Мѣры эти были вызваны такими обстоятельствами, которыя не зависятъ отъ желѣзнодорожныхъ линій, и даже наличіе ихъ скорѣй могло-бы уменьшить силу отрядовъ, такъ какъ была-бы возможность всегда быстро подвезти необходимыя подкрѣпленія.

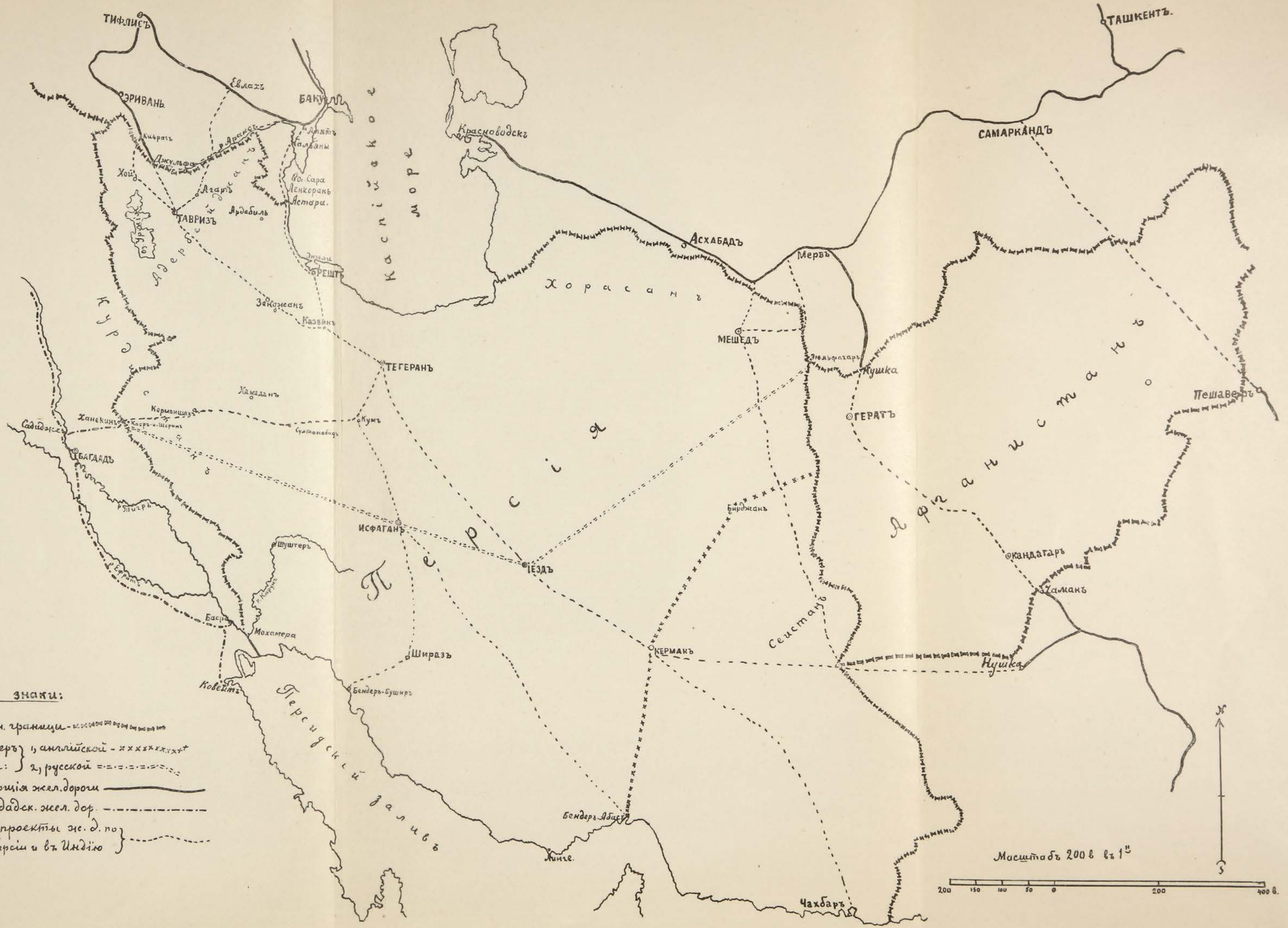
Вообще такой вопросъ мірового значенія какъ созданіе Великаго Индійскаго пути нельзя ставить въ зависимость отъ такихъ частностей дѣла какъ охрана его.

На Великій Индійскій путь надо смотрѣть какъ на крупный политическій и культурный факторъ мирнаго характера, и въ этомъ отношеніи доминирующее значеніе принадлежитъ коммерческой сторонѣ дѣла, при бѣглой оцѣнкѣ котораго мы постоянно натыкаемся на скудость фактическаго матеріала и отсутствіе основательнаго изученія всѣхъ сторонъ этого сложнаго вопроса. Между тѣмъ наши государственные интересы повелительно требуютъ самаго серьезнаго отношенія къ этому важному вопросу. Необходимо, чтобы всестороннее изученіе его не было ограничено лишь тѣснымъ кругомъ лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ предпріятіи: для вѣрной, безпристрастной и самой широкой оцѣнки значенія для Россіи Великаго Индійскаго пути желательно привлечь вниманіе и пробудить интересъ къ нему широкихъ круговъ нашего общества, и я считалъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы настоящая статья внесла въ это дѣло свою посильную лепту.

Послѣднее русско-германское соглашеніе въ корнѣ мѣняетъ постановку вопроса о желѣзныхъ дорогахъ въ Персіи; оно не позволяетъ больше сохранять въ этомъ вопросѣ выгодное для Россіи status quo. Подписанное соглашеніе

сдвинуло въ этомъ отношеніи Персію съ мертвой точки, и намъ нѣтъ больше возможности оставаться пассивными зрителями мирнаго завоеванія этой страны по линіи, которую мы же сами обязались строить. Надо найти средство для удержанія своихъ позицій, а единственнымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ является, повидимому,—правильная постановка и энергичное проведеніе въ жизнь нашего желѣзнодорожнаго дѣла въ Персіи.

П. А. Т.

Условные знаки:

Государственн. границы

Границы сферъ с вліянія: 1) англійской; 2) русской

Существующія жел. дороги

Траса Багдадск. жел. дор.

Различные проекты ж. д. по Персіи и въ Индію

СЛѢПЫЕ.

Моя статья въ первомъ выпускѣ «Великой Россіи» была закончена слѣдующимъ выводомъ: «Для обезпеченія вѣрнаго успѣха въ дѣлѣ возсозданія нашей морской силы мы должны поставить въ основу его самое широкое участіе частной промышленности», и я намѣтилъ тогда заняться въ слѣдующей статьѣ изслѣдованіемъ вопроса — какъ намъ вступить на этотъ путь.

Съ тѣхъ поръ не успѣло пройти и полнаго года, а обстоятельства и обстановка, при которыхъ возсоздается нашъ флотъ, измѣнились самымъ кореннымъ образомъ. Во-первыхъ, за это время, подъ давленіемъ весьма серьезныхъ политическихъ осложненій на Ближнемъ Востокѣ, Государственная Дума ассигновала 150 милліоновъ рублей на усиленіе черноморскаго флота; во-вторыхъ, ассигнованіе это совпало какъ разъ съ назначеніемъ новаго морского министра, адмирала Григоровича, а этотъ послѣдній рѣшилъ строить черноморскій флотъ не казенными средствами, а при помощи частныхъ судостроительныхъ организацій. Такимъ образомъ, то, что мы считали за единственный возможный и разумный выходъ изъ того тупика, который былъ созданъ цѣлымъ рядомъ,—не скажу совсѣмъ уже безталанныхъ, но, во всякомъ случаѣ, ничего не сдѣлавшихъ морскихъ министровъ,—въ настоящее время находится наканунѣ своего осуществленія. Поэтому, казалось бы, что теперь-то какъ разъ и время заняться изслѣдованіемъ намѣченнаго нами вопроса, но въ дѣйствительности это не такъ, и въ настоящій, по крайней мѣрѣ, моментъ полезнѣе будетъ этого не дѣлать. Причина заключается въ томъ, что какъ только стало извѣстнымъ рѣшеніе правительства затратить 150 милліоновъ рублей на флотъ, то вокругъ этого грандіознаго пирога немедленно же возгорѣлась борьба и агитація крайне нездороваго характера. Къ лакомому блюду потянулись руки, не только занимавшіяся когда-либо судостроеніемъ, но и такія, вся дѣловая пригодность кото-

рыхъ заключается исключительно въ томъ, что имъ когда-то раньше уже удавалось получать отъ казны большіе куши денегъ безъ достаточныхъ на то основаній. Въ характерѣ средствъ, употребляемыхъ для достиженія своихъ цѣлей, какъ это и слѣдовало ожидать, во время такихъ домогательствъ не стѣсняются,—и въ воздухѣ висятъ уже цифры промессъ и чувствуется панама.

Подобную картину мнѣ довелось уже наблюдать однажды и именно въ 1897 году, когда было ассигновано на увеличеніе флота сразу 90 милліоновъ рублей. Морское министерство такъ же, какъ и теперь, оказалось совершенно неподготовленнымъ къ такой работѣ, но дѣйствовало тогда откровеннѣе и сразу рѣшило выполнить всю программу за-границею. Поэтому тогда боролись между собою исключительно заводчики иностранные, французы, нѣмцы и американцы, и борьба эта не выходила за предѣлы министерскихъ канцелярій, пресса о ней даже и не подозрѣвала, а о выдачѣ крупныхъ промессъ стало извѣстно (документально) благодаря лишь неосторожности одной изъ сторонъ, раздраженной дополнительными, сверхъ условленнаго, требованіями.

Въ настоящее время дѣло стоитъ далеко не такъ просто и осложняется участіемъ прессы, несомнѣнно и даже явно руководимой какъ нѣкоторыми изъ правительственныхъ, такъ и многими изъ недавно еще у насъ народившихся политическихъ дѣятелей. Никто при этомъ, конечно, не сказалъ бы дурного слова, если бы эта полемика велась на почвѣ сравненій совершенства представляемыхъ проектовъ, оцѣнки гарантій, обезпечивающихъ скорое ихъ осуществленіе, и т. п., но если полемика ведется исключительно путемъ взаимнаго опорочиванія, не останавливаясь даже передъ клеветою, основанною на апокрифическихъ телеграммахъ и на извращеніи смысла выкраденныхъ документовъ, то невольно вспоминается Франція въ моментъ проявленія наиболѣе дурныхъ сторонъ ея парламентаризма. Тамъ, напримѣръ, благодаря исключительно нитямъ, связывающимъ нѣкоторыхъ заводчиковъ съ депутатами и чиновничествомъ, французскій флотъ въ теченіе многихъ лѣтъ снабжался крайне неудобными и обезсиливающими его боеспособность паровыми котлами, такъ что дѣло едва не дошло до открытаго возмущенія строевыхъ чиновъ флота противъ такого безобразія. Не слишкомъ ли

мы быстро шагаемъ въ этомъ направленіи и, не усвоивъ еще вполнѣ хорошихъ сторонъ новаго строя, хватаемся за дурныя. И вотъ что еще при этомъ въ особенности странно: люди, которые въ политическихъ своихъ выступленіяхъ обычно отвергаютъ самый фактъ существованія у насъ парламентаризма чуть ли не съ пѣною у рта, очень умѣло и беззастѣнчиво примѣняютъ и эксплоатируютъ дурныя его стороны тамъ, гдѣ вопросъ касается пріобщенія къ казеннымъ заказамъ. Понаблюдайте—это очень характерно: каждый желающій приблизиться къ казенному сундуку теперь прежде всего записывается въ ту политическую партію, которая пользуется въ данный моментъ наибольшимъ вниманіемъ правительства.

Картина въ общемъ получается очень знаменательная, хотя и не совсѣмъ красивая, а къ этому слѣдуетъ еще прибавить и самую безшабашную игру на биржѣ съ цѣнностями всѣхъ тѣхъ заводовъ, которыя надѣятся, хотя-бы какимъ бы то ни было образомъ, принять участіе въ предстоящемъ пиршествѣ.

Вотъ въ силу-то наличности всѣхъ этихъ нездоровыхъ явленій, мнѣ и не представляется возможнымъ писать теперь по вопросу, такъ тѣсно съ ними связанному,—гнойные нарывы бередить не слѣдуетъ, имъ надо дать время спокойно созрѣть и самимъ прорваться.

Теперь же мы займемся другой стороной того же вопроса о возсозданіи нашего флота. Въ той же самой первой моей статьѣ было указано, какъ на другую причину неуспѣха въ дѣлѣ этого возсозданія,—на отсутствіе вполнѣ опредѣленной программы судостроенія, выработанной въ связи съ задачами нашей внѣшней политики. Въ различныхъ моряхъ, въ Балтійскомъ, Черномъ и Японскомъ, эти задачи различны и, чтобы знать—что строить, надо ясно сознать, съ кѣмъ и при какихъ условіяхъ (союзы и нейтралитеты) придется нашему флоту бороться. Новый министръ, адмиралъ Григоровичъ, отвѣтилъ и на этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, онъ внесъ въ Государственную Думу списокъ судовъ, подлежащихъ постройкѣ, и срокъ, къ которому они должны быть готовы. И надо отдать адмиралу справедливость: онъ не послѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ и не сдѣлалъ никакого секрета изъ этого, такъ глубоко всѣхъ интересующаго вопроса,—по крайней мѣрѣ, въ «Новомъ

Времени» было помѣщено нѣсколько статей, посвященныхъ программѣ возсозданія флота и базъ для него, ясно инспирированныхъ, если не непосредственно самимъ министромъ, то, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ ближайшихъ его помощниковъ. Вотъ объ этихъ данныхъ мы теперь и поговоримъ.

Въ Балтійскомъ морѣ предполагается имѣть: 16 линейныхъ броненосцевъ (дредноутовъ), 8 броненосныхъ крейсеровъ, 16 легкихъ крейсеровъ, 36 эскадренныхъ миноносцевъ, 12 подводныхъ лодокъ и соотвѣтствующую вспомогательную флотилію заградителей, плавучихъ базъ, транспортовъ, посыльныхъ, тралящихъ и учебныхъ судовъ. Все это образуетъ «дѣйствующій флотъ», состоящій изъ двухъ, одинаковыхъ по составу, эскадръ, «первой» и «второй», а кромѣ того предполагается имѣть еще и «резервъ», составленный изъ судовъ, отслужившихъ свой срокъ въ дѣйствующемъ флотѣ. Каждый корабль въ теченіе своей службы будетъ послѣдовательно зачисляться сначала въ первую эскадру дѣйствующаго флота, потомъ во вторую его эскадру и, наконецъ, въ резервъ. Съ этою цѣлью для судовъ разныхъ типовъ установлены вполнѣ опредѣленные сроки продолжительности ихъ службы, напримѣръ: для броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ— 4 года продолжительности постройки и затѣмъ по 6 лѣтъ послѣдовательно въ 1-ой эскадрѣ, во 2-ой эскадрѣ и въ резервѣ, а всего слѣдовательно 22 года; для легкихъ крейсеровъ—постройка 3 года и затѣмъ по 5 лѣтъ послѣдовательной службы въ активныхъ эскадрахъ и въ резервѣ; для эскадренныхъ миноносцевъ эти сроки соотвѣтственно равны 2 и 5 годамъ, а для подводныхъ лодокъ—2 и 4 годамъ. Количественнный составъ судовъ Балтійскаго флота долженъ быть доведенъ до указанной нормы къ 1930 году.

Черноморскій флотъ долженъ состоять изъ одной дѣйствующей эскадры, превосходящей активныя силы государствъ, расположенныхъ на черноморскомъ побережьѣ, въ полтора раза. Затѣмъ идутъ вспомогательныя суда того-же назначенія, что и въ Балтійскомъ морѣ, и резервная эскадра. Относительно срока, къ которому долженъ быть готовъ въ полномъ своемъ составѣ Черноморскій флотъ, морской министръ не говоритъ ничего, такъ какъ количество судовъ и сроки зависятъ отъ интенсивности судостроительной дѣятельности другихъ державъ. Въ настоящее же время, въ

дополненіе къ существующимъ тремъ броненосцамъ Черноморскаго флота (я считаю только годные для боя) рѣшено подстроить еще три дредноута, девять эскадренныхъ миноносцевъ и шесть подводныхъ лодокъ. На это именно строительство и отпущены Государственною Думою упомянутые уже выше 150 милліоновъ рублей, для израсходованія ихъ въ теченіе предстоящихъ, считая и нынѣшній, шести годовъ.

Въ Японскомъ морѣ намѣчено лишь поддерживать существующій составъ нашей флотиліи въ 2 крейсера, 18 миноносцевъ и 12 подводныхъ лодокъ. Увеличеніе же этой флотиліи въ будущемъ поставлено въ зависимость не отъ дѣйствительной въ томъ надобности, а отъ состоянія средствъ государственнаго казначейства. Окажутся эти средства, тогда и для Дальняго Востока начнутъ строить дредноуты.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что вопросъ возсозданія флота для всѣхъ трехъ нашихъ морей рѣшенъ морскимъ министерствомъ далеко не одинаково: для Дальняго Востока онъ, можно сказать, совсѣмъ не затронутъ, ибо все оставлено, на неопредѣленное время впередъ, въ томъ самомъ положеніи, къ какому привела насъ тамъ проигранная война; для Ближняго Востока этотъ вопросъ намѣченъ лишь въ принципѣ и поставленъ въ зависимость отъ вооруженія противниковъ и только для Балтійскаго моря онъ, какъ будто бы, рѣшенъ вполнѣ и въ окончательной формѣ. Но, несмотря на эту неодинаковую разработку, во всѣхъ трехъ министерскихъ рѣшеніяхъ есть одна, общая имъ всѣмъ, черта, до оцѣнки которой нельзя приступить вообще къ разсмотрѣнію программъ, въ какой бы степени законченности или незаконченности они не находились. Эта черта—отношеніе министерства къ вопросамъ минной и подводной обороны береговъ. Въ этомъ необходимо разобраться.

Въ Японскомъ морѣ, вѣрнѣе во Владивостокѣ, предположено сохранить то, что уже имѣется, т.-е. 2 крейсера, 18 миноносцевъ и 12 подводныхъ лодокъ. О крейсерахъ этихъ, «Аскольдѣ» и «Жемчугѣ», не стоитъ и говорить— боевая сила ихъ ничтожна, а готовность къ бою и еще того ниже: когда одинъ латаетъ свои котлы въ порту, то другой упорно стоитъ на рейдѣ, потому что не можетъ сняться

съ якоря изъ-за какихъ-нибудь другихъ неисправностей. Даже за нашимъ посланникомъ въ Японію сходить не могутъ, и тому приходится прибѣгать къ услугамъ частныхъ пароходовъ. Такимъ образомъ, единственными представителями нашей морской силы на Тихомъ Океанѣ являются миноносцы и подводныя лодки. Я знаю, существуетъ очень много людей, которые скажутъ: «И слава Богу, ибо это и есть настоящая, единственно для насъ необходимая оборона нашихъ береговъ».—Я съ ними совершенно согласенъ, но только для этого надо имѣть хорошіе миноносцы и хорошія подводныя лодки, а этого-то про нашу дальневосточную флотилію какъ разъ сказать и нельзя.

Миноносцевъ теперь во Владивостокѣ даже нѣсколько больше, чѣмъ предполагается имѣть, цѣлыхъ двадцать; изъ нихъ 9 миноносцевъ эскадренныхъ и 11 обыкновенныхъ. Но какіе это миноносцы? Водоизмѣщеніе ихъ пяти различныхъ величинъ—отъ 240 до 350 тоннъ, парадная скорость хода 25—26 узловъ, когда они были новенькіе, и артиллерійское вооруженіе—изъ одной 75-миллиметровой и отъ трехъ до пяти 47-миллиметровыхъ пушекъ,—то самое, которое вслѣдствіе его слабости было причиною гибели большинства нашихъ миноносцевъ въ Портъ-Артурѣ и которое теперь на новыхъ нашихъ миноносцахъ уже отнюдь не повторяется.

Подводныя лодки во Владивостокѣ представлены еще хуже, чѣмъ даже миноносцы. Всего ихъ, какъ и положено имѣть, двѣнадцать, но пяти разныхъ системъ и шести разныхъ водоизмѣщеній,—отъ 105 до 140 тоннъ. Всѣ онѣ теперь уже крайне устарѣлаго устройства и находятся, по словамъ, возвратившихся съ Дальняго Востока офицеровъ, въ состояніи крайней неисправности (говорятъ, разваливаются!?). Такой калѣчи нѣтъ ни въ Балтійскомъ, ни въ Черномъ моряхъ,—ясно, что на Дальній Востокъ сдано все, что не могло уже быть терпимо въ болѣе ближнихъ и видныхъ мѣстахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, рисуетъ нашу оборону тихоокеанскаго побережья въ ужасныхъ и возмутительныхъ чертахъ; и, что самое печальное и страшное, каждый изъ находящихся тамъ офицеровъ (а, можетъ быть, и нижнихъ чиновъ) вполнѣ понимаютъ и оцѣниваютъ это положеніе. Случись война,—что ихъ ожидаетъ? Гибель безъ всякой цѣли и пользы и новый позоръ, если не захотятъ поги-

бать. Нужно ли, въ виду всего этого, удивляться тѣмъ безобразнымъ эксцессамъ, которыми стала такъ богата жизнь личнаго состава нашей дальневосточной флотиліи теперь, именно послѣ войны,—всѣмъ этимъ исторіямъ съ сахаромъ, съ консервами, съ мундирами и т. п., въ которыхъ героями растратъ и подлоговъ являются уже не какіе-нибудь полуграмотные содержатели—шхипера, а цвѣтъ морского офицерства, избранный и призванный командовать тѣми 20—30 суденышками, на которыхъ зиждется вся наша тамошняя сила. Недавно, въ одной изъ моихъ статей, я указалъ на это явленіе, какъ на логическое слѣдствіе предшествовавшихъ порядковъ и какъ на страшную опасность для будущихъ судебъ нашего флота. И что же?—кто-то изъ чиновъ морского министерства счелъ своимъ долгомъ «опровергнуть» меня (*). Началъ онъ съ успокоенія публики: «всѣ виновники понесли уже заслуженную и достаточно суровую кару», а закончилъ тирадою: «случаи эти, конечно, прискорбны, но ни одинъ флотъ въ мірѣ невозможно гарантировать отъ того, чтобы въ среду его не проникли элементы нравственно неустойчивые». Я не знаю, можно ли представить себѣ что-нибудь безсовѣстнѣе этого отвѣта: неужели господинъ, написавшій его, не понимаетъ, что въ подобныхъ массовыхъ явленіяхъ вина «сурово наказанныхъ» офицеровъ неизмѣримо меньше вины оставшагося ненаказаннымъ ихъ начальства, создавшаго и допустившаго такія условія службы, при которыхъ эти явленія становятся возможными.

Изъ всего сказаннаго видно, что хотя морское министерство будто бы и обосновало оборону нашего Дальняго Востока исключительно на миноносцахъ и подводныхъ лодкахъ, но этотъ фактъ отнюдь не знаменуетъ собою поворота во взглядахъ министерства на значеніе этихъ факторовъ морской силы. Оно поступаетъ теперь такъ только потому, что у него пока нѣтъ ничего другого въ рукахъ, а уступить пять милліоновъ рублей, которые ему даютъ на содержаніе этой обороны, не хочется. Въ дѣйствительности же министерство по прежнему остается поклонникомъ исключительно линейно-броненоснаго флота, и если въ будущемъ заведутся у него лишнія деньги, то оно

*) См. «Новое Время» № 12696, статья «Отъ Морского Министерства».

откровенно обѣщаетъ строить для Дальняго Востока излюбленные дредноуты, а не миноносцы и подводныя лодки.

Точно такое же направленіе совершенно ясно обнаруживается въ судостроительныхъ программахъ и для другихъ двухъ нашихъ морей. Для Чернаго моря рѣшено, напримѣръ, построить 9 миноносцевъ и 6 подводныхъ лодокъ,—и это на 6 лѣтъ впередъ, а между тѣмъ одна только Австро-Венгрія еще въ прошломъ году начала строить въ Фіумѣ у Уайтхеда 18 подводныхъ лодокъ. Сколько же ихъ будетъ имѣть Турція и еще Румынія, явно тяготѣющая къ враждебной намъ коолиціи,—это никому пока неизвѣстно. Для Балтійскаго моря рѣшено построить, въ теченіе предстоящихъ 20 лѣтъ, 36 миноносцевъ и 12 подводныхъ лодокъ. Это какъ будто бы нѣсколько лучше чѣмъ для Чернаго моря, но если мы возьмемъ для сравненія наиболѣе вѣроятнаго тутъ нашего врага, Германію, то тамъ систематически, изъ года въ годъ, положено строить,—и строятъ,—по 12 эскадренныхъ миноносцевъ и по 12 подводныхъ лодокъ ежегодно (къ 1910 году ихъ было въ Германіи 18 и всѣ новѣйшей конструкціи). Говорить же о Франціи и Англіи, съ ихъ прямо таки грандіозными подводными флотами, полагаю, уже и не стоитъ,—это слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно.

И вотъ передъ нами теперь, какъ и прежде, стоитъ старый вопросъ: правильно ли поступаетъ морское министерство, основывающее весь свой расчетъ обороны нашихъ морскихъ границъ исключительно на силѣ линейныхъ броненосцевъ, при такомъ слабомъ развитіи подвижной минной обороны (миноносцами и подводными лодками), какого мы не встрѣчаемъ ни у одной другой морской державы? Вопросъ этотъ имѣетъ глубокое государственное значеніе и не можетъ не волновать не только военную среду, но и все наше общество вообще. Поэтому я хочу въ рядѣ послѣдующихъ очерковъ дать здѣсь по возможности весь, какой имѣется, матерьялъ, необходимый для его рѣшенія. Я знаю, что по этому вопросу уже очень и очень много писали и до меня, но при этомъ разсматривали его по преимуществу умозрительно и рѣшали при помощи теоретическихъ соображеній и построеній. Я совсѣмъ не хочу этимъ сказать, что всѣ они,

какъ таковые, недостаточно убѣдительны,—напротивъ, но полагаю, что факты и практическія, опытныя данныя будутъ болѣе внушительны и рѣшительны, когда дѣло идетъ объ особенно отвѣтственныхъ соображеніяхъ. Вотъ ихъ-то мы теперь и примѣнимъ для вывода всѣхъ основныхъ положеній. Прежде, еще очень недавно, это было невозможно за отсутствіемъ такихъ фактовъ и данныхъ, а теперь они накопились уже въ вполнѣ достаточномъ числѣ, не въ нашей, конечно, бѣдной, а въ обширной заграничной практикѣ.

I.

Мнѣнія, какія приходится слышать о подводныхъ лодкахъ и о ихъ боевомъ значеніи, до чрезвычайности различны, но я не встрѣтилъ до сихъ поръ ни одного офицера, который, прослуживъ на подводной лодкѣ достаточно долго и при возможно разнообразныхъ условіяхъ, не сдѣлался бы горячимъ поборникомъ и партизаномъ этого новаго оружія морской войны.

Въ настоящемъ очеркѣ я постараюсь представить читателю, что такое подводная лодка и что она можетъ сдѣлать, на основаніи различныхъ опытовъ, произведенныхъ съ ней, при обстановкѣ возможно близкой къ боевой.

Французы, какъ извѣстно, были первые, обратившіе серьезное и настойчивое вниманіе на подводное плаваніе; у нихъ же были составлены и первые чертежи подводныхъ лодокъ, дѣйствительно заслуживающихъ это названіе; у нихъ же были произведены и первые опыты—маневры съ этимъ новымъ оружіемъ. Имѣло это мѣсто въ 1902 году, и удивительные, для того конечно времени, результаты ихъ явились сигналомъ, по которому подводнымъ дѣломъ начали усиленно заниматься и другія страны, а въ самой Франціи вопросъ объ оборонѣ береговъ былъ тогда именно рѣшенъ въ томъ направленіи, какого она держится неизмѣнно и до сихъ поръ.

Въ серединѣ этого 1902 года, не считая строящихся и испытывающихся, французы имѣли 10 плавающихъ и совершенно готовыхъ къ бою подводныхъ лодокъ, расположенныхъ въ слѣдующихъ портахъ: въ Тулонѣ—двѣ sous-marins, «Gymnote» и «Gustave-Zédé» и въ Шербургѣ—три

sous-marins, «Morse», »Français» и «Algérien», и пять submersibles, «Narval», «Sirène», «Triton», «Espadon» и Silure». Разница между sous-marins и submersibles состоитъ въ томъ, что первыя имѣютъ форму сигары, или рыбы и очень малую плавучесть, а вторыя обладаютъ обводами и видомъ обыкновеннаго судна съ палубою и большею плавучестью; обращаются же онѣ въ sous-marins (т.-е. въ настоящія подводныя лодки) въ тотъ моментъ, когда это именно нужно, путемъ впуска воды въ пространство между двойнымъ бортомъ. Такое судно можетъ совершать большіе надводные переходы и вслѣдствіи этого submersibles являются не только средствомъ обороны своихъ береговъ, но средствомъ атаки береговъ, рейдовъ и гаваней противника. Идея эта принадлежитъ французскому инженеру A. M. Laubeuf (1899 годъ). Затѣмъ уже она была осуществлена въ Америкѣ (1902 г.) и оттуда перешла въ Англію, гдѣ теперь подводный флотъ строится исключительно наступательный. Эту же самую идею усвоили себѣ и итальянцы и нѣмцы (1905 годъ). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ называть подводныя лодки перваго типа (sous-marins)—оборонительными, и второго типа (submersibles)—наступательными.

Маневры 1902 года начались съ подготовительной тренировки подводныхъ лодокъ. Сначала онѣ сдѣлали пробѣгъ изъ Шербурга въ Гавръ и обратно—200 миль въ оба конца. Потомъ двѣ наступательныхъ лодки «Sirène» и «Narval» повторили этотъ пробѣгъ, но съ вечера, никѣмъ не замѣченныя остались около Гавра, провели ночь въ наблюденіяхъ за выходящими изъ порта судами, сумѣли отличить между ними, назначенный для маневра, буксирный пароходъ «Buffle» и произвели на него вполнѣ удачную атаку. На этомъ пароходѣ находился адмиралъ Фурнье—создатель французскаго подводного флота, и эта была первая подводная атака при условіяхъ близкихъ къ боевымъ, которую онъ видѣлъ.

Послѣ этого, четыре наступательныхъ лодки, «Sirène«, «Triton», «Espadon» и «Silure» совершили предпріятіе уже значительно болѣе трудное. При сильномъ Зюйдъ-Остѣ онѣ вышли изъ Шербурга для слѣдованіи въ Брестъ, находящійся въ разстояніи 210 миль. Дорогою вѣтеръ усилился до степени бури, развелъ волненіе до двухъ сажень

высотою и заставилъ лодки укрыться на полъ-пути въ маленькомъ порту—убѣжищѣ. Къ Бресту онѣ подошли на третій день вечеромъ при очень еще сильномъ вѣтрѣ, проникли незамѣченными на рейдъ и встали на якорь въ укрытой бухточкѣ. Утромъ рано онѣ атаковали непріятеля, взорвали (конечно условно) одинъ миноносецъ стоящій на якорѣ, одинъ крейсеръ на ходу и ушли обратно въ Шербургъ, куда прибыли безъ всякихъ приключеній и въ полной исправности.

Послѣ этого начались маневры и двѣ оборонительныя лодки, находящіяся въ Тулонѣ были отданы въ распоряженіе адмирала Жерве для организаціи обороны побережья. При атакѣ его непріятелемъ, лодка «Gymnote» взорвала броненосецъ «Jauréguiberry», а лодка «Gustave Zédé»—броненосецъ «Bouvet». Обѣ онѣ нанесли удары минами съ небольшихъ разстояній въ 150 сажень и ихъ подходъ къ непріятелю былъ совершенно для него неожиданенъ. Болѣе активному участію этихъ лодокъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ помѣшалъ ограниченный районъ ихъ плаванія.

Въ это время вторая дивизія Сѣверной Эскадры, сдѣлала попытку блокировать Шербургъ. Каждый изъ трехъ, назначенныхъ для этого, крейсеровъ занялъ свой секторъ и крейсировалъ въ немъ, мѣняя направленіе своего пути, изъ боязни подводныхъ лодокъ находящихся въ порту, черезъ каждыя пять минутъ. Утро прошло спокойно, но сейчасъ же послѣ полдня подводныя лодки подобрались къ крейсерамъ совершенно незамѣтно. Лодка «Morse» пустила свою мину съ разстоянія въ 300 сажень, а лодка «Français»—съ разстоянія въ 150 сажень. Одинъ крейсеръ признанъ былъ взорваннымъ и блокода была снята. Это имѣло мѣсто 12 сентября, а черезъ четыре дня былъ произведенъ маневръ совершенно обратнаго значенія; подводныя лодки блокировали Шербургъ, а находящіеся въ немъ три крейсера должны были прорвать эту блокаду. Подводныя лодки расположились по двѣ противъ каждаго изъ выходовъ Шербургскаго порта. Море было бурное, погода пасмурная. Крейсера сильно расчитывали на утомленіе команды подводныхъ лодокъ, проболтавшихся всю ночь на сильномъ волненіи въ душныхъ своихъ суденышкахъ съ наглухо закупоренными люками. Но эти расчеты не оправдались и едва крейсера, въ 6 часовъ утра, снялись съ якоря и показались изъ-за брекватера,

какъ были атакованы лодками и всѣ три погибли. Крейсеръ «Valmy» получилъ два удара минами, а остальные два— по одному удару. Лодка «Espadon» успѣла во время этой схватки выпустить двѣ мины и обѣ съ успѣхомъ.

На слѣдующій день, 17 сентября, задача для подводныхъ лодокъ снова была измѣнена. Съ моря пришла, съ цѣлью войти въ Шербургъ, первая дивизія Сѣверной эскадры въ составѣ двухъ броненосцевъ, одного крейсера и одного контръ-миноносца. Подводныя лодки должны были воспрепятствовать этому входу. Ихъ было только четыре. Эскадра сдѣлала большой крюкъ и прошла такъ, что лодки «Français» и «Silure» совсѣмъ не могли принять участія въ этомъ дѣлѣ, но за то другія двѣ лодки, «Narval» и «Sirène» оказались какъ разъ на ея пути. Выпустить мину съ успѣхомъ удалось только первой изъ этихъ лодокъ. Такимъ образомъ дивизія хотя и съ потерею одного броненосца, но свою задачу исполнила. Это упражненіе выяснило, что для защиты очень широкихъ и открытыхъ подступовъ четырехъ лодокъ мало, а надо ихъ имѣть, по крайней мѣрѣ, восемь.

На слѣдующій день вся Сѣверная эскадра въ полномъ своемъ составѣ предприняла бомбардированіе Шербурга. Броненосныя суда дѣйствовали артиллерійскимъ огнемъ по фортамъ и арсеналамъ, находясь въ кильватерной колоннѣ, а легкія суда тщательно слѣдили за появленіемъ подводныхъ лодокъ и бросались полнымъ ходомъ впередъ прямо на всякій подозрительный предметъ, который только могъ быть принятъ за перископъ лодки. Этимъ маневромъ они расчитывали напугать подводныя лодки, заставить ихъ уклоняться въ стороны и терять моменты, удобные для выпуска минъ. Въ бою участвовали всѣ 8 подводныхъ лодокъ, находившихся въ Шербургѣ. Для избѣжанія столкновеній съ бросавшимися на нихъ судами, лодки однако не сворачивали въ сторону, но ныряли глубже и проходили подъ килями крейсеровъ. Въ результатѣ, всѣ рѣшительно участвовавшія въ бомбардировкѣ суда Сѣверной эскадры получили по нѣсколько минныхъ ударовъ, а изъ лодокъ только одна, «Narval» была признана погибшей отъ столкновенія съ броненосцемъ «Formidable». Положительный и неопровержимый выводъ этого дня былъ тотъ, что восьми—девяти подводныхъ лодокъ, даже небольшого размѣра (150 тоннъ приблизительно) вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать бомбардированіе всякаго порта съ моря невозможнымъ.

Послѣ этого эскадра ушла за 60—70 миль отъ Шербурга на свою якорную стоянку въ порту St. Waast-la-Hougue, а для наблюденія за шербургскими подводными лодками оставила отрядъ изъ четырехъ контръ-миноносцевъ. Этотъ отрядъ долженъ былъ сигнализировать своей эскадрѣ о всякомъ движеніи подводныхъ лодокъ и не пропускать ихъ къ ней. Эскадра же, въ свою очередь, оберегалась сторожевыми судами. Понятно, что въ данномъ случаѣ, для дѣйствія при такихъ условіяхъ могли быть употреблены только наступательныя подводныя лодки и весь этотъ маневръ представлялъ собою ничто иное, какъ атаку французскими лодками англійскаго флота, находящагося у своихъ собственныхъ береговъ, въ своемъ порту.

Въ первый вечеръ пошли въ экспедицію «Narval» и «Espadon». Погода была пасмурная при довольно свѣжемъ бризѣ. Ни одинъ изъ сторожевыхъ контръ-миноносцевъ не замѣтилъ выхода подводныхъ лодокъ. Когда же послѣднія вышли изъ ихъ поля зрѣнія, то онѣ вынырнули на поверхность моря, пробѣжали полнымъ ходомъ въ надводномъ плаваніи 60 миль отдѣляющія ихъ отъ непріятельской эскадры и затѣмъ снова нырнули въ глубину. Непріятель стоялъ на якорѣ и цѣлую ночь провелъ въ непрерывной тревогѣ, стрѣляя не только по каждому дельфину, но даже и по каждому плывущему мимо полѣну. Благодаря этой бдительности подводныя лодки не пошли въ атаку сразу, а рѣшили выжидать благопріятныхъ моментовъ. Первая, въ 7 часовъ утра, «Narval» выпустила свою мину съ мягкимъ наконечникомъ, которая ударилась прямо по нормали въ бортъ непріятельскаго корабля, а потомъ и «Espadon» въ полдень взорвала послѣдовательно два непріятельскихъ судна. Назадъ въ Шербургъ, лодки пошли совсѣмъ открыто, днемъ, и были наказаны: онѣ шли надъ водою, были замѣчены контръ-миноносцами, которые бросились на нихъ въ атаку; «Narval» не успѣла уйти подъ воду и была уничтожена миноносцемъ. Необходимо отмѣтить, что на погруженіе этой лодки (первой по времени постройки) требовалось 15 минутъ времени, другая же лодка »Espadon» погружалась уже въ 8 минутъ, а теперь это время доведено уже до 5 минутъ.

На слѣдующую ночь въ атаку пошли двѣ другія лодки, «Silure» и «Triton». Погода была прекрасная, море совершенно гладкое, перископы подводныхъ лодокъ могли

быть замѣчены, казалось бы, издали. Тѣмъ не менѣе, суда Сѣверной эскадры не рискнули уже оставаться на якорѣ, и подводныя лодки застали ихъ на ходу. «Triton» былъ замѣченъ непріятелемъ и атака его не удалась, но зато «Silure», пользуясь тѣмъ, что все вниманіе врага обращено было на его попавшагося товарища, успѣлъ взорвать два непріятельскихъ корабля. Назадъ, въ Шербургъ, обѣ лодки возвратились совершенно благополучно, одинаково незамѣченныя сторожевыми контръ-миноносцами, какъ при выходѣ ихъ изъ Шербургскаго порта, такъ и при возвращеніи въ него.

Послѣ этого положительнаго и неоспоримаго торжества подводныхъ лодокъ надъ надводными флотами, маневры закончились прорывомъ Сѣверной эскадры черезъ проливъ такой же ширины и длины, какъ Па-де-Кале между банками Varne и Colbart и ближайшимъ англійскимъ берегомъ. На защиту этого прохода было поставлено только четыре подводныхъ лодки, двѣ оборонительныхъ и двѣ наступательныхъ. Онѣ должны были находится въ надводномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не увидятъ приближающуюся эскадру и тогда—погружаться и атаковать. Море было очень бурное, высота волнъ до 10 футъ, лодки оборонительнаго типа не могли выдержать качки и, изъ боязни что жидкость выльется изъ аккумуляторовъ, вышли изъ строя. Наступательныя лодки, «Sirène» и «Espadon» ничего подобнаго не чувствовали и остались на своихъ позиціяхъ. Но ихъ было только двѣ. Непріятельская эскадра шла со скоростью 16 узловъ (считая и попутную скорость отлива). Контръ-миноносцы рыскали впереди эскадры со скоростью 20 узловъ для расчистки дороги. Эскадра придержалась одного изъ краевъ прохода и счастлива избѣжала встрѣчи съ «Espadon», оказавшейся далеко отъ ея пути, но зато наткнулась на «Sirène», которая и взорвала одинъ броненосецъ.

Въ этомъ маневрѣ все было противъ подводныхъ лодокъ, бурное состояніе моря, трудность наблюденій при высокой волнѣ, большая, въ 8 миль ширина прохода, который приходилось оберегать и, самое главное, малое число самихъ лодокъ—только двѣ. И несмотря на все это, лодки сдѣлали свое дѣло. Если бы ихъ было шесть, или восемь,—немногіе бы изъ эскадры дошли до выхода изъ этого дефиле.

На этомъ маневры закончились. Въ англійской прессѣ

они вызвали цѣлую бурю, которая быстро перешла въ усиленную работу и въ созданіе собственнаго, могущественного подводного флота. Въ Америкѣ, въ Германіи и въ Италіи эти маневры тоже заставили обратить вниманіе на новое, оказавшееся такимъ страшнымъ, оружіе морской войны и не теперь, а уже давно, каждая изъ этихъ странъ выработала для себя наиболѣе подходящіе типы подводныхъ лодокъ и давно уже всѣ онѣ строятъ ихъ для себя въ большомъ числѣ. И только у насъ на это новое движеніе посмотрѣли съ обычною нашею преступною манерою: выждемъ, да присмотримся а когда понадобится то сами лучше всѣхъ придумаемъ. Да такъ вотъ до сихъ поръ ничего путнаго и не придумали. А представьте себѣ, что у насъ, въ Портъ-Артурѣ были бы подводныя лодки наступательнаго типа. Представьте себѣ, что онѣ каждый вечеръ выходили бы въ море, несмотря ни на какую тѣсную блокаду этого порта японскими надводными судами. Представьте себѣ еще, что эти лодки каждую ночь тревожили бы и подрывали японскіе корабли на ихъ якорной стоянкѣ у острововъ Эліота совершенно такъ же, какъ это дѣлали Шербургскія наступательныя лодки съ Сѣверною эскадрою на рейдѣ St. Waast... Но у насъ никакихъ подводныхъ лодокъ тогда еще не было.

Мы ихъ начали пріобрѣтать только во время войны— перекрестились, когда грянулъ громъ, но и то какъ-то особенно, по-своему. Передъ этимъ, какъ разъ, временемъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, только что были закончены конкурсныя испытанія подводныхъ лодокъ. Участвовали въ конкурсѣ двѣ лодки, «Фультонъ» системы Голланда и «Протекторъ» системы Лэка. Первая изъ нихъ была одобрена американскимъ правительствомъ (это прототипъ всѣхъ американскихъ, англійскихъ и японскихъ лодокъ) а вторая—по всѣмъ почти статьямъ конкурсныхъ заданій, забракована. Ходъ подъ водою, напримѣръ, у нея получился всего лишь $3^1/_2$ узла. Какъ только началась война, нашъ морской агентъ въ Америкѣ телеграфировалъ морскому министру (тогда былъ адм. Авеланъ) предложеніе купить у Голланда его «Фультонъ» за 650.000 рублей съ требованіемъ немедленнаго рѣшенія. Но агентъ этотъ должно быть не зналъ, что компанія Голланда имѣла уже въ Петербургѣ своего представителя (Невскій судостроительный заводъ)

и черезъ него предложила продать «Фультонъ» за 500.000 рублей и даже съ доставкою въ Россію (во время войны). Министръ былъ такъ этимъ пораженъ, что приказалъ запросить, не существуетъ ли въ АмерикѢ двухъ Фультоновъ на разную цѢну? Вотъ при какихъ, нѢсколько странныхъ обстоятельствахъ была пріобрѢтена нашимъ морскимъ министерствомъ первая подводная лодка. Второю же—я боюсь, что мнѢ не повѢрятъ—былъ купленъ при участіи того же агента, забракованный американцами «Протекторъ» за 650.000 рублей (настойчивый, видимо, агентъ) и сейчасъ же, по этому образцу было заказано Лэку еще пять такихъ же лодокъ. ОнѢ были по частямъ доставлены въ Либаву и тамъ собирались. Какъ велась эта работа и съ какими дефектами эти лодки были приняты въ казну, разсказано въ первомъ выпускѢ «Великой Россіи» въ статьѢ кап. 2 ранга Н. Л. Кржыжановскаго и поэтому повторять этого здѢсь я не буду, но отмѢчу, что за эту статью ея авторъ уволенъ морскимъ министерствомъ въ отставку безъ прошенія. Лодки же Лэка, всѢ шесть, находятся во ВладивостокѢ — подальше отъ пытливыхъ глазъ.

Англичане, какъ уже сказано, отнеслись къ новому оружію совсѢмъ не по-нашему и въ 1904 году, когда мы въ Портъ-АртурѢ такъ нуждались въ подводныхъ лодкахъ и не имѢли ихъ, англичане устроили у себя уже первые съ ними маневры.

Къ сожалѢнію, первыя лодки, построенныя англичанами, были оборонительныя и, въ соотвѢтствіи съ этимъ, ихъ роль оказалась ограниченною въ той же самой мѢрѢ, какъ это было и во Франціи съ лодками этого типа. Искать непріятеля и тревожить его въ его собственныхъ портахъ, какъ то дѢлали французскія наступательныя лодки, онѢ не могли, но когда непріятель появлялся въ предѢлахъ оберегаемыхъ ими пространствъ, онъ несъ отъ нихъ очень серьезныя потери. Такихъ случаевъ было два. Въ первомъ изъ нихъ, отрядъ изъ трехъ броненосцевъ и одного броненоснаго крейсера задумалъ ворваться на Спитхедскій рейдъ; на него бросилось четыре дестройера и четыре подводныхъ лодки. Попытка дестройеровъ (дѢло было днемъ) оказалась неудачною, но пока непріятель справлялся съ ними, каждая изъ четырехъ лодокъ подобралась къ одному изъ противниковъ и всѢ четыре корабля были взорваны.

Въ другомъ случаѣ непріятель попробовалъ заблокировать при помощи контръ-миноносцевъ гавань Мильфордъ, гдѣ находилось пять подводныхъ лодокъ. На слѣдующую же ночь три контръ-миноносца были ими взорваны Послѣ этого, уже днемъ, неизвѣстно для какой цѣли лодки вышли въ море въ надводномъ положеніи и были атакованы миноносцами; двѣ изъ нихъ не успѣли нырнуть подъ воду и были уничтожены. Продолжительность погруженія этихъ лодокъ, какъ и первыхъ французскихъ, была очень большая,—12 минутъ, а скорость хода 7 узловъ,—очень малая. Послѣ этихъ маневровъ англичане дѣятельно принялись за разработку болѣе активныхъ подводныхъ лодокъ и, какъ извѣстно, въ настоящее время имѣютъ наступательныя лодки безразлично, какъ для обороны собственныхъ береговъ, такъ и для дѣйствій у береговъ противника. Къ слѣдующимъ большимъ маневрамъ, въ 1908 году, англичане имѣли уже 27 лодокъ значительно увеличеннаго, противъ 1904 года, размѣра. Разыгрались эти маневры очень комично: непріятельскій адмиралъ все время заботился исключительно о томъ, чтобы не встрѣтиться съ подводными лодками и къ объекту своихъ дѣйствій, т.-е. къ англійскому берегу, поэтому не подходилъ и проигралъ кампанію.

Послѣ этого въ Англіи много еще разъ производились маневры и даже въ поразительно грандіозныхъ размѣрахъ, но данныя о нихъ и, главнымъ образомъ, о дѣйствіи подводныхъ лодокъ въ печать уже не проникали и сохраняются въ очень строгомъ секретѣ. Англичане поняли, что имъ увлекать своими успѣхами другія государства на постройку подводныхъ флотовъ совсѣмъ не съ руки, иначе ихъ собственному надводному флоту придетъ конецъ.

Замѣчательно, что естественные враги англичанъ—нѣмцы, стремительно создающіе свой надводный флотъ, въ отношеніи подводныхъ лодокъ приняли (самостоятельно, или изъ подражанія—не знаю) подобную же систему: долгое время дѣлали видъ, какъ будто бы подводное плаваніе ихъ совершенно не интересуетъ. Теперь же оказывается, что они тщательно вырабатывали свой типъ лодки на двухъ образцахъ и когда получили опредѣленные результаты, то безъ всякаго шума принялись за строительство: въ 1908 году шесть лодокъ, въ 1909—двѣнадцать и т. д. по двѣнадцати, затрачивая на это дѣло по 15—20 милліоновъ марокъ еже-

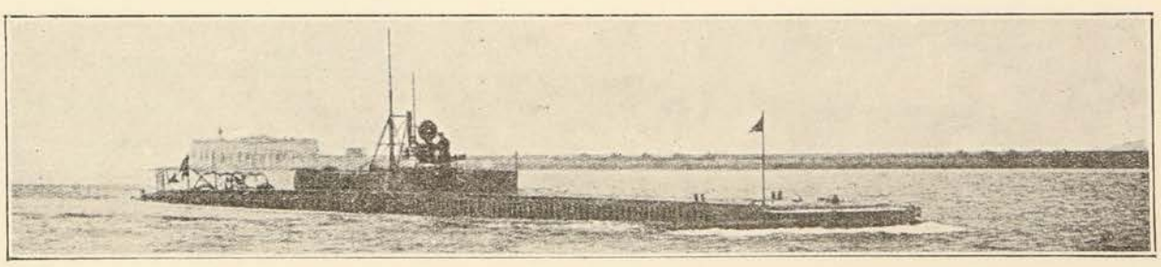
годно. Въ прошломъ 1910 году лѣтомъ я провелъ нѣкоторое время въ Килѣ и былъ пораженъ, какъ числомъ подводныхъ лодокъ, такъ и тою настойчивостью съ какою онѣ тренировались въ плаваніи, погруженіи и стрѣльбѣ минами. Сосчитать ихъ было невозможно, но ихъ характерные силуэты то и дѣло появлялись на поверхности обширнаго рейда, въ различныхъ мѣстахъ сразу.

Теперь нѣмцы разсуждаютъ такъ: если имъ придется воевать съ Англичанами, то они своего линейнаго флота сразу противъ нихъ не выпустятъ. Сначала, говорятъ они, у береговъ Англіи, въ ея гаваняхъ, на ея рейдахъ, даже въ глубинѣ ея рѣкъ, служащихъ убѣжищемъ для ея кораблей, раздадутся неожиданные и страшные взрывы, которые уничтожатъ не только ея корабли, но и все то, что служитъ для ихъ исправленія, разрушатъ затворы (ботапорты) сухихъ доковъ, затопятъ звенья доковъ плавучихъ, уничтожатъ плавучіе краны... и только послѣ этого нѣмецкій надводный флотъ двинется къ беззащитнымъ берегамъ своего врага. Само собою разумѣется, что и англичане, въ свою очередь, могутъ точно такъ же (иначе—для чего бы они строили исключительно наступательныя лодки?) уничтожить германскій флотъ въ его убѣжищахъ, но если дѣйствительно таковы именно взаимные расчеты обѣихъ сторонъ, то естественно является вопросъ: для чего же онѣ тогда тратятъ и время и деньги на постройку своихъ надводныхъ флотовъ?

Теперь мы перейдемъ къ наиболѣе рѣшительному моменту въ исторіи подводныхъ лодокъ, а именно къ французскимъ маневрамъ 1909 года. На нихъ, въ виду ихъ большого значенія, слѣдуетъ остановиться съ возможною подробностью. Къ этому времени у французовъ только что закончилась постройка двухъ новыхъ типовъ подводныхъ лодокъ, спроектированныхъ на основаніи опыта маневровъ 1902 года. Это были оборонительныя лодки типа «Emeraude» (6 лодокъ) и наступательныя—типа «Pluviôse» (18 лодокъ, По сравненію съ ихъ прототипами, у нихъ было значительно, въ два слишкомъ раза, увеличено водоизмѣщеніе, увеличена скорость хода и районъ дѣйствія и очень улучшены жизненныя удобства для ихъ командъ. Данныя объ этихъ двухъ новыхъ типовъ приведены въ слѣдующей таблицѣ:

Оборонительная лодка „Emeraud“.

Наступательная лодка „Pluviôse“.

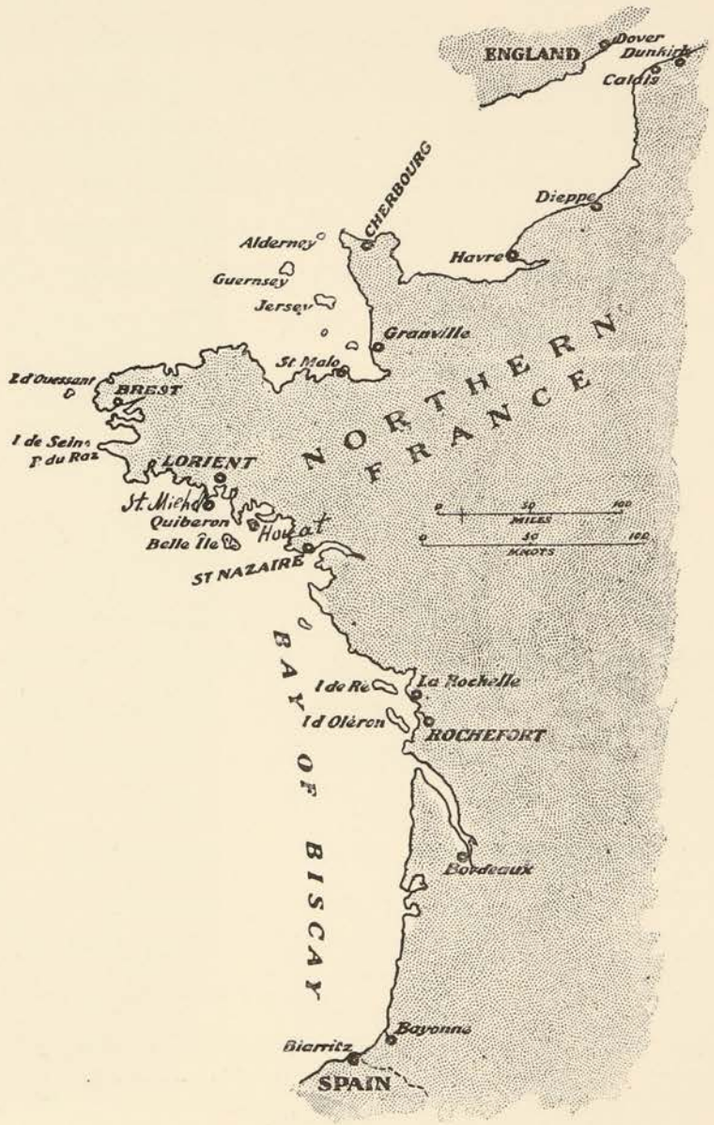
Элементы лодокъ.	Оборонительныхъ.	Наступательныхъ.
Водоизмѣщеніе въ надводномъ плаваніи.	392 тоннъ	400 тоннъ
Водоизмѣщеніе въ подводномъ плаваніи.	426 тоннъ	550 тоннъ
Запасъ плавучести. . . .	8 %	27½ %
Длина	147 футъ	167⅔ футъ
Ширина	13 »	10¼ »
Углубленіе при надводномъ плаваніи	12 »	10¼ »
Сила машины	600 силъ	700 силъ
Скорость хода надъ водою.	12 узл.	12 узл.
Скорость хода подъ водою.	8 узл.	9 узл.
Скорость погруженія . . .	5—5½ мин.	4—4½ мин.
Радіусъ дѣйствія.	1000 миль	2000 миль
Число команды	21 чел.	24 чел.
Число минныхъ аппаратовъ.	4 внутрен.	6 наружн.
Авторъ проекта	M. Maugas	A. Laubeuf.
Стоимость.	640.000 руб.	640.000 руб.

Для маневровъ было взято, такъ же, какъ и въ 1902 году, только четыре лодки: оборонительныя—Emeraude» и «Opale» и наступательныя—«Pluviôse» и «Ventôse». Въ качествѣ конвоира и плавучей базы при нихъ состоялъ старый броненосецъ береговой обороны «Valmy», а развѣдчикомъ—эскадренный миноносецъ «Durandal» въ 300 тоннъ водоизмѣщенія и съ 26 узловою скоростью хода. Отсюда видно, что подводныя лодки были поставлены въ условія чрезвычайно неблагопріятныя: во-первыхъ, ихъ было мало, отъ двухъ до трехъ разъ меньше, чѣмъ это необходимо, какъ то показали маневры 1902 года, для выполненія различныхъ предпріятій; во-вторыхъ, онѣ составляли не однотипный отрядъ, какъ то требуется азбукою тактики, а двутипный и двѣ изъ этихъ лодокъ, оборонительныя, были настолько неудовлетворительны, что ихъ, еще до этихъ маневровъ, рѣшено было уже больше не строить; въ-третьихъ, въ качествѣ развѣдчика при лодкахъ состоялъ миноносецъ меньше ихъ самихъ по водоизмѣщенію, а слѣдовательно, почти съ такимъ же, какъ сами лодки, ограниченнымъ радіусомъ зрѣнія—должной отъ него пользы быть не могло.

Этою манерою, ставить свои подводныя лодки на маневрахъ въ исключительно невыгодныя положенія, французское морское министерство всегда отличалось и отличается теперь, напримѣръ, отъ англійскаго. Въ Англіи, каковы бы не были задачи маневровъ, подводныя лодки всегда дѣйствуютъ совокупно съ своимъ линейнымъ флотомъ, въ полномъ составѣ судовъ различнаго назначенія, т.-е. такъ, какъ это будетъ имѣть мѣсто и въ дѣйствительности. Французы же заставляютъ свои подводныя лодки выполнять задачи совершенно самостоятельно, внѣ связи съ своимъ линейнымъ флотомъ, т.-е. при такихъ условіяхъ, какія въ военное время могутъ встрѣтиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда линейный флотъ, напримѣръ, уже уничтоженъ, или же отступилъ передъ врагомъ. Таково именно и было заданіе маневровъ 1909 года, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступимъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ то время, когда описаніемъ этихъ маневровъ были переполнены за границею, не только спеціальные, но и обыкновенные журналы и газеты, нашъ единственный военно-морской органъ помѣстилъ у себя о нихъ лишь небольшія, безцвѣтныя и сильно искаженныя двѣ-три замѣточки въ хроникѣ. Условія, обезпечивающія полученіе субсидіи должно быть больше вѣсятъ, чѣмъ потребность въ нелецепріятномъ освѣщеніи вопросовъ государственной обороны.

II.

Къ концу апрѣля 1909 года непріятельская армія, вторгнувшаяся во Францію черезъ Бельгію, наводнила весь ея сѣверъ. Все побережье отъ Дюнкирхена до Гранвиля было уже въ рукахъ непріятеля. Линейный французскій флотъ, опасаясь быть запертымъ съ двухъ сторонъ въ Ла-Маншѣ, совершенно его очистилъ, перешелъ на западное побережье Франціи и, постепенно отступая къ югу передъ превосходными силами противника, шелъ на соединеніе со своею эскадрою Средиземнаго моря. Ближайшія намѣренія непріятеля въ Ла-Маншѣ были совершенно ясны: захватить хорошо оборудованный портъ, устроить въ немъ стоянку для части своего флота и тѣмъ самымъ прикрыть отъ всякихъ неожиданностей морской путь сообщенія со

ENGLAND
Dover
Dunkirk
Calais
CHERBOURG
Dieppe
Alderney
Havre
Guernsey
Jersey
Granville
St Malo
I d'Ouessant
BREST
I de Sein
P du Raz
LORIENT
St Michel
Quiberon
Belle Île
Hoëdic
St NAZAIRE
NORTHERN FRANCE
0 30 100
MILES
0 50 100
KNOTS
BAY OF BISCAY
I de Ré
La Rochelle
I d'Oléron
ROCHEFORT
Bordeaux
Biarritz
Bayonne
SPAIN

своею арміею, налаженный уже чрезъ французскіе порты въ восточной половинѣ Ла-Манша. Такимъ портомъ несомнѣнно являлся Шербургъ, отрѣзанный уже съ сухаго пути отъ всей остальной Франціи и ожидающій, со дня на день, появленія врага и съ моря. Единственнымъ его защитникомъ съ этой стороны былъ небольшой отрядъ изъ четырехъ подводныхъ лодокъ съ однимъ миноносцемъ для развѣдокъ и старымъ броненосцемъ, какъ плавучею базою. Оставленъ былъ этотъ отрядъ въ Шербургѣ прямо, что называется, съ горя: линейный флотъ уже ни на что хорошее рѣшительно не могъ тутъ расчитывать, а подводныя лодки могли, вдругъ, что нибудь и сдѣлать. Такъ разсудили высшіе адмиралтейскіе чины, которые въ мирное время были ярыми противниками этихъ невзрачныхъ суденышекъ, на которыхъ ихъ сыновьямъ и внукамъ такъ опасно плавать...

Второго мая 1909 года непріятельская эскадра изъ 9 вымпеловъ заняла Дюнкирхенъ, стала на его рейдѣ на якорь и начала грузиться углемъ.

Третьяго мая объ этомъ стало извѣстно въ Шербургѣ. Эта эскадра могла идти, или въ Атлантическій океанъ на усиленіе своего флота, или же—для дѣйствія противъ самого Шербурга совмѣстно съ сухопутными войсками. Въ обоихъ случаяхъ надо было этому помѣшать или, по крайней мѣрѣ, обезсилить врага. Сдѣлать же это, такому малочисленному отряду, какъ Шербургскій можно только въ какомъ-нибудь узкомъ проходѣ и поэтому онъ рѣшилъ сейчасъ же идти къ самому Дюнкирхену и попробовать напасть на врага при его входѣ въ Па-де-Кале.

Въ тотъ же день четыре подводныя лодки, въ сопровожденіи своей плавучей базы и развѣдчика вышли изъ Шербурга и въ три часа утра 5 мая заняли уже позицію и приготовились къ бою. Оборонительныя лодки «Emeraud» и «Opale» притаились у англійскаго берега, а наступательныя—у французскаго: «Ventôse» между банками на меридіанѣ Кале, и «Pluviôse» немного западнѣе ея, у Gris-Nez.. Миноносецъ-развѣдчикъ пошелъ впередъ и скоро принесъ извѣстіе: непріятельская эскадра состоитъ изъ двухъ крупныхъ броненосныхъ крейсеровъ, 10—12 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, одного вспомогательнаго крейсера и шести контръ-миноносцевъ; изъ Дюнкирхена (15 миль отъ Кале) они выйдутъ не ранѣе, какъ черезъ 5 часовъ. Ожи-

дать приходилось долго. Обойдя съ этимъ извѣстіемъ всѣ четыре лодки, развѣдчикъ ушелъ назадъ къ Шербургу. За нимъ послѣдовалъ и броненосецъ—база. Лодки остались однѣ и погрузились въ воду. Состояніе моря было бурное, погода пасмурная, горизонтъ неясный, такъ что въ разстояніи трехъ миль ничего не было уже видно.

Внезапно въ полѣ зрѣнія перископа лодки «Ventôse» появился крейсеръ, охраняемый съ боковъ двумя контръ-миноносцами. Лодка бросилась въ атаку, нырнула подъ охранный миноносецъ, ударила крейсеръ миною съ разстоянія въ 100 сажень, всплыла на поверхность моря и увидала свою страшную ошибку: она поразила не врага, а англійскій крейсеръ, который почему-то оказался какъ бы головнымъ кораблемъ непріятельской эскадры, всѣ три крейсера которой шли сзади его въ кильватерной колоннѣ. Была ли это случайность, или же, не совсѣмъ рыцарская, военная хитрость, но изъ-за англійскаго крейсера выскочило два, уже непріятельскихъ контръ-миноносца и открыли по подводной лодкѣ огонь такъ быстро, что прежде чѣмъ она успѣла нырнуть въ глубину, объ ея палубу щелкнулось нѣсколько небольшихъ снарядовъ, заставившихъ лодку прекратить на этотъ день дальнѣйшія атаки *).

Оказалось, что непріятельская эскадра, выйдя изъ Дюнкирхена, придержалась французскаго берега и встрѣча съ «Ventôse», такъ близко отъ якорной стоянки эскадры, была для послѣдней совершенно неожиданна. Послѣ этого, непріятель сдѣлался чрезвычайно остороженъ и выслалъ впередъ себя всѣ свои шесть контръ-миноносцевъ. Они развернутымъ строемъ прошли весь проливъ и ничего опаснаго больше не замѣтили. Тогда эскадра, по прежнему, въ кильватерной колоннѣ и полномъ ходомъ двинулась въ дальнѣйшій путь, а контръ-миноносцы образовали предохранительную завѣсу по ея сторонамъ. Въ три часа дня эскадра подошла къ Gris-Nez и тутъ «Pluviôse» сначала ударилъ миною головной броненосный крейсеръ съ разстоянія въ 125 сажень, и затѣмъ сейчасъ же, изъ другого аппарата выпустилъ мину и по вспомогательному крейсеру, шедшему концевымъ, съ разстоянія въ 200 сажень. Двѣ другихъ лодки, «Emeraude» и «Opale» оказались далеко

*) Понимать это, конечно, надо такъ: арбитры признали, что въ подводную лодку могло попасть нѣсколько мало опасныхъ для нея снарядовъ.

отъ пути непріятеля и въ атаку не ходили. Непріятель же, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ идти залѣчивать полученныя имъ раны и врядъ ли могъ сейчасъ исполнить то, что было ему поручено.

Тѣмъ не менѣе участь Шербурга считалась уже рѣшенною и стоять на его рейдѣ, подъ выстрѣлами вражескихъ осадныхъ орудій, значило повторять Портъ-Артуръ. Кромѣ же того непріятельскій флотъ сталъ явно угрожать Лоріану (Lorient)—порту въ Атлантическомъ океанѣ, представляющему собою вполнѣ устроенную базу для подводныхъ лодокъ, но въ которомъ тоже уже не оставалось ни одного военнаго французскаго судна. Поэтому нашему отряду рѣшено было за лучшее идти именно туда. Вышли всѣ четыре лодки изъ Шербурга въ сопровожденіи опять таки «Valmy» и «Durandal», 10 мая и въ Лоріанъ пришли 11 мая, сдѣлавъ весь переходъ въ 300 миль при свѣжемъ западномъ бризѣ. Дорогою на лодкѣ «Opale» случилась поломка въ машинѣ. Очень скоро послѣ этого Шербургъ былъ занятъ непріятелемъ, а 21 мая начались военныя дѣйствія съ моря и противъ Лоріана.

Наканунѣ этого дня, въ 10 часовъ вечера, непріятельская эскадра безъ огней *) пришла съ моря на рейдъ Круазикъ къ югу отъ Лоріана и стала тамъ на якорь.

21 мая, въ 5 часовъ утра, эскадра снялась съ якоря и пошла вокругъ острова Belle Ile. Подводныя лодки, извѣщенныя объ этомъ, тоже вышли въ море и заняли позицію подъ батареями Киберона (Quiberon) напротивъ того же острова.

Эскадра, предшествуемая шестью контръ-миноносцами, рыскающими передъ нею и очищающими дорогу, появилась къ сѣверо-западу отъ Belle Ile и начала бомбардировку Киберона. Подводныя лодки приблизились совершенно незамѣченными къ непріятелю и два корабля одинъ за другимъ были выведены ими изъ строя. Тѣмъ не менѣе бомбардировка закончилась полнымъ успѣхомъ. Батареи были сильно повреждены и замолчали. Непріятель направился въ бухту Киберонъ, чтобы окончить ихъ разрушеніе. Во время выполненія этого маневра, подводными лодками былъ взорванъ третій корабль. Было еще только 11 часовъ утра, но непрі-

*) Т.-е. тайкомъ, такъ чтобы никто не могъ замѣтить ея прихода.

ятельская эскадра поспѣшно стала на якорь, тутъ же въ бухтѣ сзади острова Уатъ (Houat), и сейчасъ же окружила себя плавучими бонами, чтобы предохраниться отъ дальнѣйшихъ атакъ своихъ невидимыхъ враговъ.

Въ этотъ же вечеръ случилось на «Opale» поврежденіе одной изъ его машинъ и онъ принужденъ былъ вернуться въ Лоріанъ. Эта лодка уже больше не принимала никакого участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ съ непріятелемъ.

22 мая. Непріятель выслалъ на развѣдки шесть контръ-миноносцевъ. Одинъ изъ нихъ подалъ сигналъ о приближеніи подводной лодки, но она нырнула такъ скоро, что онъ не успѣлъ открыть по ней огонь. Это была «Ventôse». Она забралась въ самую бухту Киберонъ, пошла въ атаку и погнула свой перископъ о плавучее загражденіе. Командиръ ея однако не смутился, не всплылъ на поверхность, иначе былъ бы захваченъ въ плѣнъ, а отошелъ подъ водою какъ можно дальше, всплылъ на поверхность около берега и исправилъ поврежденіе своими средствами.

Въ это самое время одинъ изъ непріятельскихъ крейсеровъ въ сопровожденіи двухъ контръ-миноносцевъ выходилъ на рекогносцировку къ Лоріану, но сильный туманъ заставилъ его вернуться на якорную стоянку.

Во второмъ часу дня непріятельскіе крейсера опять подходили ко входу въ Лоріанскій портъ и одинъ изъ нихъ получилъ ударъ миною съ подводной лодки, которая притаилась сзади острова св. Михаила, расположеннаго противъ входа въ портъ. Кромѣ того, во время этой рекогносцировки, одинъ изъ контръ-миноносцевъ поломалъ свой руль. Непріятель вечеромъ вернулся на свою якорную стоянку за островомъ Уатъ, которую съ этого момента и избралъ своею временною базою для дѣйствія противъ Лоріана. Всѣ свои контръ-миноносцы непріятель росписалъ для постоянной охраны обоихъ подходовъ къ эскадрѣ, образуемыхъ берегами бухты и островомъ, а такъ же и для наблюденія за выходомъ подводныхъ лодокъ изъ Лоріана. Эта служба страшно утомляла людей, несмотря на хорошую погоду, которая держалась все это время.

23 мая. Одинъ непріятельскій вспомогательный крейсеръ подъ охраною двухъ контръ-миноносцевъ ходилъ на югъ за провизіею. Остальныя суда стояли на якорѣ за своими загражденіями.

Контръ-миноносцы наблюдающіе за входомъ въ Лоріанъ сигналили о выходѣ подводныхъ лодокъ въ море, но атакъ не было. Стоялъ сильный туманъ.

24 мая. Непріятельская эскадра, черезъ проходъ между Belle Ile и берегомъ вышла на видъ батарей Лоріана и вступила съ ними въ состязаніе. Одинъ изъ кораблей получилъ поврежденіе и не могъ управляться. Другой корабль сталъ брать его на буксиръ, чтобы вывести изъ-подъ огня укрѣпленій и въ это время получилъ ударъ миною съ подводной лодки. Послѣ этого эскадра ушла въ море, а когда стемнѣло, въ 10 часовъ вечера вернулась безъ огней и осторожно, ни кѣмъ не замѣченная, стала на якорь за однимъ изъ острововъ, de Croix, батарея котораго была особенно ей непріятна.

25 мая. Еще до разсвѣта непріятель сбросилъ на этотъ островъ десантъ, уничтожилъ семафоръ на его юго-западной оконечности, открылъ огонь по батареямъ, взялъ ихъ совокупными усиліями судовой артиллеріи и десанта и разрушилъ взрывами минъ, заложенныхъ судовыми минерами. Затѣмъ эскадра быстро ушла къ югу, соединилась около Круазика съ присланнымъ ей подкрѣпленіемъ изъ четырехъ судовъ и пошла на свою якорную стоянку въ бухту за островомъ Уатъ, но тутъ ее ждалъ очень непріятный сюрпризъ: около самаго входа въ отгороженное защитными бонами пространство залегли подводныя лодки, проникшія туда, несмотря на охрану обоихъ входовъ контръ-миноносцами. Три корабля были взорваны. На якорь непріятельская эскадра стала только послѣ 7 часовъ вечера. На соединеніе съ нею пришелъ съ моря еще одинъ броненосный крейсеръ, который, проходя мимо Лоріана, обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами съ батареями у его входа.

26 мая. Утромъ, при постепенно крѣпчающемъ вѣтрѣ, непріятельскія броненосныя суда, раздѣленныя по двѣ дивизіи, снялись съ якоря и пошли въ море, но сейчасъ же за воротами своего боннаго загражденія они были встрѣчены подводною лодкою, которая и взорвала одинъ изъ броненосцевъ. Это была «Pluviôse». Пользуясь суматохою, это суденышко, послѣ удачнаго выстрѣла не пошло назадъ, а проникло незамѣтно во внутрь боннаго загражденія, оставаясь погруженнымъ въ воду и взорвала тамъ новый, только что наканунѣ пришедшій броненосный крейсеръ. Непріятель-

ская же эскадра послѣ этого покинула эту свою якорную стоянку, какъ потомъ оказалось, навсегда, и перешла къ югу въ значительно болѣе отдаленную и спокойную бухту Port-Haliguen, гдѣ и стала на якорь. Вслѣдствіе неимѣнія тамъ боннаго загражденія, контръ-миноносцы постоянно ходили вокругъ эскадры и, такимъ способомъ, оберегали ее.

27 мая. Броненосные крейсера въ полномъ составѣ, съ утра обстрѣливали фортъ Киберонъ, причемъ одинъ изъ вспомогательныхъ крейсеровъ сбоку наблюдалъ паденіе снарядовъ и сигналилъ перелеты и недолеты. Послѣ этого непріятель уничтожилъ желѣзную дорогу на перешейкѣ, соединяющемъ этотъ фортъ съ материкомъ и Лоріаномъ. Далѣе артиллерійскій огонь былъ прекращенъ и свезенный на берегъ десантъ докончилъ разрушеніе.

Послѣ полудня одна изъ непріятельскихъ дивизій занималась перевозкою плавучаго загражденія изъ бухты Киберонъ въ Port-Haliguen, а другая дивизія ставила это загражденіе къ западу и юго-западу отъ мѣста своей якорной стоянки въ этой бухтѣ. Во время этой послѣдней работы, одна подводная лодка подобралась къ судамъ второй дивизіи и взорвала одинъ броненосный и одинъ вспомогательный крейсеръ.

28 мая. Броненосный крейсеръ, сопровождаемый контръминоносцами отыскалъ и перерѣзалъ кабель подводнаго телеграфа, соединяющій Belle-Ile съ материкомъ, а вспомогательный крейсеръ, въ то же самое время уничтожилъ семафорную станцію. Эта работа была закончена безъ приключеній, такъ какъ крейсеръ находился въ районѣ обслуживаемомъ подводною лодкою «Opale», которая, какъ мы знаемъ, была въ неисправномъ состояніи. Когда же крейсеръ, возвращаясь съ работы, вступилъ въ районъ другой лодки, то сейчасъ же получилъ ударъ миною. Онъ увидалъ ее на поверхности моря, погнался за нею, чтобы уничтожить, но она во время ушла на глубину и сама напала на своего преслѣдователя. Въ то же самое время, другая лодка подобралась къ дивизіи, продолжавшей подбирать бонное загражденіе и тоже подстрѣлила одинъ крейсеръ.

Послѣ полудня непріятель собралъ всѣ свои оставшіяся силы и рѣшилъ вступить въ окончательное состязаніе съ береговыми батареями. Батареи и форты Киберонъ и на островѣ Groix были уже уничтожены, но оставались

еще батареи отъ Киберона до Лоріана по берегу и входныя. Всѣ броненосныя крейсера въ кильватерной колоннѣ ходили между Groix и Belle-Ile, обстрѣливали батареи, а многочисленные контръ-миноносцы наблюдали за выходомъ подводныхъ лодокъ изъ Лоріана. Нѣкоторые же изъ нихъ стояли въ цѣпи для немедленной передачи на эскадру, если бы такой выходъ былъ замѣченъ. Несмотря на всѣ эти предосторожности, на линію баталіи было произведено нѣсколько атакъ подводными лодками и два броненосныхъ крейсера получили удары минами. Въ это время, уже къ вечеру, нашелъ туманъ, бой прекратился и остатки непріятельской эскадры скрылись изъ глазъ защитниковъ крѣпости съ тѣмъ, какъ потомъ оказалось, чтобы уже болѣе передъ ними не появляться. Портъ Лоріанъ со всѣми его цѣнными сооруженіями былъ спасенъ отъ разрушенія (которое и составляло прямую задачу непріятельской эскадры) и этимъ онъ былъ обязанъ исключительно подводнымъ лодкамъ. Что же касается береговыхъ его батарей и фортовъ, то они одни, сами по себѣ не спасли бы порта. Непріятель велъ противъ нихъ атаку съ большимъ искусствомъ: подвигаясь къ городу съ юга, онъ приводилъ въ бездѣйствіе одну батарею за другою, уничтожая при этомъ всѣ средства сообщенія: желѣзную дорогу, телеграфъ и семафоры. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сломилъ бы сопротивленіе и послѣднихъ ближайшихъ къ городу батарей, если бы самъ не былъ сломленъ подводными лодками. За восемь дней борьбы эти послѣднія выпустили по непріятелю 44 мины съ разстояній никогда не превосходящихъ 200 саженъ и въ положеніи наиболѣе благопріятномъ для попаданія *) Въ мирное время при такихъ условіяхъ попадаютъ въ цѣль всѣ выпущенныя мины, но если, ради учета вліянія боевой обстановки, мы посчитаемъ только $^1/_4$ часть всѣхъ этихъ выстрѣловъ дѣйствительно удачными, то и то оказывается, что непріятельская эскадра потеряла не менѣе 11 кораблей и это сдѣлали три лодки. Если бы въ Лоріанѣ было, какъ это считается необходимымъ, шесть лодокъ дѣйствующихъ, шесть отдыхающихъ и двѣ запасныхъ на случай поврежденій, то непріятель не продержался бы и тѣхъ 8 дней, которые въ данномъ случаѣ

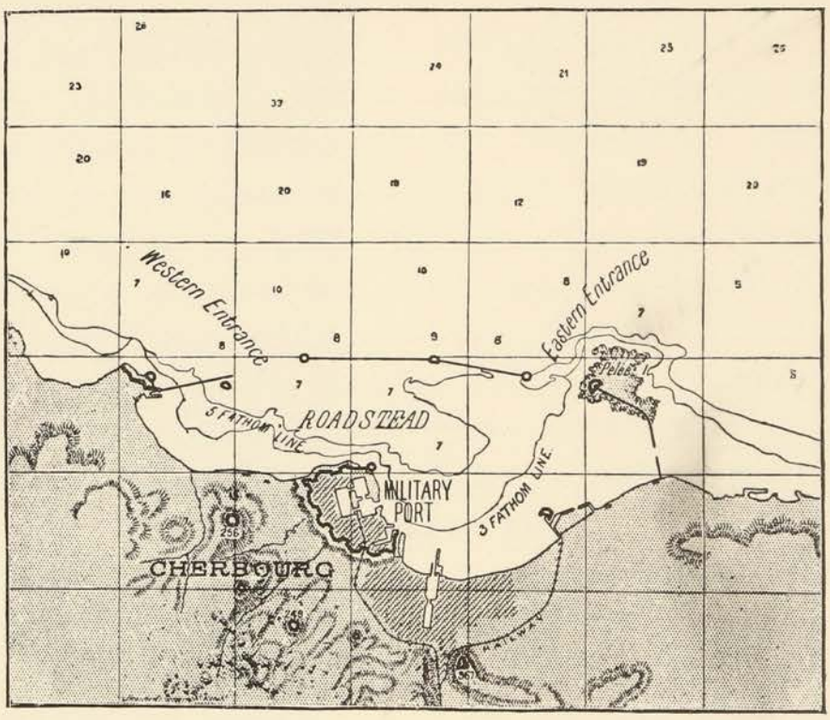
*) Удачными считались именно только такія атаки. Стрѣлять же современными минами можно не только на 200, но и на 2000 саженъ.

имѣли мѣсто, изъ-за одного, хотя бы, только смертельнаго утомленія людей. Въ данномъ случаѣ противъ него дѣйствовали только три лодки и непостоянно, а съ перерывами, необходимыми для отдыха ихъ собственныхъ командъ, а между тѣмъ люди непріятеля, въ особенности на его контръминоносцахъ, въ буквальномъ смыслѣ слова не выдерживали нервнаго напряженія и усталости. Адмиралъ Фурнье, написавшій разборъ этой кампаніи, закончилъ его словами: «если бы Русскіе въ Портъ-Артурѣ имѣли нѣсколько наступательныхъ подводныхъ лодокъ, хорошо подготовленныхъ и хорошо управляемыхъ, блокада этого порта японскою эскадрою была бы невозможна и исходъ войны былъ бы другой».

Подводныя лодки въ Лоріанѣ провели, въ вполнѣ ими заслуженномъ, отдыхѣ только 8 дней, до 5 іюня. Въ этотъ же день они получили приказъ блокировать Шербургскій портъ, и насколько это только возможно, задержать выходъ оттуда непріятельскихъ силъ. Порученіе это было чрезвычайно трудное. Ла-Маншъ продолжалъ находиться во власти непріятельскаго флота и слѣдовательно брать туда съ собою броненосецъ-базу и развѣдчика было немыслимо—эти надводныя суда сейчасъ же бы сдѣлались призами противника. Даже самимъ подводнымъ лодкамъ было опасно показываться на поверхности моря, по крайней мѣрѣ, днемъ и онѣ могли позволять себѣ роскошь подышать чистымъ воздухомъ только ночью. Въ это же время, т. е. ночью, находясь на поверхности, онѣ должны были и заряжать свои электрическіе аккумуляторы, при помощи которыхъ потомъ, днемъ ходили подъ водою.

Въ 10 часовъ вечера 6 іюня три подводныя лодки были уже передъ Шербургомъ и начали свою тяжелую службу. Четвертая лодка «Opale», только что исправившая передъ тѣмъ свои поврежденныя машины, вышла изъ Лоріана вмѣстѣ со своими товарищами, но дорогою на ней опять случилось поврежденіе и она принуждена была вернуться назадъ вмѣстѣ и подъ охраной броненосца-базы «Valmy», который сопровождалъ свой отрядъ въ его опасное предпріятіе до тѣхъ поръ, пока это было для него возможно безъ риска напрасной гибели.

У Шербурга наши лодки нашли слѣдующее: все пространство передъ стѣнами порта было забросано минными загражденіями полосою въ двѣ мили шириною, идущею отъ

Western Entrance
Eastern Entrance
ROADSTEAD
5 FATHOM LINE
MILITARY PORT
3 FATHOM LINE
CHERBOURG
RAILWAY

одного берега до другого, и являлось, такимъ образомъ, совершенно недоступнымъ. Оба входа въ портъ постоянно оберегались крейсирующими контръ-миноносцами, а одинъ изъ нихъ, снабженный безпроволочнымъ телеграфомъ, держался далеко впереди линіи миннаго загражденія съ цѣлью сейчасъ же дать знать въ портъ, если бы на морѣ показалось что-либо подозрительное. При выходѣ непріятельскихъ судовъ въ море, онѣ всегда имѣли передъ собою контръ-миноносцы, которые тщательно изслѣдовали все, что лежало на ихъ пути. Было ясно, что непріятель уже зналъ о возможности прихода подводныхъ лодокъ и принялъ свои мѣры.

Въ 4 часа утра 7 іюня изъ порта вышелъ броненосецъ, въ сопровожденіи четырехъ контръ-миноносцевъ, со спеціальною повидимому цѣлью опредѣлить, гдѣ именно находятся подводныя лодки, для того чтобы всѣ другія суда эскадры, находящіяся еще въ порту, могли при выходѣ избѣгнуть встрѣчи съ ними. Въ 7 часовъ утра этотъ броненосецъ поднялъ сигналъ: «подводная лодка въ сѣверномъ секторѣ» и одновременно съ этимъ послалъ всѣ свои четыре контръ-миноносца образовать завѣсу между этою лодкою и западнымъ выходомъ изъ порта. Маневръ этотъ, задуманный можетъ быть и хорошо, для самого броненосца оказался гибельнымъ: пока эскадра выходила черезъ западный проходъ, а онъ наблюдалъ за ея безопасностью, другая подводная лодка подобралась къ нему самому и нанесла ему ударъ.

Эскадра, состоящая изъ четырехъ кораблей и девяти контръ-миноносцевъ вышла изъ порта и пошла къ открытому морю зигзагами, часто мѣняя свой курсъ. Очень скоро одинъ изъ контръ-миноносцевъ увидалъ подводную лодку (т. е. ея перископъ) и поднялъ объ этомъ сигналъ. Вся эскадра, находящаяся въ линіи кильватера, круто повернула, чтобы оставить подводную лодку вправо отъ своего пути, но въ это время съ лѣваго борта эскадры появилась другая лодка и въ то же самое время одинъ изъ броненосцевъ открылъ бѣглый огонь еще по чему то третьему. Хотя этотъ новый противникъ оказался невиннымъ дельфиномъ, но эскадра поспѣшила вернуться и укрыться въ порту.

Въ тотъ же день, послѣ полудня попытка эскадры была повторена, но въ половинномъ ея составѣ и съ еще худшимъ результатомъ: удары минами получили два корабля

сейчасъ же, какъ только прошли полосу миннаго заграждения.

Видя, такимъ образомъ, полную безуспѣшность своихъ дѣйствій, непріятель рѣшилъ извести подводныя лодки ночью. Съ этою цѣлью въ 9 часовъ вечера былъ высланъ въ море отрядъ контръ-миноносцевъ съ порученіемъ поймать и истребить лодки въ то время, когда онѣ всплывутъ, пользуясь ночнымъ временемъ, на поверхность моря. Одинъ изъ контръ-миноносцевъ дѣйствительно нашелъ, далеко въ открытомъ морѣ, всѣ три лодки занимающіяся заряженіемъ аккумуляторовъ, но онѣ успѣли уйти подъ воду, ранѣе чѣмъ миноносецъ подошелъ къ нимъ на выстрѣлъ. Позднѣе этого два другихъ контръ-миноносца опять увидали лодки на поверхности, но тѣ снова избѣгли опасности съ тѣмъ же успѣхомъ. Такимъ образомъ охотникамъ не удалось не только уничтожить, но даже и повредить ни одной лодки, но на эскадрѣ думали, что онѣ остались всетаки безъ заряженныхъ аккумуляторовъ и слѣдовательно не будутъ въ состояніи плавать подъ водою и производить атаки. Разсчеты эти однако совсѣмъ не оправдались и когда утромъ, въ 8 часовъ, эскадра сдѣлала попытку выйти изъ гавани, подводныя лодки оказались на своихъ мѣстахъ и два броненосца получили удары.

Остальные дни и ночи были повтореніемъ только что описаннаго и порученіе данное подводнымъ лодкамъ было ими выполнено блистательно. Въ продолженіе шести сутокъ онѣ оставались безъ всякаго сообщенія съ берегомъ, предоставленныя исключительно собственнымъ силамъ, а три послѣднихъ дня даже и другъ съ другомъ сообщались только по ночамъ, а днемъ, съ 5 часовъ утра и до $6^1/_2$ часовъ вечера, оставались подъ водою, заботясь только объ одномъ, чтобы не пропустить безъ удара мины ни одного непріятельскаго судна, зашедшаго въ оберегаемое каждой изъ нихъ пространство. За эти три дня ими было сдѣлано болѣе 100 погруженій подъ воду и 12 удачныхъ атакъ безъ какихъ бы то ни было непріятныхъ приключеній и задержекъ. Послѣ же всего этого лодки, все еще не имѣя никакого сообщенія съ берегомъ, пробѣжали 370 миль полнымъ ходомъ и произвели настоящую, боевую стрѣльбу минами. Это была повѣрка исправности ихъ машинъ и оружія послѣ трудной службы и все оказалось въ полной исправности.

III.

Теперь сдѣлаемъ изъ всего, только что разсказаннаго, выводы. Главнѣйшій изъ нихъ несомнѣнно заключается въ томъ, что, при наличіи надлежаще организованныхъ флотилій изъ подводныхъ лодокъ, всякія дѣйствія линейнаго и вообще надводнаго флота вблизи береговъ являются невозможными. Мы только что видѣли этотъ надводный флотъ при выполненіи различныхъ, какія только можно для него придумать, задачъ и во всѣхъ этихъ случаяхъ подводныя лодки оказывались сильнѣе его, даже и тогда, когда онѣ были поставлены въ исключительно невыгодныя для нихъ условія и когда ихъ было въ три и въ четыре раза меньше, чѣмъ то дѣйствительно необходимо. Въ этихъ примѣрахъ, изъ всѣхъ возможныхъ прибрежныхъ операцій флота у насъ не было приведено только одной — десантной экспедиціи, какъ своза большихъ массъ сухопутныхъ войскъ на непріятельскую территорію, но это лишь потому, что маневры съ такою задачею были произведены французами въ 1906 году, относительно которыхъ мнѣ не удалось найти систематическаго описанія. Но взамѣнъ этого имѣется другой источникъ — характеристика, достигнутыхъ этими маневрами результатовъ, составленная самимъ ихъ руководителемъ, вице-адмираломъ Фурнье, изъ которой видно, что во время своза десанта на берегъ, подводныя лодки еще болѣе опасны для надводныхъ судовъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ послѣднія лишены даже единственнаго благопріятнаго для нихъ шанса—движенія, ибо при свозѣ и погрузкѣ войскъ они должны стоять на якорѣ. Этотъ маневръ длился 3 дня и его задача заключалось въ свозѣ французской арміи на Африканское побережье около Бизерты, чему должно было предшествовать бомбардированіе флотомъ береговыхъ батарей. Въ продолженіе всѣхъ этихъ дѣйствій единственными противниками оперирующаго флота на морѣ были подводныя лодки, составляющія вмѣстѣ съ береговыми батареями оборону атакуемаго побережья, и подводныя именно лодки явились рѣшительницами боя: несмотря даже на то, что всѣ онѣ, 14 лодокъ, принадлежали къ типу оборонительныхъ, а 10 изъ нихъ были очень малаго водоизмѣщенія въ 68 тоннъ, каждая изъ нихъ, въ

среднемъ, за три дня боя сдѣлала по семи удачныхъ атакъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ адмиралъ Фурнье, глубокій знатокъ подводнаго флота: прежде всего, придерживаясь хронологическаго порядка, должно отмѣтить, какъ то показали всѣ операціи бомбардированія берега флотомъ, что достаточно имѣть при оборонѣ крѣпости даже и не особенно сильныя флотиліи подводныхъ лодокъ, прикрывающихъ мертвые и слабые сектора обстрѣла береговыхъ батарей, для того чтобы сдѣлать этого рода предпріятія не только всегда неудачными для флота, но и чрезвычайно опасными. Нѣтъ сомнѣній, что въ будущихъ войнахъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, линейные флоты, въ виду громаднаго и ни чѣмъ не вознаграждаемаго риска, никогда не будутъ испытывать свою судьбу въ такихъ предпріятіяхъ. Въ этомъ именно высказалось громадное превосходство подвижной минной обороны береговъ передъ неподвижною обороною ихъ батареями. Громадное при этомъ значеніе имѣетъ еще то, что до сихъ поръ, т.-е. до появленія подводныхъ лодокъ, флотъ, послѣ схватки съ батареями могъ отдыхать и приводить себя въ порядокъ, отойдя отъ нихъ на приличное разстояніе и окруживъ себя контръ-миноносцами противъ атаки миноносцевъ, а теперь нѣтъ ни времени, ни мѣста, гдѣ и когда бы флотъ былъ въ безопасности отъ своего новаго невидимаго врага и нѣтъ никакихъ средствъ отъ него защититься. Дѣйствительно (скажу это уже отъ себя) мы видѣли, что ни днемъ, ни ночью, ни въ штиль, ни въ вѣтеръ, ни на ходу, ни на якорѣ, за рядами сторожевыхъ контръ-миноносцевъ и даже за бонными загражденіями—надводныя суда не оставались свободными отъ неожиданныхъ и неотразимыхъ атакъ подводныхъ лодокъ, а эти послѣднія почти ничего не терпѣли отъ своихъ гигантскихъ противниковъ. Что же касается операціи высадки войскъ, — продолжаетъ далѣе адмиралъ Фурнье,—то тутъ значеніе подводныхъ лодокъ выяснилось, если можно, еще нагляднѣе и одинаково рѣшительно, какъ для транспортовъ съ войсками и припасами для нихъ, такъ и для военныхъ судовъ, которыя должны были поддерживать высаживающіяся войска своимъ артилерійскимъ огнемъ.

Другой главный выводъ изъ приведенныхъ примѣровъ состоитъ въ томъ, что даже для обороны собствен-

ныхъ береговъ выгоднѣе имѣть подводныя лодки наступательнаго типа, а кромѣ того эти послѣднія даютъ возможность вести и наступательныя дѣйствія не только противъ временныхъ базъ противника, но даже и въ его собственныхъ водахъ. Лодки наступательнаго типа обладаютъ: лучшими морскими качествами при надводныхъ переходахъ, лучшею обитаемостью, большимъ райономъ дѣйствія, большими скоростями хода какъ надъ водою, такъ и въ погруженномъ состояніи, большею продолжительностью пребыванія подъ водою и онѣ носятъ больше минныхъ аппаратовъ и мины наиболѣе крупныхъ калибровъ. Главнѣйшее же ихъ свойство, являющееся въ силу совокупности всѣхъ только что перечисленныхъ,—это способность къ выполненію отдаленныхъ, совершенно самостоятельныхъ и абсолютно укрытыхъ отъ врага предпріятій. Мы видѣли съ какимъ успѣхомъ дѣйствовали наступательныя лодки при прорывѣ непріятелемъ проходовъ и проливовъ, даже очень отдаленныхъ отъ береговыхъ базъ лодокъ; мы видѣли, какъ эти лодки блокировали непріятельскій флотъ въ порту, въ то время, какъ ихъ самихъ никто, никогда и нигдѣ заблокировать абсолютно не могъ; эти лодки не дали покою непріятелю ни въ одной изъ его временныхъ базъ подъ Лоріаномъ и довели его, даже въ мирное время, до совершеннаго изнеможенія и онѣ же съ громаднымъ успѣхомъ и наглядностью показали Англичанамъ полную незащищенность ихъ флота въ его собственныхъ портахъ и убѣжищахъ. Прибавьте еще къ этому то значеніе, какое придаютъ нѣмцы своимъ наступательнымъ лодкамъ въ своихъ расчетахъ на случай войны съ Англіею и вы получите настоящее, хотя можетъ быть еще и недостаточно исчерпывающее представленіе объ этомъ новомъ оружіи наступательной войны*). Что же касается службы наступательныхъ лодокъ къ защитѣ своего собственнаго побережья, то адмиралъ Фурнье категорически устанавливаетъ, что если существуетъ достаточное число наблюдательныхъ пунктовъ, для систематическаго надзора за находящимся

*) Итальянскіе маневры 1908 года показали, что подводныя лодки не только не боятся, какъ то думаютъ у насъ, минныхъ загражденій, но являются даже хорошимъ средствомъ для ихъ отысканія и обнаруженія.

у нашихъ береговъ противникомъ, и средства для передачи этихъ наблюденій, то наступательныя подводныя лодки защитятъ и оборонятъ любой, какой бы то ни было пунктъ побережья, на который непріятель вздумаетъ покуситься, что само собою совершенно недостижимо при помощи береговыхъ батарей и очень часто недоступно также и для громадъ-броненосцевъ. Здѣсь именно совершенно кстати будетъ отмѣтить, что Англія тоже, вотъ уже четыре года, какъ обосновала оборону своихъ береговъ на этомъ именно принципѣ: все побережье Соединеннаго Королевства раздѣлено на шесть округовъ, или зонъ; въ каждой зонѣ назначенъ одинъ портъ, въ которомъ сосредоточенъ отрядъ наступательныхъ подводныхъ лодокъ (оборонительныхъ Англичане уже не строятъ) со всѣми необходимыми для него, вспомогательными судами и средствами; каждымъ такимъ отрядомъ командуетъ капитанъ 1-го ранга, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввѣрено и управленіе всею организаціею обороны данной зоны со всѣми ея наблюдательными постами и службою связи. Этотъ же офицеръ завѣдуетъ и учебнымъ дѣломъ, т.-е. подготовкой людей для обслуживанія всѣхъ службъ его зоны.

Преимущественное и универсальное значеніе наступательныхъ подводныхъ лодокъ естественно ставитъ вопросъ объ ихъ тоннажѣ, т.-е. величинѣ. Для того чтобы придать лодкѣ всѣ качества, необходимыя для веденія не только оборонительной, но и наступательный войны, тоннажъ ихъ не можетъ быть малымъ, а съ другой стороны, вся совокупность сдѣланныхъ французами наблюденій категорически указываетъ, что для успѣшнаго дѣйствія противъ надводныхъ судовъ вблизи береговъ своихъ или вражескихъ безразлично, величина лодки не должна быть слишкомъ большая. Въ самомъ дѣлѣ: изъ описанія маневровъ видно, что надводныя суда, для избѣжанія удара миною, часто бросались на подводную лодку прямо носомъ и этой послѣдней приходилось при этомъ нырять и проходить подъ килемъ противника; тоже самое приходилось дѣлать лодкамъ и въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда линейныя суда устраивали себѣ съ боковъ завѣсы изъ контръ-миноносцевъ— лодки должны были, чтобы добраться до броненосцевъ, проходить подъ килями ихъ охранниковъ. Ясно, что во всѣхъ такихъ случаяхъ приходится считаться съ величиною

того свободнаго пространства, которое остается подъ килемъ противника: вблизи береговъ, на небольшихъ сравнительно глубинахъ, эти пространства не могутъ быть велики, а поэтому и подводныя лодки не должны быть очень высоки. Французы считаютъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, что подводныя лодки меньше 150—200 тоннъ водоизмѣщенія уже малодѣйствительны, а лодки большія 800—1000 тоннъ не удовлетворяютъ именно послѣднему условію, т.-е. велики по своей высотѣ и, слѣдовательно не годятся для дѣйствія очень близко къ берегамъ. Кромѣ того они считаютъ, что лодки большія 1000 тоннъ неудобны при маневрированіи, не находятся всецѣло въ рукахъ своихъ командировъ, стоятъ слишкомъ дорого и, во всякомъ случаѣ, они убѣждены, что одна очень большая лодка никогда не замѣнитъ двухъ лодокъ средней величины, стоящихъ столько же сколько эта одна лодка. Здѣсь мы подходимъ къ третьему, столь же, какъ и два первыхъ, существенному выводу, а именно: *успѣхъ атакъ подводныхъ лодокъ обезпечивается главнымъ образомъ ихъ числомъ.*

Этотъ выводъ тѣмъ справедливѣе, чѣмъ труднѣе условія атаки, а эти послѣднія тѣмъ труднѣе, чѣмъ большій просторъ и свобода имѣется для движенія атакуемыхъ надводныхъ судовъ и чѣмъ больше скорость ихъ движенія. При свозѣ десанта на берегъ, эти трудности наименьшія, такъ какъ транспорты съ войсками стоятъ неподвижно, а поддерживающіе высадку военные корабли сильно связаны въ своихъ движеніяхъ, тѣмъ что дѣйствуютъ въ тѣснотѣ и должны, во избѣжаніе вреда своимъ, обстрѣливать на берегу опредѣленные пункты съ опредѣленныхъ направленій. При дѣйствіи подводныхъ лодокъ противъ бомбардирующей эскадры, условія атаки уже сложнѣе предыдущихъ, но вообще не трудны, потому что эскадра должна ходить передъ береговыми батареями по вполнѣ опредѣленнымъ путямъ и съ небольшими скоростями, обусловленными искусственными загражденіями фарватера и трудностями стрѣльбы. Настоящія же трудности атаки для подводныхъ лодокъ имѣютъ мѣсто при блокадѣ, во время дѣйствій по прорывающимся, изъ порта или въ портъ, непріятельскимъ судамъ, а еще труднѣе — при защитѣ форсируемыхъ линейнымъ флотомъ достаточно широкихъ

проходовъ и проливовъ. Въ этихъ случаяхъ лодки должны занимать свои позиціи заблаговременно, ждать, скрываясь, и онѣ никогда не могутъ знать заранѣе въ какомъ именно мѣстѣ пролива, считая по его ширинѣ, изберетъ свой путь ихъ противникъ. Ясное дѣло, что, въ данномъ случаѣ, успѣхъ, можно сказать, прямо пропорціоналенъ числу подводныхъ лодокъ.

Но мы видѣли, что при такихъ именно наитруднѣйшихъ условіяхъ, въ проливѣ, имѣющемъ 8 миль ширины, четыре подводныя лодки все-таки достигали цѣли, несмотря на то, что ихъ было только четыре: непріятель счастливо избѣгалъ двухъ изъ нихъ, но непремѣнно наталкивался на двѣ другихъ и неизбѣжно терялъ отъ двухъ до трехъ кораблей. И это случилось не разъ или два, а каждый разъ, когда только это упражненіе производилось. Не несомнѣнно ли отсюда, что если бы подводныхъ лодокъ было не четыре, а, напримѣръ, двѣнадцать то ни одно изъ линейныхъ судовъ не уцѣлѣло бы. Здѣсь слѣдуетъ разсказать о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто на маневрахъ эскадры Средиземнаго моря въ 1910 году, хотя я уже и описалъ его тогда же въ «Новомъ Времени». Мнѣ этотъ случай извѣстенъ изъ первыхъ рукъ, потому что я лично былъ въ то время на югѣ Франціи. Представьте себѣ прямоугольникъ въ 1000 саженъ длиною и 400 саженъ шириною, образованный двѣнадцатью контръминоносцами, несущійся со скоростью 18 узловъ (31 футъ въ секунду); представьте себѣ еще нѣсколько быстроходныхъ крейсеровъ, носящихся зигзагами передъ этимъ прямоугольникомъ, для того чтобы спугнуть или потопить все, чтобы не осмѣлилось стать на его дорогѣ. Внутри этого прямоугольника, какъ въ клѣткѣ, помѣстилось шесть современныхъ броненосцевъ и вся эта исторія была устроена исключительно для защиты ихъ отъ подводныхъ лодокъ. Представьте же себѣ, какою увѣренностью и храбростію долженъ былъ обладать командиръ подводной лодки, чтобы рѣшиться прорвать этотъ, несущійся какъ ураганъ вагенбургъ: вѣдь каждый изъ крейсеровъ и контръ-миноносцевъ могъ перерѣзать пополамъ его утлое суденышко, даже не замѣтивъ этого—вѣдь это уже не маневръ мирнаго времени, а настоящая война, игра на смерть. И что же—едва эскадра вошла въ проливъ св. Бонифачіо (между Корсикою и Сардиніею), подводная лодка

«Ларіп» *) вынырнула въ серединѣ загородки изъ контръминоносцевъ, въ 100 саженяхъ отъ второго съ конца броненосца, съ наведеннымъ на него миннымъ аппаратомъ, а черезъ 40 секундъ на прицѣлъ другого ея аппарата самъ собою пришелъ и другой, концевой броненосецъ. Все это произошло такъ быстро, что ни одинъ, ни другой изъ броненосцевъ и подумать не успѣли о какомъ бы то ни было контръ-маневрѣ, да въ настоящемъ то бою вѣдь лодка и не всплывала бы на поверхность, а выпустила бы свои мины подъ водою. Мнѣ говорили, что такой маневръ былъ придуманъ противниками подводныхъ лодокъ въ разсчетѣ на то, что ни одинъ изъ ихъ командировъ не захочетъ рисковать жизнью при столь варварскихъ условіяхъ и лодки осрамятся. Но когда одинъ изъ этихъ противниковъ, адмиралъ (онъ самъ и разсказывалъ) увидалъ «Ларіп», совершенно для всѣхъ неожиданно, всплывшій около броненосца у него волосы зашевелились на головѣ.

Что же было бы со всею этою эскадрою надводныхъ гигантовъ, если бы на ихъ пути оказалось не одна, а, напримѣръ, шесть-восемь подводныхъ лодокъ? Вотъ для достиженія этого то послѣдняго результата и необходимо имѣть возможно большее число лодокъ при выполненіи подобныхъ предпріятій: однѣ изъ нихъ обнаружатъ себя по одну сторону пути эскадры, другія—гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и эскадра, уклоняясь отъ тѣхъ и другихъ, сама наткнется на главныя силы невидимаго врага. Этотъ выводъ для насъ имѣетъ особенно важное значеніе, потому что наше морское министерство, ограничивающееся шестью-двѣнадцатью подводными лодками въ каждомъ изъ трехъ нашихъ морей, явно обнаруживаетъ свое полное непониманіе дѣла. Вы усомнитесь: какъ возможно такое непониманіе у людей, вѣдающихъ серьезнѣйшее въ государствѣ дѣло—его оборону?—Очень просто: наши партизаны подводнаго плаванія, всѣ сплошь еще молодежь; между ними нѣтъ еще, кажется, ни одного даже капитана 1-го ранга, не говоря уже объ адмиралахъ, а на верхахъ сидятъ высокіе чины, большинство которыхъ не только никогда не спускалось подъ воду въ подводныхъ лодкахъ, но даже и во внутрь то ихъ не заглядывали—и неудобно, и непри-

*) Наступательнаго типа, 550 тоннъ водоизмѣщенія подъ водою.

вычно, и рисковать не изъ-за чего. Да вотъ, чего лучше, въ самомъ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ нѣтъ не только ни одного спеціалиста по подводному плаванію, но даже и вообще—людей, хоть сколько-нибудь, понимающихъ это дѣло. Въ доказательство достаточно взять, ну хотя бы, статьи нашихъ военно-морскихъ изданій о подводномъ плаваніи, написанныя изъ этого лагеря, и сопоставить ихъ съ тѣмъ, что высказано тамъ же настоящими офицерами—подводниками, командирами подводныхъ лодокъ. А между тѣмъ это то учрежденіе, Морской Генеральный Штабъ, и играетъ первую скрипку при рѣшеніи вопросовъ,—каковъ долженъ быть составъ флота въ каждомъ изъ нашихъ морей? Результатъ налицо; мы являемся единственною великою державою, которая до сихъ поръ не имѣетъ подвижной минной обороны своихъ побережій. Офицеровъ же, которые особенно настойчиво указываютъ на эту ошибку морского министерства, обыкновенно стращаютъ отставкою, если они не соглашаются молчать. За послѣдніе два года я знаю четыре такихъ случая.

Я уже говорилъ, что у насъ въ первое время не строили подводныхъ лодокъ, потому что ждали когда, кромѣ Французовъ, начнутъ ихъ строить и Англичане. Когда же на Англичанъ ссылаться стало уже нельзя, начали дожидаться Нѣмцевъ. Вдругъ, (это было уже послѣ войны съ Японцами) мы узнали, что Нѣмцы не только не игнорируютъ этого дѣла, но даже сами создали свою собственную систему (лодки Круппа) такую удивительно хорошую, что намъ, въ дополненіе къ имѣющейся уже у насъ кунстъ-камерѣ изъ шести разныхъ системъ и двѣнадцати разныхъ величинъ лодокъ, безудержно захотѣлось прибавить еще и эту разновидность. Сказано — сдѣлано: Круппу заказали четыре лодки и онѣ, какъ и слѣдовало ожидать, оказались далеко неудовлетворительными. Потомъ выяснилось, что заводъ Круппа на этомъ нашемъ заказѣ только учился и теперь дѣйствительно строитъ хорошія лодки, но только для своего правительства и его друзей, а мы не въ ихъ числѣ.

Послѣ этого, когда не оставалось уже ни одного порядочнаго государства, кромѣ Швейцаріи, на которое бы можно было ссылаться въ пренебреженіи подводными лодками, начали приводить противъ нихъ доводы уже, какъ

будто бы, научнаго характера—доказывать, что эти лодки совсѣмъ не могутъ исполнить того, что о нихъ пишутъ заграницею, что это дѣло раздутое и далеко не провѣренное. Дошло при этомъ до того, что нѣкоторые господа прямо тоже доказывали (печатно, въ спеціальномъ журналѣ), что это новое оружіе не имѣетъ никакого серьезнаго значенія, ибо въ бою можно на чемъ угодно подплыть къ выдающемуся надъ водою перископу, надѣть на него самую обыкновенную свою собственную фуражку и лодка, въ буквальномъ смыслѣ слова, ослѣпнетъ. Вотъ до чего могутъ договориться люди, когда не знаютъ предмета, о которомъ берутся разсуждать. Другіе авторы были, впрочемъ, много совѣстливѣе этихъ и ограничивались разсужденіями о томъ, что перископы лодокъ всегда будутъ замѣчены на такомъ разстояніи, что вполнѣ возможно избѣжать атаки; что лучшее средство—это повернуть на лодку прямо носомъ и она неизбѣжно погибнетъ; что лодка, вслѣдствіи малой своей скорости хода подъ водою, никогда не сможетъ атаковать корабль на ходу; что если миноносецъ увидитъ лодку въ непогруженномъ состояніи то всегда можетъ утопить ее прежде чѣмъ она уйдетъ отъ него подъ воду и т. п. Поговорите на эту тему съ любымъ защитникомъ линейнаго флота и онъ приведетъ вамъ эти же самыя соображенія. Отчасти поэтому, чтобы парализовать эти обычные аргументы, я и привелъ здѣсь данныя о французскихъ маневрахъ съ нѣкоторою, на первый взглядъ какъ бы и излишнею, подробностію. Послѣ этихъ данныхъ живого, непосредственнаго опыта, говорить объ измышленныхъ аргументахъ уже не приходится.

Теперь подведенъ всему сказанному итогъ. Онъ можетъ быть формулированъ такъ: Подводныя лодки наступательнаго типа могутъ:

1, Препятствовать блокадѣ отечественнаго побережья непріятельскимъ надводнымъ флотомъ и выводить изъ строя блокирующія суда.

2. Прорывать эту блокаду совершенно безпрепятственно и безнаказанно.

3. Нападать на суда блокирующаго флота на мѣстахъ его отдыха въ его временыхъ базахъ.

4. Препятствовать бомбадировкѣ своихъ укрѣпленныхъ пунктовъ и всякому вообще обстрѣ-

ливанію отечественнаго побережья непріятельскимъ флотомъ.

5. Препятствовать прорыву непріятельскими судами проливовъ, проходовъ и подходовъ.

6. Не допускать высадку непріятельскихъ войскъ на отечественную территорію.

7. Блокировать непріятельскія побережьяи

8. Тревожить непріятеля, выводить изъ строя его суда и разрушать многія, важнѣйшія портовыя сооруженія въ его собственныхъ непріятельскихъ портахъ.

Всѣ эти задачи подводныя лодки могутъ выполнять не только совмѣстно со своимъ надводнымъ флотомъ но и, что самое главное, совершенно самостоятельно. При этомъ, во всѣхъ случаяхъ, онѣ остаются для непріятеля почти неуязвимы.

Вотъ причины почему въ настоящее время во всѣхъ государствахъ создаются могущественныя флотиліи подводныхъ лодокъ съ большою поспѣшностью и нигдѣ созиданіе линейныхъ флотовъ, сколь бы могущественны они не были, не является помѣхою, или тормазомъ для созиданія столь же могущественной подвижной минной обороны. Такъ дѣлается вездѣ, кромѣ насъ.

Брутъ.

НѢКОТОРЫЕ ИТОГИ РУССКОЙ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ.

Читатели «Великой Россіи» припомнятъ, быть можетъ, сдѣланную мною въ прошломъ году попытку освѣтить положеніе Россіи, какъ великой державы, съ точки зрѣнія преемственнаго развитія ея главныхъ международныхъ задачъ и тѣхъ условій, въ которыхъ онѣ постепенно складывались.

Этотъ краткій историческій очеркъ не имѣлъ, конечно, притязанія исчерпать сложный и обширный предметъ; въ немъ приведены были лишь факты, безъ которыхъ невозможна оцѣнка современныхъ событій международной жизни и участія въ ней Россіи. Предполагая факты эти извѣстными, я не буду здѣсь повторять ихъ. За годъ, прошедшій со времени выхода въ свѣтъ первой книги «Великой Россіи» накопилось достаточно новаго матеріала. Въ области международныхъ отношеній происходятъ событія и намѣчаются положенія, которыя не могутъ и не должны оставлять безучастнымъ общественное мнѣніе. И безъ того направленіе нашей внѣшней политики слишкомъ часто получаетъ характеръ чисто бюрократическій. Въ принимаемыхъ рѣшеніяхъ намъ слышатся то пестрая разноголосица вѣдомствъ, то случайныя побочныя вліянія. Меньше всего находитъ въ нихъ отклика общественное мнѣніе, и нѣкоторая доля отвѣтственности остается на немъ самомъ. Въ критикѣ нашей дипломатіи, въ упрекахъ, что у нея нѣтъ настоящаго пониманія интересовъ Россіи—недостатка, конечно, нѣтъ, но мы должны сознаться, что далеко не всегда эта критика сама обнаруживаетъ настоящее пониманіе сложныхъ задачъ, о которыхъ берется судить.

Конечно, ошибки въ сужденіяхъ неизбѣжны, и мы тѣмъ охотнѣе начинаемъ съ этого признанія, что въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется отмѣтить многое, съ чѣмъ мы не

можемъ согласиться и что не можемъ не признать ошибочнымъ въ области нашей внѣшней политики, не только за одно послѣднее время. Наше изложеніе коснется главнымъ образомъ событій на Ближнемъ, Среднемъ и Дальнемъ Востокѣ, попутно затрогивая отношенія съ великими Державами, интересы коихъ соприкасаются съ нашими въ этихъ областяхъ.

I.

«Вникая въ сущность нашихъ вѣковыхъ отношеній съ Турціей, мы безъ труда замѣтимъ, что черезъ нихъ красной нитью неизмѣнно проходятъ два основныхъ мотива: забота о судьбахъ христіанскаго населенія и вопросъ о проливахъ» *). Здѣсь незачѣмъ вновь излагать все, что сдѣлано было Россіей въ разное время для разрѣшенія обѣихъ задачъ. Въ результатѣ, относительно первой изъ нихъ, мы дорогою цѣною добились образованія и признанія цѣлаго ряда независимыхъ государствъ: Греціи, Румыніи, Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Достигнуто ли при этомъ естественное, казалось бы, тяготѣніе всѣхъ этихъ государствъ къ Россіи—это другой вопросъ. На счетъ Греціи и Румыніи можно прямо сказать, что не только съ ихъ стороны не замѣчается никакого тяготѣнія, но наоборотъ, наши противники съ успѣхомъ пользуются ими, какъ противовѣсомъ славянскимъ государствамъ, въ которыхъ они усматриваютъ порою орудія и посредниковъ русскаго вліянія.

Остаются, слѣдовательно, славянскія государства, съ которыми у насъ связь не только единовѣрія, но и единокровія. Если мы поставимъ однако на счетъ самаго сильнаго и значительнаго изъ этихъ государствъ—Болгаріи такой вопросъ: можетъ ли Россія считать Болгарію болѣе надежной передовой опорой на Балканахъ, чѣмъ Австрія—Румынію, что въ правѣ мы на это отвѣтить? Обаяніе Россіи и тяготѣніе къ ней среди простого славянскаго народа представляются безусловно стойкими, но что опредѣлитъ поведеніе Болгаріи въ рѣшительную минуту: эти ли народныя чувства, или расчетъ честолюбиваго короля, привыкшаго находить выгоду въ игрѣ между Вѣной и Петербургомъ?

---

*) „Великая Россія“, кн. I, стр. 31.

Я впрочемъ далекъ отъ того, чтобы ставить славянамъ обычный упрекъ въ «неблагодарности». Политика по неволѣ эгоистична, и въ нашей собственной исторіи наряду съ страницами благороднаго самоотверженія нельзя вычеркнуть и примѣровъ самаго плоскаго утилитаризма. «Обаяніе», «тяготѣніе», все это могущественные, но невѣсомые факторы. Всегда ли могутъ они выдержать натискъ экономическаго давленія и осязательной силы штыковъ?

Вотъ мы кровью нашихъ солдатъ оросили Балканы, и увеличили нашъ государственный долгъ на многія сотни милліоновъ ради славянъ. Но мы ушли, осталась Австрія. Она не проливала для другихъ ни единой капли крови, и задаромъ не издержала ни одной кроны. Но въ этомъ самомъ обстоятельствѣ, въ томъ, что силы ея оставались нетронуты, когда мы изнемогали, или испытывали временную слабость,—вѣнскій кабинетъ почерпалъ всегда источникъ своего благополучія и округленія владѣній Габсбургской монархіи.—И въ настоящее время, когда прекратилась наша мимолетная дружба съ Вѣной, чей голосъ сильнѣе на Ближнемъ Востокѣ?—Голосъ ли Австріи, которая наперекоръ всѣмъ, кромѣ своего союзника, сумѣла присоединить двѣ славянскія провинціи, или голосъ Россіи, которой пришлось этому покориться?—Да, но вѣдь тогда мы сложили оружіе передъ Германіей,—слышимъ мы возраженіе.—Едва ли не это соображеніе побудило руководителей нашей внѣшней политики проявить смѣлость въ другомъ случаѣ, когда на горизонтѣ они не усматривали грознаго тевтонскаго призрака. Что же изъ этого вышло?

Весной 1911 года отношенія между Турціей и Черногоріей обострились въ связи съ вопросомъ объ албанскихъ бѣженцахъ, переходившихъ границу и укрывавшихся въ королевствѣ. Турки сосредоточили войска на Черногорской границѣ, въ отвѣтъ на это въ Цетиньѣ нашли необходимымъ также принять соотвѣтствующія мѣры. На Балканахъ пограничныя обостренія происходятъ изъ году въ годъ и обыкновенно кончаются сами собою благополучно, хотя каждую весну предвѣщаютъ «неизбѣжную» войну. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ обѣимъ сторонамъ даютъ совѣты благоразумія, и дѣло этимъ кончается. Но конечно, совѣты даются въ такой формѣ, чтобы никому не было обидно. На этотъ разъ петербургскій кабинетъ счелъ почему-то

нужнымъ измѣнить этому правилу. Въ одинъ прекрасный день Петербургское телеграфное агентство оповѣстило всему міру текстъ ноты русскаго правительства турецкому еще до врученія этой ноты Портѣ нашимъ посломъ въ Константинополѣ. Эффектъ получился громкій, но совсѣмъ не такой, какого ожидали въ Петербургѣ. Въ преждевременномъ разглашеніи ноты, составленной къ тому же въ весьма рѣшительномъ тонѣ, турки справедливо усмотрѣли нарушеніе элементарныхъ правилъ международной вѣжливости. Въ своемъ отвѣтѣ они, повидимому, просто обошли молчаніемъ наши требованія, весьма недвусмысленно намекая, что съ ними не считаются. Если миръ все-таки не былъ нарушенъ, то едва ли авторы русской ноты могутъ вмѣнить это себѣ въ заслугу. Впрочемъ, у насъ не успѣли еще получить какой бы то ни было отвѣтъ отъ турокъ, какъ стали стараться объ одномъ, какъ бы выбраться изъ непріятной исторіи, въ которую такъ опрометчиво ввязались.

Весенній инцидентъ съигралъ лишь роль интермедіи, развлекающей публику среди однообразно тянущагося и успѣвшаго всѣмъ пріѣсться зрѣлища. Какъ до, такъ и послѣ этой столь же краткой, сколь и невразумительной вспышки словеснаго негодованія на поведеніе Турціи, наша дипломатія не могла побороть въ себѣ какого-то неврастеническаго влеченія къ младотуркамъ. Въ ея воображеніи такъ прочно засѣла картина идилліи, при которой Турція должна преобразиться и стать обѣтованной землей для всѣхъ народностей, ее населяющихъ, что дѣйствительность какъ будто перестала приниматься во вниманіе. Газеты могли сообщать о возобновившихся притѣсненіяхъ и даже гнетѣ христіанскаго населенія въ Македоніи, объ усиленныхъ вооруженіяхъ Турціи сухопутныхъ и морскихъ. Какая-то пелена застлала зрѣніе; высказывалась серьезная надежда на образованіе балканскаго союза подъ главенствомъ Турціи, и наши представители въ Константинополѣ выражали туркамъ удовольствіе по поводу ихъ военнаго усиленія. Словомъ, если хорошенько всмотрѣться въ наше поведеніе на Ближнемъ Востокѣ за послѣдніе годы, то оно представится намъ какимъ-то сплошнымъ недоразумѣніемъ, граничащимъ съ печальнымъ недомысліемъ.

Вѣдь само собою разумѣется, что намъ слѣдуетъ поддерживать хорошія сосѣдскія отношенія съ Турками; нельзя

не признать также необходимости считаться до нѣкоторой степени съ ихъ повышеннымъ настроеніемъ, благодаря коему требуется много такта и осторожности въ оказываніи покровительства нашимъ единовѣрцамъ. Но отъ такой осмотрительной и дружеской политики до неумѣреннаго туркофильства существуетъ цѣлая пропасть. И выражать туркамъ удовольствіе по поводу ихъ военныхъ приготовленій, которыя не могутъ не имѣть въ виду прежде всего Россіи,—это значитъ безъ надобности расписываться въ своемъ безсиліи предотвратить то, что никакого удовольствія намъ доставить не можетъ.

Что касается до турокъ, то на нихъ наша дружба повліяла какимъ то страннымъ образомъ.

II.

Мы уже говорили, что кромѣ вопроса о судьбахъ христіанскаго населенія, другимъ основнымъ началомъ нашей политики на Ближнемъ Востокѣ является вопросъ о проливахъ. Со времени его возникновенія, можно смѣло сказать, что никогда вопросъ этотъ не получалъ столь неблагопріятной для насъ постановки, какъ за послѣднее время.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возникало прежде когда-либо сомнѣніе въ правѣ свободнаго прохода черезъ проливы не военныхъ, а торговыхъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ?

Правда, послѣ переговоровъ Турки отказались отъ своего страннаго притязанія, однако тотъ же вопросъ всталъ въ другой формѣ, когда зашла рѣчь о возможной блокадѣ Дарданеллъ итальянскою эскадрою и отвѣтномъ предположеніи Турокъ устроить въ проливѣ минныя заграждения.

Выступленіе нашей дипломатіи, съ циркулярнымъ запросомъ по поводу этого, едва ли можно признать удачнымъ. Мы отдаемъ себѣ вполнѣ отчетъ въ необходимости оградить интересы нашей торговли, но не лучше ли было бы не намъ брать инициативу въ постановкѣ вопроса о проливахъ на почву международнаго права, предоставивъ другимъ державамъ, или даже побудивъ нашихъ друзей, оказать давленіе на Турцію, которое имѣло бы для насъ тотъ же самый результатъ. Не забудемъ щекотливость нашего положенія: сегодня съ Турціей воюетъ Италія, а завтра... кто поручится, что мы не можемъ очутиться на

мѣстѣ послѣдней. Развѣ не припомнятъ намъ тогда нашихъ собственныхъ заявленій?

Впрочемъ, наша дипломатія не замедлила теперь же стать сама съ собою во внутреннее противорѣчіе. Когда шла рѣчь о торговыхъ интересахъ, мы подчеркнули международный характеръ положенія о проливахъ, но, какъ теперь оказывается, нашъ посолъ въ Константинополѣ въ то же самое время вступилъ съ Портой въ переговоры насчетъ тѣхъ же проливовъ, добиваясь разрѣшенія этого вопроса путемъ соглашенія двухъ державъ—Россіи и Турціи. Гдѣ же тутъ логика?—Пусть со стороны Н. В. Чарыкова была сдѣлана оплошность, и онъ придалъ переговорамъ официальный характеръ, тогда какъ отъ него требовали болѣе осторожнаго нащупыванія почвы. Мы не будемъ спорить, что это серьезный промахъ, но сути дѣла это не мѣняетъ,—остается впечатлѣніе той же двойственности.

Вообще, нельзя не признать, что мечты о разрѣшеніи вопроса о проливахъ въ нашу пользу мирнымъ договорнымъ путемъ—едва ли принадлежатъ къ области реальной политики. Въ случаѣ обращенія къ державамъ, тѣ изъ нихъ, которыя соглашаются, дѣлаютъ это лишь въ увѣренности, что этому помѣшаютъ другія. Яркій примѣръ такого отношенія даетъ намъ Австрія. Вплоть до Бухлау въ основѣ нашихъ отношеній съ Вѣнскимъ кабинетомъ лежалъ, между прочимъ, тотъ же вопросъ о проливахъ, въ которомъ Австрійцы проявляли крайнюю уступчивость, отлично понимая, что реальнаго значенія она имѣть не можетъ, и выговаривая себѣ тѣмъ временемъ съ нашей стороны уступки гораздо болѣе осязательнаго свойства. Теперь условія измѣнились. Отношенія Россіи съ Германіей улучшились, Италія занята въ Триполи, «Англія похоронила свой традиціонный антагонизмъ къ Россіи въ тройственномъ соглашеніи». Печать облетѣло извѣстіе, что Россія вступила въ непосредственные переговоры съ Турціей по вопросу о проливахъ, Истинный взглядъ Австріи на положеніе вопроса не замедлилъ обнаружиться. Въ Вѣнской «Reichspost» появилась официозная статья, въ которой говорилось между, прочимъ, слѣдующее:

«Право на свободный проходъ Россіи черезъ проливы имѣло бы для Австро-Венгріи громадное значеніе, такъ какъ появленіе русскихъ морскихъ силъ въ восточной части

Средиземнаго моря вызвало бы тамъ полнѣйшій переворотъ въ распредѣленіи морскихъ силъ къ ущербу Австро-Венгріи. Уже нынѣ Австро-Венгрія въ случаѣ морской войны находится въ затруднительномъ положеніи; положеніе ея стало бы безнадежнымъ, если бы ей пришлось считаться еще съ дредноутами русскаго Черноморскаго флота. Открытіе проливовъ для русскаго флота привело бы къ заключенію военной конвенціи съ Греціей и устройству станцій для русскаго флота въ Эгейскомъ морѣ, благодаря чему Россія пріобрѣла бы господствующее положеніе въ восточной части Средиземнаго моря, то-есть то, чего она тщетно добивалась въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ 1878 г. Вторженіе Россіи въ Средиземное море вызвало бы переворотъ во всей средиземно-морской политикѣ и явилось бы угрозой для прочности тройственнаго союза, такъ какъ, въ виду параллельныхъ интересовъ Россіи и Италіи, послѣдняя держава не могла бы уже больше оставаться въ тройственномъ союзѣ.

До сихъ поръ всѣ великія державы видѣли общій европейскій интересъ въ томъ, чтобы проливы оставались закрыты для иностранныхъ военныхъ флотовъ, и прежде всего для русскаго, въ цѣляхъ непосредственной охраны Турціи. Разъ часть великихъ державъ за послѣднее время, повидимому, склоняется къ другимъ взглядамъ, то въ предѣлахъ возможности, что и сама Турція подъ вліяніемъ нынѣшнихъ затрудненій дастъ себя склонить къ уступкѣ своихъ собственныхъ интересовъ. Чѣмъ болѣе, однако, другія державы отклонятся отъ существовавшаго доселѣ взгляда на охранительное значеніе договоровъ, касающихся Дарданеллъ, тѣмъ болѣе выступаетъ Австро-Венгрія въ первый рядъ другихъ державъ, для которыхъ нерушимость этихъ договоровъ составляетъ самый жизненный интересъ. Задачею Австро-Венгріи, а главнымъ образомъ австро-венгерскаго посла въ Константинополѣ является, такимъ образомъ, отстаиваніе съ величайшею энергіею этихъ своихъ интересовъ, такъ какъ отказъ отъ нихъ былъ бы дѣломъ уже никогда непоправимымъ» *).

Такъ обстоитъ вопросъ въ настоящее время. Добиться единодушія державъ, какъ видно, невозможно. Обойтись

*) Reichspost, $\frac{\text{4 ноября}}{\text{22 октября}}$ 1911 г. См. также П. Т. А., отъ 23 октября 1911 г.

безъ него и руководиться въ политикѣ воспоминаніемъ объ Ункіаръ-искелессійскомъ договорѣ 1833 г. могутъ только мечтатели, стремящіеся стяжать лавры для Россіи, но едва ли успѣвшіе доказать, что они ихъ заслуживаютъ.

Что касается стратегической постановки вопроса о проливахъ, то теперь въ связи съ явнымъ намѣреніемъ Турціи обзавестись сильными боевыми единицами, и невозможностью для насъ вводить черезъ проливы покупныя суда,—вопросъ о проливахъ заслоненъ гораздо болѣе серьезнымъ вопросомъ о преобладаніи на Черномъ морѣ. Намъ слишкомъ хорошо извѣстны результаты отечественнаго судостроительства, чтобы мы могли питать преувеличенныя надежды на скорое и дѣйствительное обновленіе черноморскаго флота такимъ путемъ. Между тѣмъ пріобрѣтеніе дредноутовъ для Турціи есть лишь вопросъ отысканія средствъ на ихъ покупку, и въ этомъ дѣлѣ у Турціи легко могутъ найтись услужливые друзья, хорошо умѣющіе обезпечить оказываемый кредитъ.

III.

Къ вопросу этому нельзя не возвращаться съ возрастающимъ вниманіемъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ мѣропріятій, указывающихъ на то, какъ серьезно готовятся Турки на случай войны съ Россіей.

Намъ пришлось недавно ознакомиться съ любопытнымъ отзывомъ одного турецкаго офицера; въ немъ ярко отразились ходячія воззрѣнія многихъ изъ его соотечественниковъ.—Война въ Триполи это въ сущности преходящее затрудненіе. Потерявъ Африканскія владѣнія, Турція не станетъ отъ этого слабѣе, у нея отнимется только лишняя забота, и получится возможность бо́льшаго сосредоточенія своихъ усилій тамъ, гдѣ лежитъ прошлое и будущее Оттоманскаго могущества. Такой областью является Малая Азія. Историческимъ соперникомъ на этомъ пути является Россія. Предоставимъ дипломатамъ и публицистамъ мечтать о сближеніи, или даже союзѣ съ этой державой. Можетъ быть такъ даже и лучше говорить, но дѣйствовать нужно иначе. Нужно обзаводиться сильнымъ флотомъ, который парализуетъ дѣйствіе русскихъ военныхъ кораблей въ Черномъ морѣ и помѣшаетъ имъ, въ случаѣ войны, под-

держивать сообщеніе между малоазіатскимъ побережьемъ и русской базой. Нужно упрочиться въ Урмійскомъ округѣ и продолжать начатое дѣло мирнаго завоеванія Азарбейджана. На протесты персовъ и русскихъ нужно отнѣкиваться, выражать готовность придти къ соглашенію, или передать дѣло третейскому разбирательству. Все это нужно говорить, чтобы время шло, а пока русскіе пишутъ, мы будемъ укрѣпляться. Въ этихъ краяхъ надо внушать населенію, что Турки являются освободителями мусульманскаго народа, что исламъ долженъ всѣхъ объединять въ общей задачѣ. Не только въ Персіи, но и въ Закавказьи пусть неустанно будетъ внѣдряться мечта объ освобожденіи правовѣрныхъ подъ знаменемъ полумѣсяца. Вотъ гдѣ настоящія задачи Турціи, вотъ то дѣло, которое способно влить свѣжія силы и вдохновить бодрость во всѣхъ Оттоманахъ отъ Босфора до Персидскаго залива, захлестывая Кавказъ и Среднюю Азію могучей волной пробудившагося ислама.

Такъ думаютъ Турки, и въ данномъ случаѣ слово не расходится у нихъ съ дѣломъ. Они уже приняли мѣры къ пріобрѣтенію сильныхъ судовъ; уже предусматривается, повидимому, возможность такого положенія, при которомъ въ теченіе цѣлаго года, или даже больше, Турки, будутъ сильнѣе насъ на Черномъ морѣ. Прозѣвавъ эту опасность, наша дипломатія старается исправить свой промахъ переговорами о проливахъ, но, къ сожалѣнію, утопія не способна замѣнить дѣло.

Наше правительство начинаетъ болѣе серьезно смотрѣть на положеніе дѣлъ въ Урмійскомъ округѣ, и этого нельзя не привѣтствовать. Упроченіе турокъ въ этой мѣстности представляетъ для нихъ двоякое значеніе. Прежде всего они получаютъ прекрасное сообщеніе между мѣстами расположенія своихъ войскъ въ Багдадскомъ и Эрзерумскомъ округахъ. Такимъ образомъ, вопросъ мобилизаціи въ направленіи къ русской границѣ получаетъ для нихъ удовлетворительное разрѣшеніе. Кромѣ того, Урмійскій округъ является базой для постепеннаго распространенія турокъ во всей Азарбейджанской провинціи.

Въ Потсдамѣ С. Д. Сазоновъ заручился со стороны Германіи опредѣленнымъ обѣщаніемъ не вмѣшиваться въ этотъ вопросъ и не поддерживать Турокъ, хотя, конечно,

не составляетъ секрета, что стратегическое значеніе Урмійскаго округа было въ свое время растолковано Туркамъ нѣмецкими инструкторами. Какъ бы то ни было, офиціально Берлинскій кабинетъ связанъ заявленіемъ о нейтральности, и это что-нибудь да значитъ. 16 ноября 1911 г. мы прочли въ газетахъ слѣдующее офиціальное сообщеніе: «6 ноября на возвращавшагося изъ города Урміи въ Хой офицера казачьяго конвоя при консульствѣ въ этомъ послѣднемъ городѣ, сотника Бичеряхова, который ѣхалъ въ сопровожденіи 20 казаковъ, произведено было нападеніе со стороны разбойничающихъ въ этомъ районѣ Курдовъ при участіи повидимому и другихъ злоумышленниковъ, при чемъ въ послѣдовавшей перестрѣлкѣ означенный офицеръ былъ тяжело раненъ тремя пулями.

Въ виду приведеннаго случая, а также общаго отсутствія безопасности на весьма важномъ для насъ въ торговомъ отношеніи караванномъ пути изъ Джульфы черезъ Хой въ Урмію, и принимая во вниманіе, что само персидское правительство совершенно безсильно возстановить и поддерживать въ этой части своихъ владѣній порядокъ,— русское правительство рѣшило временно усилить казачій конвой при консульствѣ въ Хоѣ небольшой пѣхотной частью при орудіяхъ. Соотвѣтствующій отрядъ, распоряженіемъ кавказскихъ военныхъ властей, вмѣстѣ съ симъ отправляется въ Хой, при чемъ на него возложена задача установить охрану упомянутаго выше пути».

Посылку русскаго отряда въ Хой мы съ своей стороны считаемъ гораздо болѣе цѣлесообразной мѣрой, чѣмъ карательную экспедицію противъ г. Шустера, о которой намъ еще придется говорить. Если намъ удастся установить извѣстный заслонъ противъ дальнѣйшаго распространенія Турокъ, и мы сумѣемъ побудить ихъ отказаться отъ захватовъ, то цѣль будетъ достигнута. Можно опасаться лишь возникновенія инцидентовъ, всегда возможныхъ, когда отряды двухъ соперничающихъ державъ приходятъ въ слишкомъ близкое соприкосновеніе, но мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ со стороны Россіи должны быть проявлены твердость и настойчивость.

Въ связи со всѣми этими вопросами, нельзя не указать также на состоявшійся, въ августѣ 1911 г., переходъ концессій на постройку и эксплоатацію портовъ Чернаго моря

Самсуна и Трапезунда въ руки новаго «Національнаго оттоманскаго банка», являющагося, повидимому, замаскированнымъ германскимъ предпріятіемъ. По словамъ освѣдомленнаго корреспондента «Новаго Времени», банку этому было отдано предпочтеніе передъ французскимъ синдикатомъ, несмотря на болѣе выгодныя условія послѣдняго, на томъ основаніи, «что не слѣдуетъ отдавать въ руки нашихъ союзниковъ-французовъ такіе важные въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніи порты, какъ лежащіе близъ русской границы Самсунъ и Трапезундъ, ибо французы могутъ покровительствовать тамъ русскимъ интересамъ, интригамъ и притязаніямъ» *).

Такъ въ общемъ неблестяще обстоитъ для насъ дѣло на Ближнемъ Востокѣ. Политика туркофильства не улучшила нашего положенія, поколебленнаго послѣ русско-японской войны. Вопросъ «дружбы» уступаетъ мѣсто соображеніямъ о достоинствѣ Россіи и мѣрамъ охраны ея безопасности

IV.

До самаго недавняго времени Средній Востокъ представлялся областью, на которую можно было указывать съ чувствомъ положительнаго удовлетворенія. Наши успѣхи и пріобрѣтенія въ Средней Азіи непосредственно слѣдовали за періодами неудачъ, либо пріостановокъ въ другихъ областяхъ. Россія словно отыгрывалась на Средней Азіи. Правда, мы до сихъ поръ сумѣли лишь въ самой незначительной долѣ извлечь выгоды изъ многихъ нашихъ пріобрѣтеній, но при этомъ все же могли утѣшаться надеждою, что они представятъ богатое поле для примѣненія энергіи и предпріимчивости, когда разовьются свободныя силы въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ на Среднемъ Востокѣ существовала область, на которую мы могли смотрѣть не только съ точки зрѣнія надеждъ въ будущемъ, но и достигнутыхъ уже значительныхъ результатовъ. Эта область—Персія, въ которой русская торговля давно умѣла завоевать себѣ первое мѣсто, значительно опережая Англію. Два года спустя послѣ Портсмутскаго договора, т.-е. когда Россія только еще начала оправляться отъ пережитыхъ испытаній, А. П.

*) «Новое Время», 14 августа 1911 г.

Извольскому удалось заключить соглашеніе съ Англіей на почвѣ признанія ею невозможности дальнѣйшаго соперничества съ Россіею въ сѣверной Персіи. Пусть припомнятъ читатели характеристику русскихъ усилій и достигнутыхъ результатовъ, которую сдѣлалъ въ Палатѣ общинъ англійскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ. Она могла вызывать чувство справедливаго удовлетворенія въ тѣхъ, кто радъ отмѣтить, когда можно, не одни наши недочеты, но и что-нибудь положительное *).

Но что же! То самое соглашеніе, которое, казалось, полагаетъ новое основаніе для упроченія и мирнаго развитія экономическихъ интересовъ Россіи въ сѣверной Персіи,—оно явилось какъ будто поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начался цѣлый рядъ нашихъ злоключеній въэтой области.

Англо-русское соглашеніе можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія—экономической и политической. О политическихъ послѣдствіяхъ соглашенія въ отношеніи къ Персіи намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Что касается нашихъ экономическихъ интересовъ, то, хотя устраненіе англійскаго соперничества въ сѣверной Персіи снимало съ насъ бремя постоянной заботы, однако на ея мѣсто не замедлила выступить другая тревога—на сценѣ появился новый соперникъ, не имѣвшій ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ никакихъ основаній требовать равноправнаго положенія въ Персіи. Но, такъ какъ соперникъ этотъ назывался Германіей, и въ его распоряженіи были средства нажать чувствительныя кнопки въ другихъ мѣстахъ, чтобы получить желаемое, то съ нимъ волей-неволей нужно было считаться.

По этому поводу намъ приходиться остановиться нѣсколько на общемъ характерѣ нашихъ отношеній съ Германіей,

Одинъ изъ главныхъ недочетовъ общей политики А. П. Извольскаго заключался, конечно, въ недостаточномъ вниманіи къ нашему могущественному сосѣду. Талантливому министру быть можетъ многое гораздо лучше удалось бы, если бы онъ больше старался устранять нѣкоторые поводы раздраженія Берлинскаго кабинета, который всегда выказываетъ злопамятность въ подобныхъ случаяхъ.

---

*) См. «Великая Россія», кн. I, стр. 74.

Вотъ почему нельзя было не привѣтствовать перваго шага, съ котораго началъ замѣститель А. П. Извольскаго— С. Д. Сазоновъ, вступившій въ Потсдамѣ въ дружескій и дѣловой обмѣнъ мыслей съ Германскимъ правительствомъ. Нужно было покончить со всѣми этими недомолвками, обходами и открытымъ раздраженіемъ, усугублявшимся со стороны Германіи недовольствомъ на «неблагодарность» Россіи за болѣе, чѣмъ дружественный нейтралитетъ Берлинскаго кабинета во время недавней войны. Съ нашей же стороны было, пожалуй, смѣшно дуться на Германію, что она «завлекла» насъ на Дальній Востокъ; вѣдь такъ разсуждаютъ дѣти, которыхъ можно заставить нашалить и которыя сердятся на тѣхъ, кто подвелъ ихъ подъ наказаніе.

Общее значеніе Потсдамскаго свиданія заключалось въ томъ, что между обѣими сосѣдними Имперіями возстанавливался дружелюбный обмѣнъ взглядовъ; обѣ онѣ рѣшили, вмѣсто того, чтобы при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ дѣлать-другъ другу непріятности и затрудненія, сговориться по отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ. Во время этихъ переговоровъ Германія, какъ говорятъ, по собственному побужденію, заявила, что Россія можетъ быть спокойна насчетъ дальнѣйшихъ поползновеній Австріи къ территоріальнымъ захватамъ на Балканахъ, и что во всякомъ случаѣ, Берлинскій кабинетъ не чувствуетъ ни охоты ни обязанности поддерживать Вѣнскій кабинетъ въ этомъ направленіи.

Потсдамское свиданіе породило много преувеличенныхъ слуховъ, впослѣдствіи разсѣявшихся. Во Франціи и въ Англіи многіе всполошились, и было даже произнесено горячими людьми слово: измѣна. Но впечатлительнымъ политикамъ самимъ измѣнила въ данномъ случаѣ память, они забыли про соглашеніе, заключенное Франціею съ Германіей по Марокскимъ дѣламъ въ самый разгаръ Боснійскаго инцидента, когда Россія имѣла гораздо больше основаній расчитывать на корректную сдержанность Парижскаго кабинета. Съ этой точки зрѣнія Потсдамское свиданіе могло, на нашъ взглядъ, послужить полезнымъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто склоненъ былъ бы признавать за Россіей однѣ обязанности, забывая о ея законныхъ правахъ *).

*) Впрочемъ посѣщеніе С. Д. Сазоновымъ Парижа въ ноябрѣ 1911 года и пріемъ ему оказанный должны бы разсѣять опасенія и неудовольствія нашихъ союзниковъ.

V.

Помимо общихъ увѣреній, въ Потсдамѣ подвергнутъ былъ дѣловому обсужденію конкретный вопросъ—о желѣзныхъ дорогахъ въ Персіи. Это обстоятельство снова возвращаетъ насъ къ покинутому нами Среднему Востоку.

Положеніе дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ: Россія обладала долгое время обязательствомъ со стороны Персіи, ограждавшимъ ее отъ иностраннаго соперничества въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства. Подъ покровомъ этого обязательства русская промышленность могла спокойно развиваться, завоевывая сѣверъ Персіи до того предѣла, гдѣ она встрѣчала соперничество иностранныхъ товаровъ, проникавшихъ съ юга черезъ Персидскій заливъ. Само собою разумѣется, такое положеніе не могло не считаться самымъ благопріятнымъ для нашихъ интересовъ. Но всему на свѣтѣ есть конецъ, и то, что нашей дипломатіи не удалось возобновить столь выгоднаго соглашенія, срокъ коего истекъ въ мартѣ 1910 года, т.-е. во время персидскихъ неурядицъ, отнюдь нельзя ставить ей въ упрекъ.—Соглашеніе съ Англіей, подѣлившее Персію на сферы вліянія, нисколько не связывало Германію. Между тѣмъ послѣдняя, заглядывая впередъ, когда окончено будетъ сооруженіе Багдадской жел. дор., пожелала заручиться соединеніемъ будущей магистрали съ Персидскими желѣзными дорогами, настоящими и будущими, какъ средствомъ проникновенія въ Персію. Фактъ этотъ, конечно, весьма для насъ непріятный, но не менѣе того естественный, отвѣчающій интересамъ, какъ Германіи, такъ и Персіи. Въ политикѣ хуже всего не считаться съ фактами неустранимыми, между тѣмъ, какъ въ каждомъ положеніи хотя бы и невыгодномъ бываетъ всегда одинъ исходъ похуже, другой получше.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Германія ясно дала понять, что соединеніе съ Персіей для Багдадской желѣзной дороги она считаетъ своимъ правомъ и будетъ на немъ настаивать, но что она желала бы не ссориться съ Россіей и принять во вниманіе ея интересы. На этой почвѣ и происходилъ обмѣнъ взглядовъ. Въ Потсдамѣ обѣ стороны пришли къ слѣдующему принципіальному соглашенію: когда Россія выполнитъ проектированную ею сѣть желѣзныхъ

дорогъ въ Персіи, то она обязана довершить ее соединеніемъ Тегерана съ Ханекиномъ—пунктомъ на Персидской границѣ, куда должна пройти соединительная вѣтвь отъ Багдадской жел. дор. Россіи предоставлялось при этомъ отказаться отъ сооруженія дороги Тегеранъ-Ханекинъ, если бы она сочла это невыгоднымъ, въ пользу Германіи.— Въ свою очередь, Германія обязывалась при соблюденіи выговореннаго условія, признать сферу русскаго политическаго и экономическаго вліянія въ районѣ, отмежеванномъ англо-русскимъ соглашеніемъ, и не добиваться въ ней для себя и для своихъ подданныхъ никакихъ концессій.

Въ такомъ видѣ, предполагавшееся соглашеніе съ Германіей имѣло за себя весьма вѣскія данныя. Нельзя не пожалѣть, что, отстаивая его предъ общественнымъ мнѣніемъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ подпало соблазну открыть нѣкоторыя карты, въ которыхъ не преминули, повидимому, разобраться и въ Берлинѣ. Такъ, чтобы успокоить газеты и промышленниковъ, имъ сказали: «Да чего вы волнуетесь. Вѣдь дорогу на Ханекинъ мы дадимъ послѣ того, какъ наша сѣть въ Персіи будетъ закончена, а когда мы ее еще начнемъ?»—Другихъ общественныхъ дѣятелей, которые не столько разбирались въ экономическихъ послѣдствіяхъ новаго положенія, сколько протестовали противъ уступки «германизму» то же министерство иностранныхъ дѣлъ всячески поощряло въ утопической затѣѣ «великаго Индійскаго пути», долженствующаго соединить Индію сквознымъ путемъ по безплоднымъ мѣстностямъ Персіи съ Россіей и Европой. Проектъ этотъ надѣлалъ столько же шума, сколько и вреда, ибо тотчасъ по заключеніи Потсдамскаго свиданія, имѣвшаго въ виду разсѣять отчасти туманъ предубѣжденій между Петербургскимъ и Берлинскимъ кабинетомъ, было по меньшей мѣрѣ не тактично показывать, что мы не прочь подставить той же Германіи подъ ножку. Между тѣмъ, если хорошенько разобраться въ проектѣ Индійскаго пути, то его несостоятельность обнаруживается и съ этой стороны. Прежде всего нельзя не раздѣлить опасенія, высказаннаго въ свое время Г. А. Крестовниковымъ, что устройство транзитнаго пути черезъ Россію и Персію будетъ убыточно, и что въ томъ или въ другомъ видѣ крупная приплата упадетъ на

русскую казну, Но, если бы путемъ искусственнаго пониженія тарифовъ, новый путь получилъ значеніе для транзита иностранныхъ товаровъ,—то въ этомъ случаѣ та же Германія нашла бы лишній способъ проникновенія въ Персію. Странная роль предназначалась бы для желѣзныхъ дорогъ въ самой Россіи,—служить борьбѣ германской промышленности противъ русскаго вывоза.

Въ проектѣ «великаго Индійскаго пути» звучитъ и другая опасная нота, связанная съ извѣстной красотой его замысла. На горькомъ опытѣ мы могли бы научиться тому, во что обходятся намъ міровыя мечтанія. Мы въ свое время не остановились передъ затратой сотенъ милліоновъ, чтобы приблизить Европу къ Тихому океану, а въ итогѣ мы только придвинули китайскую колонизанію вплотную къ нашимъ предѣламъ, не говоря уже о послѣдствіяхъ войны, до которой мы неизбѣжно докатились по проложеннымъ нами рельсамъ. Въ мечтахъ иниціаторовъ «великаго Индійскаго пути» значится между прочимъ сооруженіе вѣтки къ Чехбару съ выходомъ къ Индійскому океану. Такъ было время, когда дорога съ выходомъ къ Желтому морю представлялась лишь въ видѣ вѣтки, отъ магистрали Сибирь—Владивостокъ, но она привела насъ, въ Портъ-Артуръ, ставшій средоточіемъ всего предпріятія.

Всѣ эти толки о томъ, какъ и когда русское правительство предполагаетъ осуществить соединеніе сѣти Персидскихъ дорогъ съ Ханекиномъ, а также шумиха «великаго Индійскаго пути» не могли не повліять на настроеніе въ Берлинѣ и на отношеніе къ переговорамъ, затянувшимся еще къ тому же вслѣдствіе болѣзни С. Д. Сазонова.

Мы не знаемъ вообще, въ какой мѣрѣ отвѣтственность за направленіе внѣшней политики, принятое во время длительнаго междуцарствія, можетъ быть возложена на временнаго замѣстителя министра иностранныхъ дѣлъ, при всѣхъ личныхъ качествахъ едва ли обладавшаго авторитетностью, достаточной для отвѣтственнаго руководителя внѣшней политики *). Какъ бы то ни было, но соглашеніе, которое было, въ концѣ-концовъ, подписано 6 августа

*) Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы оговориться, что насъ вообще интересуетъ не вопросъ о степени отвѣтственности того или другого лица, или учрежденія, но оцѣнка даннаго положенія, отрицательныя стороны коего гораздо больше зависятъ отъ общихъ порядковъ, чѣмъ отъ лицъ.

1911 г., значительно разнится отъ первоначальнаго проекта, и при томъ разница эта далеко не въ нашу пользу. Въ виду важности этого документа, мы приводимъ здѣсь полностью его текстъ:

«Правительства русское и германское, исходя изъ принципа равноправія въ отношеніи торговли всѣхъ націй въ Персіи; имѣя въ виду, съ одной стороны, что у Россіи имѣются въ этой странѣ спеціальные интересы и что, съ другой стороны Германія преслѣдуетъ тамъ лишь коммерческія цѣли, вошли въ соглашеніе относительно слѣдующихъ пунктовъ:

Статья I.

Императорское германское правительство заявляетъ, что оно не имѣетъ намѣренія ни добиваться для себя самого, ни поддерживать домогательствъ со стороны германскихъ или иностранныхъ подданныхъ, концессій желѣзнодорожныхъ, дорожныхъ, навигаціонныхъ и телеграфныхъ къ сѣверу отъ линіи, идущей отъ Касри-Ширина, пролегающей черезъ Исфаганъ, Іездъ и Хакъ и кончающейся на афганской границѣ на широтѣ Гязика.

Статья II

Со своей стороны, русское правительство, имѣя въ виду получить отъ персидскаго правительства концессію на созданіе сѣти желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ Персіи, обязуется, въ числѣ прочихъ, испросить концессію на постройку пути, который долженъ исходить изъ Тегерана и окончиться въ Ханекинѣ для смычки, на турецко-персидской границѣ, означенной сѣти съ линіей Садидже-Ханекинъ, какъ только эта вѣтвь Конія-Багдадской желѣзной дороги будетъ окончена. Разъ эта концессія будетъ получена, работы по постройкѣ означенной линіи должны будутъ быть начаты не позже какъ черезъ два года послѣ окончанія Садидже-Ханекинской вѣтки и окончены въ теченіе четырехъ лѣтъ. Русское правительство предоставляетъ себѣ опредѣлить въ свое время окончательное направленіе означенной линіи, считаясь съ пожеланіями германскаго правительства по этому предмету. Оба правительства облегчатъ международ-

ное сообщеніе на линіи Ханекинъ-Тегеранъ, а также на линіи Ханекинъ-Багдадъ, избѣгая всякихъ мѣръ, которыя могли бы препятствовать ему, какъ напримѣръ, установленія транзитныхъ пошлинъ или примѣненія диференціальнаго тарифнаго обложенія. Если по истеченіи двухъ лѣтъ съ момента, когда Садидже-Ханекинская вѣтка Конія-Багдадской желѣзной дороги будетъ закончена, не будетъ приступлено къ постройкѣ линіи Ханекинъ-Тегеранъ, русское правительство увѣдомитъ германское правительство, что оно отказывается отъ концессіи, относящейся къ этой послѣдней линіи. Германское правительство въ этомъ случаѣ будетъ вольно домогаться, со своей стороны, этой концесіи.

Статья III.

Признавая общее важное значеніе, которое имѣло бы для международной торговли осуществленіе Багдадской желѣзной дороги, русское правительство обязуется не принимать мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы воспрепятствовать постройкѣ ея или помѣшать участію иностранныхъ капиталовъ въ этомъ предпріятіи, при условіи, разумѣется, что это не повлечетъ за собою для Россіи никакой жертвы денежнаго или экономическаго свойства.

Статья IV.

Русское правительство сохраняетъ за собою право поручить осуществленіе проекта желѣзнодорожной линіи, имѣющей связать ея сѣть въ Персіи съ линіею Садидже-Ханекинъ, иностранной финансовой группѣ по своему выбору, вмѣсто того, чтобы озаботиться само ея постройкою.

Статья V.

Независимо отъ того, какимъ образомъ постройка означенной линіи будетъ осуществлена, русское правительство предоставляетъ себѣ право на всякое участіе въ работахъ, какое оно могло бы пожелать, а равно право выкупить означенную желѣзную дорогу по цѣнѣ дѣйствительныхъ

затратъ, понесенныхъ строителемъ. Высокія договаривающіяся стороны обязуются, кромѣ того, предоставить другъ-другу участіе во всѣхъ привилегіяхъ тарифныхъ и иныхъ, которыя одна изъ нихъ могла бы получить въ отношеніи этой линіи.

Во всякомъ случаѣ, остальныя постановленія настоящаго соглашенія останутся въ силѣ».

С.-Петербургъ,
6 августа 1911 года.

Что же даетъ намъ это соглашеніе?—Отмѣтимъ прежде всего его положительныя стороны.—Германія признаетъ «спеціальные интересы» Россіи въ Персіи. Для иллюстраціи этого признанія достаточно сослаться на упомянутое уже нами обѣщаніе Германіи не поддерживать Турцію въ ея поползновеніяхъ на Урмійскій округъ. Мы уже оцѣнили по достоинству значеніе этого заявленія, въ свое время печатно подтвержденнаго С. Д. Сазоновымъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Новаго Времени» и отнюдь не желаемъ умалить этого результата Потсдамскаго свиданія, потому что намъ слишкомъ хорошо извѣстно, какъ склонны турки играть на разногласіяхъ между кабинетами, или ссылаться въ переговорахъ на вымышленное давленіе или подстрекательство другой державы.

«Не менѣе важно,—по словамъ офиціозной статьи въ «Россіи»,—принятое на себя Германіей обязательство не домогаться концесій желѣзнодорожныхъ, шоссейныхъ, навигаціонныхъ и телеграфныхъ въ отмежованной Россіи по англо-русскому соглашенію 1907 года зонѣ, нѣсколько расширенной, къ тому же, на востокѣ, гдѣ зона эта примыкаетъ къ афганской границѣ» *).

Съ этой оцѣнкой нашего офиціоза мы однако, не можемъ согласиться. Хотя Германія отказывается отъ многихъ серьезныхъ предпріятій въ сѣверной Персіи, однако въ случаѣ желанія, за ней останется право устраивать займы, обезпеченные тѣми или другими гарантіями, учреждать банки, проводить телефоны, освѣщать города, и т. д., словомъ, дверь для промышленнаго проникновенія въ Персію и для экономическаго утвержденія въ ней Германіи,

*) См. «Россія», № 1755, 7 августа 1911.

остается далеко не закрытой. Самый отказъ отъ желѣзнодорожныхъ концессій обусловленъ весьма существенной оговоркой: Германія сама не будетъ строить дорогъ, но Россія въ угоду ей обязана построить линію Тегеранъ-Ханекинъ, при чемъ «работы по постройкѣ означенной линіи должны будутъ быть начаты не позже, какъ черезъ два года послѣ окончанія Садидже-Ханекинской вѣтки и окончены въ теченіе четырехъ лѣтъ».

Мы видимъ, какъ положеніе сторонъ измѣнилось ко времени подписанія соглашенія. Послѣ свиданія въ Потсдамѣ наши дипломаты слишкомъ поторопились сообщить, что въ ихъ рукахъ всецѣло рѣшеніе вопроса о томъ, когда придется строить соединительную вѣтку для нѣмцевъ; само собою разумѣется, что послѣдніе вовсе не желали оставаться въ такой зависимости отъ Россіи и благоразумно предпочли помѣняться съ нею ролями. Газета «Россія» утѣшаетъ насъ неизвѣстно откуда почерпнутымъ соображеніемъ, что «Садидже-Ханекинская линія можетъ быть готова приблизительно черезъ 7 лѣтъ», и что такимъ образомъ «Тегеранъ-Ханекинскій путь можетъ осуществиться лѣтъ черезъ 13. Этимъ срокомъ намъ и надлежитъ воспользоваться, чтобы укрѣпить наше собственное торговое положеніе на рынкахъ сѣверной Персіи и подготовиться къ предстоящей намъ конкурренціи со стороны германской промышленности».

Оставляя на отвѣтственности авторовъ статьи исчисленіе сроковъ, мы не раздѣляемъ ихъ оптимистической оцѣнки, будто «такой оборотъ дѣла слѣдуетъ признать для насъ вполнѣ благопріятнымъ»; еще менѣе благопріятенъ онъ для министерства иностранныхъ дѣлъ, которое въ началѣ переговоровъ сулило одно, а въ концѣ согласилось на совсѣмъ иное. Что касается «подготовки» къ предстоящей намъ «конкуренціи», то позволительно спросить, въ чемъ она можетъ выражаться?—Вѣдь не въ сооруженіи «великаго Индійскаго пути»!—Если же дипломаты посовѣтуютъ промышленникамъ принять мѣры къ удешевленію и улучшенію постановки производства, то вполнѣ увѣренный, что въ этой области очень многое оставляетъ желать лучшаго, я позволю себѣ замѣтить, что и промышленники не съ меньшимъ основаніемъ могутъ сказать представителямъ

правительства: «чтобы производство удешевилось и улучшилось, поднимите культуру въ Россіи, дайте намъ такихъ рабочихъ, какъ въ Германіи; раньше чѣмъ заботиться о великихъ міровыхъ путяхъ, позаботьтесь о нашихъ проселкахъ, и т. д. и т. д.—Къ сожалѣнію, какъ благіе совѣты дипломатовъ, такъ и возможныя на нихъ возраженія остаются въ предѣлахъ чистой словесности, не болѣе того.

Чтобы покончить съ русско-германскимъ соглашеніемъ, отмѣтимъ еще, что Россія обязалась не препятствовать постройкѣ Багдадской жел. дороги, и участію въ ней иностранныхъ капиталовъ, «при условіи, разумѣется, что это не повлечетъ за собою для Россіи никакой жертвы денежнаго или экономическаго свойства». Иными словами, Россія развязываетъ руки французскимъ капиталистамъ и экономическому сближенію Франціи и Германіи.

При нынѣшнемъ состояніи Франціи и того мѣста, которое занимаютъ въ ней космополитическіе интересы капитала, французскому правительству все труднѣе становилось сдерживать тенденцію банковъ къ сдѣлкамъ, безразлично отъ ихъ политическаго характера. Теперь мы сами толкаемъ нашу союзницу на этотъ путь, опасный болѣе всего для насъ. Если-бъ дѣло шло только о соглашеніи по поводу Багдадской желѣзной дороги, то при извѣстныхъ условіяхъ его можно было бы привѣтствовать, ибо все равно сооруженію этой дороги мы помѣшать не можемъ. Но при этомъ слѣдовало соблюсти принципъ: do ut des, а въ упомянутой нами уступкѣ мы этого равновѣсія не наблюдаемъ. Хорошо еще, что мы оговорились насчетъ собственныхъ жертвъ. По словамъ «Россіи» оговорка эта «относится, очевидно, главнымъ образомъ къ извѣстной четырехъ процентной надбавкѣ на турецкія таможенныя пошлины, которою имѣлось въ виду обезпечить уплату километрической гарантіи обществу Багдадской желѣзной дороги».

Такимъ образомъ, этотъ хотя и небольшой козырь еще остается въ нашихъ рукахъ. Отказаться отъ него задаромъ мы не можемъ, во-первыхъ потому, что едва ли намъ расчетъ увеличивать средства Турціи на вооруженія, а во-вторыхъ у насъ столь же мало основанія соглашаться на повышеніе обложенія нашего вывоза, состоящаго изъ малоцѣннаго товара, для котораго 4% надбавка можетъ оказаться очень чувствительною.

Въ итогѣ, бросая общій взглядъ на русско-германское соглашеніе, мы не можемъ не признать, что уступки, сдѣланныя нами Германіи далеко не отвѣчаютъ тѣмъ, которыя отъ нея получили, и когда дипломаты приглашаютъ насъ не забывать, «что этотъ письменный актъ явился послѣдствіемъ прошлогодняго обмѣна мыслей между Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновымъ и руководителями германской внѣшней политики, во время котораго были затронуты и другіе вопросы, касающіеся интересовъ обѣихъ державъ на Ближнемъ Востокѣ», то мы въ правѣ спросить себя, отъ чего же они про это «забыли», когда формулировали текстъ соглашенія? Къ тому же насъ успокаиваютъ «что русско-германское соглашеніе ни въ чемъ не мѣняетъ группировки европейскихъ державъ». Какъ же понять слова, сказанныя въ Потсдамѣ, что новыя поползновенія Австріи къ захватамъ не встрѣтили бы поддержки Германіи?—Что же—остается все-таки прежняя «группировка державъ», дѣйствовавшая во время Боснійскаго инцидента, или нѣтъ? Или же слова, не закрѣпленныя никакимъ актомъ, такъ и остались словами, которыя могуть мѣнять значеніе совершенно такъ же, какъ измѣненъ былъ и первоначальный проектъ соглашенія?

О характерѣ и значеніи словесныхъ увѣреній мы судить не беремся; во всякомъ случаѣ они касаются лицъ, ихъ произносившихъ, и при перемѣнѣ дѣятелей, мало связываютъ государства. Остаются письменныя обязательства, и приходится признать, что относительно нашего будущаго экономическаго положенія въ Персіи соглашеніе 6-го августа знаменуетъ грань, которою заканчивается періодъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятный, и возвѣщается наступленіе новаго, когда русской торговлѣ предстоитъ выдержать борьбу, не на животъ, а на смерть, и намъ хотѣлось бы не предвѣщать ей заранѣе слишкомъ серьезнаго урона.

VI.

Значеніе для насъ Персіи оцѣнивается первостепенными экономическими и торговыми интересами въ этой странѣ, особенно въ сѣверной ея части. Въ соотвѣтствіи съ ними опредѣляются и наши политическіе интересы. Сущность ихъ въ нашихъ глазахъ сводится къ тому, чтобы

Персія оставалась государствомъ-буферомъ между нами и англичанами и чтобы въ ней поддерживался порядокъ и безопасность, необходимые для торговыхъ и промышленныхъ сношеній.

Съ этой точки зрѣнія представляется интереснымъ выяснить себѣ, что дало намъ соглашеніе съ Англіей въ Персіи въ области политической.

Передъ нами лежатъ два тома «Оранжевой книги» по персидскимъ дѣламъ, изданныхъ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, и обнимающихъ періодъ времени съ конца 1906 года по іюль 1909 года, т-е. вплоть до отреченія отъ Престола Мохаммедъ-Али-Шаха *). Хотя, такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ нѣтъ документовъ, относящихся къ послѣднему фазису исторіи Персіи, тѣмъ не менѣе и того, что есть, достаточно, чтобы выяснить себѣ въ какомъ направленіи пошла наша политика въ Персіи со времени соглашенія съ Англіей.

Одно обвиненіе, часто раздававшееся въ европейской печати, совершенно отпадаетъ при изученіи этихъ документовъ. Нашу дипломатію постоянно упрекали въ потворствѣ реакціоннымъ замысламъ въ Персіи, въ скрытыхъ интригахъ въ этомъ направленіи.—Изъ чтенія документовъ мы выносимъ впечатлѣніе, что болѣе прямодушной, послѣдовательной и энергичной поддержки конституціонныхъ началъ, чѣмъ та, какую мы оказывали въ Персіи, трудно себѣ представить. Чуть не каждая страница пестритъ представленіями, дѣлавшимися нашей Миссіей въ Тегеранѣ въ этомъ смыслѣ, совмѣстно съ англичанами.

Выводы, къ которымъ мы приходимъ, прочитавъ эти 575 страницъ офиціальнаго изданія, получились для насъ совершенно неожиданные: не слишкомъ ли мы перебарщили въ поддержкѣ пресловутой Персидской конституціи, и насколько шаги нашей дипломатіи въ этомъ смыслѣ были «въ строгомъ соотвѣтствіи съ принципомъ невмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи», провозглашенномъ обоими правительствами? Не ошиблось ли наше правительство адресомъ, такъ усердно отстаивая права народнаго представительства въ Персіи, вмѣсто того, чтобы истратить хотя

*) «Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи съ конца 1906 г. по іюль 1909 г.». Выпуски I и II, С.-Петербургъ, 1911 г.

долю той же энергіи на проведеніе въ жизнь у насъ дома манифеста 17 октября?

Что касается Персіи, то не образъ правленія въ этой странѣ, а обезпеченіе порядка и безопасности для нашей торговли и нашихъ экономическихъ интересовъ,—вотъ гдѣ, казалось бы, лежитъ для насъ центръ тяжести въ этомъ вопросѣ. Между тѣмъ, какъ видно изъ Оранжевой книги, со времени англо-русскаго соглашенія наша дипломатія совершенно утратила самостоятельность въ этомъ отношеніи, и принуждена была волей неволей соединить воедино два далеко не совпадающихъ въ Персіи вопроса.

Въ январѣ 1909 г., наше министерство иностранныхъ дѣлъ передало памятную записку Великобританскому Послу въ С.-Петербургѣ, въ коей указавалось, что «положеніе дѣлъ въ Персіи вмѣсто того, чтобъ улучшаться, съ каждымъ днемъ осложняется, и условія, въ которыхъ находится эта страна, дѣлаются крайне тяжелыми... Власть Шаха существуетъ лишь номинально, борьба партій продолжается, ввозъ прогрессивно падаетъ... Если обстоятельства будутъ продолжать развертываться въ этомъ направленіи, никто не можетъ предсказать, когда остановится распадъ Имперіи Кашгаровъ. Россія и Англія, экономическіе интересы которыхъ уже значительно пострадали за послѣднее время вслѣдствіе волненій въ Персіи, должны были бы серьезно взвѣсить нынѣшнее положеніе дѣлъ и постараться установить планъ дѣйствій, въ цѣляхъ устраненія дальнѣйшихъ осложненій, которыя могли бы заставить ихъ измѣнить пассивное отношеніе къ событіямъ въ Персіи... Одно лишь давленіе на Шаха въ цѣляхъ возстановленія конституціи не достигло бы цѣли, поставленной себѣ обѣими Державами. Если желательно добиться умиротворенія Персіи и установленія въ этой странѣ прочнаго порядка, небходимо не только введеніе разумной формы представительнаго правленія, но одновременно и помощь Шахскому правительству въ проведеніи насущно нужныхъ реформъ, между которыми выдвигаются въ первую очередь финансовая реформа, а затѣмъ реформы: административная, военная и судебная». Предлагалось дать совѣты Шаху относительно выбора «способныхъ и энергичныхъ людей» для образованія правительства, и выработки избирательнаго закона въ Меджилисъ. Наиболѣе существенные пункты, предусматри-

вали участіе Россіи и Англіи въ финансовомъ контролѣ, и въ связи съ этимъ, авансъ въ 5.000.000 франковъ на покрытіе неотложныхъ расходовъ, въ счетъ будущаго займа *).

«Взвѣсивъ всесторонне всѣ обстоятельства,—говорилось въ отвѣтной запискѣ Великобританскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ,—правительство Его Величества склонно думать, что для Великобританіи и Россіи было бы лучше всего оставаться совершенно въ сторонѣ отъ внутреннихъ дѣлъ Персіи и предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболѣе сильный элементъ въ странѣ не возьметъ верхъ.

Тѣмъ временемъ (Британское правительство) готово подвергнуться опасности, которая могла бы при этомъ угрожать британскимъ коммерческимъ интересамъ.

Правительство Его Величества не можетъ, однако, не признать, что для Россіи было бы труднѣе занять такое положеніе: у нея имѣются граница и населенныя области, смежныя съ тѣми частями Персіи, въ которыхъ происходятъ наибольшіе безпорядки.

Поэтому, если Русское Правительство придерживается того мнѣнія, что для Россіи не представляется возможнымъ принять тотъ образъ дѣйствій, который правительство Его Величества считаетъ наиболѣе желательнымъ, послѣднее готово дѣйствовать совмѣстно съ Русскимъ правительствомъ въ отношеніи будущихъ мѣръ. Правительство Его Величества... согласно съ тѣмъ, что условія, въ которыхъ страна эта находится, едва ли улучшатся, пока не будетъ установлено въ ней представительное правленіе. Оно даже получило изъ надлежащихъ источниковъ завѣреніе въ томъ, что, если бы конституція была дарована, то спокойствіе востановилось бы во всей Персіи. Въ виду этого Британское правительство полагаетъ, что въ настоящее время усилія обѣихъ Державъ должны бы быть направлены къ тому, чтобы склонить Шаха къ выполненію данныхъ имъ по сему предмету обѣщаній».

Соглашаясь преподать Шаху совѣты въ этомъ смыслѣ, и объ устраненіи реакціонныхъ совѣтниковъ, англійское правительство отвергало «предположеніе аванса», пока вы-

*) См. «Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи». Вып. II, стр. 54—59.

борное собраніе не одобрило бы сдѣлки, и полагало, «что вопросъ о контролѣ можетъ также быть отложенъ до тѣхъ поръ, пока установленіе конституціоннаго правленія не станетъ совершившимся фактомъ», тогда какъ «ссуда Шаху денегъ при настоящихъ условіяхъ была бы сочтена за демонстрацію противъ конституціоналистовъ въ пользу личной власти Шаха и что она явилась бы вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Персіи» *).

Результатъ переговоровъ между обоими кабинетами изложенъ въ памятной запискѣ нашего Министерства отъ 26 Марта 1909 г. Изъ него видно, что Русское правительство въ сущности по всѣмъ пунктамъ уступило мнѣніямъ Англійскаго, лишь скромно выговоривъ за собою право выдать Персидскому правительству свою долю аванса въ, $2^1/_2$ мил. франковъ, не дожидаясь одобренія законодательнымъ собраніемъ внѣшняго займа, но послѣ того, какъ Шахъ осуществитъ преподанные ему совѣты о реформахъ **).

На это послѣднее рѣшеніе наше правитесьство пошло послѣ того, какъ русскій повѣренный въ дѣлахъ удостовѣрилъ, «что въ настоящую минуту Персія въ самомъ дѣлѣ столь же нуждается въ деньгахъ, сколь и въ конституціи», а персидскій министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ ему, что персидская казна настолько бѣдна, что у нея нѣтъ средствъ «купить бумаги и чернила для программы» ***).

Переписка между русскимъ и англійскимъ кабинетами поучительна во многихъ отношеніяхъ. Изъ нея мы усматриваемъ, прежде всего, что сами англичане признаютъ различіе въ условіяхъ, въ которыхъ поставлена Россія и Англія по отношенію къ Персіи и трудность для первой оставаться безучастной зрительницей совершающихся въ ней неурядицъ. Изъ отчета Персидскаго таможеннаго вѣдомства за 1907/8 годъ выяснилось, напр., что общій товарообмѣнъ упалъ за годъ на 10.602.000 крановъ, при чемъ изъ этой цифры 9.711.000 крановъ, выпало на долю сокращенія торговли съ Россіей ****). О томъ какую роль въ Персидскихъ событіяхъ играли наши выходцы и уроженцы

*) См. ibid, 72—75.
**) См. ibid, 115—117.
***) См. ibid, 69.
****) См. ibid, 11.

Кавказа указываетъ слѣдующій случай, о которомъ сообщалъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ: въ русскую миссію пришли два извозчика • изъ уроженцевъ Кавказа, возвращавшихся на родину и просившихъ выдать имъ пропускной билетъ для Шахскихъ военныхъ властей на Энзели-Тегеранской дорогѣ лишь до ст. Кереджъ (50 верстъ отъ Тегерана), такъ какъ послѣ сей станціи имъ уже нечего опасаться, «такъ какъ,—выразились просители,—тамъ до самаго Решта стоятъ наши земляки, ѣдешь какъ по Кавказу» *).

Приведенные факты служатъ лишь иллюстраціей общаго положенія, но ихъ достаточно, чтобы понять, какое значеніе для торговли и пограничныхъ сношеній съ Персіей имѣютъ для насъ совершающіяся въ ней событія. Англо-русское соглашеніе признавало «спеціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка» для каждой изъ двухъ Державъ въ провинціяхъ Персіи, смежныхъ съ ихъ границами; но для мѣръ болѣе общаго характера связывало насъ необходимостью совмѣстныхъ дѣйствій. Этимъ самымъ русская политика въ Персіи, какъ это видно изъ документовъ, на которые мы уже ссылались, попала въ какой-то заколдованный кругъ. Ея особые интересы и положеніе признавались англичанами, но для ихъ отстаиванія мы были лишены тѣхъ средствъ, какими обладаетъ, напр., Франція въ Марокко. Мы должны во всемъ дѣйствовать не иначе, какъ совмѣстно съ Англіей, которая, по собственному признанію, не имѣетъ тѣхъ же, что мы, интересовъ.

Наша дипломатія оказалась вынужденной сообразоваться съ видами Англійскаго кабинета, который, въ свою очередь, находится въ сильной зависимости отъ демократическихъ и даже радикальныхъ теченій общественнаго мнѣнія у себя дома. Такимъ образомъ, вопросъ о мѣрахъ къ возстановленію нормальныхъ пограничныхъ отношеній и безопасности нашей торговли подмѣнился совершенно инымъ вопросомъ—объ установленіи въ Персіи конституціи, въ которомъ по увѣренію Англійскаго кабинета заключался залогъ мира и спокойствія.

Оранжевая книга кончается отреченіемъ отъ престола Могаммедъ-Али-Шаха. Что же, развѣ въ Персіи установи-

*) См. ibid, 192.

лось благоденствіе, которое съ такой увѣренностью предвѣщалось Англійскимъ правительствомъ? Развѣ смута и неурядица въ странѣ не достигли такихъ размѣровъ, что само мирное населеніе теперь привѣтствуетъ вступленіе русскихъ войскъ, въ надеждѣ, что они хоть на время наведутъ какой-нибудь порядокъ.

Если событія послѣдняго времени могли бы чему-нибудь научить, такъ это тому, что въ такой странѣ, какъ Персія, одно названіе образа правленія не рѣшаетъ сущности вопроса, и что для насъ безразлично кто кого рѣжетъ и грабитъ въ Персіи, неограниченный Шахъ, или ограниченные политики «Дома справедливости».

Въ связи съ этимъ приходится оцѣнивать и послѣдній конфликтъ нашъ съ Персіей, далеко еще не законченный въ то время, когда мы пишемъ эти строки. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого конфликта, на несомнѣнныхъ ошибкахъ и оплошностяхъ, совершенныхъ нашей дипломатіей, какъ на мѣстѣ, такъ и въ Петербургѣ. Въ концѣ-концовъ обостреніе инцидента произошло въ значительной степени отъ того, что нашъ Генеральный консулъ въ Тегеранѣ принялъ на свой страхъ и даже не посовѣтовавшись съ русскимъ посланникомъ, мѣры, хотя и законныя, но едва ли своевременныя, и которыя въ свою очередь вызвали рядъ совершенно непозволительныхъ дѣйствій и выходокъ со стороны финансоваго совѣтника, пресловутаго американца Шустера-Моргана. Отказъ Шустера и персидскаго правительства дать удовлетвореніе по этому дѣлу вызвалъ необходимость посылки нашего отряда. При этомъ, конечно, бросалось въ глаза несоотвѣтствіе между происшедшимъ, т.-е. грубостью какого-то вольнонаемнаго американца и предпринятой карательной мѣрой въ видѣ посылки цѣлаго отряда въ 4000 человѣкъ въ предѣлы Персіи, хотя логически мы были къ ней вынуждены. Нельзя не принять во вниманіе, что данное происшествіе было далеко не случайнымъ фактомъ и что оно только ярче обнаружило невозможное положеніе, создавшееся въ Персіи, гдѣ всякій энергичный иностранецъ можетъ забрать въ руки безконтрольную власть, а правительство безсильно справиться съ полной анархіей не только въ странѣ, но и въ средѣ собственнаго чиновничества. Поэтому, уже разъ мы вынуждены были принять рѣшительныя мѣры, то, конечно,

нельзя было ограничиться походомъ нашего войска противъ одного американца, но слѣдовало отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ общихъ мѣрахъ и гарантіяхъ, которыми мы можемъ оградить себя отъ повторенія подобныхъ случайностей. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ, какъ и всегда, мы оказались заднимъ умомъ крѣпки, и наши требованія предъявили не сразу, а додумались до нихъ уже послѣ того, какъ персы удовлетворили первое наше требованіе, связанное только съ даннымъ инцидентомъ. Словомъ, это наше выступленіе вышло тѣмъ, что на дипломатическомъ языкѣ называется une affaire mal engagée, и что за послѣднее время, къ сожалѣнію, стало для насъ довольно характернымъ.

Такъ или иначе, промахи эти относятся въ данномъ случаѣ къ формѣ, а не къ сущности весьма умѣренныхъ требованій Россіи, изъ коихъ наиболѣе существенное, а именно «обязательство персидскаго правительства не приглашать на свою службу иностранцевъ, безъ предварительнаго согласія съ русской и англійской миссіями въ Тегеранѣ» было принято съ вѣдома и одобренія Англіи.

Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, инцидентъ еще не законченъ, но есть полное основаніе расчитывать на скорое его разрѣшеніе. Но въ связи съ этимъ, невольно навязывается вопросъ: «А что же потомъ? Какими гарантіями обезпечимъ мы себѣ возстановленіе нормальныхъ отношеній съ Персіей?»

Англо-русское соглашеніе даетъ только одинъ и притомъ отрицательный отвѣтъ на эти вопросы: раздѣлъ Персіи между обѣими державами не будетъ допущенъ. Съ своей стороны, мы спѣшимъ высказать полное удовлетвореніе по этому поводу. Нельзя не радоваться тому, что возможность аппетитовъ съ нашей стороны связана довольно крѣпко. Сейчасъ, хотя въ Персіи нелады и смута, все-таки изъ сношеній съ нею у насъ остаются крупные барыши. Куда бы они всѣ ушли, если бъ намъ пришлось заводить свои порядки въ сѣверной Персіи, тратиться на охрану въ ней тишины и спокойствія, на оборону пограничной линіи уже не съ персами, а съ англичанами?

Но, если мы отнюдь не желаемъ раздѣла Персіи, то все же мы хотимъ упроченія въ ней извѣстнаго минимума порядка. Какъ этого достигнуть?—Мы снова возвращаемся

къ вопросу, поставленному въ Январѣ 1910 г., и едва ли не къ тому же тупику, въ которомъ были тогда. — Вѣдь теперь мы не можемъ снова повѣрить англичанамъ, что все дѣло въ конституціи. Столь же мало добра можемъ мы ждать отъ обратнаго воцаренія Могаммедъ-Али-Шаха, хотя если бъ это ему удалось безъ чужой помощи, то горевать намъ также не пришлось бы. Между тѣмъ, англичане повторяютъ все ту же старую пѣсню. Возвращенія Шаха они не допускаютъ, и какъ-то мирятъ это свое отношеніе съ принципомъ невмѣшательства во внутреннія персидскія дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не хотятъ предоставить Россіи свободу дѣйствій и въ томъ размѣрѣ, который необходимъ для насъ, чтобы заставить, наконецъ, персовъ серьезно считаться съ Россіей.

Въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ нашъ отрядъ дойти до Казвина, какъ англичане поспѣшили не только заручиться съ нашей стороны обѣщаніемъ вывести его изъ Персіи въ самомъ непродолжительномъ времени, но и на всѣ лады протрубили объ этомъ. Не умаляется ли для персовъ впечатлѣніе нашего военнаго выступленія этимъ преждевременнымъ оповѣщеніемъ urbi et orbi о томъ, что во всякомъ случаѣ мы оттуда скоро уйдемъ?—Неужели соотвѣтствуетъ достоинству и назначенію воинской части подчеркивать ея полную безобидность?—Мы совершенно поняли бы желаніе англичанъ увѣриться въ нашихъ мирныхъ и безкорыстныхъ намѣреніяхъ, но мы полагаемъ, что, какъ бы ни дорожила наша дипломатія соглашеніемъ съ Англіей, она могла бы съ большей энергіей отстаивать нашу русскую точку зрѣнія и наши интересы, подражая въ этомъ тѣмъ же англичанамъ, которые не стѣсняются заявлять свое: non possumus, не всегда справляясь съ нашими интересами.

Мы не знаемъ, какой выходъ изъ сложнаго и запутаннаго положенія въ Персіи будетъ избранъ нашей дипломатіей. Раздѣлъ не допускается ни той, ни другой стороной. Установленіе общаго контроля обѣихъ Державъ, хотя бы только финансоваго, заставляетъ невольно вспомнить объ участи Египта. Оставаться безучастными зрителями анархіи въ смежныхъ съ нами провинціяхъ мы не можемъ. На нашъ взглядъ, русской дипломатіи предстояло бы возбудить вопросъ о совершенно дружественномъ, совмѣстно съ Англіей,

пересмотрѣ соглашенія 1907 г.: для охраны признанныхъ за нами первостепенныхъ интересовъ, намъ необходимо возстановить извѣстную самостоятельность и свободу дѣйствій, и въ то же время мы могли бы обусловить послѣднюю обязательствомъ не нарушать земельную неприкосновенность Персіи. Въ международныхъ отношеніяхъ, въ особенности на почвѣ соглашеній, нельзя не стремиться къ ясному и опредѣленному признанію обязанностей и правъ каждой стороны. Иначе, подъ покровомъ дружбы и съ наилучшими намѣреніями ее поддерживать, можетъ постепенно накопляться раздраженіе и недовѣріе. Мы надѣемся, что до этого дѣло не дойдетъ у насъ съ Англіей, съ которой мы имѣемъ столько глубокихъ и вѣскихъ основаній поддерживать доброе согласіе.

VII.

Если положеніе наше на Среднемъ Востокѣ, въ Персіи, представляется пока далеко не устойчивымъ, зато сущность нашихъ задачъ и интересовъ въ этой области поддается довольно опредѣленной оцѣнкѣ. Иначе дѣло обстоитъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ до сихъ поръ все находится подъ знакомъ вопроса. Между тѣмъ, съ какой стороны ни взглянуть на положеніе, создавшееся тамъ для Россіи, нельзя не придти къ заключенію, что всякое опредѣленное рѣшеніе лучше топтанія на мѣстѣ, и что довольствоваться отпиской и жизнію изо дня въ день мы не можемъ.

Уже больше 6 лѣтъ прошло со времени Портсмутскаго мира. Отношенія наши съ Японіей опредѣляются уже не ликвидаціей недавней борьбы, а новыми основаніями взаимной поддержки на почвѣ признанія обоюдныхъ интересовъ. Основанія эти нашли выраженіе въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ соглашенія 21 Іюня 1910 г.

«Ст. 2-ая. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ обязуется поддерживать и уважать status quo въ Манчжуріи въ томъ видѣ, какъ оно установлено всѣми договорами, конвенціями и прочими соглашеніями, заключенными до сего дня какъ между Россіею и Японіей, такъ и между этими двумя Державами и Китаемъ.

Копіи вышесказанныхъ соглашеній были обмѣнены между Россіей и Японіей.

Ст. 3-я. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо событій, могущихъ угрожать вышеупомянутому status quo, обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ входить между собою каждый разъ въ сношенія, дабы условиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя онѣ сочтутъ нужнымъ принять для поддержанія сказаннаго status quo».

Въ иностранной печати было въ свое время выражено сомнѣніе, насколько исчерпываются взаимныя политическія обязательства Россіи и Японіи указанными двумя статьями, и нѣтъ ли еще чего-нибудь, неизвѣстнаго для широкой публики, вродѣ, напр., взаимнаго признанія обоюдныхъ сферъ вліянія въ сѣверной и южной Манчжуріи. Примѣчательно, что въ обѣихъ статьяхъ упоминается о status quo въ Манчжуріи, но въ чемъ заключается этотъ status quo объ этомъ умалчивается и лишь глухо указываются извѣстные обѣимъ Державамъ договорные акты.

Какъ бы то ни было, соглашеніе съ Японіей, хотя и касающееся одной Манчжуріи, на первыхъ порахъ придало нашей дипломатіи гораздо больше увѣренности въ отношеніяхъ съ Китаемъ и по другимъ вопросамъ. Это проявилось въ вопросѣ о пересмотрѣ торговаго русско-китайскаго договора, заключеннаго еще въ 1881 году на 10 лѣтъ и съ тѣхъ поръ автоматически каждые 10 лѣтъ возобновлявшагося, вслѣдствіе молчаливаго согласія обѣихъ державъ.

Договоръ 1881 года былъ заключенъ на весьма выгодныхъ для Россіи условіяхъ. Русскіе подданные получали право безпошлинной торговли въ Монголіи, Илійскомъ, Тарбатагайскомъ, Кашгарскомъ, Урумційскомъ и прочихъ округахъ по сѣверному и южному склонамъ Тяньшаньскаго хребта до Великой стѣны. «Право это будетъ отмѣнено,— гласила XII ст. договора,—когда съ развитіемъ торговли возникнетъ необходимость установить таможенный тарифъ, о чемъ оба правительства войдутъ въ соглашеніе».

Совершенно произвольно присваивая XII статьѣ смыслъ взаимнаго обязательства, Китай сталъ отрицать право Россіи устанавливать въ своихъ предѣлахъ таможенное обложеніе безъ разрѣшенія Пекинскаго правительства. Кромѣ того, въ обходъ нашего права свободной торговли, въ перечисленныхъ округахъ установленныя китайцами монополіи

наносили значительный ущербъ нашей чайной торговлѣ. Въ тяжбахъ, возникавшихъ между русскими и китайскими подданными, китайскія власти всячески старались изъять подсудность своихъ подданныхъ изъ вѣдѣнія судовъ смѣшаннаго состава русскихъ и китайскихъ судей, коимъ доселѣ подлежали всѣ такого рода дѣла.

Въ оправданіе образа дѣйствій китайцевъ нельзя не замѣтить, что ихъ притязанія объяснялись недостаткомъ послѣдовательности въ отношеніи къ нимъ самой русской политики. Если послѣ войны на Дальнемъ Востокѣ исчезъ элементъ безотвѣтственныхъ, но вліятельныхъ дѣятелей типа Безобразова, зато въ значительной степени осталось прежнее незнаніе, чего мы хотимъ, и прежняя разноголосица вѣдомствъ. Нельзя съ точностью сказать, кто болѣе ведетъ политику въ Китаѣ,—Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и его представители, или Министерство Финансовъ и его ставленники, оцѣнивающіе все сквозь призму интересовъ Китайской Восточной желѣзной дороги. Не иначе объясняется, напр., заключеніе пресловутаго соглашенія 27 Апрѣля 1909 г., внесшаго полную путаницу въ положеніе вопроса о полосѣ отчужденія названной дороги, и рядъ другихъ ошибокъ и потаканій китайцамъ, которыя дали поводъ корреспонденту «Новаго Времени» г. Холмскому, совершившему поѣздку на Дальній Востокъ вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ, сдѣлать слѣдующую, повидимому, довольно вѣрную характеристику нашей политики:

«Исходя изъ правильной самой по себѣ мысли, что послѣ русско-японской войны наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ сильно поколеблено, министерство иностранныхъ дѣлъ немедленно послѣ властнаго, пренебрежительнаго и безцеремоннаго тона, которымъ оно доселѣ говорило съ Китаемъ, поставило краеугольнымъ камнемъ своихъ новыхъ отношеній къ Китаю «добрососѣдскую уступчивость и двухсотлѣтнее дружелюбіе». Этотъ рѣзкій поворотъ русской политики не могъ быть Китаемъ истолкованъ иначе, какъ реальное доказательство слабости Россіи, и заставилъ послѣдній немедленно поднять голову и, при дружеской поддержкѣ и совѣтахъ Японіи, Америки и Германіи, предъявить Россіи цѣлый рядъ все возраставшихъ требованій и домогательствъ».

Нельзя сказать, чтобы Министерство Иностранныхъ Дѣлъ

не сознавало неурядицы, происходящей отъ слабаго и неопредѣленнаго образа дѣйствій, но одно вѣдомство безсильно, когда нѣтъ единаго сплоченнаго правительственнаго дѣйствія. Вотъ почему старанія покончить съ такимъ положеніемъ вещей нерѣдко терпѣли неудачу. Та же участь едва не постигла попытку, сдѣланную въ началѣ 1911 года, покончить съ произвольными толкованіями и нарушеніями Китаемъ нашего торговаго договора 1881 г., срокъ которому истекалъ въ Августѣ 1911 г.

Желая возобновить прежній договоръ безъ существенныхъ измѣненій, наша дипломатія рѣшила добиться отъ Китая признанія основныхъ его положеній. Въ этомъ смыслѣ и была составлена нота 3 Февраля 1911 г., носившая форму полу-ультиматума, ибо хотя въ ней не было обозначено срока для отвѣта, но была довольно недвусмысленно высказана угроза, что въ случаѣ неполученія удовлетворительнаго отвѣта, «Императорское правительство предоставитъ себѣ свободу избрать всѣ доступныя ему мѣры для возстановленія попираемыхъ Китаемъ договорныхъ правъ Россійскаго правительства и русскихъ подданныхъ». Одно изъ требованій ноты заключалось, между прочимъ, въ правѣ Россіи открыть консульства въ Кобдо, Хами и Гученѣ. Между тѣмъ, военная демонстрація, которая должна была сопровождать наше требованіе, замедлилась: вѣдь ноту писало одно вѣдомство, а распоряженія по сосредоточеніи отряда близъ границы должны были исходить отъ другого, и, наконецъ, третье вѣдомство—финансовое выступило съ указаніемъ на возможность неблагопріятнаго отраженія на биржу слишкомъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Наша неувѣренность, конечно, окрылила китайскую самонадѣянность. Переговоры затянулись, китайцы начали трубить на весь міръ о русскихъ происках. Противъ насъ не только въ Китаѣ, но и въ европейскомъ общественномъ мнѣніи начало расти возбужденіе, питаемое нашими собственными колебаніями. Въ концѣ-концовъ громоздкій вѣдомственный аппаратъ раскачался и пришелъ въ движеніе: близъ границы былъ сосредоточенъ отрядъ, Китаю былъ посланъ 11 Марта повторный ультиматумъ, на этотъ разъ съ обозначеніемъ срока до 15 Марта, и въ этотъ послѣдній день въ газетахъ опубликованъ былъ отвѣтъ Китайскаго

правительства, въ коемъ подтверждалась «формально правильность и согласованность русскихъ требованій съ договоромъ».

Наиболѣе реальнымъ результатомъ обмѣна нотъ осталось учрежденіе Консульства въ Кобдо, котораго давно у насъ добивались. Что касается подтвержденія договорныхъ правъ, то едвали ему слѣдовало придавать слишкомъ серьезное значеніе. Если можно не соблюдать договора, то совершенно такъ же можно нарушать обѣщанія ноты, его подтверждающей. Какъ извѣстно, съ начала осени 1911 г., въ Петербургѣ начались переговоры съ китайскими уполномоченными по пересмотру торговаго договора 1881 года. Наступившія вскорѣ событія въ Китаѣ вызвали неизбѣжную затяжку въ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время, т.-е. въ концѣ 1911 года, трудно предвидѣть, когда они могутъ быть съ успѣхомъ продолжены. До этого придется предварительно выяснить, съ кѣмъ можно вступить въ договорныя отношенія въ Китаѣ, что зависитъ, конечно, отъ того, какой окончательный исходъ приметъ революціонное движеніе въ Срединной имперіи.

VIII.

Года два тому назадъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ нашихъ дипломатовъ, близко стоящихъ къ руководительству нашей политики на Дальнемъ Востокѣ. Я спрашивалъ его, считаетъ ли онъ справедливымъ мнѣніе, что Китай не имѣетъ въ себѣ жизнеспособности, и обреченъ на разложеніе. — «Я не раздѣляю этого взгляда, — отвѣтилъ мой собесѣдникъ. — Говоря о Китаѣ, слѣдуетъ избѣгать обобщеній. Я не буду вдаваться въ предсказанія, но если хотите знать мое личное мнѣніе,—я вѣрю въ возможность образованія сильной южной Китайской имперіи, которая можетъ захлестнуть и сѣверъ».

Нынѣшней осенью я невольно вспомнилъ этотъ отзывъ, въ свое время поразившій меня своею своеобразностью, и я радъ отмѣтить при этомъ, что если у насъ не все благополучно на томъ же Дальнемъ Востокѣ, то дѣло вовсе не сводится къ отсутствію способныхъ и знающихъ людей.

Трудно, конечно, судить, въ какой мѣрѣ оправдается предположеніе моего собесѣдника. Къ оцѣнкѣ того, что

происходитъ въ настоящее время въ Китаѣ, надо подходить съ величайшей осторожностью. «Тѣ, кто думаетъ, что нынѣшняя встряска преобразитъ Китай на западный образецъ, готовятъ себѣ тяжелыя разочарованія,—пишетъ изъ Пекина извѣстный знатокъ Китая, Родъ въ Ноябрѣ 1911 года,—было бы ошибочно ослѣпляться всѣми этими учрежденіями республикъ, гдѣ нѣсколько Китайцевъ, учившихся въ Америкѣ, потѣшаются ролью Вашингтоновъ. Всего болѣе ошибочно было бы усматривать стремленія къ европеизаціи, какое-либо общее и опредѣленное теченіе къ новой политической и соціальной жизни. Какъ всѣ событія въ этой странѣ, эта революція представляется сложной, спутанной, противорѣчивой и безформенной». Во главѣ революціонеровъ становятся порою люди, доселѣ извѣстные въ качествѣ противниковъ конституціи, а въ иныхъ провинціяхъ мѣстнаго вице-короля провозглашаютъ президентомъ республики *). На ряду съ этимъ китайская печать «совершенно серьезно обсуждаетъ предложеніе, сдѣланное революціонерамъ Юаньшикаемъ объ учрежденіи въ Китаѣ конституціонной монархіи на республиканскихъ началахъ» **).

Изъ всего этого видно, съ какой осмотрительностью слѣдуетъ нашему правительству относиться къ нынѣшнему движенію въ Китаѣ. Строго выжидательный образъ дѣйствій и готовность ко всякимъ случайностямъ — вотъ направленіе, которое, казалось бы, наиболѣе соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ.

Въ газетахъ уже появилось извѣстіе о томъ, что Монголія отложилась отъ Китая. Не будемъ забывать ни слова Рода о всѣхъ этихъ «республикахъ», ни нашего собственнаго опыта въ 1905 году, и того, что осталось у насъ отъ всѣхъ этихъ «временныхъ правительствъ». Было бы слишкомъ опрометчиво повѣрить прочности мимолетныхъ комбинацій. Въ частности, что касается Монголіи, то наша задача остается, какъ и раньше, дѣлать все возможное въ предѣлахъ осторожной политики, чтобы ограждать самобытность этой страны отъ экономическаго и административнаго гнета Пекина.

---

*) См. „Temps“, 9 Dec. 1911.

**) См. «Новое Время», 30 Ноября 1911 г.

Много сложнѣе и серьезнѣе представляется намъ проблема Манчжуріи. Не притязая предложить здѣсь ея рѣшеніе, мнѣ бы хотѣлось лишь возможно больше подчеркнуть насколько важна самая постановка этого вопроса передъ общественнымъ мнѣніемъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ отъ его направленія будетъ въ значительной степени зависѣть дальнѣйшій характеръ нашей внѣшней политики и то или другое рѣшеніе способно оказать глубокое вліяніе на постановку нашихъ внутреннихъ очередныхъ задачъ.

Вѣдь нельзя скрывать отъ себя, что китайскій кризисъ выдвигаетъ на очередь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Манчжуріи. Среди самихъ китайцевъ возникаетъ, повидимому, сомнѣніе въ возможности удержать эту область при нынѣшнихъ условіяхъ, и вся ихъ надежда едва ли не зиждется на томъ, что въ вопросѣ дѣлежа имъ удастся поссорить Россію и Японію.

Защитники раздѣла Манчжуріи между нами и Японіей приводятъ обыкновенно слѣдующіе аргументы.—Уйти изъ сѣверной Манчжуріи и бросить на произволъ судьбы громадное предпріятіе Китайской Восточной желѣзной дороги мы не можемъ. Эта область имѣетъ серьезное значеніе для нашего Приамурья, которое кормится манчжурскимъ хлѣбомъ. Между тѣмъ китайцы на каждомъ шагу могутъ чинить намъ непріятности. Отъ нихъ зависитъ пропускать вывозъ хлѣба въ наши окраины, или налагать на него запретъ подъ разными предлогами. Изъ года въ годъ развивается заселеніе земель, смежныхъ съ нашими границами. Словомъ, Пекинское правительство всячески стремится выжить насъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ сосѣдство съ такой страной будетъ представлять само по себѣ серьезную задачу для обороны нашей растянутой пограничной линіи. Кромѣ того, невозможно установить правильное санитарное наблюденіе и оградить себя отъ заноса заразныхъ болѣзней, пока мы не владѣемъ правымъ берегомъ Амура. Говорятъ, что наша желѣзная дорога приноситъ многомилліонный дифицитъ. Но это обусловливается, главнымъ образомъ, содержаніемъ цѣлаго корпуса для ея охраны. Въ настоящее время всѣ наши деньги расходуются на чужой землѣ, обогащая иностранцевъ. Когда сѣверная Манчжурія станетъ наша, тѣ же деньги пойдутъ уже не

на охрану одной дороги, а на оборону всей области, и къ тому же онѣ останутся въ русскихъ рукахъ. — Отвергнувъ предложеніе Америки о нейтрализаціи желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи, и договорившись съ Японіей о взаимной поддержкѣ въ сферахъ вліянія каждой Державы, мы бросили жребій, и теперь поздно пересматривать разъ взятое рѣшеніе. Особенно настойчивыми защитниками раздѣла Манчжуріи являются военные; они ссылаются на предположенія, высказывавшіяся ген. Куропаткинымъ еще до войны и клонившіяся къ сокращенію линіи обороны уничтоженіемъ нынѣшнихъ выгибовъ и угловъ.

Вопросъ о расширеніи нашихъ владѣній за счетъ Китая, конечно, далеко не новый. Правда, до войны не было рѣчи о дѣлежѣ Манчжуріи между нами и японцами, но обсуждалась возможность присоединенія нами всей области, или, какъ теперь, одной сѣверной ея части. Одно время сами японцы предлагали предоставить нашему полному усмотрѣнію Манчжурію, если мы въ свою очередь откажемся отъ видовъ на Корею.

Какъ извѣстно, наше правительство не пошло на такую сдѣлку, и на его рѣшеніе повліяли тогда соображенія двухъ противоположныхъ порядковъ. Одни исходили изъ непомѣрнаго аппетита, и хотѣли не выпускать изъ своихъ рукъ ни Кореи, ни Манчжуріи. Однако раздавались и совершенно другіе голоса людей умѣренныхъ и благоразумныхъ, которые предостерегали отъ присоединенія Манчжуріи по другимъ причинамъ. Ихъ сужденія не утратили интереса и въ настоящее время.

Вотъ что писалъ, между прочимъ, нашъ посланникъ въ Пекинѣ, Лессаръ въ Январѣ 1903 года, обсуждая вопросъ о выгодахъ обладанія Манчжуріей подъ видомъ военнаго занятія, или простого присоединенія: «Какъ во всякой новой, мало извѣстной странѣ, въ ней видятъ Эльдорадо и, какъ бываетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, этотъ взглядъ не оправдывается на дѣлѣ. Трудно расчитывать на заселеніе ея русскими: привыкшіе къ другимъ пріемамъ земледѣлія, наши крестьяне не способны конкурировать съ китайцами въ обработкѣ полей. Наша горговля въ Манчжуріи возможна лишь при присоединеніи области и установленіи покровительственныхъ пошлинъ. Одной оккупаціи недостаточно. Свободная конкуренція съ иностранцами для насъ

здѣсь невозможна. Это доказали послѣдніе два года, когда, при полномъ нашемъ преобладаніи, мы не могли ввозить въ Манчжурію почти ничего, кромѣ предметовъ потребленія войскъ. При этомъ, даже въ случаѣ присоединенія, выгоды отъ торговли не оправдали бы затратъ и жертвъ, съ которыми оно было бы соединено». Горныя богатства въ странѣ имѣются и русскими уже взято много концессій, но, замѣчаетъ Лессаръ, ни одна изъ нихъ не использована частными предпринимателями. При недостаткѣ въ Россіи капиталовъ можно было бы прибѣгнуть лишь къ помощи иностранныхъ банковъ, которые одни бы и выгадали. «Какъ видно изъ вышеизложеннаго, выгоды отъ присоединенія Манчжуріи будутъ ничтожныя, а для достиженія ихъ потребуются громадныя затраты и жертвы.—Прежде всего необходимо принять во вниманіе, что кромѣ обезпеченія безопасности желѣзной дороги, на что необходимо, не менѣе 30.000 человѣкъ, намъ придется заботиться о поддержаніи порядка во всей области, такъ какъ, въ случаѣ присоединенія ея, отказаться отъ этой задачи мы не можемъ. При трудной мѣстности и поддержкѣ, которою разбойники будутъ пользоваться со стороны мѣстныхъ жителей, на это потребуется цѣлая армія, содержаніе которой составитъ тяжелое бремя для государственнаго казначейства. И эти затраты будутъ дѣлаться для весьма немногочисленныхъ русскихъ, которые будутъ имѣть предпріятія внѣ полосы отчужденія и нѣсколькихъ иностранныхъ миссіонеровъ и купцовъ». Нельзя не учитывать кромѣ того ненависти китайцевъ къ иностранцамъ, которая возрасла со времени смуты 1900 года. «Насъ населеніе Манчжуріи ненавидитъ болѣе чѣмъ другихъ, уже потому, что насъ болѣе видитъ». Это отношеніе населенія создастъ наиболѣе благопріятную почву для тайныхъ обществъ, за которыми едва ли въ состояніи будутъ услѣдить русскія власти. Между тѣмъ ихъ существованіе создастъ для Китая возможность во всякое время поднять возстаніе въ краѣ. Придется устранить всю мѣстную администрацію, иначе она также будетъ враждебна Россіи и будетъ дѣйствовать сообща съ хунгузами. Помимо изложенныхъ соображеній Лессаръ полагалъ, что присоединеніе Манчжуріи неизбѣжно повлечетъ за собою присоединеніе и Монголіи *). Въ самомъ дѣлѣ едва ли

*) Записка Дес. Лессара, С.-Петербургъ, 4 Января 1903 г. Намъ пришлось встрѣтиться съ указаніемъ, что на записку П. М. Лессара едва ли можно теперь

достаточно было бы добиться отъ Китая формальнаго признанія автономіи Монголіи, или же объявить эту область подъ протекторатомъ Россіи,—пришлось бы принять дѣйствительныя мѣры для осуществленія того или другого. Китай осуществляетъ свое вліяніе въ Монголіи главнымъ образомъ путемъ сильнаго экономическаго давленія, послѣдовательнаго стремленія закабалить населеніе. Бороться тѣми же экономическими средствами съ Китаемъ мы не въ силахъ; мы можемъ оградить Монголію отъ нежелательнаго для насъ вліянія только силою штыковъ. Къ какимъ же разорительнымъ послѣдствіямъ можетъ привести насъ политика захвата! Военные указываютъ на необходимость завладѣть Манчжуріей, чтобы оградиться отъ фланговаго нападенія на Приамурье. Кто поручится намъ, что когда Манчжурія станетъ русской областью, тотъ же вопросъ не будетъ поставленъ относительно Монголіи? Гдѣ вообще предѣлъ подобнымъ аргументамъ? Присоединить цѣлую громадную область изъ-за стратегическихъ соображеній — не значитъ ли это страннымъ образомъ переставить вопросъ о томъ, что для чего нужно: держать войско для охраны нашихъ владѣній, или захватить новыя области для удобства войска?

Нельзя не обратить вниманія еще и на слѣдующее обстоятельство: когда задумана была Китайско-Восточная желѣзная дорога, то предполагалось, что она послужитъ могучимъ орудіемъ нашего проникновенія въ Манчжурію. На самомъ дѣлѣ не только пришлось отказаться отъ мысли устроить русскія поселенія вдоль линіи. но мы должны были убѣдиться, что дорога послужила не нашей, а китайской колонизаціи. Разумѣется послѣдняя не могла идти такъ скоро, какъ того хотѣли бы въ Пекинѣ, потому что на это дѣло требовались большія деньги, однако изъ отчета сенатора Иваницкаго, посѣтившаго Приамурье въ 1908 году мы узнаемъ, что «численность населенія Хейлудзянской провинціи, на протяженіи 1900 верстъ, прилегающей къ

ссылаться, въ виду того, что въ свое время она была написана съ опредѣленной цѣлью: убѣдить наше правительство вывести войска изъ Манжуріи, во исполненіе соглашенія 26 марта 1902 г.—Не обращаютъ ли этотъ аргументъ противъ себя нынѣшніе защитники присоединенія Манжуріи? — Вѣдь ихъ общіе выводы также проводятся съ опредѣленной цѣлью, неужели это признакъ ихъ недоказательности? Не лучше ли вообще разбирать вопросъ по существу, за и противъ даннаго рѣшенія, не задаваясь оцѣнкой личныхъ мотивовъ.

Амурской области, къ 1907 г. достигла 2,5 милліоновъ, или, другими словами, почти въ пять разъ превысила населенность обѣихъ нашихъ дальневосточныхъ областей», и далѣе, «размѣры переселенія въ послѣдній годъ исчисляются уже въ 200.000 человѣкъ, т.-е. почти въ 15 разъ превысили средніе размѣры вселенія въ Приамурскій край русскихъ людей за послѣднее десятилѣтіе и въ три раза совершенно исключительное переселенческое движеніе на Дальній Востокъ въ 1907 году» *).

Территорія, о которой говоритъ сенаторъ Иваницкій, составляетъ, быть можетъ, лишь часть пространства, которое отошло бы намъ въ случаѣ дѣлежа Манчжуріи. Не напрашивается ли самъ собою вопросъ: что,—въ случаѣ присоединенія Манчжуріи, мы сдѣлаемъ ее русскою, или новые наши подданные заполонятъ наши русскія окраины, создадутъ полную невозможность бороться съ собою для русскаго труда; словомъ, не мы пріобрѣтемъ Манчжурію, а китайцы вытѣснятъ насъ изъ Приамурья? И пока присоединенные будутъ заниматься мирнымъ завоеваніемъ присоединителей, намъ придется все вниманіе устремить на оборону новой сухопутной границы съ Японіей и сосредоточить въ мирное время значительную армію не только для охраны этой границы, но и противъ возможныхъ случайностей въ самой новой области, гдѣ русскіе отряды будутъ играть для насъ роль оазисовъ, или маленькихъ островковъ среди океана желтой расы. Защитники присоединенія сѣверной Манжуріи сами сознаютъ опасность при этомъ китаизированія нашихъ окраинъ; они указываютъ на возможность бороться съ нею... путемъ установленія черты осѣдлости для вновь присоединеннаго населенія. Устанавливать такіе принципы колоньяльной политики въ XX столѣтіи, значило бы доказать, до какой степени мы не доросли до правильнаго пониманія основъ всякой разумной колоньяльной политики: земельный захватъ можетъ найти оправданіе лишь въ томъ случаѣ, когда на присоединенной землѣ устанавливаются порядки лучше тѣхъ, которые были до присоединенія; только такимъ пу-

*) См. „Приамурье“ (изд. Общеземской организаціи), Москва. 1909 г., стр. 844. Въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ мнѣ пришлось слышать, что цифры эти преувеличены, но каковы вѣрныя цифры, мнѣ не могли сказать, а потому мнѣ остается ссылаться на эти офиціальныя данныя.

темъ можно надѣяться завоевать не только край, но съ теченіемъ времени и сердца новыхъ подданныхъ. Иначе вмѣсто выгоды пріобрѣтенія, въ предѣлы Имперіи введены будутъ всѣ отрицательные элементы новаго окраиннаго «китайскаго» вопроса наряду съ польскимъ, финляндскимъ, еврейскимъ и другими вопросами, которые ослабляютъ, а не усиливаютъ Россію.

Съ другой стороны, можно ли ссылаться на нынѣшнюю экономическую зависимость Приамурья отъ Манчжуріи? Неужели наша окраина не можетъ быть поднята въ своемъ развитіи до возможности прокормиться своимъ хлѣбомъ? Иначе въ чемъ же состоитъ экономическая цѣнность нашихъ владѣній, и на какой предметъ ежегодно тратятся на нихъ милліоны нашимъ переселенческимъ управленіемъ?—Независимо отъ того развѣ вопросъ вывоза хлѣба не является для Манчжуріи столь же, или еще болѣе существеннымъ, чѣмъ его ввозъ для насъ? И если китайское правительство создаетъ во вредъ себѣ помѣхи изъ политическихъ соображеній, то неужели этотъ вопросъ неразрѣшится самъ собою въ тотъ день, когда китайцы увѣрятся, что мы не посягаемъ на ихъ земли? Вообще аргументы въ пользу присоединенія сѣверной Манжуріи поражаютъ своей малой разработанностью. Предлагается мѣра, которая сулитъ намъ громадные расходы и почти ничѣмъ не доказывается производительность послѣднихъ. Совершенно не выясняется вопросъ о томъ, насколько цѣнно можетъ быть для насъ новое пріобрѣтеніе и въ чемъ именно заключается эта цѣнность; только ли въ томъ, что Китайская Восточная желѣзная дорога будетъ проходить по русской территоріи, или обладаніе послѣдней важно для насъ само по себѣ. Вѣдь если нами руководитъ забота только о нашемъ желѣзнодорожномъ предпріятіи, то у другихъ державъ также есть дороги на чужихъ территоріяхъ, однако вопросъ о присоединеніи послѣднихъ ими не выдвигается. Что касается стратегическаго значенія Китайской Восточной желѣзной дороги, то развѣ постройка Амурской дороги не даетъ этому вопросу иную постановку?

IX.

Сторонники присоединенія сѣверной Манчжуріи указываютъ, между прочимъ, что къ раздѣлу всей области мы

будемъ приведены современными отношеніями нашими съ Японіей.

Соглашеніе съ Японіей диктовалось всѣми условіями, создавшимися послѣ Портсмутскаго договора. Намъ нужно было быть съ Японіей, чтобы не имѣть ее противъ себя. Поддержаніе дружественныхъ отношеній съ имперіей Микадо нельзя не привѣтствовать. Благодаря ему устраняется вредное и опасное соперничество на Дальнемъ Востокѣ, и намъ дается возможность укрѣпить свое положеніе на окраинахъ и заставить Китай считаться съ нами въ нашихъ законныхъ и разумныхъ требованіяхъ. Но соглашеніе съ Японіей въ основѣ своей заключаетъ признаніе принципа взаимныхъ интересовъ и письменное подтвержденіе начала status quo. Мы въ правѣ ожидать, что на практикѣ не будетъ проведенъ противоположный принципъ.

Когда въ Декабрѣ 1909 года Америка выступила съ проектомъ нейтрализаціи желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи, намъ пришлось отказаться отъ него, чтобы не поссориться съ Японіей. Общее политическое положеніе складывалось такъ, что мы не могли расчитывать въ то время на реальную поддержку ни Америки, ни Англіи. Первая не достаточно была заинтересована въ частномъ, хотя и серьезномъ вопросѣ желѣзнодорожнаго строительства, а вторая была связана союзнымъ договоромъ съ Японіей.

Сохранится ли та же самая обстановка въ случаѣ, если Японія одна, или совмѣстно съ нами предприметъ раздѣлъ Манчжуріи?

Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что въ текстъ англо-японскаго союзнаго договора лѣтомъ 1911 года внесено существенное измѣненіе. Обѣ стороны въ настоящее время обязаны помогать другъ-другу только противъ такой Державы, съ которой ни одна изъ нихъ не свяжетъ себя обязательнымъ третейскимъ договоромъ *). Англія заключила такой договоръ съ Америкой, слѣдовательно, въ слу-

*) См. ст. IV новаго англо-японскаго договора отъ 13-го Іюля 1911 года, заключеннаго на 10 лѣтъ. Въ новомъ англо-японскомъ договорѣ выпущены нѣкоторыя статьи, значившіяся въ старомъ. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ не возобновленная IV ст. договора 1905 г., въ коей Японія признавала за Великобританіей право принимать по сосѣдству съ индійской границей мѣры, которыя она признала бы нужнымъ для обезпеченія своихъ владѣній въ Индіи. Пропускъ этой статьи очевидно объясняется улучшеніемъ англо-русскихъ отношеній.

чаѣ войны Японіи съ Америкой, она остается нейтральной. Предположимъ, что мы заключили бы такой же договоръ съ Англіей, и отъ союза этой Державы съ Японіей ничего бы не осталось. Мы не будемъ, однако, спѣшить предложеніемъ такой мѣры. Наши отношенія съ Англіей настолько сложны, въ нихъ вплетено столько живыхъ и подчасъ противоположныхъ интересовъ, что примирить ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ легче обоюднымъ соглашеніемъ, съ учетомъ всѣхъ условій даннаго положенія, чѣмъ обращеніемъ къ такому все-таки формальному органу, какъ третейскій судъ.

Но въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ возможной постановкѣ вопроса о нарушеніи неприкосновенности Китая, не требуется и прибѣгать къ перестановкѣ существующихъ политическихъ отношеній, наоборотъ, нужно только вполнѣ сохранить основанія, ихъ опредѣляющія.

Англія въ свое время рѣшилась вступить въ союзъ съ Японіей на основѣ охраненія начала неприкосновенности Китая. Не заручившись такимъ союзомъ, Японія никогда не рѣшилась бы на войну съ Россіей. Съ другой стороны, этотъ самый союзъ помѣшалъ Японіи пойти на соглашеніе съ Россіей на условіяхъ, которыя она же сама предлагала намъ раньше: отдать намъ Манчжурію, а себѣ взять Корею. Союзъ съ Англіей принуждалъ Японію стоять на почвѣ неприкосновенности Китая.

Что же теперь, если роли помѣняются, и Японія будетъ стремиться къ присоединенію южной Манчжуріи, а мы будемъ отстаивать неприкосновенность Китая, какое положеніе можетъ занять Англія? Неужели нѣтъ основаній расчитывать, что какъ тогда, такъ и теперь, она проявитъ ту же готовность защищать политику «открытыхъ дверей» и цѣлость Китая. Отъ нея всецѣло будетъ зависѣть рѣшеніе вопроса, потому что пока Японія не утвердилась такъ же прочно на материкѣ, какъ у себя дома, между японской базой и предметомъ вожделѣній японцевъ, можетъ стать англійскій флотъ, преграждающій имъ дорогу.

Всѣ эти предположенія которыя мы высказываемъ, имѣютъ, конечно, въ виду худшій случай. Нельзя не желать всѣми средствами предотвратить самую возможность такой постановки вопроса.

Казалось бы, что прежде всего отъ насъ требуется

твердо выяснить себѣ, чего мы хотимъ и чего не хотимъ на Дальнемъ Востокѣ. — Японія сама не можетъ не сознавать, съ какими трудностями ей придется имѣть дѣло. Она не можетъ спокойно предусматривать столкновенія интересовъ со всѣми торговыми государствами Стараго и Новаго Свѣта. На присоединеніе южной Манчжуріи она, на нашъ взглядъ, можетъ рѣшиться только заручившись согласіемъ Россіи, а этого она постарается достигнуть, заманивъ насъ частью пирога. Конечно, кромѣ дружественнаго воздѣйствія на русскую политику, въ ея распоряженіи найдутся и угрозы, прямыя или косвенныя.—Наша дипломатія обязана дорожить сохраненіемъ хорошихъ отношеній съ Японіей. Она уже показала свою готовность поступаться ради нихъ соображеніями серьезной выгоды, какъ то было въ вопросѣ о нейтрализаціи желѣзныхъ дорогъ. Мы не только не ставимъ этого въ упрекъ руководителямъ нашей внѣшней политики, но готовы признать, что ихъ рѣшеніе въ данномъ случаѣ было единственно возможнымъ. Но весь смыслъ соглашенія нашего съ Японіей заключается для насъ въ обезпеченіи мира и существующаго положенія на Дальнемъ Востокѣ. Если же Японія выйдетъ изъ этихъ рамокъ и пожелаетъ вовлечь насъ на опасный путь, то слѣдовать за нею, даже если мы этого не желаемъ, значило бы утратить положеніе равноправной стороны. Мысль объ этомъ не уживается въ головѣ съ представленіемъ о Россіи.

Манчжурская проблема требуетъ всесторонняго и внимательнаго изученія. Мы повторяемъ, намъ хотѣлось не столько намѣтить здѣсь ея рѣшеніе, сколько поставить ее, хотя бы въ главныхъ ея очертаніяхъ, передъ сознаніемъ читателей. До минувшей войны задачи нашей внѣшней политики на Дальнемъ Востокѣ и мѣры для ихъ достиженія обсуждались и рѣшались келейно, и слишкомъ часто случайно. Общество молчало, отчасти по принужденію, отчасти по выработавшемуся въ немъ равнодушію къ международнымъ задачамъ. Но мы слишкомъ больно почувствовали связь внѣшней политики съ внутренними нашими обстоятельствами, съ вопросомъ о томъ, на что тратятся народныя деньги и куда могутъ завести насъ тѣ или другія рѣшенія, чтобы это равнодушіе и безучастность не смѣнились въ насъ другимъ болѣе серьезнымъ отношеніемъ. Обществен-

ное мнѣніе только тогда свободно отъ своей доли отвѣтственности, когда прямо и обоснованно высказываетъ свои оцѣнки, отрѣшаясь отъ предвзятыхъ партійныхъ взглядовъ въ дѣлахъ общенароднаго значенія...

Мы постарались дать читателямъ матеріалъ для сужденій о главныхъ задачахъ русской внѣшней политики по тотъ день, когда складываемъ наше перо. События, какъ волны въ потокѣ, то медленно чередуются, то захлестываютъ другъ-друга, и кто можетъ поручиться, что сказанное сегодня съ извѣстнымъ основаніемъ не утратитъ доли своей справедливости завтра? Во внѣшней политикѣ сужденія и оцѣнки всегда требуютъ оговорки: rebus sic stantibus. Мы всей душой желали бы одного: чтобы не завтра, а когда-нибудь вообще утратилъ бы основаніе главный упрекъ, который мы дѣлаемъ нашему правительству: отсутствіе общаго плана и согласованныхъ съ нимъ дѣйствій.

Кн. Григорій Трубецкой.

5 Декабря 1911 г.

